

ИСТОРИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ РОССИИ

Ассоциация "Российская политическая энциклопедия"
(РОССПЭН)

Российский независимый институт
социальных и национальных проблем (РНИСиНП)

Лаборатория "История политических партий России"
Государственной академии сферы быта и услуг (ГАСБУ)
International Research and Exchange Board-Irex (Айрекс)

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

**Материалы международной конференции
Москва. 21-22 мая 1996 г.**

**Москва
РОССПЭН
1997**

ББК 63.3(2)52
И 90

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96-01-14040

Редакционная коллегия:

А.И.Зевелев, доктор исторических наук, профессор;
В.В.Шелохаев, доктор исторических наук, профессор
(ответственные редакторы)
М.К.Горшков, доктор философских наук;
В.В.Журавлев, доктор исторических наук, профессор;
М.Смит, доктор философии (США);
Ю.П.Свириденко, доктор исторических наук, профессор;
А.К.Сорокин, кандидат исторических наук.

История национальных политических партий России.

И 90   Материалы международной конференции. — М.:
"Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН),
1997. — 408 с.

В книге впервые в историографии содержится комплексный анализ процессов генезиса национальных партий России, их идеологии, программы, организационной структуры, взаимоотношений с общероссийскими партиями в начале XX века.

The book presents the first complex analysis of the processes of genesis of national political parties in Russia, of their ideology, programs, organizational structure, mutual relations with all-Russia parties in the beginning of the XXth century.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-86004-094-6

© "Российская политическая
энциклопедия" (РОССПЭН),
1997.

Table of contents

Preface	5
Section I	
Reports	
<i>V. V. Shelokhaev.</i> A phenomenon of multi-party system in Russia	11
<i>A. I. Zevelev.</i> Theoretical-methodological aspects of the study of history of national political parties in Russia	23
<i>A. G. Zdravomyslov.</i> National self-consciousness and political dynamics in Russia	31
<i>R. Kaiser.</i> Political geography and nationalism in late Imperial Russia	65
<i>V. V. Zhuravlev.</i> A national question in the programs of all-Russia political parties of the beginning of the XXth century	83
<i>P. Luntinen.</i> Finnish political parties in the beginning of the XXth century	97
<i>M. M. Cherviakova.</i> On the contradictions of Bund	108
Section II	
Contributions	
<i>V. V. Krivenky.</i> New data of comparative-quantitative analysis of Russian political parties	123
<i>M. I. Smirnova.</i> National political parties of Russia of social-democratic orientation (the end of the XIXth — the beginning of the XXth century)	131
<i>S. G. Chmyr.</i> Ukrainian democratic-radical party: genesis, program, tactics (90s of the XIXth century — 1908)	146
<i>A. A. Tanin-Lvov.</i> USDRP: an organisational-ideological characteristic	154
<i>M. Smith.</i> A party "Musavat" and the formation of Azerbaijan social-democratic nationalism	164
<i>N. B. Kirakosian.</i> Creation and activity of party "Dashnaktsutun" (1890 — 1907)	169
<i>N. D. Postnikov.</i> The political parties of Baltic region	181
<i>M. B. Tulepbaev.</i> Alash	190
<i>A. R. Atajanov.</i> "Shuro-i-islamija": which it really was .	201
<i>N. S. Valikhanova.</i> "Jadidizm": origin and essence	206

<i>S.M.Iskhakov. The all-Russia Muslim party</i>	214
<i>N.P.Ivanov, S.I.Kornienko. The national aspect in the organizations of political parties and public movements in Ural region</i>	240
<i>Ja.V.Leontiev, M.N.Magid. The left-narodnik concept of the solution of a national question and its theorists</i> . . .	257
<i>L.Byzov, V.Petukhov. The role of national idea in the mobilization of contemporary Russian electorat</i>	265
<i>S.A.Enkov. The formation of a civil society in Russia: the legislative basis of multi-party system</i>	275

Section III

Discussion

<i>A.D.Stepansky. To the statement of the party orientation problem</i>	283
<i>O.V.Volobuev. To the question of national parties classification</i>	285
<i>S.V.Kuleshov. National parties and national interests (to the statement of a question)</i>	290
<i>A.I.Tokarev. Some aspects of the party struggle for power in February-October 1917</i>	300
<i>A.A.Tanin-Lvov. The Ukrainian Central Rada and February Revolution: the block of the national parties and Provisional Government</i>	314
<i>O.A.Iskhakova. Political parties and Duma</i>	330
<i>I.V.Narsky. Russian liberalism in European and national context (historiography paradox)</i>	335
<i>V.U.Karnishin. A regional multi-party system in Povolg'e against a background of the social-political transformation of Russian society in the beginning of the XXth century</i>	356
<i>A.A.Fedorenko. The mutual relations of a socialist-revolutionary party with Russian national parties</i>	375
<i>V.A.Kozbanenko. The party groups in the I and II State dumas of Russia (1906 — 1907): organisational-legal aspect</i>	382

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подобного рода международная конференция в отечественной и зарубежной историографии проводилась впервые. Ее актуальность обусловлена, с одной стороны, во многом сходными общественно-политическими процессами, проходящими в России в начале и конце XX в., а с другой — научной значимостью данной проблематики, имеющей важное значение в полинациональных государствах, обретших независимость и пытающихся найти оптимальную форму государственного устройства, соответствующую реалиям и вызову времени.

Представленные на конференции доклады и сообщения должны помочь теоретикам и практикам в их поисках определения сущности и приоритетов национального самосознания, выявления природы многопартийности в России, соотношения общероссийских и национальных партий, определении путей решения национального вопроса в полиэтнической стране. От решения этих и других вопросов зависит дальнейшая перспектива глубинных демократических преобразований в России, формирование гражданского общества и правового государства, обеспечение гарантированных прав личности вне зависимости от ее национальности и конфессиональной принадлежности.

Не случайно, что история национальных политических партий привлекла внимание ученых России, стран СНГ и зарубежных исследователей, согласившихся принять участие в конференции, ибо только совместными усилиями можно успешно решить (или подойти к решению) такой сложной и многогранной проблемы. Несмотря на то, что Россия конца XX в. принципиально по многим параметрам отличается от России начала XX в., тем не менее она продолжает оставаться полиэтнической и поликонфессиональной страной, где проблемы национальной самоидентификации, выбора форм государственного устройства продолжают волновать умы граждан. Формирование национальных партий в субъектах Российской Федерации (а некоторые из них как бы возрождаются заново) с особой остротой ставит сложные научные и практические проблемы, без осмысления которых невозможно продвижение России вперед по демократическому пути.

Материалы конференции отражают переходный характер состояния современной отечественной историографии, которая, отказавшись от марксистско-ленинской методологии, еще находится в поиске новых подходов к научной разработке весьма сложной и противоречивой проблемы, каковой является история национальных партий России. Такой переходный период объективно неизбежен, ибо смена идеологических парадигм представляет собой диалектический процесс. Одним из важнейших итогов конференции как раз и является осознание ее участниками объективно назревшей необходимости смены теоретико-методологических парадигм, их стремление по-новому оценить совокупность процессов, имевших место в сложносоставной палитре российской многопартийности.

В докладах и сообщениях, а также в ходе дискуссии четко прослеживается мысль о необходимости более определенной характеристики понятия «политическая партия» с учетом конкретной российской действительности. Прозвучала также мысль о необходимости различения понятий: «партия», «группа», «течение», «направление», которые в последнее время нередко используются как синонимы, хотя принципиально разнятся по своему смысловому объему, структуре и приоритетам. Подчеркивалась важность типологизации национальных партий с учетом всей совокупности основных их признаков. При этом была высказана плодотворная идея о необходимости создания специальной «партийной карты», позволяющей визуально представить географию размещения политических партий различных типов в их связи и в соотношении с уровнем экономического развития того или иного региона, социальным, национальным и конфессиональным составом населения, а также традициями, культурой и бытом.

Большое внимание на конференции было уделено таким вопросам, как этнос и национальная партия; место и роль в программах национального вопроса, его соотносительности с общедемократическими, экономическими, социальными и культурными проблемами. Поставлен вопрос о необходимости специальной разработки темы: национальные партии и национальные интересы России. Много внимания было уделено анализу динамики численности и состава национальных партий, их взаимоотношениям друг с другом и общероссийскими партиями на различных этапах общероссийского политического процесса начала XX в.

Вместе с тем в ходе дискуссии было выявлено достаточно много «белых пятен» и малоисследованных проблем, которые требуют серьезной теоретической проработки и конкретного исторического изучения. При этом речь шла не только об уточнении понятийного аппарата, в частности, понятия «национальная партия», но и о специальной разработке категориального аппарата для описания российской многопартийности, имеющей, как известно, значительные специфические особенности. Это обусловлено также и тем обстоятельством, что национально-освободительное движение в том или ином национальном регионе России представляло собой сложносоставное явление, в котором в достаточно широком диапазоне были представлены, как собственно «национальные партии», так и группы, течения и направления, придерживающиеся различной идейно-политической ориентации и находящиеся, как в состоянии взаимодействия друг с другом, так и в состоянии взаимной конфронтации и достаточно жесткой политической борьбы.

Одной из малоисследованных проблем является формирование идеологии национальных партий, в которой нередко в достаточно причудливом контексте переплетались новейшие рационалистические идеи об общественном прогрессе с архетипами мифического сознания, уходящего своими корнями в глубинные пласты человеческой психики, в традиции, культуру и быт данного этноса или этнической группы. Подобного рода амальгама находила свое отражение не столько в самих программах национальных партий, сколько в массовых средствах пропаганды и агитации, обращенных именно к мифологическим формам массового сознания. Для изучения данных аспектов проблемы важно выявить роль национальных политических элит в разработке идеологии, программ, стратегии и тактики той или иной партии, а также их ориентации на общероссийские или зарубежные политические элиты.

Нуждается в дальнейшем осмыслении проблема типологии национальных партий и движений, их организационная структура, динамика численности и состава, взаимодействие и конфронтация (на разных уровнях) с общероссийскими партиями различной ориентации. Еще только первые шаги сделаны в разработке проблемы взаимоотношений национальных партий с электоратом, об их участии в избирательных кампаниях в Государственную

думу, создание в ней соответствующих фракций и их взаимодействие с другими думскими фракциями.

Из числа вопросов конкретно исторического характера, нуждающихся в дальнейшем изучении, обращалось внимание на необходимость анализа отношений национальных партий к первой мировой войне, ставшей одним из переломных моментов в эволюции стратегического и тактического курса большинства национальных партий, к Февральской и Октябрьской революциям 1917 г., к политическому курсу Временного и большевистского правительств. Одним из наименее изученных периодов истории национальных партий является период гражданской войны, когда впервые в ряде регионов бывшей Российской империи были созданы независимые государства.

Вполне естественно, не все участники конференции были единодушны в подходах и оценках данной сложной и еще малоизученной проблемы. Однако расхождение во мнениях, проявившееся в ходе дискуссии, является одним из неперенных условий в поступательном развитии исторической науки. Представляется, что материалы конференции должны стимулировать разработку истории национальных партий России, а это в свою очередь позволит обогатить в целом палитру российской многопартийности начала XX в.

Конференция проходила в здании Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) 21-22 мая 1996 г. В Оргкомитете конференции работали: Генеральный директор РНИСиНП, доктор философских наук М.К.Горшков; доктор исторических наук, профессор В.В.Журавлев; доктор исторических наук, профессор А.И.Зевелев; доктор исторических наук, профессор Ю.П.Свириденко; доктор философии М.Смит (США); кандидат исторических наук А.К.Сорокин; доктор исторических наук, профессор В.В.Шелохаев.

В сборнике публикуются тексты всех докладов и сообщений, а также выступления участвующих в дискуссии. Доклады доктора философии Р.Кайзера (США) и доктора П.Лунтинена (Финляндия) публикуются на английском языке. Научно-справочный аппарат статей зарубежных коллег не корректировался.

Редколлегия сборника и Оргкомитет конференции выражают свою признательность за поддержку и помощь Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) и Американскому фонду «International Research and Exchange Board-Irex» (Айрекс) .

Раздел первый

ДОКЛАДЫ

В.В.Шелохаев
д.и.н., проф.
(Москва)

ФЕНОМЕН МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РОССИИ

Политические партии в России возникли примерно на полстолетия позже, чем в Западной Европе и США. Асинхронность этого процесса отражает различный стадийный уровень всей системы общественных отношений в России и западноевропейских странах. Одновременно она подтверждает тезис, выдвинутый в свое время представителями нового направления в исторической науке, о том, что и в политической сфере Россия представляла собой «второй эшелон» развития капитализма. Иным был здесь и порядок возникновения партий по их идейно-политической и социальной стратификации: вначале оформились партии социалистической ориентации, затем либеральной и, наконец, — традиционалистской. Такой порядок был обусловлен особенностями исторического развития России.

Политические партии в России начали формироваться не в центре империи, а на ее периферии, то есть по периметру западных границ, прежде всего в Польше, Финляндии, затем в Прибалтике и Закавказье, а также в губерниях с чертой еврейской оседлости. Замедленный темп образования политических партий был характерен для Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока.

Согласно подсчетам исследователя В.В.Кривенького, на всем протяжении существования многопартийности в России возникло и действовало около 280 партий, которые можно условно подразделить на общероссийские, региональные и национальные. Общероссийские партии (60) можно подразделить на три смысловых блока: традиционалистские, либеральные и социалистические. Такое же деление характерно и для партий регионального типа, действовавших как в великорусских губерниях, так и в регионах со смешанным составом населения. Что же касается национальных партий (220), созданных представителями инорусского населения в национальных регионах России, то подавляющее их большинство составляли ли-

беральные и социалистические партии, определенная часть которых была инкорпорирована на автономных или даже федеративных началах в структуры соответствующих общероссийских партий.

Внутри каждого большого блока можно было провести свою классификацию. Так, среди партий традиционалистского толка были такие, которые придерживались не только охранительных, но и прямо реставраторских позиций. Вместе с тем среди них были и партии, которые выступали за проведение умеренных реформ в духе Манифеста 17 октября 1905 г. Свои консерваторы и радикалы были и среди партий либерального толка. В блок социалистических партий входили и неонародники, и социал-демократы, и анархисты, и национальные организации. Все это вместе взятое говорит об одном: в России (как и других странах) не было и не могло быть чисто классовых партий. Более того, здесь социальная стратификация партий еще была выражена гораздо слабее, чем это имело место в европейских странах и США.

Характерная черта российской многопартийности состояла в том, что ее творцом являлась интеллигенция, причем в либеральных и особенно социалистических партиях она была сильно представлена инорусскими элементами. Как и общероссийские, региональные и национальные партии можно считать организациями интеллигентского типа. Опираясь абстрактными понятиями, создавая глобальные идеологические модели преобразования всей системы общественных отношений, интеллигенция создавала партии именно под эти модели. По существу, они являлись своего рода организационной функцией идеологии, находились в жесткой зависимости от последней. Та или иная идеологическая схема (в большей или меньшей степени) оказывала самое прямое и непосредственное влияние на программу партии, ее организационную структуру, стратегию и тактику.

Переходное состояние России от традиционализма к модернизации обусловило появление самых разных идеологических моделей (по объему, смыслу, направленности) общественного развития страны. Разнообразие и разновекторность этих моделей (во много раз превосходивших реально существующие альтернативы общественного развития страны) в значительной степени предопределили и многопартийность в России. Генераторами создания этих

моделей являлись интеллигенты-теоретики, оторванные от конкретной российской действительности, определенная часть которых уже десятилетиями жила за пределами России. Принципиальные расхождения между ними (на уровне идеологии компромисс вообще затруднен, если не невозможен) вели к обострению как межпартийной, так и внутрипартийной борьбы.

В России в начале XX в. не только продолжалась, но и достигла предельного обострения традиционная борьба вокруг выбора пути национального развития. Она объективно отражала тот капитальный важности факт, что Россия такого выбора еще не сделала, что предвещало схватку между различными политическими партиями. Теоретики-интеллигенты как раз и пытались использовать дополнительный мощный организационный рычаг в лице политических партий для решения этого векового спора. Перенесение идеологической борьбы в сферу политики и партийную среду еще более усугубляло ситуацию, вело к усилению конфронтации и политической дестабилизации российского общества.

Принципиальные расхождения между партиями ярко прослеживаются на доктринальном уровне. По существу, в начале XX в. между различными течениями российской интеллигенции продолжался довольно жесткий спор о приложимости к России зарубежных моделей общественного развития. Идеологи традиционализма были убеждены в том, что Россия самодостаточна и должна развиваться по собственному национальному пути (следует различать понятия собственного и особого пути), что следует отказаться от искусственного втягивания ее в общеевропейский цивилизационный процесс. При этом традиционалисты не были принципиальными противниками использования достижений мировой науки и технологии, подчеркивали необходимость внедрения их в российскую экономику. Но они были принципиальными противниками перенесения (трансплантации) на русскую почву западноевропейского политического опыта, либеральных и социалистических, доктринальных ценностей и парламентских структур. Традиционалисты не отрицали и необходимости некоторого обновления авторитарного режима, приведения его в соответствие с историческими традициями и менталитетом русской нации. По их мнению, прежде всего следует срезать бюрократический нарост, все больше разделяющий историческую власть с народом, расчистив таким образом путь к единению между монархом и массами.

Не устраивала идеологов традиционализма и та форма капитализма, которая стала реализовываться после реформы 1861 г., особенно в период виттевской индустриализации. Поощряя крупные формы промышленного производства, чиновники-бюрократы игнорировали развитие средних, мелкой и особенно кустарной промышленности, наиболее ярко отражавшей специфику национального народного хозяйства. С этих позиций они вели борьбу против монополий, которые, в их представлении, могли привести к деформации экономики страны. В принципе не отрицая частной собственности, в том числе и на землю, традиционалисты подчеркивали, что при определении стратегического экономического курса страны следует прежде всего иметь в виду ее аграрно-крестьянский характер, мобилизовать ресурсы казны на развитие разнообразных форм сельскохозяйственного производства, учитывая при этом его региональную специфику, традиции, быт, культуру и нравы местного населения. Традиционалистов не устраивало насильственное вмешательство чиновников-бюрократов в сферу крестьянской общины и крестьянского мира, которое усилилось в ходе реализации столыпинских аграрных преобразований.

Идеологи традиционализма стремились во что бы то ни стало сохранить унитарное государственное устройство Российской империи, выступали решительными противниками любых попыток (откуда бы они ни исходили) развалить единство тысячелетнего государства, неизменно подчеркивали первенствующую роль русской народности, государственного русского языка. В теории и на практике традиционалисты вели беспощадную борьбу против либералов с их лозунгом культурно-национальной автономии и против социалистов с их лозунгами автономизма, федерализма и тем более предоставления народам права национального самоопределения, вплоть до полного отделения от России. Подобного рода призывы расценивались традиционалистами как прямое предательство национальных интересов России. По их мнению, стремление либералов и социалистов поколебать унитарное государственное устройство России противоречило также ментальности русского народа. Опираясь на свою концепцию о собственном национальном пути исторического развития России, традиционалисты предлагали свой вариант ее внешнеполитического курса. По их мнению, Россия должна опираться на родственные ей монархические режимы, а не на страны

буржуазной демократии, проводить активную внешнюю политику в интересах укрепления своего геополитического могущества.

Либеральная модель общественного переустройства России базировалась на принципиально иных теоретических посылах. Либеральные теоретики (особенно новой генерации) весьма скептически (а точнее, критически) относились к особому, а тем более самобытному, пути развития России. Акцентируя внимание на идентичности путей общественного развития Западной Европы и России, единстве исторического процесса, они считали, что речь должна вестись не о каком-то особом, и тем более самобытном пути развития, а всего лишь о стадийном, обусловленном отставанием России от передовых западноевропейских стран. По существу, речь шла о поисках оптимального варианта, позволявшего преодолеть это отставание. Будучи эволюционистами, либералы выступали категорическими противниками социального переворота, социальных революций, считая их аномальными явлениями в развитии общества. Вместе с тем они (прежде всего кадетские теоретики) не были принципиальными противниками революций политического характера. По их мнению, политические изменения всегда должны предшествовать социальным, создавать благоприятные условия для развития последних. С этой точки зрения, политическая революция должна была предотвратить революцию социальную, выступить в роли стимулятора общественного прогресса.

Либеральные теоретики выступали за проведение системных реформ, затрагивающих все без исключения сферы общественной жизни. На первый план выдвигалась задача модернизации авторитарного режима, замены его конституционно-парламентарным строем. Причем замена эта мыслилась двояким образом: либо существующая власть, осознав необходимость перемен, сама добровольно, «сверху», проводит радикальную политическую реформу, либо, в случае нежелания власти пойти на уступки времени, эти изменения осуществляются путем политической революции «снизу». Либеральные теоретики считали предпочтительным первый путь, который позволял сохранить преемственность власти, как бы подчеркивал закономерность смены ее формы эволюционным путем. В этом случае сохранялся принцип монархизма, и

монарх играл важную роль в политической системе, базирующейся на идее разделения властей. Если же изменения грозили пойти путем политической революции, то вопрос о сохранении монархии становился проблематичным, его решение зависело от Учредительного собрания.

До победы Февральской революции 1917 г. либеральные теоретики отстаивали две модели конституционно-монархического государственного устройства. Либералы-консерваторы (октябристы) считали, что для России более приемлема австро-германская модель — конституционная монархия. Либералы-радикалы (кадеты) придерживались модели английского типа — конституционно-парламентарной монархии. Представляется, что кадетская модель государственного устройства более последовательно проводила принцип разделения властей. Важно также подчеркнуть, что принцип монархизма, отстаиваемый русскими либеральными теоретиками, не был неизменным и зависел от конкретной ситуации, соотношения политических сил на том или ином историческом отрезке. Достаточно сказать, что после Февральской революции либералы, в том числе и умеренные, отказались от принципа монархизма, высказались за республиканскую форму государственного устройства.

Но если форма государственного устройства, по мнению русских либеральных теоретиков, могла подлежать видоизменению, то Россия должна была остаться унитарным государством. Подчеркивая неизменность принципа унитарности, русские либералы различных течений и направлений по-разному намечали пути решения национального вопроса. Сходясь в том, что для его решения достаточно предоставить гражданам, без каких-либо национальных различий, всю совокупность гражданских и политических прав, октябристы, прогрессисты и кадеты различно понимали необходимость проведения реформ в национальных регионах. Октябристы и прогрессисты допускали некоторые элементы автономного устройства для Финляндии, а во время первой мировой войны и для Польши. В свою очередь, кадеты шли значительно дальше. По их мнению, после освобождения страны от авторитарного режима автономия в составе России должны были получить Польша, Финляндия. Что же касается решения национального вопроса в самой России, то кадеты выступали за постепенность его решения. Вначале всем

народностям предоставлялось право широкой культурно-национальной автономии, а в перспективе права национальностей подлежали дальнейшему расширению. В принципе, кадеты не были против и национально-территориальной автономии, которая, однако, ничего общего не имела ни с федерализмом, ни тем более с предоставлением права политического самоопределения, вплоть до отделения.

Иной позиции в решении национального вопроса придерживались идеологи либеральных национальных партий. При значительной амплитуде колебаний в постановке и решении ими национального вопроса (культурно-национальная автономия, экстерриториальная автономия, национально-территориальная автономия, федерация) можно выделить два основных направления: автономисты и федералисты. Выступая против сохранения унитарного российского государства, представители этих направлений по существу предлагали два варианта национально-государственного устройства. Либералы-автономисты считали возможным и вполне допустимым предоставление различным народностям самой широкой национально-территориальной автономии в рамках будущей единой демократической России. В свою очередь, либералы-федералисты настаивали на политическом самоопределении и создании самостоятельных независимых национальных государств, которые, в принципе, в перспективе могли создать федеративное государство, состоящее из равноправных демократических республик, в пределах которых обеспечивались права национальных меньшинств.

Последовательно проводя принцип разделения властей, либералы выступали за сильную законодательную, исполнительную и судебные власти. Баланс властей, зафиксированный в Конституции, обеспечивал, по их мнению, политическую стабильность в стране, создавал условия и предпосылки для гармоничного развития всех сфер общественной жизни. Либеральные теоретики разработали систему мер, направленных на создание фундамента гражданского общества и правового государства. В их основе лежали реформы, обеспечивающие права личности.

Выступая против насильственных социальных переворотов, либералы разработали систему реформ, направленных на комплексное и сбалансированное развитие экономики страны, оптимальное решение аграрно-крестьянского и национального вопросов, проведение социальных пре-

образований, способствующих подъему материального уровня населения, повышению образовательного уровня, культуры и науки.

Либеральная модель общественного переустройства России имела под собой объективную материальную основу. В пореформенный период в стране шло интенсивное развитие капиталистических отношений, хотя и медленно, но возникали и формировались элементы гражданского общества и правового государства. Основная цель либералов как раз и заключалась в том, что следует дать простор для становления и дальнейшего развития этих естественных ростков. Однако их намерения наталкивались на противодействие со стороны существующего авторитарного режима, понимавшего, что реализация либеральных реформ с логической неизбежностью приведет к коренным изменениям в политической надстройке, к созданию принципиально иной политической системы. Блокирование либеральных реформ на политическом уровне объективно вело к дестабилизации обстановки в стране, расчищало путь для распространения в обществе более радикальных вариантов выхода из политического тупика, включая и насильственные формы свержения существующего режима. После Февральской революции политическая ситуация в стране коренным образом изменилась, но от этого она не стала стабильной, что, в свою очередь, затрудняло проведение реформ Временным правительством. В условиях нестабильности проведение реформ, как правило, дает обратный эффект: они не только не нормализуют, но еще больше обостряют политическую ситуацию.

Радикальные модели преобразования России были выдвинуты политическими партиями социалистической ориентации. Их исходной посылкой являлось не эволюционное, а именно революционное общественное переустройство. Приверженность в теории и на практике насильственным (включая массовый и индивидуальный террор) способам общественного преобразования являлась объективной основой для сближения и взаимодействия общероссийских и национальных партий и движений социалистической ориентации. Однако на практике в России этого не произошло. Расхождения на концептуальном уровне оказались настолько глубокими и непреодолимыми, что партии социалистической ориентации в той или иной степени могли взаимодействовать (и взаимодействовали) только на этапе выполнения общей отрицательной задачи

— свержения самодержавия. После ее реализации с особой силой проявились глубинные теоретические расхождения, приведшие в конечном счете к установлению диктатуры одной партии — большевиков.

Парадокс истории состоял в следующем: чем больше теоретики социализма осознавали, что сам по себе этот общественный строй является «музыкой далекого будущего», тем ожесточеннее велась борьба между и внутри партий и движений социалистической ориентации. В конкретных условиях России любые модели социалистического переустройства не имели реальных материальных предпосылок для их реализации. Разумеется, такие теоретические модели имели право на существование, но прежде всего именно как теоретические модели. Отсутствие реальной основы для реализации этих моделей не могли не ощущать (и ощущали) их носители. Одни из них стремились обнаружить такие предпосылки в традиционных структурах (крестьянская община), менталитете массового сознания (коллективизм, соборность) и использовать их для социалистического переустройства. Другие теоретики (прежде всего социал-демократы) социалистические преобразования в России мыслили в контексте мировой революции, которая должна была способствовать компенсации недостающих материальных предпосылок в аграрно-крестьянской стране. Характерно, что социалисты считали принципиально важным прежде всего захватить политическую власть, а затем максимально использовать ее для реализации собственных теоретических моделей. Именно поэтому центр тяжести теоретической, а затем и практической деятельности партий и движений социалистической ориентации сводился к насильственному свержению существующего режима, прорыву преемственности власти и созданию принципиально иной модели государственного устройства. Партии и движения социалистической ориентации выступали за республиканскую форму государственного правления. Отвергая унитаризм, теоретики социалистических партий являлись сторонниками федеративного устройства государства, считали возможным предоставить нациям и народностям право на самоопределение, вплоть до политического отделения, что, естественно, привело бы к распаду тысячелетнего Российского государства.

Коренной ломке подлежала и вся старая экономическая и финансово-кредитная система России. По существу, речь шла о ликвидации (сразу или же поэтапно) частной собственности на средства производства и создании коллективи-

стских форм хозяйствования. Социалистические модели общественного переустройства России коренным образом расходились с традиционалистскими и либеральными моделями. Если между последними еще можно найти точки соприкосновения (а отсюда и возможность совместного действия), то между ними и социалистическими моделями лежала непреодолимая пропасть.

Теоретические модели общественного переустройства России были положены в основу программ политических партий, в которых намечались более или менее конкретные этапы преобразований, выдвигались конкретные требования. Формулировки программных требований носили доступный, понятный характер для массового восприятия. По существу, программы политических партий являлись стимулятором политической борьбы в России.

Теоретические модели общественного переустройства России оказали большое влияние и на формирование организационных структур различных политических партий. Так, традиционалистские модели в значительной мере способствовали тому, что весь спектр праворадикальных монархических партий функционировал легально и даже получал определенную, в том числе и финансовую, поддержку со стороны авторитарного режима и его структур. Легально действовали и некоторые либеральные партии, например, октябристы. Однако подавляющее большинство политических партий в России, в том числе и национальные, на всем протяжении своего существования были нелегальными, что, в свою очередь, накладывало отпечаток на их организационную структуру, состав и численность. Нелегальное существование партий являлось одним из дополнительных стимуляторов межпартийной и внутрипартийной борьбы.

Несмотря на значительное число политических партий в России, общее количество их членов было невелико. В 1906-1907 гг. оно составляло примерно 0,5%, а после победы Февральской революции возросло примерно до 1,2-1,5% от общей численности населения страны. Между первой и второй революциями прослеживается тенденция сокращения как общего числа партий, так и общего количества их членов. Существенные изменения претерпела и организационная структура многих партий. Значительно сократилось число их местных организаций, были нарушены (или же вовсе прекращены) коммуникативные связи между центральными органами и местными комитетами. Социалистические партии вообще вынуждены были перене-

сти свои руководящие органы в эмиграцию или же создать систему параллельных органов руководства местными организациями. В значительной степени были разбалансированы связи между руководящими партийными органами и думскими фракциями.

После Февральской революции наблюдалось повсеместное восстановление и возрождение периферийных партийных организаций. Особенно интенсивно шел процесс партийного строительства в национальных регионах, которые по числу партий и организаций намного обогнали общероссийские. Обострение национального вопроса в России после Февральской революции привело к центробежным тенденциям, к усилению конфронтации между общероссийскими и национальными партиями. Вместе с тем и между, и внутри национальных партий произошла довольно резкая дифференциация, выразившаяся в усилении двух диаметрально противоположных тенденций: национал-сепаратизма и интернационализма. Промежуточные же элементы между двумя этими полюсами оказались малочисленными и организационно аморфными.

После Февральской революции практически все партии (за исключением праворадикальных монархических) стали легальными. Ряд партий вынужден был сменить свои названия, они превратились в противников свергнутого монархического строя, объявили себя республиканскими.

За 12 лет существования многопартийности в России изменения претерпели взаимоотношения партий с массами. Одни из них (традиционалисты) теряли свою социальную опору, наблюдался неуклонный отход от них масс. Другие же (социалистические партии) расширяли свою социальную опору, укрепляли связи в массовом движении. Основной причиной изменения партийной ориентации масс была неспособность власти решить коренные социально-экономические и политические вопросы. По мере обострения системного кризиса и, как его следствия, ослабления центральной и местной власти усилились деструктивные процессы. Ситуация осложнялась и тем обстоятельством, что после Февральской революции в стране сложилось многовластие, в результате которого произошло падение авторитета власти как таковой. В стране наряду с деструктивными процессами в области экономики по нарастающей развивались анархические и экстремистские тенденции, в круговорот которых вовлекались

все большие массы населения. Постепенно образовался вакуум власти, чем не замедлили воспользоваться наиболее организованные партии, прежде всего большевики, открыто заявившие о готовности взять на себя ответственность за дальнейшие судьбы страны.

Октябрьский переворот 1917 г. привел к коренным изменениям во всем спектре российской многопартийности. Мягкие конституционные формы преследования правомонархических партий, предпринимаемые Временным правительством, были заменены жесткими диктаторскими методами запрещения и физического уничтожения их лидеров. 28 ноября 1917 г. декретом СНК вне закона была объявлена партия кадетов, а ее лидеры подлежали аресту, была закрыта либеральная печать. В 1918 г. наступил черед бывших союзников по социалистической ориентации. При этом тенденция к монополизации власти нарастала как снежный ком и в 20-е годы большевики установили полную монополию на власть. Многопартийность более чем на 70 лет исчезает с российского политического горизонта.

Причины краха многопартийности в России логически связаны и вытекают из особенностей исторического развития страны, отсутствия среднего класса, глубоких демократических традиций, сложившейся системы правовых институтов, гражданских и политических прав личности, неосознанности роли и значения частной собственности и т.п. В силу этих и многих других факторов многопартийность в России не имела прочной социальной базы, образно говоря, «висела в воздухе», не стала понятным и принятым массовым сознанием фактором политической жизни. Все это крайне важно осознавать и учитывать в наши дни, когда в России вновь возникла многопартийность. При этом количество современных партий и движений многократно превысило их число в начале XX в. Однако, это свидетельствует о лишь начавшемся процессе складывания многопартийности, который еще далек от оформления многопартийной системы, характерной для современных правовых государств. Путь перехода российской многопартийности в многопартийную систему чрезвычайно сложен и труден. Чтобы избежать повторения трагедии недалекого прошлого, необходимо создать предварительные предпосылки и условия, позволяющие многопартийности материализоваться, стать необходимым звеном правовой и политической системы.

А.И.Зевелев
д.и.н., проф.
(Москва)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

(Тезисы)

В исследовании истории политических партий России начала XX в. за последнее время достигнуты известные качественные сдвиги. Об этом, в частности, свидетельствует выход в свет обобщающего труда — учебника «История политических партий России» (М., 1994 г.), а также первого в отечественной и зарубежной историографии академического сборника документов «Программы политических партий России. Конец XIX — XX вв.» (М., 1995 г.), содержащего более 50 программ основных общероссийских и национальных партий различной ориентации. Этим публикациям предшествовали труды по истории возникновения и деятельности отдельных партий — меньшевиков, левых эсеров и других, а также историографические обзоры по группам партий, не говоря уже о фантастически большом в недалеком прошлом массиве книг, статей, учебников, однотомных и многотомных, посвященных истории РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. В докладе нет надобности давать историографическую оценку данной научной и апологетической продукции, отметим лишь, что эта работа частично проделана в учебнике и других сочинениях.

Характер, качество и уровень дальнейшего изучения истории политических партий России в целом и истории национальных политических партий во многом зависит от решения ряда важных теоретико-методологических проблем. Укажу прежде всего на то, что без специального комплексного изучения всех действовавших на политической арене России партий, их социальной природы, программ, идеологии, стратегии и тактики нельзя не только понять и осмыслить многогранность истории России, но и такие ее аспекты, как выбор путей развития и исторических альтернатив.

Что же касается истории самих партий, то здесь на первый план выдвигаются вопросы возможностей компромисса между ними, прежде всего между так называемыми «советскими партиями» — большевиками и меньшевиками и схожими организациями на окраинах России. Следовательно, изучение истории политических партий с методологических позиций также должно оказать огромное влияние на переосмысление истории России XX в., ее прошлого и настоящего.

Необходимость верной политической оценки начального процесса формирования многопартийности в России и других республиках бывшего СССР, ныне объединенных аббревиатурой СНГ, также связана с темой доклада. Однако не только конъюнктурными соображениями определяется необходимость изучения истории политических партий, в том числе и национальных. Со всей ответственностью встает задача утверждения, именно утверждения, научной методологии и методов изучения политических партий. В связи с этим отмечу лишь два момента.

Требуется преодоление все еще, к сожалению, дающей свои рецидивы «краткокурсовой методологии» при изучении истории партий, когда их генезис и деятельность подчинялись постулатам истории КПСС, противостоящие КПСС политические партии характеризовались как неоправдавшие свои исторические миссии и все они зачислялись в разряд «реакционных». Наконец, историю национальных политических партий невозможно изучать без понимания теоретических основ национального вопроса, игравшего огромную роль в истории России.

В докладе я останавлиюсь далеко не на всех вопросах темы, а лишь на тех, которые приобрели в современных условиях актуальное значение: сущность многопартийности; применение общеметодологических принципов историзма и объективности при изучении национальных партий; классификация партий; некоторые наиболее важные, с моей точки зрения, задачи дальнейшего изучения темы.

I

Многопартийность — это, конечно, не определенное количество партий, не даже их сложение в общую сумму, *а система партий, опирающихся на сформировавшийся электорат*. Но и такое определение недостаточно, ибо партия, будучи частью общества, тогда только становится

партий, когда она начинает и продолжает свою работу в массах, ведет за собой хотя бы часть этой массы.

В понятие «система партий» включается борьба между партиями не только за отвоевывание и расширение электората, но и за принципы и методы достижения своих целей и задач, своей программы.

Многопартийность обнимает и такую проблему, как вхождение партий во власть. Вопрос о власти не только главный вопрос революции, но и главный в жизни партий. В свою очередь борьба за власть — это борьба за передел собственности. Скажем также, что суть многопартийности не понять без решения вопроса о взаимодействии власти и оппозиции. В книге «Власть и оппозиция» (М., 1995) верно сказано, что одновременное «функционирование, взаимосвязь власти и оппозиции» создают ту атмосферу «единства противоположностей», которую принято характеризовать как «нормальный политический процесс».

Система партий различной ориентации сформировалась в России в ходе первой российской революции. И это не было случайным. Революция была «локомотивом истории», поэтому возникновение партий в ходе ее — это важнейшая закономерность самой революции и закономерность возникновения партий в России. И еще об одном важном факторе, связанном с пониманием многопартийности, — экономико-политическом: Россия являлась в начале XX в. страной «второго эшелона» или «второй модели» развития капитализма. Типичными ее чертами были затягивание промышленного переворота и процесса урбанизации, замедление поступательного движения как многонациональной державы. Что же касается национальных окраин, то здесь наблюдалась незавершенность классовой дифференциации. Эти обстоятельства крайне важны для понимания истории формирования национальных политических партий.

Если будем считать, что система партий создается в ходе первой российской революции, то это не означает, что до ее начала в России не было партий. Длительное время, вопреки историческим факторам, в историографии господствовало мнение, что первой партией в России была большевистская партия. На самом же деле до большевистской партии, возникшей в 1903 г., в национальных регионах — в Финляндии, Польше, Литве, а также на Украине и в Белоруссии, — действовали политические партии и движения. В связи с этим предстоит переосмыслить

вопрос о времени возникновения многопартийности в России. Ставлю на обсуждение и расхожий тезис, гласящий, что в России политические партии сложились как ответ на освободительное движение рабочего класса в революции 1905-1907 гг. Думаю, что на конференции найдет место известная разработка этой проблемы.

Вернусь к вопросу о причинах первоначального возникновения политических партий в национальных регионах России. Приведу следующие соображения: здесь существовал двойной гнет — социальный и национальный; здесь было место для проживания ссыльных революционеров, начиная еще с народников; отсталые в экономическом отношении народы быстрее поддаются влиянию вождей, организаторов; здесь в партии подчас входили целыми кланами; здесь было сильно влияние не только России, но и сопредельных государств с их, в частности, идеями пантюркизма и другими националистическими взглядами.

Приведу и следующую констатацию: в отличие от общероссийских партий национальные партии выражали в большинстве случаев интересы мононации. И, наконец, на национальных окраинах наблюдалось формирование партий и религиозного плана.

II

Большой теоретико-методологический вопрос — *классификация партий*. Эта проблема затронута в книге «История политических партий России» и в сборнике «Программы политических партий России». Отмечу лишь некоторые аспекты. Авторы «Истории политических партий России» отказались от единственного критерия классификации — классового, который был, как известно, решающим для В.И.Ленина. Показано, что большое значение имели и следующие критерии: нравственно-этический, религиозный, географический, а также и, конечно, национальный. В классификации учитывались политическая сущность партий, их цели и задачи. При этом подчеркнуто, что один из обозначенных принципов при конкретном анализе может выступать на передний план, а другие — играть вспомогательную роль.

В современной историографии утверждается, что Ленин разделил все политические партии на четыре группы: пролетарские, мелкобуржуазные, буржуазные, помещичье-монархические. Иногда к этому добавлялось, что он членил буржуазные партии на либерально-буржуазные

и реакционно-буржуазные. В учебнике показано, что анализ ленинских текстов выявляет, что такого жесткого деления он не давал. Оно было характерно для фразеологии «Краткого курса истории ВКП(б)». Несколько иную классификацию дал Ю.О.Мартов. Он писал о реакционно-консервативных, либерально-демократических и революционных партиях.

В «Программах политических партий» принята такая классификация: партии социалистической ориентации (в свою очередь поделенные на социал-демократические и народнические), либералы и консерваторы, монархисты. Эта классификация относится и к национальным политическим партиям. Очевидно, что критерием такой классификации являются названия партий и их политическая «физиономия». Но такие критерии, нам кажется, недостаточны, особенно для национальных партий.

Если нет больших возражений по разделу «партии социалистической ориентации», хотя и здесь вряд ли можно отнести к такой ориентации партии «Мусават», «Уш-Жуз» и другие, то с большой натяжкой можно объединить либералов и консерваторов и совместить здесь Литовскую демократическую партию и Торгово-промышленную партию. При классификации национальных партий, кроме общих критериев, следует иметь в виду два дополнительных критерия: стратегию и тактику партий по национальному вопросу и их отношение к религии.

Исходя из всего этого предлагаю на обсуждение такую классификацию:

1. Партии и движения социалистической и демократической ориентации.
2. Партии и движения либерально-просветительного плана.
3. Националистические, религиозные и консервативные партии.

III

Научная объективность в изучении темы предполагает рассмотрение национальных политических партий не только как политическую историю, а в контексте истории государственности, права, и, конечно, экономического базиса; исключение личных пристрастий и привязанностей к отдельным партиям и особенно к их вождям; раскрытие подлинной роли партий в истории России. Объективность требует преодоления классового субъективизма, характер-

ного для советской историографии. Конкретный анализ общего и особенного в истории национальных партий также не в последнюю очередь связан с достижением объективности. Применение принципа объективности играет решающую роль в выявлении закономерностей возникновения, деятельности и ухода с политической арены каждой из национальных партий, не упуская при этом из виду, что эта цель подменялась ранее «актуальностью темы» и вытекающими отсюда негативными последствиями.

Историзм даст возможность рассмотреть историю национальных партий в их генезисе и развитии, что должно способствовать показу истории партий во всеобщности и многомерности и в их тесном сцеплении. Исторический подход к истории партий обуславливает адекватный их анализ конкретно-историческим условиям России.

Историзм позволяет исследовать не только главные и решающие моменты в истории национальных партий, но и требует не упускать из виду деталей партийной жизни. В этом плане возможно показать историю партий не как хронику событий, а как планомерный и долговременный процесс.

Историзм и объективность дают возможность отказаться от таких постулатов советской историографии при характеристике партий, как «банкротство», «крах» и других подобных «звучных» определений.

Выдвижение на передний план двух общеметодологических принципов — объективности и историзма — способствует плодотворному применению и конкретных методов познания истории политических партий. Среди них назовем: системный анализ, прогностизм, а также математические методы и другие.

IV

В качестве одной из первых задач дальнейшего изучения национальных партий я выдвигаю преодоление все еще бытующей «краткокурсовой методологии». Можно говорить о нескольких аспектах этой цели. Не до конца преодолена характеристика всех партий, кроме большевистской, как якобы не имевших будущего в России, в том числе и на национальных окраинах из-за узости их социальной базы и сплошной контрреволюционной деятельности, что, якобы, привело к их уходу с политической арены.

В связи с такой постановкой встает вопрос о меньшевистской партии и ее организациях в национальных реги-

онах. В историографии дебатуются три точки зрения: на II съезде РСДРП в 1903 г. создается одна партия — партия большевиков; формируется одна партия с двумя фракциями — большевистской и меньшевистской; возникли две партии как течения политической мысли и как политические партии. В национальных регионах меньшевизм имеет свои особенности, он нуждается в специальной разработке. И еще к вопросу о меньшевиках. Некоторые исследователи считают, что в 1917 г. власть «валялась у их ног», но они не сумели стать правящей партией. Где причины этого? Необходим серьезный научный анализ.

Национальные политические партии прекратили свое существование по тем же, в основном, причинам, что и общероссийские политические партии. Но некоторые из них в национальных регионах слились с большевистской партией. Этот процесс начался еще до Октября 1917 г. Создаются объединенные партии большевиков и меньшевиков, большевиков и эсеров и т.д. Я.М.Свердлов назвал это явление «нелегальным сожителем». Однако в национальных республиках это было неизбежно и в силу недостаточной классовой дифференциации, и в силу слабости местных большевистских организаций.

Среди историков дебатуются вопросы о возможности для России в целом и для национальных регионов, в том числе, двухпартийной системы. Многопартийность в России была вызвана несколькими факторами: рождение партий на волне революционных выступлений 1905-1907 гг.; свобода слова, собраний и других политических прав дали возможность вырваться на политический простор силам, способным организоваться в партии; отсутствие завершенности процесса классового структурирования общества привело к возникновению в основном не партий, а движений, выдвинув на передний план две-три партии: большевиков, меньшевиков, кадетов и т.д.

В период назревания Октября многопартийность получила дальнейшее развитие. Но уже после Октября, как уже отмечалось, все другие партии уходят с политической арены. В современных условиях роспуск КПСС и попытка утверждения демократии дали импульс к возникновению множества партий, некоторые из них присвоили себе до-революционные названия, что справедливо обозначено как «самозванчество». Многие из существующих партий вряд ли можно назвать партиями в подлинном смысле этого слова.

В 1995-1996 гг. была предпринята попытка выстроить в России двухпартийную политическую систему, взяв за образец американскую модель. В основу этого предложения было положено не осмысление российской действительности, а сугубо прагматические цели, замешенные на личностном аспекте. Предлагалось создать две партии: одну — группирующуюся вокруг премьера, а другую — вокруг спикера Думы. Если первая из них должна была стать проправительственной, президентской, то вторая — якобы центристской.

План этот, как известно, потерпел поражение, потому что партии создавались сверху, без большого желания войти в их ряды будущих партийцев; копирование в России американской действительности по принципу: у них все хорошо, чтобы стало хорошо у нас, пойдем по их стопам — не могло иметь успеха; наконец, «двухпартийцы» не учли того, что в 1995 г. были сильны позиции коммунистов, особенно на периферии, что и привело к их победе на выборах в Государственную думу.

О двухпартийности в национальных регионах вообще пока трудно говорить, потому что в некоторых бывших республиках СССР легально не действует ни одна из оппозиционных партий. Пример тому — Туркмения во главе с Туркмен-баши, бывшим партийным функционером высокого ранга.

Сверхзадачей дальнейшего исследования темы конференции является создание монографических исследований по большинству из национальных партий. На их основе можно будет создать обобщающее сочинение «Национальные политические партии России и стран СНГ».

Историки политических партий России намерены исследовать современную многопартийность России и других регионов. В этом плане необходимо проанализировать объективные и субъективные причины ухода с политической арены в начале 90-х годов КПСС. Дело здесь, как мне думается, не только в субъективном факторе, когда упор делается на деятельности отдельных лидеров партий. Объективные же факторы, куда включаются политическое и экономическое положение страны за 70 с лишним лет советской власти, нуждаются в глубоком изучении в контексте истории России XX столетия.

Думаю, что следующая наша конференция будет посвящена теме: «Многопартийность России и стран СНГ».

*А.Г.Здравомыслов
д.ф.н., проф.
(Москва)*

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИИ*

1. Политическая динамика и «национальный вопрос»

Развитие национально-освободительных движений в послесовенном мире, создание новой системы «национальных государств», возникновение так называемых «потенциальных наций» («would be nations» — по терминологии Ант. Смита), а теперь и постсоветские реалии поставили со всей остротой вопрос о природе «национального фактора». В мировой социологической и социально-философской литературе оживилась дискуссия относительно определения нации. На одно из первых мест поставлен вопрос о соотношении политического и этнокультурного компонента в структуре современных наций, особую значимость приобрел вопрос о национальном государстве, о содержании давнего лозунга, выдвинутого освободительными движениями после первой мировой войны: «одна нация — одно государство». Обсуждение этих вопросов не может дать значимого результата без анализа опыта второй мировой войны, которая инициировалась идеями крайнего национализма и расизма: как известно, немецкий фашизм продемонстрировал крайности националистической идеологии, организовав действительный антиеврейский геноцид с помощью газовых камер и фабрик по массовому уничтожению людей на основании их «расовой неполноценности». (К сожалению, в нынешнем политическом лексиконе этот термин стал использоваться для обозначения любых несправедливостей в отношении граждан той или иной этнической группы.)

Важным стимулом теоретической разработки национального вопроса является ныне и опыт российских преобразований. Известно, что Россия была и остается многонациональным и многоэтническим государством. Правоммерно ли всякое многонациональное государство называть империей? Каковы есть и должны быть отношения

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 96-03-04519.

между количественно доминирующей нацией и иными национальными группами? Куда двигаться России? К национальному государству а la Франция, Германия, США, Великобритания? Но опыт становления этих национальных государств относится к прошлому, он не может быть воспроизведен Россией на пороге XXI столетия, ибо Россия остается многоэтнической и многонациональной страной. К восстановлению могущества Российской империи, представлявшей собою постоянный фактор давления на европейскую политику? Но и этот путь уже пройден и не восстановим. К игнорированию — по крайней мере на словах — национально-этнической принадлежности граждан нового государства Российского? Однако и этот путь чреват пренебрежением национальной самобытности и при попытках его осуществления отдает великорусским шовинизмом.

По-видимому, России предстоит выработать новую концепцию сочетания общегосударственных и национальных интересов, которая лишь прорисовывается в ходе демократических преобразований. Эта концепция связана с пониманием своеобразия российского федерализма, который, по-видимому, должен стать решающим звеном во взаимосвязи российского Центра и российских регионов, каждый из которых характеризуется специфическими особенностями¹. Многие из регионов или 89 субъектов Федерации обладают определенной и четко выраженной национальной спецификой. Чтобы понять пути сочетания государственного и регионального начала следовало бы принять во внимание тот факт, что национальные элиты республик СССР и автономий РСФСР выступили в качестве самостоятельных субъектов демократических преобразований в 1987-1991 гг. Формирование этих элит и их притязания на самостоятельность стали мощными стимулами распада СССР. Союз демократических и национальных движений был движущей силой перестройки.

Понимание этого обстоятельства могло бы привести в свое время к сохранению обновленного Союза. Но эта возможность была упущена: победу одержала противоположная тенденция, основанная на союзе бюрократии и «интернационализма», что и явилось главной причиной поражения горбачевской политики, направленной на согласование все новых и новых версий Союзного договора.

Кульминационной точкой союза демократии и национальных движений стало провозглашение «российского суверенитета», смысл которого состоял в разрушении Центра любой ценой, в том числе и ценой распада Союза ССР. Главным итогом политической борьбы национальных демократий стало образование на карте Европы и Азии новых 15 суверенных государств. Таким образом цель движения была достигнута и одновременно закончился период единения демократии и национальной идеи. В каждой из новых стран возникли задачи построения своей моно или полинациональной государственности. Страны Балтии, Молдова и Украина, бывшие республики Советского Закавказья, Среднеазиатские республики и Казахстан продемонстрировали за это время свою меру этнонационализма и национальных конфликтов. Конфликты по периметру новых российских границ обнаружили вместе с тем не только глубину застаревших ран, но и своеобразие «национальных составляющих» каждого из новых государств: прибалтийский вариант становления независимости был более цивилизанным по сравнению с тем, как развивались события в Армении, Азербайджане, Грузии. Весьма своеобразными оказались и политические конфигурации, возникшие в Среднеазиатском регионе: кровопролитная этническая война в Таджикистане, как бы переносящая внутриафганский конфликт на бывшую территорию СССР, сравнительно спокойный авторитарный режим Туркмен-баши, почти безболезненно допустивший двойное гражданство с Россией. Своеобразие в реализации экономических и политических реформ в бывших республиках Союза лишний раз подчеркивает то, что унитарные формы правления, сохранявшиеся в бывшем СССР, безнадежно устарели задолго до оформления распада Союза.

В 1991-1993 гг. Россия обозначила себя, с одной стороны, как новое демократическое государство, а с другой стороны, — как преемница Российской империи, что было зафиксировано не только в высказываниях политических лидеров ультрапатриотического толка, но и в принятой государственной символике. Вместе с тем, на политическом поприще развернулась ожесточенная борьба между законодательной властью, ориентировавшейся на сохранение системы «Советов снизу доверху», и президентской вертикалью, претендовавшей на монополию в осуществлении курса реформ. В ходе этой борьбы большая часть республиканских элит склонялась к поддержке Верховного Совета: действовавшая Конституция давала им доста-

точно прочные гарантии на сохранение своих властных полномочий в национальных регионах. Но на этом этапе вопрос о перспективах развития России решался в Центре, и он мог бы решиться иначе, если бы в качестве лидера «партии Советов» выступил бы политик, русский по национальности. Национальная принадлежность председателя Верховного Совета Российской Федерации Р.Хасбулатова нигде не декларировалась в качестве политического фактора, но по умолчанию она играла не последнюю роль в развитии событий. На его образ вольно или невольно накладывался образ другого кавказца; смысл демократизации определялся стремлением любой ценой опровергнуть последствия его правления. Руслан Имранович не понял тонкости сложившейся ситуации отчасти потому, что он принадлежал к народу репрессированному и полагал, что это само по себе является достаточной гарантией его демократизма. Но в выборе «за или против Б.Ельцина» историческое прошлое народа не имело особого значения. Во главе новой России мог стоять только русский человек, хотя еще раз стоит подчеркнуть, что этот момент, значимый для политического выбора, и на уровне элит, и на уровне массового сознания, публично не проговаривался, что делает честь российской демократии. (Кстати, здесь было бы уместно напоминание о том, что Л.Б.Троцкий — политик не меньшего калибра в сравнении с действующими ныне — в 1917 г. отказался занять пост Председателя Совнаркома, учитывая именно национальный момент.)

Во всяком случае, следует констатировать тот факт, что в 1991-1992 гг. угроза распада России была вполне реальной. Она определялась прежде всего слабостью Центра, раздираемого внутренними противоречиями и конфликтами, и инерцией суверенизации, которая открывала возможности новым эшелонам политической элиты на местах прорваться к власти. Пробным камнем здесь стал Северный Кавказ — огонь грузино-абхазского конфликта, а затем и грузино-осетинского, опалил этот регион. Сформировалась Конфедерация Народов Кавказа, противопоставившая себя действующим властям и занявшаяся мобилизацией населения и, прежде всего, молодежи на поддержку «справедливой борьбы» ардинбовской Абхазии против гамсахурдиевской Грузии.

Параллельно с конца 1991 г. стал набирать силу чеченский конфликт, развязанный не без поддержки демокра-

тического крыла российских политиков². Д. Дудаев не только был вызван из политического небытия и включен в ранг российских политиков высшего ранга усилиями демократов, но и вооружен с помощью оружия, оставленного российской армией, по видимости, «для защиты демократического режима» (в 1991 г. Д.Завгаев представлял «советское крыло» политической власти и поэтому не мог рассматриваться в качестве «демократа»), а по сути дела, которая, возможно, была не просчитана, для развязывания длительного вооруженного конфликта сецессионистского типа. К концу 1992 г. вспыхнул и первый эпизод этнической войны между осетинами и ингушами, во многом спровоцированный демократической политикой — и прежде всего Законом о реабилитации репрессированных народов, включавшем в себя пункт о территориальной реабилитации, прямо сталкивающий между собою новые поколения осетин и ингушей — двух соседних народов, которые никогда до сих пор не вели между собою войн³.

В этих условиях стабилизация политической ситуации в Центре стала неременным условием предотвращения распада России. В то же время избранный метод стабилизации вводил в политическую практику новой России фактор насилия, который приобрел самостоятельное значение и ровно через год заявил о себе в чеченских событиях.

К 1995 г., а тем более к 1996 г., ситуация в регионах существенным образом изменилась. Двоевластие в Центре было преодолено достаточно жесткими средствами. Это означало, что региональные элиты потеряли важный участок пространства для политического торга — их выбор зачастую определялся тем, какая из ветвей власти больше пообещает в плане реализации местного суверенитета. Новая Конституция определила рамки отношений между Центром и субъектами Федераций. Начался процесс подписания договоров о разделении полномочий между Центром и регионами. Это был путь к стабилизации, который стал более или менее общим не только для российских республик, но и для территорий областного значения.

2. Национальная государственность и выбор демократического пути

Укрепление международного авторитета Российского государства, равно как и проблема воссоздания законности и порядка во внутренней жизни страны, ставят вопрос о национально-гражданственных основаниях самой госу-

дарственности. Эти основания, в свою очередь, связаны с разрешением дилеммы: демократия или национализм, система создания равенства шансов и стартовых возможностей для каждого индивидуума — независимо от его этнического происхождения — или же явная или неявная поддержка «своих» по крови, по языку, по усвоенному типу культурного поведения. Динамика политического процесса последних лет показывает, что попытки разрешить эту дилемму в пользу одной из сторон по принципу «или-или» не состоятельны.

Проблема должна быть сформулирована иным образом: как найти соединение между определенными формами национального самосознания и конкретными формами организации общественной жизни при сохранении демократических оснований и ориентаций политического процесса.

Эта проблема оказывается инновационной благодаря тому обстоятельству, что демократический процесс в России, по крайней мере с 1991 по 1996 гг., был в значительной мере сориентирован на западный опыт, который по-своему и гораздо раньше разрешил эту проблему, построив систему «государств-наций». Франция, Великобритания, США прошли свой путь реализации своих «национальных идеалов». Российская политика даже в том случае, если она будет целиком и полностью сориентирована на образцы западной демократии, не может воспроизвести путь этих государств, ибо тип решения национальных конфликтов, оказавших наибольшее воздействие на формирование правовых оснований признанных государств-наций, ушел в прошлое. Достаточно вспомнить дело Дрейфуса во Франции, борьбу против расовой сегрегации в США в 60-е годы, утверждение новой роли Великобритании в постколониальном мире. То были решающие события с точки зрения формирования облика современных западных государств-наций, решивших — каждое по-своему — вопрос о соединении демократии и патриотических форм национального самосознания народов этих стран: как бы высоко ни ставились в этих странах гражданские права, и французы, и англичане, и американцы весьма патриотичны, как в своей повседневной жизни, так и в защите достоинства своей страны на политическом поприще. Безусловно, что патриотизм представителей данных наций включает в себя ряд важных норм, в числе которых особое место занимает уважение к истории страны и к памяти о своих предках. (Как раз те компоненты национального самосознания, которые ныне в значительной мере поставлены под сомнение в но-

вой России.) При этом патриотизм здесь органически сочетается с индивидуализмом, с либеральной традицией в понимании личной свободы: он лишь указывает на границы общенационального интереса и на способ самоидентификации, не выступая в обликах мессианства, жертвенности, обязательной для каждой официальной надгосударственной идеологии.

Вся совокупность охарактеризованных выше обстоятельств выдвигает задачу социологического анализа ключевых проблем российского политического процесса, к числу которых безусловно относится и проблема сочетания национальной и гражданской принадлежности, проблема национализма и его наиболее распространенных форм и вариантов, национальных движений и национально-этнических конфликтов. Этот вопрос имеет по меньшей мере два основных аспекта. Первый касается теоретической стороны дела, и суть его состоит в выявлении значения таких понятий как этнос, нация, национальные движения, национализм, национальная государственность. Второй аспект этой проблемы носит в большей мере прикладной характер, ибо та или иная трактовка нации, национального самосознания, национальных движений задает разное направление дальнейшему развитию государственности.

Весьма существенная исследовательская задача состоит в том, чтобы оценить значение этнонационализма: ведь исторический опыт — в особенности опыт Германии и Японии накануне второй мировой войны — показывает, что именно этнонационализм оказывается важнейшей опорой тоталитарных режимов. Под этнонационализмом мы имеем в виду разнообразные идейные и психологические установки, основанные на представлениях об исключительности собственной нации, превосходстве ее над другими, причем эти качества нации объясняются ее «прирожденными свойствами», восходящими к истокам возникновения данного этноса. Как правило, идея превосходства данной нации закрепляется в особых формах этнической или национальной сплоченности (обоснования высшего предназначения национального государства) и поддерживается с помощью формирования образа враждебных сил и враждебных народов.

При анализе этого сложного явления необходимо исходить из того факта, что этнонациональные образования различного рода остаются основной формой существования человечества в целом и из признания исключительного

разнообразия, как форм национального самосознания, так и тех социальных функций, которые осуществляются соответствующими формами национального самосознания. Следует признать также, что национально-этнические настроения, несмотря на свою видимую «укорененность», закрепляемую историческим опытом, являются весьма мобильными, прежде всего благодаря тому, что на комплекс этих настроений сильно воздействует политическая ситуация. Раскачивание национальных настроений в качестве средств мобилизации ресурсов политической борьбы против унитаризма и за суверенитет республик и регионов, вплоть до «суверенитета России», дает одну этнополитическую ситуацию; задачи политической и экономической стабилизации России на путях постепенного упрочения демократизации порождают иную ситуацию в том числе и в таких сложных процессах, как «осознание» и декларирование национальных интересов.

Руководствуясь этими соображениями, Центр социологического анализа межнациональных конфликтов включил в программу общероссийского опроса, проведенного РНИСиНП осенью 1995 г., ряд позиций, которые позволили выяснить, как воспринимаются национальные проблемы в массовом сознании россиян. В соответствии с логикой наших рассуждений важно было выяснить, каким образом в сознании людей фиксируется национальная принадлежность или, что значит обладать той или иной национальностью? Для решения этой задачи респондентам предлагалось избрать одно или несколько суждений из 7 предложенных, каждое из которых имело различную смысловую нагрузку. Приведем в таблице 1 полученный результат, расположив предложенные суждения в порядке убывания.

Таблица 1

Трактовка национальной принадлежности как таковой

(На основе распределения ответов на вопрос: «Какие из приведенных ниже высказываний полнее всего выражают Ваше понимание национальности?» Указывается процент от числа опрошенных).

1. Национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя	48,6
---	------

2. Благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории	48,2
3. Каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью	41,2
4. Национальность — это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	16,4
5. Не только в будущем, но уже и сейчас понятие национальности в значительной мере устарело	11,8
6. Человек вправе сам выбирать свою национальность	9,7
7. Национальность — это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	6,3

Анализируя данные представленной таблицы, отметим, что наибольшее число голосов — 48,6% — получило такое понимание национальной принадлежности, которое можно назвать, используя терминологию Э.Дюркгейма, сакральным. Согласно этой точке зрения, национальность дана то ли Богом, то ли природой. Во всяком случае, она не может быть изменена самим человеком — носителем данной национальности.

Почти столько же людей избирают такое понимание национальности, которое можно было бы охарактеризовать как этноисторическое: «благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории».

На третье место (двое из пяти) выходит патристическое понимание национальности: человек должен гордиться своей нацией, своим народом.

Четвертое место — с большим отрывом от первых трех — занимает суждение, выявляющее социально-политическую функцию нации — ее объединяющее начало, связанное с достижением общей цели. Заметим сразу же, что указание на противоположную, разъединяющую, функцию нации избирают только 6% респондентов.

Далее следует общегражданское понимание национальности, которое допускает возможность сознательного

выбора национальной принадлежности. Оно в значительной степени противостоит чисто этническому пониманию национальности и тем более сакральной его трактовке. Поэтому выбор данной позиции заслуживает особого внимания.

Если рассматривать массив в целом, то выясняется, что почти каждый десятый из наших респондентов избирает суждение, фиксирующее ультрасовременное отношение к национальности. «Понятие национальности устарело уже сейчас», — утверждают почти 12% опрошенных.

При этом анализ распространенности этого суждения в зависимости от переменных, заложенных в опросе, выявляет следующую картину. Чисто экономические признаки — доход на члена семьи и оценка материального положения — не влияют на респондентов, избирающих эту позицию. Иное дело — возраст, образование и профессиональная принадлежность. В возрастной группе от 27 до 30 лет наблюдается пик согласия с данным суждением — 17,2% против 11,8% в среднем по массиву. В группе лиц с высшим образованием этот показатель достигает 16%, у ИТР и служащих госучреждений — 20%. Иными словами, в некоторых перспективных группах идея несущественности национальной принадлежности получает поддержку почти у каждого пятого респондента.

Что касается сакрального понимания нации, то оно в наибольшей мере распространено в старших возрастных группах. В группе старше 60 лет ее разделяют 59,2%.

В целом, весьма показательным с точки зрения соотношения этноцентристских и общегражданских ориентаций оказывается и распределение ответов на вопрос о необходимости сохранения в новом российском паспорте графы о национальной принадлежности. 45% — то есть, меньше половины — высказываются в пользу фиксирования национальности в документе. Почти каждый третий (31,5%) высказывает безразличие к этому вопросу, и 23,1% вполне определенно высказываются за то, чтобы национальность в паспорте не фиксировалась. Эти 23% и представляют собою долю населения, преодолевающую или уже преодолевшую чисто этническое понимание нации, идвигающуюся в своем сознании к ее гражданскому пониманию. Тех же, кто рассматривает свою национальную принадлежность в качестве предмета гордости, почти вдвое больше.

Аналогичные тенденции просматриваются и при ответе на вопрос анкеты: «Кем Вы ощущаете себя сегодня?» (Об этом см. в разделе «СССР или Россия».) Сейчас же важно

в связи с ответом на этот вопрос обратить внимание на меньшинство: 7,3% опрошенных отказываются от национально-государственной принадлежности и объявляют себя «гражданами мира».

Было бы чрезвычайно интересно узнать, каково распространение обозначенной ориентации в других странах. Что касается Германии, то в опросе, проведенном журналом «Der Spiegel» в 1994 г. (было опрошено 2034 респондента на основе выборки, репрезентирующей немецкую молодежь в возрасте от 14 до 29 лет), были зафиксированы следующие позиции при ответе на вопрос: «Что для Вас означает понятие «нация»? — 31% ответили «ничего», а 21% — «устаревшее понятие»⁴.

Как свидетельствуют приведенные данные, наиболее значимыми способами осмысленной фиксации национальной принадлежности в индивидуальном сознании оказываются три главных момента: сакральный, этноисторический и патриотический. Через образ своей нации в структуру индивидуального и массового сознания входят три соответствующие группы мотивации. При этом для населения России наиболее характерным в настоящий момент оказывается комбинация сакрального и этноисторического восприятия нации. Что касается собственно патриотического компонента национального самосознания, то оно проверялось с помощью вопросов о чувстве национальной гордости. Выяснилось, что «чувство гордости за свою нацию» испытывают «часто» 27,4% респондентов, а «иногда» 47,5%. Немецкие молодые люди демонстрируют следующие показатели патриотичности. На вопрос: «Гордитесь ли Вы тем, что Вы немец или немка?» — 52% отвечают «да» и 46% — «нет»⁵.

Нами ставился и вопрос о чувствах противоположного свойства: «Испытываете ли Вы чувства обиды или унижения в связи с Вашей национальностью?» 68% заявили, что они таких чувств не испытывают. Только 7% испытывают такие чувства «часто» и 25% — «иногда». (В ходе опроса по независящим от автора причинам национальная принадлежность респондентов не фиксировалась.)

Перекрестный анализ этих двух вопросов показывает, что часто испытывают или гордость, или обиду в связи со своей национальной принадлежностью всего 31 человек из почти полутора тысяч (около 2%), а 285 человек (20%) не испытывают ни того, ни другого чувства в связи со своей национальной принадлежностью. Следовательно, среди основной массы российского населения не наблюда-

ется в настоящее время острого чувства переживания кризиса национальной идентичности.

В отличие от Германии, проблема принадлежности к своей нации не разделяет общественное мнение населения на две части: на тех, кто гордятся тем, что они немцы, и тех, кто, переживая последствия гитлеровского режима, стыдятся принадлежности к своей нации. Это можно истолковать таким образом, что явный поворот к националистическим идеологическим конструкциям, наблюдающийся в программах некоторых политических партий и движений радикального толка, не получает безоговорочной поддержки в массовом сознании.

Анализ полученных данных не подтверждает и гипотезу о широком распространении комплекса неполноценности в массовом сознании россиян в связи с распадом СССР и потенциальной агрессивности, обусловленной «поражением социализма в холодной войне». Эмпирические данные не подтверждают и достаточно широко распространенные суждения по поводу аналогии ситуации в современной России и ситуации в Германии после ее поражения в первой мировой войне. Можно сказать, что распад СССР подействовал на национальное самосознание россиян не через идею «поражения», которая требует «реванша», а через практическое восприятие судеб русского населения во вновь образованных государствах. Поэтому в России национальные чувства — во всяком случае на основной части российской территории — не стали доминирующими, в массовом своем варианте они весьма слабо коррелируются с демократическими или антидемократическими установками населения.

Апелляция к национальной идее, в том числе и к «русской идее», гораздо более свойственна интеллектуальной элите, в особенности той ее части, которая занята либо поисками новой объединяющей идеи, способной заменить идею социализма, либо вовлечена в борьбу за власть в национальных регионах и на федеральном уровне.

3. Структура национального самосознания

Важнейшим теоретическим выводом, к которому пришел наш Центр социологического анализа межнациональных конфликтов, в том числе и опираясь на приведенные выше данные, является выдвижение тезиса о референтной природе нации, равно как и любой иной этни-

ческой группы. Дело не только в том, что принадлежность к нации ощущается через принадлежность к некоему «МЫ», противостоящему некоторым «ОНИ». Эта идея высказывалась и до нашего исследования. Не менее важно то, что у каждой национально-этнической группы имеется свой собственный круг национальных или этнических сообществ, с которыми идет постоянное психологическое сопоставление. Так, в русском национальном самосознании всегда присутствуют образы немца, американца, француза, англичанина, еврея и т.д. (Это обстоятельство фиксируется, в частности, в специальной серии анекдотов, которые начинаются примерно так: «На необитаемом острове оказались американец, немец, француз, поляк и русский...»). В свою очередь, в сознании немцев обязательно присутствует образ англичан, французов, русских, евреев. Но присутствует уже в иных сочетаниях и в ином ассоциативном ряду, что и определяет специфику национального самосознания данного народа или нации. В известном смысле можно сказать, что русские обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не было, например, немцев: Россия без Германии была бы безусловно иной страной. Возможно, что и немцы были бы иной нацией, если бы не было русских.

Второй момент, связанный с идеей референтности национального самосознания, состоит в том, что в рамках каждого национального самосознания складывается своя собственная иерархия «значимых других» национально-этнических групп. При этом русское национальное самосознание оказывается весьма сложным по структуре этой иерархии. Прежде всего, в отличие от народов, сформировавшихся как «государства-нации», у которых национальное самосознание направлено только вовне, русское национальное самосознание обращено как вовне страны — России, так и внутрь ее. Помимо немцев, французов, японцев и китайцев в русском национальном самосознании присутствуют татары и башкиры, осетины и чеченцы, чукчи и камчадалы и т.д. Ныне особое место в этой иерархии национального самосознания занимают основные народы государств, возникших на базе бывших Союзных республик: украинцы, белорусы, казахи, киргизы, грузины и т.д. Все это свидетельство того, что русское национальное самосознание многопланово и, если угодно, полифонично. Здесь нет единой жесткой линии осознания национального «МЫ», поскольку реальные отношения с иными нациями и

народами были многоплановы, многослойны и достаточно основательно эмоционально насыщены. Это очень часто остается вне поля зрения как политиков, так и исследователей, которые готовы строить образ русского человека на основании уже сложившихся стереотипов, как то: «преобладание женского начала в национальном характере», «переход от одной крайности к другой», «недосточная (с точки зрения европейских стандартов) рациональность» (независимо от того, рассматривается ли эта рациональность в немецком, французском или британском измерениях) и т.д.

Россия — многонациональная страна с доминирующей в количественном отношении этнонациональной группой — русскими. Своеобразие ситуации состоит в том, что доминирование в количественном и культурном отношениях не совпадало в истории России и СССР с доминированием политическим и экономическим. Большинство русского населения вплоть до 1861 г. оставалось в крепостной зависимости от достаточно «интернационализированного» («онемеченного» или «офранцузившегося» — на разных этапах русской истории) — господствующего класса.

Другой очень важный момент в становлении русского национального самосознания состоит в том, что даже в годы подъема или доминирования общенациональной идеи она не превращалась в идею национал-шовинистическую, сопряженную с ненавистью к какому-то иному народу. Как это ни странно, но даже завоевания Москвы во времена русской смуты XVII в. и нашествие Наполеона 1812 г. не оставили в русском национальном самосознании следов враждебности к полякам или французам. Возможно, это объясняется в какой-то мере его природным недоверием ко всяким абсолютным истинам, здоровым скептицизмом, который влечет за собою неприемлемость любых форм фанатизма у русского человека, и тем более, фанатизма на почве национального превосходства и стремления к унижению человека на основе его национальной принадлежности. Для массового русского самосознания человек — прежде всего человек, независимо от того, какова его национальная принадлежность, «хорошие и плохие люди есть среди всех народов и наций, в том числе и среди русских», — такова наиболее распространенная формула отношения к национальным группам среди русского населения. Психология и идеология «черной сотни» и антисемитизма распространялись, как правило, в годы реакции в весьма узкой среде достаточно

темных и малокультурных слоев, представлявших собою социальную базу полицейских интересов. Русская интеллигенция (а еврейский элемент всегда составлял в ней влиятельную часть) — в классическом смысле этого слова — никогда не опускалась до антисемитизма, хотя она многократно провоцировалась и властями, и ситуацией конкуренции высказываться и действовать в этом направлении.

Третий важный вывод, следующий из признания референтного характера национального самосознания, состоит в признании его динамичности. Конечно, сохраняется базовый образ иных наций, фиксированный в стереотипах, но эмоциональная составляющая этого образа оказывается весьма изменчивой. В этом плане возвратимся еще раз к вопросу о том, как воспринимаются немцы в русском национальном самосознании. И без эмпирических опросов совершенно ясно, что во время войны и в первые годы после нее ненависть (впрочем, взаимная) была доминирующим чувством среди русских и советских людей по отношению к немцам. Ибо масштаб горя, принесенного фашизмом на русскую землю, соизмерим только с масштабами геноцида по отношению к евреям. Теперь ситуация изменилась. Возможно, она определяется тем, что изменились — и весьма основательно — сами немцы. В немецком национальном самосознании проведена колоссальная работа по осмыслению последствий фашизма для немецкой нации и культуры⁶. Теперь — более чем через полвека после окончания второй мировой войны — в русском национальном самосознании не воспроизводится более образ немцев в качестве врагов русских. Об этом свидетельствуют не только расширяющиеся контакты между Россией и Германией, но и данные опроса, проведенного РНИСиНП осенью 1995 г.

4. Образ Запада и образ России

Важная альтернатива национального самосознания связана с восприятием традиционной проблемы взаимоотношения России и Запада. В данном случае в качестве своего рода «идеологических конструкторов» конкурируют между собою прозападная и изоляционистская установки. Однако на уровне массового сознания эти установки переплетаются самым причудливым образом. Начать с того, что в массовом сознании достаточно широко распростра-

нен стереотип недоверия к Западу вообще. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только 7,3% россиян, по данным нашего опроса, соглашались с мнением о том, что «Запад искренне хочет помочь России». 31% — то есть, в четыре раза больше — считают, что «нас хотят ослабить, превратить в зависимое государство». Большая же часть — 44% — полагают, что «нам помогают из корыстных соображений, но это вполне естественно».

Проведенный опрос позволил вместе с тем получить картину более дифференцированного отношения к странам западного и восточного миров. В анкете предлагалось высказать положительные или отрицательные чувства по отношению к 10 наиболее известным странам мира. В таблице 2 приводятся проранжированные данные, свидетельствующие о своего рода балансе социальных эмоций по отношению к этим странам.

Таблица 2

Распределение стран в зависимости от соотношения положительных и отрицательных эмоций (в % к числу опрошенных)

Страна	Вызывает +	Вызывает —	Затрудняются
Франция	78,9	3,0	18,1
США	77,6	9,0	13,5
Англия	76,6	4,2	19,2
Канада	72,8	2,4	24,8
Германия	69,0	11,5	19,5
Япония	68,5	9,2	22,3
Индия	59,4	4,8	35,8
Китай	41,2	21,1	37,7
Израиль	40,8	20,4	38,8
Ирак	21,7	34,7	43,6

Как видно из приведенной таблицы, при более конкретной постановке вопроса не о Западе вообще, а о конкретных странах, более выпукло выявляются позитивные стереотипы и эмоции. На первом месте среди первой четверки западных стран по высказываемым положительным чувствам оказывается Франция. За нею следуют с небольшим отрывом США, Англия и Канада. Стоит обратить внимание на то, что США вызывают наибольшес

число негативных чувств в этой группе стран. Не исключено, что первая четверка стран выделяется в силу того, что в исторической памяти населения она воспринимается как союзница во второй мировой войне.

Далее следуют две страны, находившиеся по другую сторону фронта в этой войне. Их оценки почти совпадают. При этом от Канады Германию отделяют всего 4 пункта в ряду положительных оценок, и только на 2,5 пункта отрицательная позиция Германии оказывается больше, чем у США. Сравнение полученных оценок в зависимости от возраста показывает, что особенно резкий скачок в нарастании негативных оценок этих стран происходит в возрастной группе свыше 60 лет, то есть, среди поколения, которое помнит бедствия, причиненные нашествием германского фашизма. И все же не это обстоятельство оказывается главным. Основное состоит в том, что почти у 70% россиян образ Германии ныне вызывает позитивные эмоции, и только у 11% — негативные! Этот результат свидетельство того, что в русском национальном самосознании остается очень немного места для образа врага в лице Германии и немцев вообще.

В этой связи уместно еще раз возвратиться к данным молодежного опроса, проведенного журналом «Der Spiegel». В анкете ставился вопрос: «Превосходят ли немцы какой-либо другой народ?» (Sind die Deutschen einem anderen Volk überlegen?)⁷. Отрицательно ответили на вопрос 52%, но 45% ответили, что немцы превосходят некоторые народы, а 2% недвусмысленно выразили пронацистскую установку — «немцы превосходят всех». Далее следовал вопрос на уточнение: «Если превосходят, то кого именно?» Ответы распределились следующим образом:

Поляков — 87%
Турок — 74%
Русских — 63%
Французов — 20%
Американцев (США) — 11%

В нашем общероссийском опросе 11,6% согласились с тезисом о том, что «немцы — исконные враги русского народа», а 70,4% высказали явное несогласие с этим тезисом, при 17% воздержавшихся от выбора. Полученные

нами данные свидетельствуют о том, что в массовом сознании образ России строится на следующих постулатах:

Таблица 3

	Согл.	Не согл.
1. Не бывает «плохих» и «хороших» наций	81,3	7,7
2. Россия — великая держава, она должна заставить другие народы и гос-ва себя уважать	81,7	8,4
3. Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать	84,9	3,4
4. Россия должна повернуться лицом к миру, стать такой же, как все	62,4	12,7

Это еще раз свидетельствует о возможностях изменений национального самосознания. Оно не остается константной величиной.

5. О формах радикального национализма

Проанализированные выше данные не дают основания для вывода о том, что в массовом сознании россиян вообще отсутствует национализм, в том числе и в его крайних формах. Не случайно 66,8% респондентов соглашались с тем, что «фашистские группировки представляют собою большую опасность для общества. Таких людей надо судить по закону о разжигании межнациональной вражды». Да и спектр политических группировок и партий в России показывает, что существуют «баркашовцы», «национал-социалисты», эксплуатирующие антисемитские настроения и лозунги, включающие в свою политическую символику фашистскую атрибутику. В Санкт-Петербурге одной из таких группировок в 1995 г. была издана гитлеровская «Mein Kampf» на русском языке. Весьма показательна в этом плане и позиция ЛДПР, возглавляемой В.Жириновским с его стремлением разжечь националистические настроения.

Насколько же распространен в массовом сознании радикальный национализм в 1995 г.? При прямой постановке вопроса поддержку «русским националистам», сторонникам возрождения русской нации и поиска самостоятельного «русского пути», выразили 10,5% опрошенных, а 3% поддержали идею «величия, национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа». В то же время 41,4% поддержали «идею единения народов России в целях ее возрождения как великой державы».

При этом, как показал анализ, декларативное признание поддержки величия и уникальности, равно как и мессианства русского народа, не отражается существенным образом на оценках политической ситуации в стране и на приверженности тоталитарным или демократическим установкам. Отсюда следует важный вывод: в массовом сознании россиян идея возрождения России воспринимается как идея наднациональная. В свою очередь, это можно интерпретировать в том смысле, что в ходе демократических преобразований, как бы болезненны они ни были, постепенно утверждается не этническое, а гражданское самосознание российского населения.

В ходе исследования важно было выявить латентные формы национализма, которые оказалось возможным зафиксировать на основе совпадения ряда позиций, заложенных в анкете. Так, при анализе распределения ответов на вопросы анкеты нами применялся способ образования группировок на основе сочетания ответов по двум сравнительно близким позициям. В результате были выделены три наиболее интересные парные комбинации ответов, показывающие разное восприятие национальной проблематики и, следовательно, разные формы национального самосознания. Наиболее распространенным парным сочетанием оказалась комбинация ответов относительно России: «Нужно повернуться лицом к миру, стать такими, как все», и «Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать». Из 1464 респондентов 846, то есть, около 60%, объединились в выборе этих суждений. Это показатель распространенности нормального национального самосознания россиян, не обремененного ни чувством национальной исключительности, ни враждебности к другим народам. Но есть и другие сочетания, которые мы использовали в качестве показателей психологических синдромов, выражающих разные грани радикальной националистической установки.

Во-первых, это синдром ощущения внешней угрозы России. Он выявляется путем объединения респондентов по двум позициям: «Россия — великая держава, она должна заставить другие государства и народы себя уважать» и «России грозит агрессия из-за рубежа». Согласных с обоими суждениями сразу оказалось 239 человек, или 16,3%.

Еще менее распространенным оказался антизападный синдром, объединяющий тех, кто высказал негативную

позицию как по отношению к американцам, так и по отношению к немцам. Таких оказалось 101 человек, что составило 6,9% выборочной совокупности. Сопоставляя эти данные с иными ответами на вопросы нашей анкеты, можно прийти к выводу, что психологическая база радикально-экстремистского национализма составляет от 7% до 17% населения. Однако и этот национализм не представляет ныне однородной массы. Как мы видим, значительная часть экстремистских устремлений питается ощущением угрозы того, что Россия утратит национально-государственную самостоятельность и что лозунг вхождения ее в мировой рынок и в сообщество «цивилизованных государств» есть лишь прикрытие реальной политики, направленной на ее закабаление и превращение в полуколониальную державу.

Среди той части населения, которая подвержена синдрому внешней угрозы, показатели авторитарного сознания гораздо выше, чем в среднем по массиву. Так, у них на 13 пунктов выше средних показатели согласия с необходимостью для России сильной личности в целях установления порядка в стране, и на 11 пунктов выше согласие с тем, что демократические процедуры — пустая видимость. Еще более отчетливо прослеживается связь между радикальным национализмом и авторитарным сознанием при сопоставлении той цены, которую люди готовы заплатить за установление в стране «порядка». (См. табл.)

Таблица 4

Уровень поддержки мер авторитарной политики по массиву в целом и теми, у кого наблюдается синдром внешней угрозы

	все опрош. (1464)	ситуация угрозу (239)
1. Изъятие у части так называемых «новых русских» — современных богачей — несправедливо нажитых ими состояний, даже с помощью насильственных мер	45,2	69,0
2. Упрощение процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений	35,0	46,9
3. Использование военных средств для преодоления конфликтов, грозящих целостности России	25,6	38,1

	все оп- рош. (1464)	ощуща- ющие угрозу (239)
4. Запрещение забастовок и других массовых выступлений на переходный период	18,0	27,2
5. Приостановление деятельности парламента на переходный период и сосредоточение всей власти в руках президента и правительства	18,1	24,7
6. Военный переворот, произведенный патриотически настроенными военными с целью наведения порядка в стране	13,6	28,9
7. Отмена на ближайшие годы всех выборов	12,4	18,0
8. Ограничение свободы выезда из страны	10,3	20,9
9. Запрещение деятельности политических объединений и газет, которые выступают против нынешней власти, требуют ее скорейшего устранения	10,6	20,5

Как видно из таблицы, значимые различия в ответах наблюдаются по всем без исключения позициям, что позволяет эмпирически констатировать сильную взаимозависимость между радикальными формами национального самосознания и авторитаризмом.

Близки к ним и те, кто подвержены антизападному синдрому. Однако надо обратить внимание и на тот факт, что в этих группах выше согласие и с нормативно-демократическими суждениями. Объяснение этому следует искать, по-видимому, в том, что люди так или иначе определившиеся в плане идейно-политических ориентаций в целом занимают более активную позицию при ответах на любые вопросы анкеты.

В целях более объемного представления национального самосознания россиян необходимо рассмотреть, как ими воспринимаются другие национальные общности, исторически сложившиеся в качестве референтных групп русского самосознания. При решении этой задачи прежде всего выясняется, что 81,3% респондентов согласны с общим тезисом, что не бывает «плохих» и «хороших» наций, и только 7,7% придерживаются противоположного мнения. Стоит отметить, что этот показатель национально-оценочных ориентаций весьма существенно расходится у мужчин и женщин: 11,0% против 4,6%. Иными словами, маскулинное сознание более националистично. Линейной зависимости от возраста и образования в данном случае не прослеживается. Более чем в два раза выше среднего этот показа-

тель у военнослужащих (15,4%) и наименьший — всего 3,3% — у гуманитарной интеллигенции. Если судить по этому показателю, то наиболее терпимы в национальном плане оказываются Нижний Новгород и Иркутск (2% и 2,5% соответственно), а наименее терпимы — Тверь и Владикавказ (14,9% и 12,8%).

Приведем далее таблицу согласия и несогласия с суждениями, выражающими некоторые стереотипные негативные формулы относительно немцев и американцев.

Таблица 5

	Согл	Не согл.	З а т р . отв.
Немцы — истонные враги русского народа	11,6	70,4	17,0
Американцы всегда и везде ведут себя нагло	26,7	46,4	25,9

Рассматривая эти показатели, следует отметить, что, как в случае отношения к американцам, так и к немцам, большая часть российского населения не согласна с негативным отношением к нациям в целом. С тем, что «немцы — истонные враги русских», соглашаются только 11,6%, а более 70% с этим не согласны. Это примерно соответствует распространенности этноцентрических ориентаций в массовом сознании. Что касается американцев, то предложенное стереотипное суждение не содержит в себе «антирусского компонента». Поэтому дифференцирующая способность данного суждения гораздо слабее: 26% вообще уклоняются от высказывания на эту тему, 46,6% не согласны с антиамериканским суждением, и лишь четвертая часть согласна, что «американцы всегда и везде ведут себя нагло». Заметим также, что антинемецкие и антиамериканские настроения в данном случае не могут сопоставляться между собою, поскольку смысловая нагрузка предложенных суждений не сопоставима друг с другом.

Анализ этнонациональной ситуации в мире показывает, что в послевоенный период национальные движения стали более мощным фактором социальных изменений, нежели классовые конфликты; что национальные сообщества консолидировались с помощью националистических идей; что, по выражению покойного Э.Геллнера, «не нации создают национализм, а национализм создает нации». При этом сам национализм, в его радикальных формах стиму-

лируется борьбой за властные полномочия, обеспечивающие контроль за использованием территориальных и иных ресурсов со стороны экономических и политических элит. Важным требованием современного теоретического анализа национальных проблем является и положение о многообразии форм национализма, неоднородности его социальных функций и последствий. Это означает прежде всего отказ от априорной — позитивной или негативной — оценки национализма как такового. В каждом конкретном случае требуется изучение конкретной обстановки.

Практическая сторона рассматриваемой проблемы заключается в коррекции оценок национализма как определенной социально-психологической установки, склонной превратиться в идеологию. Перспективы развития России зависят в значительной мере от того, какие формы приобретет национальное самосознание россиян. Как уже отмечалось, в ходе нашего исследования была установлена величина поддержки радикальных форм национализма на уровне от 7% до 17%. Вместе с тем, была установлена зависимость между установками радикал-националистического плана и авторитарными, антидемократическими тенденциями политического мышления. Поэтому особую значимость в чисто практическом плане приобретает анализ форм русского национализма, выходящих за рамки нормального восприятия собственной национальной идентичности и содержащих в себе элементы агрессивности и неприятия иной культуры и иных цивилизационных стандартов.

Как мне представляется, в настоящее время можно выделить три основные формы национализма такого рода. Первая форма получила наибольшее распространение в сознании элиты. Это национализм славянофильского толка, связанный с восстановлением концепции особой исторической роли России в мире, благодаря особенностям национального характера русских. В рамках этой традиции восстанавливаются идеи славянофильства, православия, мессианства. В наиболее отчетливой форме этот комплекс идей выражен в творчестве А.И.Солженицына, который ныне активно участвует в идеологическом процессе, формулируя свое видение российской истории и перспектив развития России как самобытного государства. В его противоречивых декларациях просматривается, с одной стороны, идеализация дореволюционного строя, включая мо-

нархическое политическое устройство и доминирование православия, с другой стороны, — антизападнический и антиазиатский компонент. Последний зафиксирован в идее освобождения от «подбрюшья» в виде среднеазиатских частей той же самой царской империи в известной статье этого автора «Как нам обустроить Россию».

Вторая форма русского национализма более агрессивна. Она основывается на определенной трактовке геополитических процессов в постсоветском пространстве. Лидер ЛДПР (В.Жириновский) стремится использовать национальную идею для восстановления авторитета Российского государства, апеллируя к концепциям передела мира. Здесь также выражено стремление к мобилизации национальных чувств, якобы задетых утратой геополитического влияния в связи с распадом СССР. Речь идет о восстановлении «имперской мощи» России на путях противопоставления Западу и США, не исключающей силовой вариант изменения соотношения сил в мире, что фиксируется в названиях наиболее популярных брошюр этого автора («Бросок на Юг» и «Плевки на Запад»). В самой терминологии, способе политического действия, в особенности на этапе выборов в первую Госдуму, явно выражена установка на включение в число своих сторонников наименее развитой в культурном и политическом отношении части электората, и в особенности той части русского населения, которая находится в зоне национальных конфликтов. Сильное государство, по мнению лидера ЛДПР, должно будет прежде всего защитить интересы русских, превратить их в политически доминирующую нацию, опираясь на традиции русской империи. Главным способом организации управления в масштабах Российского государства должен стать централизм, связанный с восстановлением губернского принципа административного деления России. Эта линия политического поведения противостоит интересам местных элит в республиках, которые сумели за годы демократических реформ добиться для себя и для своих республик нового политического статуса в российском пространстве. Наконец, третья форма национализма — наиболее распространена не только в элитарных группах, но и в массовом сознании. Это причудливый симбиоз коммунизма и патриотизма, который представлен в идеологии КПРФ. Ключевой идеей в данном случае выступает игнорирование специфики советского опыта и советского периода, что, по сути дела, является центральной идеей антикоммунизма. Советский Союз рассматривается в рамках данной теоретической установки

в качестве формы существования Российской империи, соответственно крах Союза выступает как крах имперского могущества России. Восстановление же Союза интерпретируется также в смысле удовлетворения патриотических амбиций и притязаний. Идеологи этого типа видят только те изменения, которые произошли в рамках «социалистической системы», игнорируя процессы преобразований во всем мире. С этой точки зрения распад Союза трактуется как поражение в третьей мировой — хотя и холодной — войне. Интерпретация мировых процессов, заданная З.Бжэзинским, воспринимается ныне «коммунистическими» идеологами в качестве реалистической. Президентские выборы 1996 г. показали еще раз, что националистическая идеология не пользуется массовой поддержкой населения. В массовом сознании все в большей мере усваивается образ России как страны, имеющей демократические перспективы развития, в которой нет болезненного акцентирования на чувствах национального порядка. Величие России — а само это понятие есть способ сравнения этой страны с другими странами и народами — связано с пониманием реального значения русской культуры и русской истории в мировых политических процессах. Большинство россиян принимают формулу: авторитет российской государственности должен основываться на успехах реформированной российской экономики.

6. Радикальный национализм и национально-этнические конфликты

В течение нескольких лет территория бывшего Советского Союза превратилась в гряду национально-этнических вулканов, некоторые из них еще и сейчас находятся в действующем состоянии. Карабах, Приднестровье, Таджикистан, Абхазия, Южная Осетия, Ингушетия и Северная Осетия, наконец, Чечня. Все это зоны затяжных вооруженных конфликтов, ставшие столь же известными как Северная Ирландия, Палестина, Босния.

В современной литературе по национальным конфликтам и национальным движениям сложилось несколько точек зрения на эти проблемы. Одна из наиболее известных и распространенных концепций предложена С.П.Хантингтоном⁸. Суть ее в том, что вступление человечества в XXI столетие будет отмечено наступлением нового цивилизационного кризиса, который в ближайшем будущем обозначит себя в еще более драматичных формах. В основе столкновения — культурная несовместимость народов

и, прежде всего, несовместимость европейской христианской и азиатско-мусульманской цивилизаций. Действительно, если посмотреть на перечень горячих точек планеты, то нетрудно заметить, что культурно-цивилизационный компонент играет в них немаловажную роль. Боснийский конфликт — яркая иллюстрация столкновения между православными сербами, с одной стороны, и хорватами и мусульманами — с другой. Весомым подтверждением этой точки зрения является и палестино-израильский конфликт, в основе которого, если придерживаться данной концепции, лежит столкновение между иудаизмом и арабским миром с его версиями ислама.

Однако, если присмотреться к этим конфликтам более внимательно, то нетрудно заметить, что не менее важную роль в обосновании позиций сторон конфликта играют территориальные притязания и стремления к обоснованию права на существование суверенного государства в пределах определенной территории. При этом вопрос о праве на территорию облекается, как правило, в форму апелляции к «священному»: к историческим корням народа, к религиозным традициям и, разумеется, к национальным интересам соответствующих сообществ.

Здесь вступает в действие, как нам представляется, вторая концепция⁹. Она представляет собою теоретическое обобщение ситуации, сложившейся во всем мире в послевоенный период. Распад колониальной системы стал и следствием, и мощным стимулом национальных движений и соответствующих национальных идеологий. Через национализм, противостоящий метрополиям, народы, добившиеся политической независимости, встали на путь модернизации, приобщения к современным достижениям мировой культуры, включая высокие технологии, информационные системы, рациональность управления, основанную на сочетании рыночных отношений и государственного регулирования экономики. Перед этими народами, представляющими большую часть населения Земли, встала дилемма: либо раствориться в достижениях современной цивилизации, либо найти средства сохранения своей самобытности с помощью национализма.

Национализм благодаря этому приобрел облик двуликого Януса, который одним лицом смотрит в будущее, в сторону модернизации, а другим — в сторону прошлого, утверждая архаизмы национальной самобытности и изоляционизма. В этом состоит лишь одно из внутренних

противоречий национализма и национальных движений. Поэтому прежде чем объяснять национальные конфликты с помощью национализма, необходимо выяснить, — в каждом конкретном случае отдельно — о каком именно национализме идет речь, в какой мере и каким образом сочетаются в нем элементы архаики и модернизма. Более того, при конкретном анализе этой проблемы выясняется, что национализм каждого народа связан с версиями национального самосознания, опирающимися на соответствующий исторический опыт, на более или менее утвердившееся и распространенное в массовом сознании этноса или национальной группы представление о самих себе, своих ближайших соседях и об исторических нациях современного мира. Так или иначе национализм в своих основаниях оказывается связанным с этноцентризмом в его мягких и жестких формах. И в этих своих качествах он сталкивается с проблемой гражданственности, правового государства, с проблемой приоритетности прав личности или прав этнических образований, народов и наций. Для России как «многонационального» или «многоэтничного» государства именно эта проблематика выдвигается ныне на первый план в качестве сверхзадачи государственного строительства.

Наконец, существует и третья концепция источников многонациональных конфликтов, которая прежде всего используется в интерпретации судеб народов бывших многонациональных государств — СССР и Югославии. Кратко эту точку зрения можно обозначить как «концепцию обруча»¹⁰. Социалистическая идеология, будучи вариантом идеологии тоталитарной, служила средством подавления национальных интересов. Как только под напором внешних и внутренних сил мощь тоталитарного государства ослабла, так и обнаружились в полную меру до тех пор подавляемые национальные интересы и национализм.

При всей привлекательности и как бы ясности этой точки зрения, принятой в качестве аксиомы политическими деятелями и движениями демократической ориентации в России, главный ее недостаток в упрощении реальной ситуации. Она игнорирует сложнейшие вопросы динамики национального самосознания, точнее говоря, национальных самосознаний, во многом обусловленных ростом кадров национальной интеллигенции в советский период. Именно этот процесс привел к столкновению инте-

ресов новых и старых элит в политическом пространстве бывшего советского общества. Он наполнил специфическим содержанием взаимодействие политических и этнонациональных конфликтов в каждом регионе страны. Он послужил основанием для превращения идей суверенизации регионов, республик и даже самой России в мощную «движущую силу» политических преобразований и привел к распаду Советского Союза.

Таким образом, все три имеющиеся точки зрения на природу этнонациональных конфликтов, происходящих на постсоветском пространстве, ограничены. В основе их слишком широкие предпосылки, не позволяющие в полной мере учесть специфику происходящего в России. Это не значит, что они полностью не верны. Каждая из них схватывает какую-то сторону процесса и обращает внимание на некие важные характеристики субъекта социального действия, осуществляющего преобразования. Но все эти точки зрения не сконцентрированы на том, что происходит ныне в российской жизни.

Предлагаемая нами точка зрения состоит в спецификации социологического анализа межнациональных конфликтов на фоне общего хода российских преобразований. Демократизация и экономические реформы рассматриваются нами как некоторая совокупность более широких процессов, как своего рода социальный контекст. Мы рассматриваем, далее, межнациональные конфликты сквозь призму меняющихся интересов и ценностей¹¹. В этом мы также усматриваем специфику социологического видения проблемы. Социологическое определение межнациональных конфликтов исходит прежде всего из их нормативно-ценностного обрамления. Мы понимаем под межнациональными конфликтами те из них, которые включают в себя национально-этническую мотивацию. В такого рода конфликтах действует сознание «Мы» как этнической или национальной общности, работающего в качестве средства или механизма мобилизации социального, массового действия. В свою очередь, социальное действие оказывается средством и инструментом борьбы формирующихся групп политической элиты за доступ к ресурсам и за возможность контроля за этими ресурсами. Таким образом, в предлагаемом определении межнациональных конфликтов мы объединяем ценностный и ресурсный подходы, подчеркивая тем самым их взаимодополняющий характер¹². Кроме того, мы обращаем внимание на особую роль политической элиты в

провоцировании межнациональных или межэтнических конфликтов, которая, в свою очередь, представляет собою некоторый продукт внутренней дифференциации соответствующей национальной группы. Такой подход позволяет сделать вывод прогностического свойства: в любых национально-этнических сообществах со сложной внутренней структурой и перспективами перераспределения групп влияния будет возникать этническая напряженность, имеющая тенденцию перерастания в межнациональный конфликт при определенных условиях. Главная причина возникновения такого рода конфликтных ситуаций будет заключаться в стремлении социальных групп, вновь вовлекаемых в политический процесс, дать свою интерпретацию национальных интересов сообщества.

Современный мир наций в мире в целом, и в России в частности, есть результат истории нового времени, что этот мир достаточно динамичен, что образование наиболее развитых наций связано с историей соответствующих государств, которые сыграли решающую роль не только в определении национальных границ, но и в формировании национального самосознания и национальных культур французов, англичан, русских, японцев, американцев, немцев, итальянцев, испанцев и иных народов, за которыми уже закрепилось понятие наций в общем международном контексте. Вместе с тем, нельзя не согласиться с Антони Смитом, который утверждает, что значительная часть народов, населяющих планету, относится к категории потенциальных наций («would be nations»), то есть таких общностей, которые стремятся получить статус полноценных национальных образований прежде всего за счет символики государственности, суверенитета, независимости¹³. Реальная проблема развития всякого национального объединения, всякого человеческого сообщества состоит в выработке в структуре самосознания соотношения между «этничностью» и «гражданственностью». Чем в большей степени общество уходит от чисто этнических компонентов, тем в большей мере оно становится нацией как частью современного международного сообщества. И напротив, чем больше оно замыкается в себе, автономизируется, тем более благоприятные возможности образуются для закрепления чисто этнических начал и для формирования этнократического государства.

7. СССР или Россия

В течение четырех лет, прошедших со времени распада СССР, массовое сознание россиян постепенно адаптирует-

ся к новому политическому статусу России и других стран, возникших на постсоветском пространстве. Разумеется, это переосмысление ситуации происходит крайне болезненно и сложно, в особенности для тех групп населения, которые прожили всю свою жизнь, имея в качестве своей духовной опоры социалистическое мировоззрение и ощущение исторического смысла своего бытия в самом факте причастности к политике одной из двух ведущих держав мира. Однако опросы общественного мнения позволяют констатировать, что ностальгия по СССР уходит в прошлое и что все большая часть населения осознает себя в качестве граждан России. Понятно, что целесообразность развития связей в масштабах СНГ никем не оспаривается, но в то же время все в большей мере осознается невозможность возвращения к прежним формам отношений: самостоятельность новых государств — дело признанное, а вопрос о взаимоотношениях между ними будет решаться на основе взаимного учета вновь обозначившихся интересов.

Руководствуясь этой предпосылкой, важно постоянно отслеживать, как же общественное мнение оценивает распад СССР. Данные нашего опроса представлены в таблице 6.

Таблица 6

1. Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР	44,0%
2. В этом есть и хорошие, и плохие стороны	30,2%
3. Это катастрофа мирового значения	14,1%
4. Благодаря этому создались условия для возрождения России и республик бывшего СССР	5,4%
5. Это положительное событие мирового значения	3,2%

Как видно, на первое место в оценке свершившегося выступает момент вполне реалистический — личная драма большого числа русских, оказавшихся «за пределами своей страны» и поставленных перед выбором: ехать в Россию или оставаться на прежних местах.

На второе место выходит позиция, усматривающая в распаде СССР и хорошие, и плохие стороны. Эта точка зрения представляет мнение более 30% россиян.

Что касается оценки распада Союза в категориях «мирового масштаба», то в этих крайне обобщенных терминах данное событие рассматривают лишь 17,3% респондентов, при этом 3,2% как «положительное событие мирового значения».

Распределение ответов на этот вопрос не следует однако еще рассматривать как отказ от надежды на восстановление Союза. Лишь четвертая часть респондентов (23,5%) считает, что «Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь». Ровно столько же (23,1%) полагают, что «следует восстановить СССР как единое государство в полном объеме — в его прежних границах». При этом еще одна треть опрошенных полагает, что «следует создать единое славянское государство». А почти каждый пятый из общего числа респондентов «затрудняется ответить» на вопрос о будущем России с этой точки зрения.

Анализируя ответы на эти вопросы, следует выяснить, во-первых, распространенность «реваншистских» устремлений, во-вторых, степень российского изоляционизма, противостоящего западничеству, в-третьих, меру агрессивности такого рода установок в массовом сознании.

Приведенные выше данные свидетельствуют, что в массовом сознании произошел своего рода перелом в пользу примирения с произошедшими изменениями. Об этом же говорит и тот факт, что при ответе на вопрос: «Кем Вы ощущаете себя сегодня?» — 53,1% опрошенных отвечают, что «чувствуют себя гражданами России» и только 15,5% — «гражданами СССР». Заметно уменьшилось в сравнении с предыдущими опросами и число неопределившихся, избирающих при ответе позицию — «сам не знаю кем». Теперь их 22,9%.

Далее, из трех предлагаемых суждений, обозначающих разное место русской нации в Российском государстве, голоса опрошенных распределились следующим образом:

Таблица 7

1. Россия — общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	73,6%
--	-------

2. Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит ответственность за судьбу страны в целом 13,1
3. Россия должна быть государством русских людей 8,1%

В пользу этнократического государства высказываются, следовательно, всего лишь 8% респондентов, а почти три четверти опрошенных занимают вполне цивилизованную позицию по этому вопросу.

Выводы

Проанализированный выше материал позволяет прийти к следующим выводам:

1. Этноцентризм в России, в том числе и среди русского населения, не является более распространенным социально-психологическим комплексом, чем в других странах Европы. Даже распад СССР не выступает в настоящее время значимым стимулом фрустрации и реваншистских настроений. В национальном самосознании российского населения нет явно выраженного «образа врага», который бы фокусировался на какую-либо иную национальную группу внутри страны или за ее пределами или же на иную страну. В этом отношении попытки усмотреть аналогию между постсоветской Россией и Германией периода Веймарской республики не получают эмпирического подтверждения. Экстремистские настроения в национальной политике не опираются на сколько-нибудь массовую поддержку. Значительное число граждан России готово принять отмену графы «национальность» в паспорте, если это будет осуществлено законодателем. Анализ распределений ответов в зависимости от образования не выявляет существенных расхождений в группах лиц, имеющих более низкий или более высокий уровень образования. Это еще раз подтверждает, что у лидеров, которые попытаются сконструировать образ врага в лице Запада, не будет существенной поддержки.

2. Общая характеристика национального самосознания россиян не исключает вместе с тем наличия национального экстремизма. В целом по России распространенность таких настроений и установок оценивается от 7% до 17%. (Без учета зон и регионов, в которых национально-этнические конфликты приобрели открытую форму.) Наше исследова-

нис позволяет установить, что одним из наиболее важных источников таких настроений является страх за судьбу российской государственности, порождаемый не только внутренними, но и внешними факторами. Полученный в исследовании эмпирический материал подтверждает тесную взаимозависимость между крайними формами национализма и антидемократическими, авторитаристскими политическими установками. А это означает, что процесс демократизации России есть процесс не только внутренний. Он имеет важные международные аспекты: любая демонстрация ущемления российских интересов повышает чувство страха, сплачивает националистические элементы и усиливает авторитаристские тенденции.

3. К Западу существует определенное недоверие, но оно не персонифицировано по отношению к какой-либо конкретной стране. Наиболее низкие оценки получает Ирак, поскольку он представляет собою современную форму тоталитарного режима и от него исходит угроза безопасности на Ближнем Востоке. Общественное мнение россиян не жалуется и на Израиль, но причины этого требуют самостоятельного исследования. Не исключено, что главный стимул сравнительно низкого рейтинга этой страны состоит в понимании того факта, что эмиграция из России в Израиль не согласилась разделить трудности российских трансформационных процессов.

4. Чрезвычайно важно, что даже Германия и Япония перестали в современном массовом сознании россиян ассоциироваться с образом врага. За 50 лет послевоенной истории в сознании людей, в их отношении к Германии и немцам произошла глубокая позитивная трансформация. Она опирается на реальный опыт сотрудничества россиян и немцев во многих областях жизни.

5. Большая часть россиян рассматривает свою страну в качестве великой державы, опираясь на исторический компонент национального самосознания и на оценку вклада России в развитие мировой культуры. Подавляющему большинству чуждо стремление силой доказывать свои права на статус великой державы в мировом сообществе. Ощущение того, что с Россией перестали считаться в соответствии с ее историческим статусом, не порождает в настоящее время массовые настроения реваншизма: распад Союза рассматривается неоднозначно и по этому вопросу нет консенсуса. Консенсус наблюдается в осознании

того факта, что успехи в развитии экономики и укреплении демократии и будут главным средством повышения авторитета современной России в международном сообществе.

1. Более подробное обсуждение проблем, рассматриваемых в настоящей публикации, в том числе и проблем российского федерализма, см. в работах Центра социологического анализа межнациональных конфликтов РНИСиНП: Беженцы М., 1993; Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. Ежегодник Центра социологического анализа межнациональных конфликтов РНИСиНП М., 1994; Взаимодействие политических и межнационально-этнических конфликтов (Материалы международного симпозиума 18-24 апреля 1994 г.). М., 1994. Ч 1-2. Все эти издания вышли под редакцией автора настоящей статьи.

2. Глубокий анализ значения чеченского кризиса для перспектив свертывания российской демократии был дан Леном Карпинским в статье «Боевой залп в честь Конституции». В кн.: Карпинский Л., Писигин В. Заповедник для динозавров. М., 1996. С. 39-47.

3. Детальный анализ осетино-ингушского конфликта см. в рукописи автора «Осетино-ингушский территориальный конфликт». Текущий архив Центра социологического анализа межнациональных конфликтов РНИСиНП.

4. Der Spiegel, № 38, s. 90. («Wann moechten Sie sterben?»).

5. Ibid.

6. Определенная часть этой работы получила отражение в книге А. и М. Митчерлих «Невозможность печали», вышедшей в 1968 г. в Мюнхене на немецком языке.

7. См.: Der Spiegel, № 38, s. 68 («Wann moechten Sie sterben?»).

8. Huntington S. P. The Clash of Civilizations? In: The International System after the Collapse of the East-West Order, 1994.

9. Вторая точка зрения представляет авторов с явно выраженными антиимперскими установками как в старом, так и в новом понимании этого термина.

10. Эта позиция наиболее четко была выражена в «советологической» литературе в период противостояния идеологий.

11. См. Динамика ценностных ориентаций населения России: 1990-1994 годы. Руководитель авторского коллектива Н.И.Лапин. Отв. ред. Л.А.Беляева. М., 1996.

12. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. 3-е изд. М., 1996.

13. Smith Antony. Gastronomy or Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of Nations//Nations and Nationalism, 1995, vol. 1, p. 1, p 3-23.

R. Kaiser
проф.
(США)

POLITICAL GEOGRAPHY AND NATIONALISM IN LATE IMPERIAL RUSSIA

This paper draws extensively on the research conducted on this topic for the book «The Geography of Nationalism in Russia and the USSR» (Kaiser, 1994). I will begin the talk by outlining the theoretical approach used in this research, and follow that with some of the main findings of this research regarding national territoriality in late imperial Russia.

When I began this research, few geographers studied these topics. National identity and nationalism were mostly examined by political scientists and sociologists, and consequently a geographic perspective on nations and nationalism was under-developed in the literature, even though it was clear even to sociologists such as Anthony Smith (1981) that «whatever else it may be, nationalism is always about land and who controls it.» My research interest and objective when I began the project was to bring a geographic perspective more fully into the study of nations and nationalism.

This research utilizes a comparative approach which draws extensively on theories of nations and nationalism developed and tested outside the Soviet context. This was also somewhat different from most of the research being done at the time I began; the starting point of western analyses was an assumption that the USSR was unique and could not be studied using general theory-testing methodologies. With this in mind, the paper next turns to the general theoretical literature that I found most useful in assessing nationalism and territoriality in late imperial Russia.

Theoretical Framework

I began the research by examining the inter-relationship between nation-making and homeland-making processes. There was no theoretical literature that had already been developed on this topic, and so I began by reviewing theories of ethnic and national identity on the one hand (e.g., Connor, 1994; Smith, 1971; 1986; Hobsbawm, 1990; Ander-son, 1983; Gellner, 1983), and territoriality on the other (e.g., Gottmann, 1973; Johnston, et al., 1988; Sack, 1986; Soja, 1971). From this literature review, it became clear that nations are as much territorial communities as they are cultural

communities, and that these two dimensions of national consciousness cannot be decoupled.

Nations are both backward-looking communities of belonging and forward-looking interest groups, and geography is integral in each of these two aspects of national consciousness. As backward-looking communities of belonging, the national membership shares a sense of common genealogical and geographic origins. Much has been written about the sense of common ancestry, but much less has been said about the sense of geographic origins and its importance in the making of nations. Many origin myths have the original ancestors being created out of the soil of the homeland, and in this way blood and soil merge into one in the nation-making process. The homeland as geographic cradle analogy is inadequate, since the nation is not just said to have been born *in* a certain special place, but is said to be a part *of* that place. The terms «Mother Latvia», «Mother Russia», «Mother Georgia», etc. capture this sense of spatial identity much better.

Nations are not only communities whose members share a backward-looking sense of common genealogical and geographic origins, but are also forward-looking communities whose members share a sense of common fate or destiny. This sense that the nation has a shared fate does not imply that national members are fatalistic, which would tend to depoliticize the community. Rather, national members share a belief that the fate of the nation is in their hands, and typically that it is jeopardized by ethnic others. This forward-looking aspect of national consciousness therefore tends to politicize the national membership, as they mobilize to gain control over the fate of the nation (i.e., national self-determination). It also tends to territorialize the nation, since national self-determination is almost always pursued using territorial means. That is, nationalists almost always seek greater sovereignty over their homelands as the means through which they attempt to gain control over the fate of the nation. This is what I have defined as national territoriality.

From this definition of nations, several research questions emerged with respect to late imperial Russia. First, to what extent had a sense of homeland developed among the various ethnic communities in the Empire? Second, to what extent had a national consciousness become mass-based within the various ethnic communities of the empire? Third, to what extent had national territoriality become a dominant political strategy capable of mobilizing the masses behind the goal of

national self-determination? All three of these questions, and particularly the first two, are extremely difficult to answer, because we are asking about what the peasant masses were thinking and feeling. Since this population had high illiteracy rates, it did not leave much in the way of a written record. In the past, analysts tended to rely on what was written about this population by the educated elites. However, this is extremely problematic, because the elites and peasantry did not interact intensively during this period, and these studies almost always present the elite's biased view of the peasants rather than the peasants' own perspectives of their lives and relationships.

The approach adopted in this study is to examine the nationalization of the masses through the use of socio-demographic and socio-economic processes and behavior, which provide indirect evidence of peasant attitudes toward nation and homeland identities. Two studies seeking answers to comparable questions were very influential in the way that I structured this part of the research. The first was Eugen Weber's «Peasants into Frenchmen»; which is a path-breaking study of modernization and the nationalization of peasants in rural France between 1880 and 1914. The second was Miroslav Hroch's «The Social Preconditions of National Revival in Europe». According to Hroch, during the Age of Enlightenment intellectuals began to develop a scholarly interest in their ethnic origins, in order to better understand the world and their place in it (Hroch, 1985: 22-3). This «period of scholarly interest» led to the ethnicization of elites, who became more interested in their genealogical and geographic origins, in the roots of their language, etc. This first phase was followed by a «period of patriotic agitation» during the Age of Romanticism. This phase was marked by the nationalization of elites, as intellectuals became forward-looking nationalists seeking to mobilize «their» ethnic communities behind the goal of national self-determination. The third phase is the nationalization of the masses, as members of the ethnic community come to consider themselves part of the nation, and come to share with their nationalistic elites a sense of common genealogical and geographic origins and a sense of a common fate or destiny. The remainder of this paper traces the nationalization of Russians and non-Russians through these three phases. In each phase, the paper incorporates territorialization along with nationalization.

The Ethnicization of Elites

A period of scholarly interest in the ethnogenesis of the population in the Russian Empire can be found among Russian intellectuals as early as the end of the 18th century in the works of Radishchev (1789) and Karamzin (1802; 1811).

However, Russian intellectuals did not yet consider themselves to be in any way related to the peasant masses, who continued to be viewed as uncivilized sub-humans. Nation continued to be defined in class terms, as a nation of citizens. These enlightened intellectuals tended to define home as the entire Russian Empire, or even as all of enlightened Europe, rather than as the geographic birthplace of the ethnic community.

For non-Russians, a period of scholarly interest in the ethnogenesis of their groups varied greatly. For Ukrainians, the Baltic groups, Georgians and Armenians, the ethnicization of elites began in the early 19th century (e.g., Hroch, 1985: 76-86; Suny, 1989: 123-5). The ethnicization of Turkic Muslim elites began relatively early among the Kazan Tatars, and somewhat later among the Crimean Tatars, the Azeris and the Kazakhs. In Turkestan, the onset of nationalization was impeded by the strength of conservative Islam, which resisted the development of ethnonational identity as a divisive force that would weaken the supranational Islamic community. As a result, the first stages of nationalization in this region barely preceded World War I and the disintegration of the Russian Empire (Hanaway, 1973; Braker, 1971). This was certainly also true of most of the ethnic communities with homelands in the Volga-Urals region, as well as in Siberia and the Far East. An early interest in the ethnogenesis of several subordinate groups was first expressed not by indigenous intellectuals, but by outsiders who were frequently motivated more by geopolitical concerns than by scholarly interest. For example, the early study of Belorussian language and culture was conducted by Polish and Russian elites who were seeking evidence to bolster their claims that the Belorussian people, and therefore Belorussia, was actually a part of their respective ethnonational community and homeland (Vakar, 1956). Even with this external interest, the beginnings of nationalization in Belarus' barely preceded the disintegration

of the Empire, and in this way it is more similar to Central Asia than to the European part of the state.

The Nationalization of Elites

The «period of patriotic agitation» marks a turning point away from a somewhat detached scholarly interest in one's ethnogenesis toward an activated nationalism as intellectuals sought to recenter the nation idea around the peasant masses and the soil of the homeland. For Russians, the second stage was marked by the rise of the Slavophile movement during the late 1830s, with its rejection of westernization and its redefinition of the Russian nation as an ancient organism of intimately connected and internally unified village communes (Riasanovsky, 1976). Here, homeland is also redefined in much narrower terms as the ancient ethnocultural hearth of the Russian nation. Symbolically, the geographic core of Russia had shifted from St. Petersburg, the Russian window on the West, to ancient Muscovy, Novgorod and Pskov (Kristof, 1967).

The Russian nationalist sense of homeland expanded along with the expansion of empire, and by the turn of the twentieth century had come to include the newly conquered lands as well as the cultural hearth (Brooks, 1985: 242; Kristof, 1967). Although a distinction was drawn between Russia — the ancestral homeland — and Rossiya — the geographic extent of the Empire — this distinction lost clear meaning over time. This was reflected in the overlapping usage of the words *otechestvo* and *rodina*, each of which could mean both national homeland and state (Dal', 1881).

For non-Russian elites, the period of patriotic agitation was in large part a reaction against the subordinate position in which they found themselves.

Throughout the non-Russian periphery, indigenes had been subordinated to ethnic others: to Germans in Latvia and Estonia, to Poles in Lithuania, to Armenians and Russians in Azerbaijan and Georgia, to Russians, Poles and Jews in Ukraine and Belarus, and to Russians in the East. This subordination delayed the onset of nationalization for a time, since upwardly mobile indigenes tended to acculturate and assimilate as a matter of course. However, as socioeconomic development occurred and as the number of mobilized indigenes increased, the subordinate position in which they found themselves in the region that they had begun to

consider as their homeland became increasingly intolerable. A reactive nationalism brought on by a growing perception of relative deprivation among non-Russian indigenous elites relegated to subordinate status in their own homelands became increasingly apparent during the last decades of the Empire's existence, as indigenes became more literate, educated, urbanized, and upwardly mobile.

Of course, the pace of this socioeconomic development and rise in reactive ethnicity varied geographically; it came relatively early in the Baltics, in Congress Poland, and in Georgia; it came somewhat later in Ukraine, Azerbaijan and Kazakhstan, and as noted above, it did not precede the disintegration of the Russian Empire in Central Asia and Belarus.

For the non-Russian nationalized elites, the sense of homeland that emerged as a result of this reactive ethnicity tended to be highly exclusionary. Nationalist archeologists, anthropologists, linguists, etc., set out to prove each community's primordial presence and preeminent claim to the most expansive homeland possible.

The "period of patriotic agitation" assumed major importance during the last fifty years of the Russian Empire. Two types of nationalist emerged during this period — a nationalized elite and a «conscious» peasantry. Rural peasants tended to reject nationalized elites who sought to «reawaken» them, since these nationalists were outsiders and therefore not to be trusted. On the other hand, the development of a conscious peasantry among the more mobilized members of the local communities greatly facilitated the nationalization process. As insiders, these conscious peasants were much more capable of transmitting nationalism to the localized and suspicious peasantry than were the nationalized elites (e.g., Seregny, 1991). The emergence and expansion of a conscious peasantry marks the entry into the third and final phase of the nationalization process: the nationalization of the masses.

The Nationalization of the Masses

The peasants for their part retained a highly localized image of community of belonging and homeland that rarely extended beyond the local village. Anyone from outside this homeland — regardless of ethnic identity — was considered an alien, and was treated with a good deal of suspicion. Given this localized identity, it is not surprising that the

nationalized elites who sought to bond with the peasantry («their people») were frequently met with open hostility.

Before nationalization could occur, the peasants had to be freed from serfdom, and some degree of geographic and social mobilization had to occur in order to break down the localism in the countryside. This section reviews the main socio-demographic trends of the period 1861-1914 that had an impact on the nationalization of the masses.

Geographic Mobilisation

The vast majority of the rural population remained in the uyezds in which they were born (Map 1). Most of the areas on the map that show higher levels of geographic mobility reflect the immigration of peasants in search of land, and this rural-to-rural migration patterns in Novorossiia, Kuban and the North Caucasus, the Asiatic Steppe and Southern Siberia did not have a nationilizing effect on the peasants who migrated. However, in certain regions such as the Asiatic Steppe, the large-scale in-migration of Russian peasants who forced the indigenous population off the best grazing lands and into more marginal areas did serve as a catalyst for rising anti-outsider sentiments, and with them the beginnings of a national consciousness (e.g., Kazakhs).

Urbanization

Geographic mobility was severely limited even after the emancipation of serfs in 1861. Higher levels of migration were apparent in the Russian core area and in the more developed northwest, where much of the migration was rural to urban movement (Map 2). The urbanization of peasants, along with their rising literacy and education in this region, certainly reduced the barriers to mass-based nationalization through the development of a nationally conscious peasantry. However, this did not happen quickly, since most rural-urban migrants moved to cities on a temporary, seasonal basis. In addition, these migrants tended to move with other members of their own villages (zemlyaki), and once in cities they tended to live together and work together, in a process referred to as zemlyachestvo. In this way, these rural to urban migrants retained a highly localized sense of homeland and communal identity even after moving to cities, and many cities of the late nineteenth century began to take on the appearance of large peasant villages (e.g., Hamm, 1986).

In the cities of the Russian core (i.e., St. Petersburg and Moscow), peasants migrating to these cities did undergo a process of Russianization, and this occurred among the nominally Russian peasants as well as those from other ethnocultural backgrounds (e.g., Yukhneva, 1984). For both, this process tended to take more than one generation. Among the non-Russian elites who migrated to St. Petersburg, further nationalization and rising anti-Russian nationalism rather than Russianization was the dominant trend. In the non-Russian western periphery, those few indigenous peasants who had migrated to the cities prior to the late nineteenth century had acculturated to the dominant ethnic community as a matter of course (e.g., Latvians and Estonians to German; Lithuanians to Polish; Ukrainians and Belorussians to Polish or Russian). However, by the late nineteenth century the large number of indigenous peasants migrating to the cities resulted in a demographic indigenization of these urban areas, which accelerated the nationalization process of the indigenous masses. This occurred earliest in Estonia and Latvia. An indigenization of cities was also occurring in Georgia and Azerbaijan, and this resulted in rising indigenous nationalism and anti-foreigner sentiments. The indigenization of cities in Ukraine and Belorussia did not occur until after the disintegration of the Russian Empire. In Central Asia the rural population remained highly localized and isolated, and migrated to cities at very low levels. Even though Central Asians made up a majority of the urban population, the urbanites and rural masses did not see themselves as part of the same nation. This undoubtedly contributed to the extremely limited degree of mass-based nationalization that had occurred in the region by 1917.

Literacy and Education

The peasantry was for the most part illiterate, and spoken language varied greatly from village to village. Although nationalized elites had begun to develop standardized written languages around the spoken vernacular during the nineteenth century, literacy had made only limited inroads in the countryside, especially outside of the European northwest (Map 3). Even by the time of the 1897 census, ethnolinguistic identity varied greatly, and census takers who had the task of grouping village dialects into ethnolinguistic

categories noted that this was next to impossible in many peripheral regions of the Empire (Troynitsky, 1905, 2:I-II). This was particularly true of Turkestan and the North Caucasus region.

Primary education was also quite limited and concentrated in the northwestern guberniyas of the Empire (Map 4).

Literacy and education rates were rising during the last 50 years of the Russian Empire, and the impetus for greater literacy and education came primarily from the peasants themselves, not from either local elites or the state (Eklof, 1986). Peasant parents wanted their children to learn language and math skills in order to reduce the peasantry's dependence on the local elites. They did not want their children to be socialized away from a localized mentality which emphasized patriarchal familial power structures and wealth flows. This attitude almost certainly impeded the nationalization of the masses, although this is a point that should not be overemphasized, since peasant parents came to depend more and more on their children once they became literate and educated. Even limited literacy and education broadened the outlook of the peasant children and altered power relationships within peasant households. Nevertheless, mass-based education and with it nationalization were only beginning to change the localized rural mentality in the vast majority of ethnic communities in the Russian Empire prior to 1917.

Occupational Mobility

Between 1861 and 1914, the rate of industrialization increased rapidly in Russia; however, the industrial work force remained a small segment of the population in the Russian Empire and only about two percent of the total population was engaged in industrial production by 1913 (Rogger, 1983: 106-9).

Geographically, industrialization was concentrated in the northwestern regions of the empire, i.e., the Baltic guberniyas and the Russian core (Map 5). In much of the rest of the Empire, opportunities for occupational mobility were limited. This was particularly true for the indigenous peoples in the southern periphery, because the limited development that did occur in these regions benefitted Russians and other Slavic in-migrants.

As was already stated, urbanization and industrialization did not change the peasants' localized mentality initially,

since they tended to migrate together, to live together and to work together with other members of their villages. They were seasonal migrants (otkhodniki) or urban nomads who retained strong ties to the rural village. Even as late as 1906, the majority of Russian factory workers continued to consider themselves as "peasant-farmers" (Burds, 1991: 100). Nevertheless, even though these village ties slowed the nationalization of the industrial work force, they also facilitated the nationalization of the rural masses in the long run, since the urbanized peasants, once sufficiently nationalistic, could serve as conduits for the nationalization of the countryside on their return home.

For non-Russians, as I noted above, the pathway to upward occupational mobility was blocked by the presence of dominant ethnic others. As rural indigenes migrated to cities in their homelands in greater numbers, a growing sense of relative deprivation and rising sense of exclusiveness developed. The inferior position of indigenes in cities that they increasingly came to see as theirs resulted in the convergence of interests between patriotic agitators and nationalizing peasants, as well as between exclusionary nationalists and indigenous socialists.

By the time of the 1905 Revolution, the resultant rise in exclusionary nationalism was most apparent in the Baltic guberniyas, in Congress Poland and in Finland. In this region, the nationalization of the indigenous masses was fairly widespread. In Ukraine and Belarus, only a small segment of the indigenous populations had become upwardly mobile and experienced relative deprivation, leading to a rising nationalistic sense of exclusiveness. Deterioration of economic conditions in the rural villages caused unrest among the peasantry, but this was localism rather than nationalism, and the nationalized elites in the region were not able to capitalize on this rural discontent. More often than not, the economic depression in the countryside led to rural outmigration to other regions of the Empire, such as the Asiatic steppe and North Caucasia, rather than to urbanization of the indigenous peasantry.

In Georgia, a demographic indigenization of cities was occurring, and Georgians did experience a rising nationalistic sense of exclusiveness as a result of contact and competition with Armenians and Russians in Tiflis and other cities. Armenia remained relatively underdeveloped, and the

potential for upward mobility was limited. Socially mobilized Armenians lived in cities outside Armenia for the most part, and this impeded the nationalization of the indigenous masses, although rising anti-Armenian sentiments in the cities of Georgia and Azerbaijan, together with the anti-Armenian pogroms in Turkey, did cause a rise in Armenian national consciousness among the elites. In Azerbaijan, Azeris migrating to Baku reacted against the privileged position of Armenians, and this led to open warfare in 1905. War itself was a catalyst for the nationalization of the masses, but the overwhelming majority of Azeris remained highly localized throughout the pre-1914 period.

In Kazakhstan, the demographic indigenization of cities was not a factor in the nationalization of the masses, but the demographic Russification of the best grazing lands in northern Kazakhstan after 1880 did serve as a catalyst in this regard (Olcott, 1987: 112). Still, Kazakh nationalization remained limited prior to the disintegration of the Russian Empire. In Turkestan, the geographic and social mobilization of the indigenous population was nonexistent, and the conditions for a mass-based nationalization did not yet exist.

Overall, social mobilization and the nationalization of the masses were relatively limited before 1914. For the most part, the peasantry remained highly localized in its orientation to life, and highly suspicious of outsiders. The degree of localism varied regionally, and the population in the northwestern regions of the Empire had experienced greater mobility and with it greater nationalization. Elsewhere, the nationalization of the masses was either nonexistent, or was barely beginning prior to World War I.

A sense of national self-consciousness, as well as a national sense of homeland, continued to be elite constructs with which the rural masses were only beginning to identify by the onset of World War I. As a result, national territoriality as a political action program had only limited mass-based appeal. All land to the peasants undoubtedly had much greater appeal than national self-determination.

- Anderson, Benedict. 1983. *Imagined communities*. London: Verso.
- Braker, Hans. 1971. «The Muslim revival in Russia». In: *Russia enters the twentieth century 1894-1917*, edited by E.Oberlander et al., 182-198. New York: Schocken Books.
- Brooks, Jeffrey. 1985. *When Russians learned to read*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Connor, Walker. 1994. *Ethnonationalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dal', Vladimir. 1881. «Otechestvo» and «rodina». In: *Tolkovyy slovar' zhivago Velikoruskago yazyka*. St. Petersburg: M.O.Vol'fa.
- Eklöf, Ben. 1986. *Russian peasant schools: Officialdom, village culture, and popular pedagogy, 1861-1914*. Berkeley: University of California Press.
- Gellner, Ernest. 1983. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gottmann, Jean. 1973. *The significance of territory*. Charlottesville: University Press of Virginia.
- Hamm, Michael, ed. 1986. *The city in late imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press.
- Hanaway, William. 1973. «Farsi, the vatan, and the millat in Bukhara». In: *The nationality question in Soviet Central Asia*, edited by Edward Allworth, 143-150. New York: Praeger.
- Hobsbawm, Eric. 1990. *Nations and nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hroch, Miroslav. 1985. *The social preconditions for national revival in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnston, R., et al. eds. *Nationalism, self-determination, and political geography*. London: Croom Helm.
- Kaiser, Robert. 1994. *The geography of nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Karamzin, Nicholas. 1802. «On the love of the fatherland and national pride». In: *Russian intellectual history: An anthology*, edited by Marc Raeff, 107-112. New York: Harcourt, Brace & World, 1966.
- Karamzin, N. 1811. «A memoir on ancient and modern Russia». In: *A documentary history of Russian thought from enlightenment to Marxism*, edited by W.Leatherbarrow and D.Offord, 32-41. Ann Arbor, Michigan: Ardis.
- Kristof, Ladis. 1967. «The geopolitical image of the fatherland: The case of Russia» // *The Western Political Quarterly* (1967), 941-54.
- Olcott, Martha. 1987. *The Kazakhs*. Stanford: Hoover Institution Press.
- Radishchev, Alexandre. 1789. «A discourse on what it means to be a son of the fatherland». In: *A documentary history of Russian thought from enlightenment to Marxism*, edited by W.Leatherbarrow and D.Offord, 18-24. Ann Arbor, Michigan: Ardis.
- Riasanovsky, Nicholas. 1976. *A parting of ways: Government and the educated public in Russia 1801-1855*. Oxford: Clarendon Press.
- Rogger, Hans. 1983. *Russia in the age of modernization and revolution, 1881-1917*. London: Longman.

Sack, Robert. 1986. *Human territoriality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Seregny, Scott. 1991. «Peasants and politics: Peasants unions during the 1905 Revolution». In: *Peasant economy, culture, and politics of European Russia, 1800-1921*, edited by Esther Kingston-Mann and Timothy Mixer, 341-77. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Smith, Anthony. 1986. *The ethnic origins of nations*. Oxford: Basil Blackwell.

Smith, Anthony. 1981. «States and homelands: The social and geopolitical implications of national territory»//*Millenium: Journal of International Studies* 10 (3), 187-202.

Smith, Anthony. 1971. *Theories of nationalism*. London: Duckworth.

Soja, Edward. 1971. *The political organization of space*. Washington, DC: Association of American Geographers.

Suny, Ronald. 1989. *The making of the Georgian nation*. Bloomington: Indiana University Press.

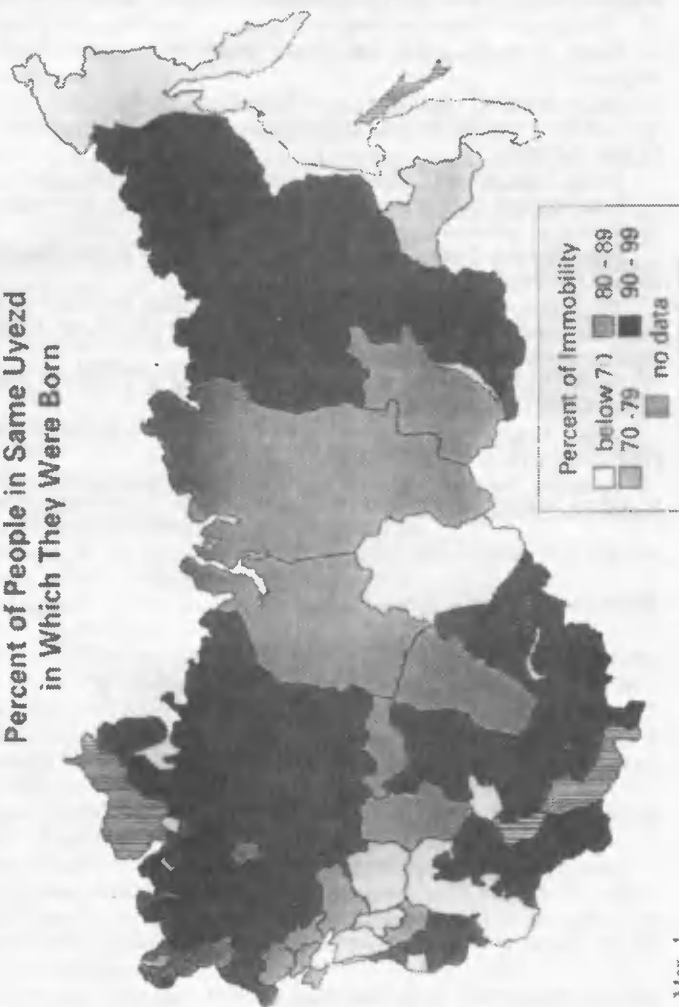
Troynitsky, N., ed. 1905. *Obshchiy svod' po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh' pervoy vseobshchey perepisi naseleniya*, 2 volumes. St. Petersburg: Tsentral'nyy Statisticheskii Komitet'.

Vakar, Nicholas. 1956. *Belorussia: The making of a nation*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Weber, Eugen. 1976. *Peasants into Frenchmen: The modernization of rural France, 1870-1914*. Stanford: Stanford University Press.

Yukhneva, Nataliya. 1984. *Etnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga*. Leningrad: Nauka.

Rural Immobility by Guberniya, 1897 **Percent of People in Same Uyezd** **in Which They Were Born**

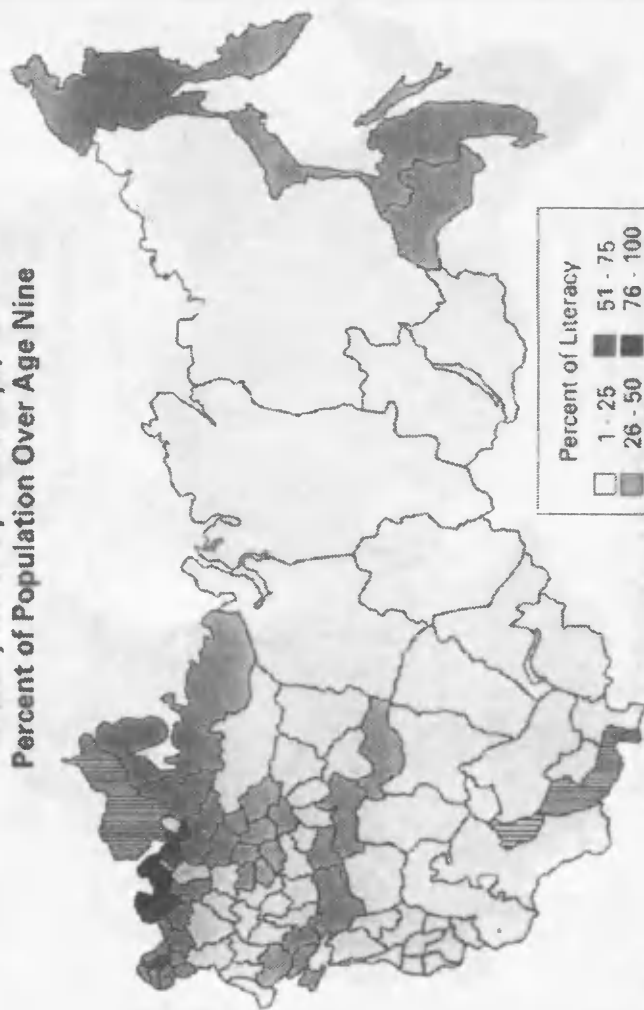
Map. 1

Urban Population by Guberniya, 1914

Map. 2

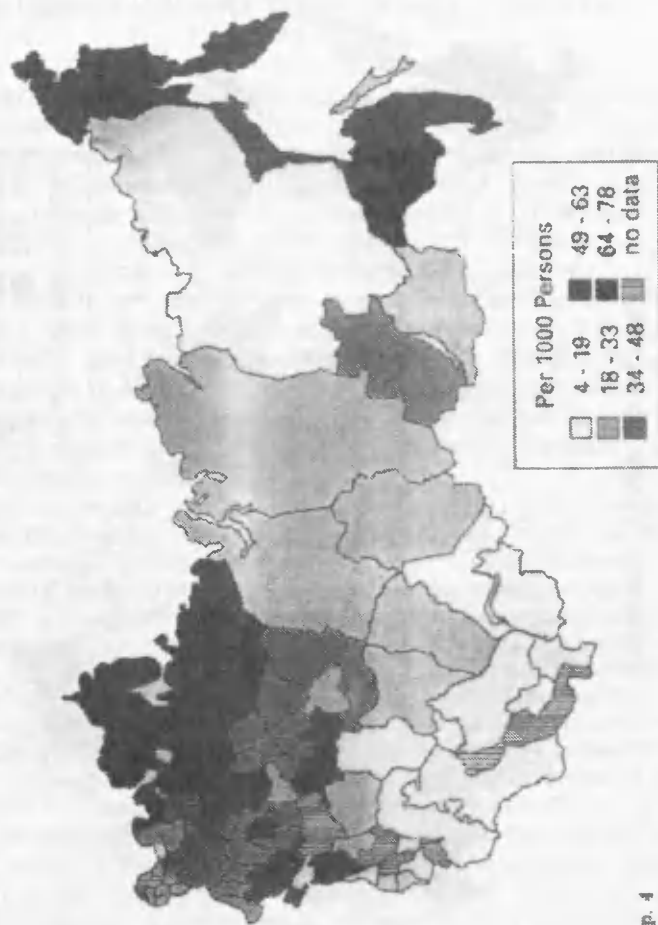
Literacy Rates by Guberniya, 1897 **Percent of Population Over Age Nine**

Map. 3

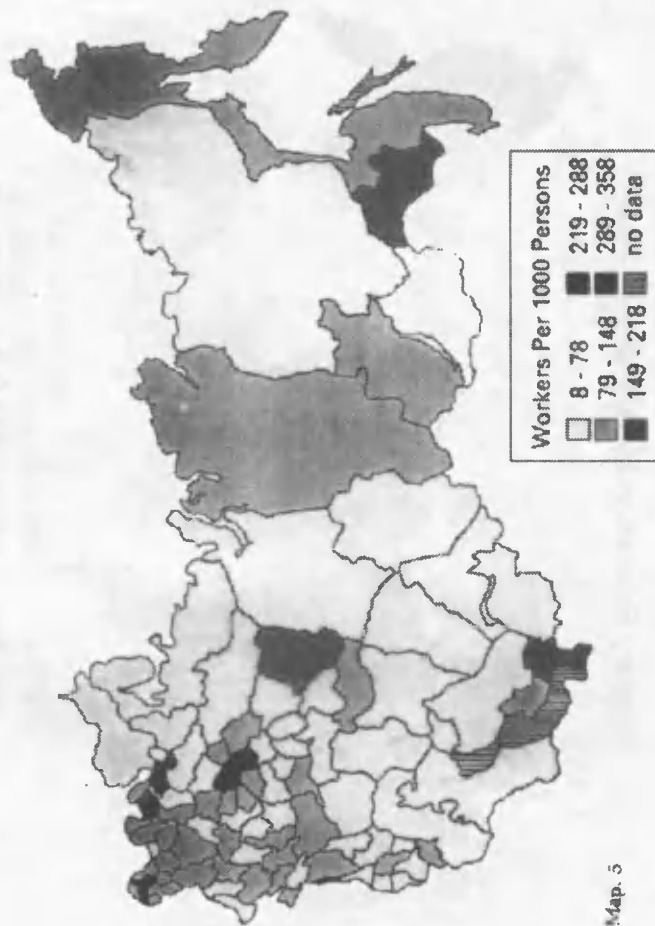

Primary Education by Guberniya, 1910

Map. 4

Industrial Work Force, 1897

Map. 5

В.В. Журавлев
д.и.н., проф.
(Москва)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX века

Изучение проблематики досоветской многопартийности продвинулось в последние годы далеко вперед. Этому способствовали концепционные сдвиги в отечественном обществоведении, суть которых сводится к тому, что от рассмотрения истории отдельно взятых политических партий и однолинейных отношений между ними (обоюдное игнорирование — сотрудничество — борьба) исследователи стали все решительнее переходить к оценке характерных черт, особенностей, места и роли в жизни страны структуры многопартийности в целом как своеобразного «организма организмов» (пусть даже в эмбриональном состоянии); где единичное существует, будучи диалектически связанным с целым многочисленными видимыми и невидимыми нитями.

Фактором, во многом способствовавшим реализации новых подходов, стало серьезное обновление, наращивание источниковой базы. Хочу в этой связи в первую очередь отметить беспрецедентный многотомный международный проект «Политические партии России. Документальное наследие», в рамках которого в ближайшие годы планируется издать 24 тома. Вышедшие в свет первенцы этого проекта¹ свидетельствуют, что мы имеем дело с источниковыми массивами, введение которых в научный оборот способно качественным образом изменить ситуацию в осмыслении реального места отечественной многопартийности в бурных событиях, сотрясавших Россию в начале XX в.

Логическим дополнением к указанным публикациям стал выход в свет книги «Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в.»² — первого в отечественной и зарубежной историографии фундаментального, академического по своему археографическому типу и уровню издания подобного рода источников. В сборник вошли программные документы 51 наиболее значительной общероссийской и национальной партии практически всех направлений — консервативно-монархиче-

ского, либерального, радикально-демократического и социалистического. Взятые в целом, они с максимально возможной сегодня полнотой отразили ведущие тенденции общественно-политического развития России начала нашего века, зафиксировали факт преобладания лево-радикальных настроений, господство конфронтационной политической культуры в стране, стоявшей на пороге революционных бурь.

Полномасштабное изучение феномена российской многопартийности уже на данном этапе ставит исследователей в довольно парадоксальную ситуацию. Чем более масштабными видятся им контуры отечественной многопартийности (число выявленных к настоящему времени партий в стране — вместе с национальными и региональными — приближается к тремстам), тем осторожнее начинают они относиться к оценке уровня политической зрелости структуры российской многопартийности, так, судя по всему, и не достигшей состояния, которое дало бы нам право говорить о сложившейся в досоветской России *системе многопартийности*.

Исследователи обращают внимание и на серьезные отличия в характере функционирования структуры политической многопартийности в центре и на местах. Подобного рода наблюдения дали основания историку из Челябинска И.В.Нарскому на основе изучения политических объединений на Урале до 1917 г. говорить о «русской провинциальной партийности» как о явлении, во многом отличном от партийности «столичной». Многопартийность на местах особенно жестко испытала на себе реалии протекавшего в России на рубеже XIX и XX вв. трансформационного кризиса, порождавшего острую конфронтационность в обществе. В этих условиях, считает исследователь, «многопартийность оказалась чужеродным, наносным и кризисным явлением, не способствовавшим развитию демократических традиций в стране»³.

С учетом факта определенной схожести, повторяемости процессов, протекавших в России в начале века и имеющих место сегодня, анализ проблем досоветской многопартийности приобретает сегодня отнюдь не только академическую актуальность. Лакмусовой бумагой для определения степени зрелости, функциональной целесобразности и социальной эффективности довольно громоздкой структуры многопартийности начала века может

служить, в частности, уяснение вопроса о том, что дала эта структура российскому обществу и государству на заре XX в. в плане видения состояния и перспектив развития национальных отношений в стране, а также в отношении формулирования реальных социально-политических программ переустройства страны с учетом национального фактора.

К событиям февраля-марта 1917 г., которые знаменовали начало революционных преобразований, сопровождавшихся распадом Российской империи, общероссийские политические партии подошли с облегченным в целом пониманием зреющей в стране дезинтеграционной ситуации в сфере межнациональных отношений. В недрах политических сил страны — в широком диапазоне от монархистов до большевиков — были достаточно сильны настроения относительно прочности исторически сложившихся начал «единой и неделимой» России. Различными были лишь мотивации, на которых зиждилось это убеждение. Если для монархистов виделась очевидной незыблемость исторического триединства: «самодержавие, православие, народность», то левые радикалы были приспосабливаемы веры в цементирующую, интегрирующую силу идей демократизации страны, силу воплощенных в жизнь лозунгов равенства, братства, классовой солидарности, интернационализма.

И это не было случайным, ибо постулат «единой и неделимой» России помимо самодержавно-охранительных имел и глубокие почвенные корни, питавшиеся сходными историческими судьбами как русского, так и многих других народов Российской империи, видевших в «неделимости» державы определенную гарантию безопасности от захватнических устремлений западных, южных и восточных соседей. С течением времени эти связи, базировавшиеся на ведущих к сплочению опасениях, «узах страха», стали отступать на второй план перед требовательным всемогуществом уз экономических.

Уповая на силу начал «официальной народности», монархисты расшифровали третье звено формулы «самодержавие, православие, народность» как «единение царя с народом». Народ при этом рассматривался в соборном духе, без какой-либо дифференциации не только в социальном, но и в национальном отношении. Так, Союз русского народа (СРН) в своих «Основоположениях» заявлял, что «не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и ос-

твояет им вполне неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но признает особую общественность для народностей, живущих на окраинах...», причем «из иноверцев выражает свое благорасположение содержащим Магометов закон»⁴. Тем не менее, СРН исходил из того, что русская народность — «державная, господствующая и первенствующая и что только ей одной... принадлежит право государственного строения и управления»⁵.

Русская монархическая партия (РМП) национальный вопрос растворяла в вопросах экономических и демографических, подкрепленных монополией православия. Она считала русскую колонизацию окраин важнейшей предпосылкой «прикрепления к России» населяющих ее народов⁶.

Специальное место в программах монархистов отводилось «еврейскому вопросу», который, как полагал СРН, «должен быть разрешен особо от других племенных вопросов, ввиду продолжающейся стихийной враждебности еврейства не только к христианству, но и к нееврейским народностям и ввиду стремления евреев ко всемирному владычеству»⁷.

Характерно, что подобного рода настроения, не имея глубинных корней в самом обществе, нашли отзвук в документах даже праволиберальных партий. Так, в программе Партии правового порядка (ППП), известной под хлесткой характеристикой «партии превосходительных чиновников», вслед декларациям об основных правах граждан (свободы слова, союзов, собраний и петиций, совести, личности, передвижения с отменой паспортной системы) содержалось примечание: «Еврейский вопрос подлежит рассмотрению Государственной Думы»⁸.

В условиях существования Российской империи основной фронт борьбы в национально-государственной сфере проходил — на уровне общероссийских партий и общественных движений — по линии противоборства либерального и демократического централизма (не путать с одноименным принципом внутривластных отношений) и самодержавно-черносотенного унитаризма. Если второй включал в себя жесткие шовинистические установки правых — от известных нам монархических и черносотенных союзов до ультраконсервативного «Союза 17 октября», то первый был представлен либеральными, неонародническими и социал-демократическими партиями, чье видение будущей единой неделимой демократической России диалектически объединяло и сталкивало между собой довольно

широкий диапазон представлений: от отстаиваемого Конституционно-демократической партией (КДП) права «свободного культурного самоопределения» по экстерриториальному принципу до большевистского — «вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Принятая в 1905 г. программа партии кадетов исходила из того, что «Основной закон Российской империи должен гарантировать всем населяющим Империю народностям помимо полной гражданской и политической равноправности всем гражданам право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.»⁹. Это довольно общее и расплывчатое положение конкретизировалось в документе разве что тем, что населению каждой местности должно быть обеспечено право начального, а по возможности и дальнейшего образования на родном языке, а в Царстве Польском — соблюдаться права меньшинства в русле принципов культурного самоопределения. Решение же проблемы употребления наряду с общегосударственным местных языков в государственных и местных установлениях и учебных заведениях относилось кадетами на усмотрение государственных органов и органов местного самоуправления. Законодательные основы, принципы этого «усмотрения», однако, никак не прописывались.

На принципе «единой и неделимой» России в дооктябрьский период так или иначе строились и программные представления РСДРП. Не только меньшевики, но и большевики в ту пору отнюдь не стремились подносить зажженный факел к пороховому погребу, называемому «российская унитарная государственность», вопреки расхожим представлениям и своему собственному послеоктябрьскому лозунгово-песенному пафосу:

«Мы на горе всем буржуям
мировой пожар раздуем...»

Формулировки программы РСДРП, принятой в 1903 г. на ее II съезде¹⁰, в плане перспектив государственного устройства страны предельно осторожны с немалой долей недоговоренности. Национальный вопрос по-существу заменялся в этом документе идеей «широкого местного самоуправления», что вызывало законный интерес у совре-

менников, допускает ли данная программа политическое самоопределение, образование, выражаясь современным языком, субъектов в составе федерации? Касаясь этой проблемы, приват-доцент Петроградского университета С.Авилиани в 1917 г. констатировал: «многие толкователи программ социал-демократов являются противниками политической автономии»¹¹. В итоге, как меньшевики, так и большевики к моменту краха царизма не продвинулись, по существу, дальше идей равноправия наций, уничтожения национальных привилегий, отмены государственного языка, широкой областной автономии.

Думаю, что такому выводу не противоречит принятие на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Поронино (осень 1913 г.) известной большевистской резолюции по национальному вопросу, содержавшей положение о праве «угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.е. на отделение и образование самостоятельного государства»¹².

Было бы неправильным недооценивать сам факт введения данного принципа («вплоть до отделения»), уже известного на тот момент европейской и мировой демократической и социалистической мысли, в российский политический лексикон. Невзирая на то, что его выдвижение было ответом, в основном декларативного характера, на реалии политической жизни (разгул черносотенного шовинизма в обстановке роста националистических тенденций на местах), на трудности внутрипартийного характера (позиции кавказских социал-демократов, Бунда, ликвидаторов в национальном вопросе). В этой обстановке «право на отделение» стало для большевиков не целью, а лишь средством укрепления своих позиций в политических баталиях, стимулятором революционного процесса в стране, инструментом борьбы с правыми, шовинистическими силами, побудителем вовлечения в схватку с самодержавием либеральной буржуазии и «верхних слоев угнетенных национальностей»¹³ в целом.

Вот почему декларирование права на отделение сопровождалось как официальными оговорками (прежде всего, о неопозволительности смешивать его «с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации»¹⁴), так и подспудными соображениями, которые политики предпочитают не афишировать.

Суть последних предельно четко была изложена В.И.Лениным в письме С.Г.Шаумяну от 6 декабря 1913 г.,

в котором он прямо утверждал: «Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедем. В общем, мы против отделения». Подчеркивая, что провозглашение данного права «есть исключение из нашей общей посылки централизма» и что его выдвижение диктуется соображениями борьбы с «черносотенным великорусским национализмом», вождь большевиков отрицал связь права на самоопределение с правом на автономию, а — тем более — на федеративную связь: «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»¹⁵.

Таковы были официальные установки (практически, впрочем, мало кому известные тогда в России) и внутренние политические расчеты большевизма в плане подключения предвоенных реалий межнациональных отношений в Российской империи к решению задач политической борьбы, подталкивания революционных процессов в стране в таком направлении, которое открывало бы радикально настроенным слоям рабочего класса и представлявшей их РСДРП новые возможности. Все это давало основание известному исследователю российских политических партий В.К.Никольскому утверждать уже в 1917 г.: «Социал-демократы, признавая за всякой народностью России право на самоопределение, молчат, однако, не только о федерации, но даже об автономии»¹⁶.

В этих условиях идеи федеративного устройства будущей России шли, как правило, от национальных партий и общественных организаций. Одной из первых среди общероссийских политических организаций «возможно большее применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание между ними безусловного права на самоопределение»¹⁷ стала отстаивать партия социалистов-революционеров (ПСР) в программе, принятой еще в 1906 г. На своем третьем съезде (май-июнь 1917) она высказалась за форму федеративной демократической республики для России с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и обеспечением прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением¹⁸.

Крах царизма привел к совершенно новой обстановке в плане межнациональных отношений, характеризующейся подъемом национально-освободительного движения и ростом национального самосознания угнетавшихся царизмом народов, который реализовывал себя в том чис-

ле во вспышке национализма и сепаратизма. Российская демократия, не говоря уже о российском либерализме, не нашла нужного соотношения в решении проблемы организационного сочетания свободы и общероссийской государственности, а в ходе бурных процессов в период от Февраля к Октябрю оказалась в целом неспособной эффективно отреагировать на крайности национального и областного сепаратизма, захлестнувшего страну и ведшего к распаду государства.

Кадеты на своем IX съезде (23-28 июля 1917) ограничились осторожным дополнением к своим прежним положениям в русле идей культурно-национальной автономии: «Государство *может передать* (выделено мной. — В.Ж.) национальностям, действующим в качестве единых не территориальных публично-правовых союзов, осуществление указываемых законом задач культурного правления (просветительных, религиозных, по общественному призрению, экономических и т.д.) в отношении всех лиц, признающих свою принадлежность к этим национальностям. Организация этих национальных союзов, предметы их ведения и степень власти, размеры производимых им из средств государственного казначейства пособий и условия отложения участников, а равно и отношение союзов к государству определяется в порядке общегосударственного законодательства»¹⁹.

Пассивно вели себя и меньшевики, уповая на прояснение ситуации. Декларировав на Всероссийской конференции в мае 1917 г. «широкую политическую автономию» для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями, секция конференции подготовила проект резолюции по национальному вопросу, который «за недостатком времени» так и остался непринятым. Задачу «детально разработать национ[альную] программу партии»²⁰ меньшевикам так и не пришлось осуществить.

Большевики же в резолюции по национальному вопросу, принятой на Седьмой (апрельской) конференции 1917 г. лишь воспроизвели основные положения упомянутого выше Поронинского совещания, не упустив, правда, случая бросить упрек в адрес Временного правительства. Его конфликт с Финляндией, считали большевики, «особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведет к прямому продолжению полити-

ки царизма»²¹. Шестой съезд РСДРП(б) (июль-август 1917) вообще прошел мимо проблем национальной политики.

Находились деятели, которые пытались даже теоретически обосновать «прохладное», неадекватное отношение российской демократии к насущным, стремительно нараставшим проблемам межнациональных отношений в стране. Будучи уверенными, что достижение социального равенства означает и автоматическое решение национального вопроса, один из лидеров правых эсеров Питирим Сорокин писал: «Партии, ставящие в свою программу лозунг «социальное равенство», не должны увлекаться «национальным» принципом. Все, что есть в последнем «уравнительного», все это включает в себя первый лозунг. Что не включает — «то от лукавого»...»²²

А в это время идеи федерализма властно пробивали себе дорогу. «Свобода неотделима от федерации; спасение России в ее федерализации...» — заявил глава Украинской Центральной Рады М.С.Грушевский, открывая в Киеве Съезд народов и областей России (8-15 сентября 1917). «Временное правительство, — вторил ему украинский социал-демократ С.В.Петлюра, — объявив Россию демократической республикой, не объявило ее республикой федеративной». Он обвинил русское общество (включая социалистов) в том, что оно не может избавиться от «губительного централизма». Еще дальше шел грузинский социалист-федералист И.Бараташвили: «...мы за федерацию и не говорим пока о независимости Грузии, но и это слово будет сказано». Не желая, надо полагать, преждевременно обострять обстановку, Грушевский вступил в полемику с Бараташвили, подчеркнув, что тот смотрит на федерацию как на ступень к независимости, тогда как украинцы придерживаются иного мнения, мечтая от федеративной России прийти к федеративной Европе²³.

Нажим федералистов подвигнул А.Ф.Керенского на заявление, что свободная Россия может быть только децентрализованной. К этому, правда, министр-председатель добавлял, что Временное правительство не вправе провозглашать федеративный строй до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Национальные лидеры и поддерживающие их политические и социальные силы не хотели, однако, ждать, что кто-то и когда-то будет решать их судьбы. В основной ре-

золюции, принятой на упомянутом выше съезде, проводились идеи превентивного созыва до Всероссийского местных Учредительных собраний, предлагалось начать преобразование армии по национальному признаку, а также выработать оптимальное соотношение «общефедерального и краевых языков»²⁴.

Действия Временного правительства в этих условиях (признание независимости Польши, восстановление конституции Финляндии, принципиальное согласие на автономию Украины и Латвии, введение краевого управления для Закавказья, провозглашение автономии Эстонии) все время отставали от роста национальных амбиций и сепаратистских тенденций. Становилось очевидным, что неуправляемые процессы «снизу» способны девальвировать самые прогрессивные идеи демократического, федеративного устройства страны, предложив взамен лишь стихию распада.

«...Полное банкротство русской государственной мысли, как результат неспособности русской интеллигенции сохранить государство и управлять им»²⁵ — этот поставленный в 1917 г. известным чешским идеологом славянского единства К.П.Крамаржем диагноз звучал как жесткий укор всей российской демократии, представители которой (в первую очередь эсеры и меньшевики), входившие в свое время в коалиционные составы Временного правительства, решились на провозглашение нашего многонационального государства «Российской Демократической Федеративной Республикой» лишь... на заседании Учредительного собрания 6 января 1918 г., уже после того как его покинули обеченные реальной властью большевики и левые эсеры²⁶.

Неудивительно поэтому, что идеи демократического федерализма, не будучи освоенными на уровне левых политических сил всероссийского масштаба в целом, стали получать весьма своеобразное истолкование и в среде большевиков уже после того, как они пришли к власти в октябре 1917 г. Характерен в этой связи такой пример. В январе 1918 г. Третий Всероссийский съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней громогласно декларировалось, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик»²⁷. Выступивший на съезде с докладом о федеративном устройстве страны нарком по делам национальностей И.В.Сталин умудрился пропеть в

столь казалось бы неподходящей обстановке оду унитаризму, что вызвало немедленную реакцию представителя партии эсеров, традиционно приверженной идеалам демократического федерализма: «Вся речь Сталина пропитана централистской политикой, которая сквозит в каждом его слове»²⁸.

Характер развернувшихся в стране последующих событий, жесткие реалии гражданской войны отнюдь не способствовали восприятию как «массами», так и политическими лидерами начал демократического федерализма. Борьба за будущее России шла по линии бескомпромиссного столкновения двух видов унитаризма. Белое движение в главном воплощало его монархический вариант. Советский же режим скорее лишь идеологически растворял идею «единой и неделимой» в лозунге пролетарского интернационализма.

Не слова, а именно дела противоборствующих лагерей дали определенные основания министру правительства адмирала Колчака Г.К.Гинсу утверждать: «В одном только большевизм и его враги фактически сошлись, несмотря на глубокое идейное различие. Это в вопросе о единой России.

Как показали события, Россию надо было воссоздавать по частям, но адмирал Колчак и генерал Деникин не могли найти общего языка с теми, кто проявил склонность к сепаратизму. Большевики, как интернационалисты, совершенно безучастно относящиеся к идее единой России, фактически объединили ее и почти уже разрешили проблему, направив ее развитие в новое русло»²⁹.

Не подкрепленным фактами в этом заявлении можно считать разве что утверждение о безучастном отношении большевиков к идее единой России. Как мы имели возможность убедиться, она — эта идея — не только проходила красной нитью через все документы партии, но глубоко укоренилась в большевистском мировоззрении, став его неотъемлемой частью, которую не могла вытеснить или просто поколебать даже приверженность пролетарскому интернационализму и идеалам «мировой революции».

Обстоятельства и факторы формирования и проведения в жизнь политики партии большевиков в области межнациональных отношений и национально-государственного строительства заставляют вновь и вновь возвращаться к анализу и оценке известного вывода Н.А.Бердя-

сва, предостерегающего нас от поверхностного, легковесного истолкования исторических корней большевизма, который на практике, вопреки почти единодушным расчетам и ожиданиям его многочисленных оппонентов, «оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием»³⁰.

Эволюция теоретических представлений В.И.Ленина, приведших его в итоге к известной идее создания СССР как свободного содружества равноправных республик, была озарением человека, фактически уже оттесненного от реальной политики. Зерна этих идей — «вместе и наравне», «без крови и железа» — были брошены в неподготовленную почву. Верил ли сам смертельно больной вождем монополю властвовавшей в стране партии в их реализацию? Не сомнения ли на этот счет вызвали к жизни то чувство вины, то ощущение упущенного шанса, которыми пронизаны его последние записки? Вспомним: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик»³¹.

Так или иначе, но действительным основателем СССР на принципах, заложенных в его политическом завещании, Ленину стать не пришлось. Его итоговые идеи не были и не могли быть восприняты национал-коммунистическим мировоззрением, не стали практической программой действий РКП(б)-ВКП(б) и органов Советской власти.

Напротив, победа на практике сталинского курса автономизации, чреватого тем же имперским унитаризмом, даже в более жестком его варианте, была логическим следствием преобладания в общественном сознании политических элит страны и довольно широких ее социальных слоев идей централизма, которые долгое время разделял и Ленин, над принципами тенью надежды промелькнувшего над Россией демократического федерализма.

Подводя некоторые итоги, следует констатировать, что российская многопартийность начала века не справилась с объективно стоявшими перед ней задачами в сфере регулирования национальных отношений — выявить господствующие в обществе настроения, осмыслить их характер, содержание, тенденции развития, сформулировать, донести до общества программу мер по оптимальному решению, не допустить самых неблагоприятных вариантов их протекания. Эта неспособность ответить на вызовы времени в резко изменившейся ситуации в области межнациональных отношений (как, впрочем, и во многих других областях) как нельзя лучше характеризует весьма невысокую степень зрелости российского социально-политического плюрализма начала века.

В результате развал императорской России застал большинство общероссийских политических партий врасплох, а робко пробившиеся на поверхность ростки идей демократического федерализма не получили устойчивого развития.

Но, что наиболее интересно и показательно, столь же блестяще на рубеже 80-90-х годов нашего бесконечно долгого века «проворонила» национальный вопрос и молодая российская демократия постсоветской эпохи.

Может быть, вновь и вновь наступать на одни и те же грабли — наше излюбленное национальное занятие, дающее затем нам на годы и десятилетия благодатную возможность рассуждать много, умно и интересно по поводу того, что требует не только размышлений, но конкретных, четких социально-политических действий? Но это уже тема другого разговора.

1. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. В 6-ти т. (Редакторы-координаторы: Ш.Галай (Израиль), Т.Павлова (Россия), М.Стокдейл (США), В.Шелохаев (Россия). Том 1: Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. М.: Прогресс-Академия, 1994; Том 4: Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Май 1920 — июнь 1921 г. М.: Прогресс-Академия, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996; Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. (Под общ. ред. З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона. Том 1: От января до июльских событий. М.: Прогресс-Академия, 1994; Том 2: От июльских событий до корниловского мятежа. М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1995).

2. Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. (Ред. коллег.: В.В.Шелохаев, В.В.Журавлев и др. Сост.: В.В.Кривенький, Н.Н.Тарасова). М.: РОССПЭН, 1995.

3. Нарский И В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. С.309.
4. Программы политических партий России. С.444-445.
5. Там же. С 442.
6. Там же. С.434.
7. Там же. С.444.
- 8 Там же. С 404.
- 9 Там же. С.328
10. См.: Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 г. Протоколы. М., 1959. С.418-424.
- 11 Авилиани С. Национальный вопрос в России и его разрешение в программах политических партий. Пг., 1917. С.12.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т.1. 1898 — 1917. М., 1983. С.447.
13. Там же. С 446.
14. Там же. С.447.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.48. С.235.
16. Никольский В.К. Наши политические партии о будущем России (Биб-ка «Свободная Россия» под ред. Л.А.Слонимского). М., 1917. С.13-14.
17. Программы политических партий России. С.144.
18. См.: Партия социалистов-революционеров: Резолюции, принятые на III-м съезде ПСР, состоявшемся в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г. М., 1917. С.15-16.
19. Программы политических партий России. С.334.
20. Меньшевики в 1917 году. В 3-х томах. Т.1. С.447.
21. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большеви́ков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большеви́ков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1959. С.251-252. К сказанному необходимо добавить, что большевистское правительство актом признания 31 декабря 1917 г. государственной независимости Финляндии довело до логического завершения начатый Временным правительством с восстановления конституции этой страны процесс самоопределения одного из зависимых от царизма народов бывшей империи (см.: Декреты Советской власти. Т.1. 25 октября 1917 — 16 марта 1918 г. М., 1957. С.250).
22. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.252.
23. Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С.382-383. См. также: Речь, 1917, 19 сентября; День, 1917, 17 сентября; Киевская мысль, 1917, 10-19 сентября.
24. Там же. С.383.
25. Крамарж К.П. Русский кризис. Пер. с чешского А.С.Изгоева. С доп. и изменениями автора. Прага-Париж, 1925. С.263.
26. См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.-Л., 1930. С.11.
- 27 Декреты Советской власти. Т 1. С.341.
28. 3-й Съезд Советов РКСД. Пг , 1918. С.74
29. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. II, ч. II-III. Харбин, 1920. С 574.
30. Бердяев П А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.93
31. Ленин В И. Полн. собр соч Т.45. С.356.

P. Luntinen
проф.
(Финляндия)

FINNISH POLITICAL PARTIES IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Prehistory: national awakening

All Finnish political parties were rooted in the national Finnish movement of the 19th century, which started as a romantic literary-folkloristic interest and went on with philosophical discussion in small closed circles from the 1810's to the 1830's. Then in the 1840's Snellman adopted Hegel's views on nation, based on national language and national culture. A few better-off families started learning Finnish — the elites normally being Swedish-speaking, an inheritance from the Swedish time before 1809.

During the period of reforms the interest in public questions increased as the Diet starts working (1863) and local self-government was organized. The Fennomaniac thinkers received popular support for their demands of Finnish language to be introduced into schools and offices. A collection of money for Finnish schools in the 1870's implied a mobilization of mass support for the movement, for which an organization was created in the form of the Society for Public Enlightenment. It is not anachronistic to start speaking of a Finnish party then, although for a long time afterwards no modern party organization existed, only circles of similarly thinking people, their newspaper and its leaders.

The imperial government was of two minds about such activity. Governor general Menschikoff (1831-55) held Snellman for a dangerous communist, while governors general Berg (1855-61), Rokassovski (1861-66) and Heiden (1881-97) favoured the Finnish movement in order to weaken the grip of Swedish language and western ideas in the country and to level the ground for Russian influence, which the barbarian Finnish culture was supposed powerless to oppose. Heiden had Yrjö-Koskinen appointed Senator in the Finnish local government. On the other hand, governor general Adlerberg (1866-81) regarded the Swedish-speaking Finnish bureaucratic gentry elites as the most reliable support of the imperial power in the country.

The Finnish party was led by idealistic gentry and educated elites, mainly in the university circles, and the mass support came from wealthy peasants, who started sending their sons to schools, with the consequence that university student corps was half Finnish-speaking by the end of the century. Thus the Finnish movement was concerned first of all with national ideology, but also with social justice and social movement.

Modern Ideas

There existed a strong current of liberal thinking among the enterprisers of the growing industry and commerce, as well among the educated elites, for whom the constitutional forms and citizens' rights were important, who felt less attached to the absolutist empire and more inclined to the west. They stressed Finland's position as a constitutional grand duchy in union with, but not part of, the absolutist empire. This was best expressed by Leo Mechelin, distinguished professor of international law. In spite of his attempt in 1881, no liberal party was viable, because liberals did not take a definite stand in the language question and because they did not like being regimented.

With the slowly advancing modernization, industrialization and urbanization, in the 1880-90's a younger generation of the Finnish movement adopted liberal attitudes to social problems, to women's position, to secular culture. They underlined the importance of constitutional forms and citizens' rights, while equal rights for the Finnish language did not seem sufficient for them. They started calling themselves Young Finns in opposition to the elderly or Old Finns.

The demands of the Finnish party provoked a Swedish party into existence to defend the leading position of the bureaucratic and educated elites, among whom were also the wealthiest entrepreneurs. There existed the idea of the Swedish-speaking people being an eastern branch of the Swedish nation, but no support for this idea was found in Sweden, where the age of Scandinavism and revanche for the loss of Finland in 1809 was long past. However, they believed that they were defending Finland against the threat of falling into barbarism if given over to the lower race.

In the Diet, the gentry estate and the bourgeois estate defended the privileges of the Swedish-speaking elites, while the clergy and the peasant estates stood for the rights of the

Finnish-speaking common people, and first of all, of course, for their socially rising leaders. The battle for influence was concerned about schools, offices, and imperial favours.

The party activity was backed by an ever livelier wave of associations, whose field of activity extended from fire brigades to knitting societies, from sport clubs to drama or music amateur groups, from revivalist meetings to popular science readings. Literacy and newspaper readership increased as a result of popular education organized by local communes.

The First Modern Party

Among the various clubs there were also worker's associations, established by employers, with the ideas of the national movement for the improvement of the common people. But then, in the 1890's the workers took over the associations, and in 1899 the Workers' party was established, the first party with modern organization, i.e. registered membership and elected national representative meetings with permanent executive boards and local agents, on the German model. In 1903 the German Social Democratic programme was adopted. The idea of class battle reflected the reality the workers perceived in the society in which they lived. The party was joined not only by industrial workers, but also by landless agricultural workers and crofters, in the more developed parts of the country, where the social divide was clearly perceived, between the wealthy and the the poor — not as poor as in the backward regions of the country, but not improving as rapidly as they expected, and embittered by the everyday comparison.

A New Division of Parties: Reaction to Bobrikovscina

A regrouping of parties was caused by the measures of the imperial government and governor general Bobrikoff (1898-1904), who thought that Finns had illegally transformed their local separate administration into a totally autonomous state, to the detriment of imperial sovereignty, military unity, and national Russian dignity in the border country. The separate Finnish army was abolished, Russian language was introduced to high-level administration and education, censorship was tightened, and in 1903 the governor-general received the authority for extraordinary measures as decreed in the provisional laws of 1881.

The Old Finns adopted a policy of compliance, following the monarchist tradition, hoping to convince the emperor of

the Finnish loyalty, which policy had worked so well under the previous emperors. Also, the Hegelians regarded national achievements for more important than constitutional or legal rights. Bobrikoff appointed compliant Finns to official posts where thus Finnish language won ground, but even the Old Finns thought that Finland was a separate nation, not part of Russia, and were disturbed by the steps taken towards Russification.

The Young Finns and the Swedish party resorted to passive opposition, in order not to acknowledge the imperial authority to give unconstitutional decrees for the grand duchy. This grouping was called the constitutionalist party, but the member parties kept their structure independent from each other. There was a committee for organizing their activity, called kagal, who sought European support, and also sent an agent to Russia to gauge the liberal opinion there, as yet not organized into parties. The Finnish constitutional system seemed acceptable to many liberals in Russia, but they were apt to believe that Finland would remain an organic part of a future free or constitutionally governed Russia.

The new party division as a bitterly divisive as the previous language fight had been.

Social democrats cautiously abstained from taking position, in order not to give to the governor general any pretext for disturbing their activity. Individual socialists, though, took part in the opposition movement against Bobrikov's oppressive measures, for instance in the collection of signatures for addresses of protest, and organized conscription strikes.

A very small party of activist opposition was formed on the model of the Russian Socialist Revolutionaries. They met representatives of other opposition parties from the Baltic, Poland, Russia, and Caucasia in Paris and Geneva, to plan common activity against the tsarist oppression. With Japanese money they acquired arms from Switzerland and tried to smuggle them into Finland and further to the SR, but their ship "John Grafton" ran aground and was confiscated by imperial authorities, and the amateurish attempts came to nothing. Bobrikoff, however, was murdered by a loner in 1904.

Revolution and Reorganization of Parties

The Russian revolution of 1905 was joined by Finns in the form of a national strike of the constitutionalists and socialists. The army garrison in the country were paralysed

by the strike and the government was powerless to send help from St. Petersburg. The compliant senate was dismissed, and governor general Obolenski promised the restitution of Finland's constitutional rights, which Nicholas II, advised by Witte, signed. The socialists were promised general and equal right of voting as well as a democratic one-chamber parliament.

The most radical leftists would not have been satisfied with the constitutional reform, which was far from the social revolution they had dreamed of. But the rapid restoring of the imperial power made such dreams futile, as was demonstrated when the garrison of Sveaborg tried to revolt in the summer of 1906. The Social Democratic party decided to keep to legal, constitutional limits, and did not join the Russian Social Democratic party when proposed by the bolsheviks. There were a few contacts to western social democrats, but in general the party, international in principle, had to work inside the frame of the Finnish autonomy.

The bourgeois parties had to reorganize in the new situation, when the estate diet was replaced by a modern parliament.

The Old Finns sketched an extensive social programme and won initial success, but soon they emerged as a mildly conservative party of priests, teachers, officials, and wealthy peasants and lost votes to the socialists and agrarians.

The Swedish party lost their 50% power position of two estates, but they caught the vote of the Swedish-speaking coastal country population in addition to the urban, entrepreneurial and bureaucratic liberal elites and middle class, so that they received 12-13% of the mandates.

The Young Finns, the party of the first-generation liberal educated and bureaucratic elites, also got the vote of small peasants, about 13% of the mandates; it was quite successful in integrating the upstarts into society.

The young Finns and the socialists were rivalled by a populist Agrarian league, recently established, supported by strictly Finnish-nationalist, conservative small peasants, in Pohjanmaa and Karelia, mainly. At first they only received 4,5% of mandates, but the party soon grew into major influence.

The socialists received 40% of votes, which surprised the elites and foreigners, but was in fact a true reflection of the

division of Finnish society to those who had it well and those who only aspired to have it better.

Regarding the importance of the Lutheran church and the revivalist movements, it may be considered surprising that the Christian workers' party had no success, which can be explained by the fact that they had no programme for social reform or revolt, while the church was generally regarded as conservative and bourgeois; and the social democrat knew how to tone down their atheist message.

Women were elected as deputies only in the social democratic party. There existed a strong women's movement in the country, but women were divided along the general party lines and formed no political party of their own. Also their political interest was lower than the general level of participation in elections.

The division of the Parliament in the socialist and non-socialist blocks reduced political activity to bitter infighting and the hope for reforms did not materialize; an additional reason for this was the renewed imperial policy of centralizing the state, which led to protests and renewed dissolvings of the Finnish parliament.

Parties Under the Stress of the Imperial Government

The constitutionalist Leo Mechelin had formed a Finnish senate to replace the disreputed Bobrikovian compliant senate, but he soon found himself in difficulties with Stolypin. The imperial government demanded stricter measures against Russian revolutionaries, who were hiding in Finland, protected by Finnish laws and aided by Finns, not only by socialists and activists, but also by officials.

Bobrikoff's former aide Seyn was sent to Finland as vice governor general in 1907 and governor general 1909-1917 to carry out the policy of the government. The senators and governors were replaced by Finnish-born loyalists and ethnic Russians, imperial instead of local legislation in questions of all-imperial interest was introduced in 1910, and further measures for bringing the border country closer to the rest of the empire were planned.

Finnish politicians perceived that their principles and policies had no perspective of bringing positive results. Svinhufvud, a Young Finn, and Paasikivi, on Old Finn, both of them future presidents of the independent Finnish republic, expressed their frustration in 1912: «we cannot get

anywhere, we must get separated from Russia», but there was no force available for them against the imperial might.

The fact that the bourgeois parties were losing their differences, was interpreted by the socialists as the bourgeoisie getting prepared for more intensive class battle. The socialists were especially frustrated by the repeated dissolvings of the parliament, because the long-awaited-for equal right of voting was not bringing any social changes.

Parties Silenced by the War

During the war years 1914-1917 no political activity was allowed by the military authorities; meetings were forbidden, publications were censored, the parliament was not convened. Only private discussions in closed meetings were possible.

Secret activist movement was reborn and sought contact to the Germans to get training and material help for a war of liberation. About 2000 Finns were trained in Germany and formed into a light infantry or Jager battalion, after which the liberation movement was called the Jager movement.

For serious politicians the activist movement was irresponsible adventurism, and treason in Finnish as well as in Russian law. However, with the recruitment of volunteers for the Jager movement the idea of separation was propagated in the country, to a certain degree. However, in general, Finns were content for a while. Full employment was secured by army orders and export of dairy products to St. Petersburg. It is true that existing social contradictions were sharpened by the unequal division of war profits, lack of many foodstuffs - sugar, tobacco - and creeping inflation, but no overt expression of dissatisfaction was possible. Confusingly, elections were held in due time in 1916 though the parliament could not meet. Participation in the elections had sunken from 71 % in 1907 to 51 %, and the socialists won a majority of 103 mandates against 97 mandates for all non-socialist parties together.

The Confusion of 1917

The March revolution of 1917 in Russia ended the tsarist period in Finland, too.

Seyn was arrested, and the Provisional Government abolished all unconstitutional measures decreed since 1899, convened the Finnish parliament, and appointed a Finnish senate of 6 socialist and 6 bourgeois senators.

The government believed that they had satisfied all thinkable wishes of the Finns. But they did not consent to

increasing the degree of the Finnish autonomy nor to any international guarantee for it. They regarded Finland's position as an internal question of the empire, to be ordered by the Constitutive Assembly sometime in the future. Meanwhile, the main task was to go on with the war until the military imperialism of Germany was crushed and the attainments of the Russian freedom was secured.

Activists decided to oppose any demands of the Russian government and proposed a German invasion and a popular rising. However, the Germans were not yet ready for an advance to the far north, and in vain the Jagers waited in Libau for the moment of action. In Finland a slow and difficult forming of activist groups, masked as fire brigades, was started, but they lacked leaders and arms.

In the absence of the dissolved tsarist police force, also volunteer home guards and workers' guards were organized to protect property and meetings. A few leftists formed red guards, even they for a while unarmed.

All Finnish major parties held meetings in the spring. In all bourgeois parties the majority was for cautious handling of the Russian relation. There was not much real loyalty left towards the mother country, but the Russian army in the country made futile any attempts for further advancing of Finnish rights, and the Russian government was the final support of social peace in the country. The problem was that the army was rapidly losing fighting ability, discipline, and loyalty towards the provisional government.

Aminority in all parties was formed by the so-called men of independence, who thought that the provisional government had inherited only the power of the Russian emperor, but not that of the Finnish grand duke. According to the law of 1772, the problem of the throne becoming empty was to solved by the (then) Swedish Diet, now of course by the Finnish parliament.

The Social Democrats wanted to take over the government power to the parliament, where they were in majority and thus able to carry through their programme of social justice, or upheaval, in the view of their opponents. In the summer of 1917, simultaneously with the disorders in St.Petersburg, they decided to take over all internal affairs of the country, leaving only foreign policy and military affairs to the Provisional government.

This was in fact a social democratic coup, against the traditional division of powers, as well against the authority

of the Russian government. After restoring his position in St. Petersburg, Kerenski thought about military measures against Finns, but was then advised by a Finnish representative to dissolve the parliament, which he could do on the authority inherited from the emperor. A few detachments of the army still remained loyal and made possible the dissolution. In new elections the socialists lost their majority, being reduced to 92 mandates, while the men of independence succeeded somewhat, though not to majority. For the bourgeoisie, the provisional government still seemed a guarantee for social peace in the country increasingly troubled by strikes, demonstrations, and disorders. On their side, the socialists lost much of their residual trust in peaceful parliamentary procedure.

New Grouping of Parties in Regard to the October Revolution

The situation changed dramatically in November with the take-over of power in St. Petersburg by the Bolsheviks. The Russian comrades encouraged the Finnish socialists to make revolution in Finland, too. The somewhat lame contribution was to call a general strike, again. It caused increased disorder, but no revolution, as there was no leader among the socialists courageous enough to take power.

On the other hand, the men of independence, who maintained an ever closer contact with the activists, were joined also by many previously cautious politicians, who now saw independence from the Red Russia as the only means of securing social peace in the country. A new Senate was formed by these politicians under the chairmanship of Svinhufvud. The first point in the programme of the new senate was to take steps to make Finland's independency acknowledged. The aim was approved by the Parliament on the 6th December 1917.

The socialists were for independence, too; they did not wish to leave to the bourgeois parties the monopoly of the national cause. They explained to Lenin that independence was an essential precondition for revolution in Finland, which, in turn, was necessary for the Soviet government for securing their north-western flank. Thus, when the senate delegation came to Smolna to ask for acknowledgement, they received it in the last day of the year 1917.

Still, the socialists were not able to make up their mind, in spite of being encouraged by delegates of the Soviet government. Meanwhile, the bourgeois home guards and the

activist guards were organizing and arming as fast as possible. The senate declared them the official army of the Finnish republic, and General Carl Gustaf Emil Mannerheim, exiled from Russia, was appointed commander in chief with the task of restoring social order in the country. This, to the socialists, was a bourgeois coup. A radical executive committee was formed, and Lenin sent a trainload of arms for the red guards. Civil war broke out by the end of January 1918.

All bourgeois parties were for the white, legal senate and army, while the social democratic party accepted the fact of revolution and formed a parliament of people's representatives. During the short period of war they had no time for a radical reorganization of the society.

Led by the Jagers trained, armed by Germans, and aided by a German expedition, the whites were victorious in the civil war, while the Soviet government, harassed by their internal problems and the German pressure at Brest-Litowsk, was powerless to give much aid to the Finnish red guards and socialists. The war ended in white victory in May 1918.

Monarchists and Republicans

Frightened by the red violence, and impressed by the German aid, the bourgeois parties — except the Agrarian league - were for establishing a monarchy in the country, a strong government to prevent the recurrence of disorder, and to secure German support against a revival of a white Russia. In the absence of the socialists from the parliament, the monarchists carried through the election of Prince Friedrich Karl of Hesse for Finland's king. In the harbour of Helsinki, a German cruiser «observed» the election.

The question of the future political and constitutional direction of the country caused a regrouping of parties. Monarchists from the Young and Old Finnish parties united into a National Coalition party, while the republicans from the two parties formed a Progressive party. The Agrarian league had all the time been for republic, as were the social democrats, of course.

The red leaders had escaped to Soviet Russia, where they founded the Communist Party of Finland, but it was only later that they were able to create underground contacts with leftist social democrats in Finland.

A home, the moderate socialist leaders, who had not taken part in the revolutionary government, revived the social democratic party in the fall of 1918, and took part in the elections of 1919.

After their defeat in the West, the Germans had to leave Finland by the end of 1918. Mannerheim, the temporary regent, would have preferred a Scandinavian royal house in Finland instead of the Germans. But with the Progressives, Agrarians, and Socialists in majority, the monarchist Swedish and Coalition parties were left a tiny minority. Mannerheim signed the republican constitution in the summer of 1919.

Conclusion

The old parties in the four-estate diet had been able to carry out legislation in step with the development of the country, in the moderate speed of the 19th century. Very slowly a need for a more representative system began to be felt, but the system was then changed very rapidly.

After the reform of 1905-07, the Finnish parliament was one of the most democratic in the world. Its work, however, was paralyzed by the polarization of socialist and non-socialist parties, and by the obstruction of the imperial government. The parties represented the opinions, forces and needs of the Finnish society rather well, but the contradictions were too deep to be solved in a parliamentary procedure. It was only after the experience of the civil war and the absence of foreign influence in the independent Finland that constructive work could be started.

Number of deputies of the various Finnish parties in the beginning of the 20th century

party	1907	1908	1909	1910	1911	1913	1916	1917	1919
Old F	59	54	48	42	43	38	33	32	-
Coalition party	-	-	-	-	-	-	-	-	28
Young	26	27	29	28	28	29	23	24	-
Progressive party	-	-	-	-	-	-	-	-	26
People's (temporary, in coalition with Old and Young Finns)	5	-	-	-	-	-	-	-	-
Agr	9	9	13	17	16	18	19	26	42
Swed	24	25	25	26	26	25	21	21	22
Soc D	80	83	84	86	86	90	103	92	80
Christ	2	2	1	1	1	-	1	-	2

М.М.Червякова
д.и.н., проф.
(Тверь)

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ БУНДА

Тема «История Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России» широка и многозначна. В одном докладе ее трудно исчерпать. Поэтому моя цель более скромная: привлечь внимание исследователей к проблеме и тем стимулировать ее изучение в новое время.

О политическом облике и судьбе Бунда в отечественной и западной историографии высказывались противоречивые суждения. Для советских историков Бунд был олицетворением оппортунизма, национализма и сепаратизма в российском социал-демократическом движении. Западные авторы оценивали его как ведущую силу в распространении марксизма в России, как основателя РСДРП, как инициатора разработки ее национальной программы и как единственную в российской социал-демократии партию прозападного типа, объединившую в своих рядах истинную рабочую интеллигенцию.

Несомненно, эта разногласия осложняет ход непредубежденного переосмысления истории Бунда и воссоздание объективной картины формирования, эволюции и гибели этой партии. В известной степени это объясняет причины и того, что с начала перестройки изучение Бунда пока что мало обогатилось. В изданных в 1993 и 1994 гг. монографиях, посвященных истории политических партий России, национальным политическим партиям внимание почти не уделяется. Замедляет их изучение и то, что старая концептуальная база истории национальных политических партий уже исчерпала себя, а формирование новой только начинается. Эти поиски определили содержание и настоящего доклада, целью которого является общая оценка внутренних противоречий и двойственности положения Бунда в российской социал-демократии.

Первое противоречие, которое бросается в глаза при изучении истории Бунда, — это сочетание культурного европеизма этой партии с поощрением наиболее радикальных действий масс, с уступками охлократическому буйству толпы. Осознанное тяготение к модели «демокра-

тического социализма» бундовцев, их осмотрительность и осторожность в действиях, способность к наведению мостов между представителями крайних флангов социал-демократического движения, менталитет традиционных горожан на первый взгляд не согласуются с использованием в стачечной борьбе так называемого «экономического террора» в 1896-1897 гг., то есть социального бандитизма. Экономический террор заменял убеждение сокрушением. Крайние меры, вплоть до убийства, принимались и против малосознательных рабочих, которые отказывались поддерживать забастовщиков, против хозяев, отказывавшихся идти на уступки бастующим.

И тех, и других били железными палками, их лица обливали серной кислотой. Страх перед местью забастовщиков заставлял в 1901 г. хозяев кожевенных предприятий Сморгони принимать рабочих не по своему выбору, а по указанию бундовцев — руководителей стачечного движения.

Позднее, в 1905 г., бундовцы громили дома терпимости, стреляли в окна не закрытых во время забастовок лавок.

Резонирование Бунда на ритмы развития западноевропейского социалистического движения не вяжется и с его уступками тактике политического терроризма в 1902 г., с принятием его V конференцией тактики «организованной мести правительству» после полицейской расправы над участниками первомайской демонстрации.

Представляется, что «культурный европеизм Бунда» не согласуется с его поддержкой большевистского экстремизма в 1905-1906 гг., с принятой им тактикой активного бойкота Булыгинской думы, с решением о подготовке всероссийской забастовки и вооруженного восстания, с приобретением больших партий оружия для отрядов самообороны.

Ставя вопрос о причинах этого противоречия, приходится признать, что его корни уходят в толщу тех социальных слоев, на которые опирался Бунд в разные периоды своей деятельности. «Культурную, европеизированную» основу его составляли евреи-ремесленники, грамотные и активные, втянутые в рыночные отношения, которые давали мощные импульсы к развитию их личностного начала. Численность самостоятельных хозяев-ремесленников в городах «черты оседлости», согласно переписи 1897 г., достигала 381 тыс. человек.

Кроме самостоятельных хозяев, было 110 тыс. подмастерьев и 75 тыс. учеников. Все вместе они составляли

13,2% еврейского населения. Сравним эту цифру с числом ремесленников в соседней с «чертой оседлости» Германией, отличающейся весьма развитым ремесленным производством. Здесь процент ремесленников не превышал 6-7.

Была в Бунде и тонкая прослойка грамотных рабочих, ориентированных на западные методы борьбы за демократию и социализм. Они были заняты в типографиях, которые употребляли русский и еврейский шрифты и получали сравнительно высокую заработную плату.

Носителями же экстремистских настроений в Бунде выступали мануфактурные и кустарные рабочие и поденщики. Это была разобщенная озлобленная масса, страдающая от более тяжелой, чем у фабричных пролетариев, эксплуатации, от пережитков средневековья в организации труда и национальных преследований. Ускоренная индустриальная модернизация страны привела к интенсификации их труда и понижению за него платы. Портной, работавший на скупщика, трудился 16-18 часов в день, на 5 часов больше, чем самостоятельный мастер, и период безработицы у него длился не 3-4 месяца, как у самостоятельного мастера, а 5-6 месяцев.

Безотрадным было положение и ткачей, работавших на ручных станках. В то время, как фабричный ткач в Лодзи при 11-часовом рабочем дне зарабатывал 6-7 руб. в неделю, ткач, работавший вручную, трудился 14-16 часов и зарабатывал лишь 4 руб. Эти слои отвечали на все притеснения ненавистью. Они отличались нетерпимостью и агрессивностью. Ненависть нередко объединяла их в толпу.

Противоречивой по своей эмоционально-психологической настроенности была и еврейская интеллигенция, особенно новая ее часть — студенчество. Лишенная возможности учиться в вузах России, еврейская молодежь получала образование за границей. Здесь она знакомилась с революционными учениями, увлекалась духом политической свободы, но возвратившись на родину, вновь окуналась в искусственно замкнутый мир еврейской жизни, впитывала в себя нетерпение и радикализм еврейских масс. Заметное место в Бунде занимали и так называемые «полуинтеллигенты» и «экстерны». Они были особенно оппозиционно настроены по отношению к царизму, их поведение было пронизано стремлением принять участие в радикальных действиях масс, которые рассматривались как естественное возмездие антисемитски настроенным властям.

Руководство Бунда состояло из качественно неоднородных групп еврейской интеллигенции и опиралось на слои с разными интересами и культурологическими установками. Оно постоянно стремилось достичь компромисса между ними, делая выбор между личностью и маргинализированным социумом. Накопленный в этом плане бундовский опыт был актуальным и ценным для всей российской социал-демократии. Кроме обобщения собственной практики, Бунд вносил в нее такие элементы традиционной национальной культуры, как умение вести поиск оптимальных путей решения проблем, как внимательный и доброжелательный анализ всех высказанных точек зрения, умение сгладить остроту конфликта, выработать взаимоприемлемый компромисс.

Второе противоречие Бунда связано с его отношением к марксизму. Хотя бундовцы всегда подчеркивали социал-демократический характер своей деятельности, они осознавали, что марксизм не соответствует еврейскому темпераменту, индивидуалистическим наклонностям евреев-ремесленников, их терпеливому выжиданию и умеренности. Не случайно у таких лидеров Бунда как В.Д.Медем в минуты смятения вырывались признания в том, что если быть последовательным, то надо быть не марксистом, а сионистом. А пришедшие к марксизму от народничества Т.М.Копельзон и И.Л.Айзенштадт неоднократно подчеркивали, что им не удалось до конца изжить народнические взгляды.

Как проявлялся конфликт между провозглашенными бундовцами идеологическими основами еврейского социал-демократического движения и сомнениями в их ценности?

Во-первых, он сказывался в отсутствии у бундовцев безоглядной увлеченности и абсолютизации марксизма как научной теории. В их отношении к марксизму было больше рационализма и логики, чем веры. И этим бундовцы отличались и от большевиков, и от меньшевиков.

Во-вторых, противоречие между водруженным марксистским знаменем и истинными идейными воззрениями бундовцев проявлялось в их нежелании участвовать в теоретических дискуссиях, в подчеркивании приоритетности практических результатов деятельности по сравнению с марксистскими постулатами.

В-третьих, скептицизм Бунда по отношению к марксистской теории сказывался в отсутствии у него идеализа-

ции рабочего класса и неверии в его союзника — крестьянство, могучие революционные потенции которого обосновывали в РСДРП теоретики так называемого «русского марксизма». Однородный и объединенный революционной классовой борьбой пролетариат для бундовцев никогда не существовал. Они не верили в то, что можно «сделать» пролетариат сознательным при самодержавии, и считали, что лишь очень тонкая прослойка рабочих понимает необходимость борьбы со своими эксплуататорами и ограждающим их интересы правительством. Именно сомнения в достаточно высоком уровне политической и общей культуры русских рабочих стали основой отстаиваемого бундовцами федеративного принципа построения РСДРП и укрепления в ней Бунда как единственного представителя еврейского пролетариата.

Лидеры Бунда никогда специально не писали о том, что же все-таки означает социализм. Но из вскользь высказываемых ими суждений вытекало, что социализм для них был в большей степени надеждой на человеческую свободу, справедливость и новые по качеству условия жизни. В российском социал-демократическом движении бундовцы были самыми последовательными демократическими социалистами. С момента основания Всеобщего еврейского рабочего союза и до его ухода с политической арены они постоянно подчеркивали, что революция создает социальную и политическую обстановку, которая без демократического контроля снизу низвергнет надежды на свободу и справедливость. Социалистические преобразования для бундовцев были делом целой исторической эпохи, а не года или десятилетия. Социализма можно достичь лишь в рамках многих поколений. Радикальные структурные преобразования, за которые ратовали большевики, были для бундовцев тем путем, который приведет к вырождению русского социализма в полицейский социализм кучки интеллигентов.

Таким образом, бундовцы, причисляя себя к социал-демократам, фактически исключали себя из русской школы Маркса. Они понимали социализм как ближайшую цель рабочего движения, отрицали согласие российского крестьянства подчинять свои интересы и нужды высшей миссии рабочего класса и объявляли высшей целью XX в. демократию.

В провозглашаемой Бундом марксистской идеологии меньше было, чем у большевиков и меньшевиков, черт утопии. Но это не только не упрочивало его позиции, но

даже мешало, поскольку колебания и сомнения бундовцев ослабляли решимость масс бороться со старым общественным строем.

Третье противоречие Бунда было обусловлено его попытками примирить принцип пролетарского интернационализма с убежденностью в необходимости учета национальных интересов в борьбе против царизма.

С первых шагов своей агитационной работы среди еврейских масс будущие основатели Бунда почувствовали три главные силы народной души евреев: общие чувства, общие интересы и общие верования, которые обеспечивают народу громадную силу. Еврейские социал-демократы поняли, что нельзя ограничиваться исключительно установлением связей между еврейским и русским рабочим движением. Сама жизнь, политическое бесправие евреев, разрушение их экономического уклада требовали от еврейских социал-демократов ответа на сакраментальный вопрос: почему отстаивание национальных интересов еврейских рабочих противоречит, согласно марксистской теории, классовой борьбе российского пролетариата.

Процесс осознания этого противоречия продолжался в Бунде около десяти лет. Впервые его контуры обрисовал Ю.О.Мартов в своей первомайской речи в Вильно в 1895 г. На III съезде Бунда (конец 1899) уже был поставлен на осуждение вопрос о расширении национальной программы Бунда, включении в нее требования равных национальных прав для евреев и открыта дискуссия по национальному вопросу в журнале «Дер Юдишер Арбайтер». IV съезд Бунда, созванный в мае 1901 г., поставил под сомнение марксистское требование права наций на самоопределение, территориальный способ решения национального вопроса и обсудил роль национальной проблемы в пропаганде и агитации.

Съезд признал, что будущим государственным устройством России должна быть федерация национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от занимаемой территории, и объявил, что понятие «национальность» применимо и к еврейскому народу. В резолюции, однако, говорилось, что при нынешних условиях требование национальной автономии для евреев является еще преждевременным и пока более целесообразно бороться за отмену всех исключительных законов для ев-

реев. Эта резолюция несла на себе отпечаток неслыханных колебаний ее авторов. С одной стороны, они считали своим естественным правом выдвижение собственных национальных целей, а с другой, — проявляли явную осторожность в борьбе за признание законности национального компонента в марксизме.

Однако, наперекор своим сомнениям лидеры Бунда в начале XX в. внесли в среду российских социал-демократов новый вопрос, которым последние, в отличие от западных социалистов, не занимались — вопрос о нации. Из двух концепций нации, получивших распространение на Западе, — историко-экономической К.Каутского и психологической, разработанной К.Реннером, бундовцы избрали вторую. Вслед за Реннером теоретики Бунда стали рассматривать нацию как союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей, объединенных общностью внутренней жизни и общностью культуры. Позднее, в 1907 г., концепцию Реннера они дополнили идеями О.Бауэра и на этой основе разработали собственную программу культурно-национальной автономии. В какой-то мере бундовская программа напоминала современную «бельгийскую модель» федерализма: деление общества на два автономных пространства — социально-экономическое и национально-культурное. При этом, как несомненно предпочтительная, выделялась экстерриториальная культурно-национальная автономия.

Несмотря на то, что эта программа получила распространение среди части национальных демократических партий России и накануне первой мировой войны ее целесообразность признали меньшевики, бундовцы так и не смогли изжить своих сомнений в ее соответствии марксистским постулатам. После IV съезда Бунда группа его лидеров стала утверждать, что национальный вопрос надо было разрешать не спеша, исподволь, что у бундовцев нет определенного на этот счет мирозерцания. Не было ответов на вопросы: обладают ли евреи всего мира национальным единством и являются ли евреи каждой отдельной страны чем-то единым, противоположным другим национальным единицам, среди которых они живут.

Непоследовательными были бундовцы и тогда, когда отрицали национальную ассимиляцию как неизбежный процесс и отказывались от прогнозов в вопросе сохранения в будущем еврейской нации. Они противоречили сами

себе, когда вели критику марксизма за его недооценку национального вопроса и замалчивали свой пересмотр принципиальных положений марксизма.

Между тем, своей ревизией марксизма в национальном вопросе Бунд ускорил кристаллизацию социалистической и демократической точек зрения в РСДРП, подтолкнул российских социал-демократов к учету национальной специфики в программах модернизации Российской империи «реликтового» типа.

Существенный вклад внес Бунд в разработку национальной политики Временного правительства. По его настоянию в платформу требований Совета рабочих и солдатских депутатов к Временному правительству был включен пункт об отмене национальных и вероисповедных ограничений. ЦК Бунда обратил внимание Временного правительства на необходимость издания декрета о равноправии местных языков.

Весомым был вклад бундовцев и в деятельность Народного Комиссариата по делам национальностей. А когда его функции были признаны исчерпанными, на некоторых бывших левых бундовцев были возложены обязанности вторых секретарей ЦК автономных республик. И только репрессии 30-х годов прервали их работу.

Непоследовательность проявлял Бунд в отношении к буржуазному государству. Как известно, повернувшийся лицом к большевикам в 1905 г. Бунд не принял их установки на формирование в ходе вооруженного восстания временного революционного правительства и вхождении в него социал-демократов. Однако весной 1917 г. после победы Февральской революции отношение Бунда к новой в России исполнительной власти оказалось иным. На его конференция признала целесообразным вступление социалистов в кабинет министров, где преобладали кадеты. Вместе с меньшевиками бундовцы решили разделить с кадетами ответственность за судьбы страны.

В резолюции бундовской конференции об отношении к Временному правительству вступление социалистов в кабинет министров рассматривалось как трагическая необходимость, как акт самопожертвования социал-демократов. В ней говорилось, что образование коалиционного правительства не устранило кризиса, что политика Временного правительства не имеет поддержки рабочего класса, что демократическая власть не в состоянии спра-

виться с классовыми антагонизмами в стране. И мешают правительству навести порядок не ленинцы, а противодействующие демократическим преобразованиям реакционные элементы, бойкот со стороны промышленной и финансовой буржуазии.

В отличие от меньшевиков, Бунд принял идею коалиции без веры в укрепление взаимопонимания между рабочими и предпринимателями, в возможность социально-политического компромисса. Бундовская оценка реальных условий тогдашней России была более объективной и трезвой, чем у меньшевиков. Не случайно буржуазная печать прокомментировала решение конференции Бунда в таких словах: «Лагерь ленинцев увеличился еще одним славным полком...» Эту оценку следует принимать всерьез лишь в том плане, что Бунд оказался более трезвым политиком в стане меньшевиков. Он точнее фиксировал несоответствие действий Временного правительства народным ожиданиям, тоньше улавливал изменение психологии масс, и вступление социалистов в правительство рассматривал как крайне малую возможность для решения конструктивных задач, стоящих перед страной.

Двойственным и противоречивым было положение Бунда и внутри российской социал-демократии. Бунд стоял у истоков создания РСДРП. Он был тогда самой крупной социал-демократической организацией в России, объединявшей марксистов нескольких городов Северо-Западного края, имевшей конспиративную хорошо поставленную издательскую базу и налаженные связи с западными социалистическими партиями. К концу 1900 г. комитеты Бунда имелись в 9 городах, во многих из них издавались печатные органы, а их общий тираж достигал 45 тыс. экземпляров. Искровские же организации накануне II съезда РСДРП объединяли примерно 2 тыс. человек.

Но, выразив на II съезде РСДРП несогласие с основными принципами партии нового типа и разорвав связь с РСДРП, сильный, тесно связанный с массами, обладающий богатым опытом конспиративной работы, Бунд оказался слабым и бессильным. Положение не спасало то, что он попытался сплотить вокруг себя национальные социал-демократические и другие родственные организации — Латышских социал-демократов Прибалтийского края, Революционную украинскую партию и другие. В условиях назревания в стране кризиса все явственнее вырисовыва-

лось, что социальная борьба российских фабричных рабочих не идет в сравнение с выступлениями еврейских кустарей и ремесленников, что Бунд мало знаком с движением солдатских масс, со спецификой крестьянской борьбы. Жажда революционного обновления России и осознание ограниченности возможностей политического влияния заставляли Бунд забывать «обиды» и восстанавливать связи с российской социал-демократией. В 1905 г. на местах бундовцы входили в стачечные комитеты, выступали инициаторами общероссийских и региональных конференций. За границей они устанавливали контакты с большевистскими и меньшевистскими группами, участвовали в работе социал-демократических клубов. Эта совместная работа привела к возвращению Бунда в РСДРП в 1906 г.

В 1917 г. Бунд уверенно шел в фарватере меньшевизма, организационно не растворяясь в нем и действуя как самостоятельная национальная организация. Бундовские руководители помнили уроки 1905-1906 гг.

Отсутствовала у Бунда единая, четко выраженная линия поведения по отношению к Октябрьской революции и большевикам. После октябрьских событий бундовцы объявили большевиков выразителями интересов солдат и деклассированной голи, обвинили их в незаконном захвате власти, уничтожении свободы, в развязывании в стране гражданской войны. Октябрьская революция была для Бунда революцией, находящейся под опекой крестьянского безначалия, зараженной деревенским бунтарством и партикуляризмом, лишенной идеологии государственного единства и вернувшей Россию к вотчинному укладу. Вместе с тем, с конца 1918 г. Бунд все определеннее делает шаги навстречу большевистской власти и такая переориентировка заканчивается его расколом и вступлением левого его крыла весной 1921 г. в РКП(б).

Как понять такую эволюцию того самого Бунда, который первым начал поединок с большевизмом? Что стоит за так называемым его «самороспуском» — политическое маневрирование, усиление большевистских репрессий по отношению к нему или осознанный выбор, принятие диктатуры пролетариата и ленинизма?

«Самороспуск» Бунда был своеобразной формой соглашения сотрудничать с большевиками на основе тщательно обдуманного компромисса. Каковы были его причины? Во-первых, неизбежность компромисса вытекала из раздробления компактной массы российского еврейства и сокраще-

ния его численности с 5 млн. до 2771 тыс. человек. Это ослабило Бунд, снизило его роль в лагере революционной демократии. Первая мировая война и немецкая оккупация западных российских территорий нанесли сильный удар по социальной базе Бунда — еврейским кустарным и мануфактурным рабочим и мелким хозяевам-ремесленникам. Война и оккупация отняли у Польши, Литвы и Белоруссии российский рынок. Почти все фабрики и мастерские закрылись. Значительная часть еврейской рабочей массы была эвакуирована еще царским правительством в Россию или призвана на военную службу. Сотни тысяч эмигрировали в Германию и вынуждены были там заниматься самыми тяжелыми работами. Оставшиеся евреи пауперизировались и маргинализировались. Выброшенные на новые места проживания, евреи-беженцы в основном избрали свободные профессии и спасались от голода спекуляцией.

Разделенные новыми границами, ослабленные войной и революционными бурями бундовские организации стали вдвое меньшими по численности, чем в 1905-1907 гг. Утрату Бундом своей самостоятельной политической роли показали и итоги выборов в Учредительное собрание. Так, по Минскому избирательному округу бундовцы вместе с меньшевиками получили лишь 1,7% голосов. Сокрушительное поражение потерпели они и в промышленных районах Украины.

Во-вторых, к пересмотру политической платформы Бунд подталкивали не только те бреши, которые он получил под ударами революционного урагана, но и национальные переживания еврейских масс. Ужасы погромов, перспектива польской оккупации для части Украины и Западного края заставили их склонить свои симпатии к большевикам. И это вынужден был учитывать Бунд.

В-третьих, компромисс с большевиками был обусловлен новой обстановкой в стране, затуханием гражданской войны, большевистскими поисками новых путей примирения с крестьянством и городскими средними слоями. Бундовцы рассчитывали, что в своем «традиционном» виде большевизм уже существовать не сможет, что РКП(б) можно будет оторвать от «авантюризма». Бундовцы решили пойти на сотрудничество с большевиками во имя того, чтобы вывести рабочие массы из бесправного положения, восстановить права трудящихся, вернуть им свободу печати, слова и собраний, восстановить независимые от властей профсоюзы.

Кроме того, они надеялись изменить экономическую политику большевистской партии, добиться отказа от продразверстки, реквизиций и национализаций. Эти надежды подкреплялись ссылками на историю возвращения Бунда в РСДРП в 1906 г. Именно большевики пошли тогда им на уступки, и Бунд сумел избежать растворения в общероссийской партии, на то, что в годы гражданской войны большевики широко использовали еврейскую среднюю интеллигенцию в органах центрального и местного государственного управления, взяли на себя финансирование левых бундовских изданий.

Платформа объединения Бунда с РКП(б) не свидетельствовала о его капитуляции. Хотя Бунд признал диктатуру пролетариата и социалистический характер Октябрьской революции, он не отрекся от своего знамени. XII конференция Бунда (апрель 1920) не приняла постановления о его выходе из II Интернационала. Бунд сохранил свои связи с меньшевистской партией и оставил своего представителя в составе ее ЦК. Не было отказа Бунда и от своей идеологии и организационных принципов. Хотя он поступился требованием культурно-национальной автономии, бундовцы полагали, что они сумеют заменить своими организациями еврейские секции в РКП(б) и добьются воплощения в жизнь этой программы.

Как известно, расчеты эти были сорваны большевиками. В начале 20-х годов ушел в небытие Бунд в Советской России, сохранив свои организации в Польше, Латвии, в Румынии, до прихода к власти Гитлера в Германии, до немецкой оккупации во Франции, а также за океаном. Ушли противоречия Бунда, которые были отражением противоречий и конфликтов в России начала XX в., специфики ее модернизации, противоречий положения евреев в стране и их жизненного уклада.

1. См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; История политических партий России. М., 1994.

2. См.: Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. СПб., 1904. Т.1. С.4, 7, 10, 24.

3. Толстой И., Гессен Ю. Мысли и факты. В кн.: Еврейский вопрос в России. СПб., 1907. С.53.

4. Еврейская неделя, 1917, 11 июня. С.10.

Раздел второй

СООБЩЕНИЯ

В.В.Кривенький

к.и.н.

(Москва)

НОВЫЕ ДАННЫЕ СРАВНИТЕЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Многие из участников нынешней встречи в процессе своей работы, путем обмена информацией, подготовкой разнообразных научных трудов в той или иной степени прикоснулись к решению сложнейшей проблемы — истории национальных партий и движений России конца XIX — первой трети XX в.

Многочисленными конференциями и встречами 60 — 80-х годов было установлено, что оформленные соответствующим образом политические организации (партии) должны обладать определенной программой (излагающей цели партии и пути к их достижению), уставом (организационное строение партии), центральными руководящими органами (ЦК, Совет, Бюро), соответствующим печатным органом, иметь местные партийные организации. Но при подготовке новейших научных исследований, малейшем глубоком проникновении в пласты национальной истории стало очевидным, что не все критерии и принципы классификации политических партий, выработанные предшественниками, отвечают нынешним задачам политической истории, изучению генезиса российской многопартийности конца XIX — первой трети XX в. Речь надо вести о системе критериев, других оценочных характеристиках деятельности политических партий, в которых немаловажное значение должно отводиться статистической (количественной) информации. В значительном уточнении нуждается вся предыдущая количественная информация о системе российских политических партий (в том числе, национальных).

В мае 1991 г. Дирекцией Института было принято решение о создании документального сборника «Программы политических партий России периода революций и гражданской войны». Со временем название книги было несколько изменено, значительно сокращен объем (с 38 печатных листов до 29), в результате жесткого отбора умень-

шено количество подаваемых материалов политических партий до 51, хотя и в таком виде издание действительно является фундаментальным и единственным в своем роде. Но элементарные подсчеты с учетом имеющейся информации говорят о том, что в книге представлены всего 25 крупных общероссийских партий (что составляет всего 41,7% от их общего числа в России конца XIX — первой трети XX в.) и лишь 26 национальных (около 11,3% от их общего числа в стране за тот же период). Общее итоговое число таких партий и движений (с учетом гибридных образований, федераций, иностранных групп (партий) и т.д.) равняется 231–236. Но главная трудность составителей данного издания состояла в следующем. Во-первых, оказалось, что в стране, по сути, остались единицы специалистов, занимающихся изучением истории национальных политических партий и движений Украины, Белоруссии, Средней Азии, Казахстана, Прибалтики, других регионов. Во-вторых, за 70 лет излишнего внимания к одной партии дефицитом стала любая объективная информация не только об общероссийских, но и в значительной степени национальных партиях, относящаяся к их программным документам, этапам формирования и практической деятельности, к сведениям по общей численности и социальному составу, биографиям лидеров и рядовых участников движения. Весьма устоявшейся традицией в историографии оставалась так называемая «подгонка» истории целого ряда партий под изучение истории коммунистической партии. В большинстве случаев это приводило к тому, что интереснейшие сведения о национальных партиях и движениях, например, Украины, Польши, Закавказья, Финляндии, Прибалтики, где многие партии возникли раньше, одновременно или чуть позже РСДРП, попросту замалчивались, игнорировались, или в лучшем случае переписывались с апологетических позиций. Вот и получается, что реальная ситуация с изучением национальных партий такова, что даже если и находятся молодые исследователи, желающие заниматься подобными проблемами, они наталкиваются на массу преград — почти полное отсутствие опубликованных программных документов данных партий, сведений об их численном, численном, социальном составе и т.д. Архивная информация по этим сюжетам часто труднодоступна, требует рутинной обработки, утаивается от исследователей.

Институт, в стенах которого проходит конференция, всегда выделялся от других учреждений, занимающихся изучением истории национальных партий, своим особым

положением. Еще в бытность его цитаделью марксизм-ленинизма в сентябре-октябре 1956 г. здесь были получены ответы из ряда филиалов Института о деятельности политических партий в регионах накануне и в период революции 1905-1907 гг. Эти ответы фиксировали тогдашнюю ситуацию с изучением национальных партий и во многом повлияли на дальнейшие подходы к изучению данных вопросов. Из ряда регионов ответов вообще не было получено. Так, из Армянского филиала ИМЛ ответили таким образом: «Сообщаем, что составление справки о местных политических партиях, существовавших в Армении в период первой русской революции, их возникновении, лидерах, печатных органах с краткой характеристикой классовой сущности и программы этих партий представляет серьезную научно-исследовательскую работу и политически сложную задачу... В силу этого, требуемую справку выслать невозможно...»¹

Что же изменилось за 40 лет? К сожалению, ситуация с изучением национальных партий мало изменилась. Возьмем ту же Армению. С одной стороны, ее президент декларирует постоянную борьбу с коммунистической партией, а с другой, — серией специальных указов запрещает, например, деятельность отделений «Дашнакцутюн» (указ от 28 декабря 1994 г.), демонстрируя таким образом весьма своеобразное понимание складывающейся ситуации в регионе и взаимоотношений с различными партиями внутри страны. Вот и получается, что изучать деятельность национальных партий сегодня является весьма опасным делом и поэтому круг авторов всевозможных энциклопедических, справочных, учебных изданий ограничивается одними и теми же фамилиями. В этом подлинная наша беда, а в незнании национальной истории — причины многих наших национальных конфликтов.

Попытки прорвать «информационную блокаду» в области изучения национальных партий все же предпринимались. Еще в середине 60—70-х годов Л.М.Спирин и К.В.Гусев попытались осуществить первые подсчеты общероссийских и национальных политических партий (в основном на материалах полученных из филиалов ИМЛ). И лишь в начале 90-х годов при подготовке сборника «Программы политических партий России», выяснилось, что эти подсчеты были сделаны весьма избирательно. Дело в том, что в России, начиная с 1882 г. (момента появления Первого Пролетариата в Польше, Армянской социал-демократической

партии «Гнчак») и до революции 1905 г. действовали около 53 партий, но в весьма своеобразном соотношении: 2 прото-партии («Союз Освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов»), одно общественно-политическое движение (анархисты), 3 собственно партии общероссийского значения (РСДРП, ПСР, «Русское собрание») и 47 национальных партий (еврейские, украинские, польские и т.д.). Таким образом, до революции 1905 г. в национальных регионах действовало примерно 90,3% всех партий, имевшихся на то время в стране. Л.М.Спирин писал, что «многие партии действовали в национальных районах»².

По данным Л.М.Спирина, К.В.Гусева и их учеников, в 1917 г. общее число политических партий в России равнялось 60, а всего с конца XIX в. до окончания гражданской войны (1920) — около 90-100. При этом порядка 4-7 партий принадлежали к помещичье-монархическому направлению, 38-43 — к либерально-консервативному и порядка 45 — к революционно-демократическому лагерю. Особняком стояла коммунистическая партия, она возвышалась над всем этим списком и представляла особую, надпартийную, превосходящую во многих отношениях другие партии, организацию.

Таблица 1

Численность политических партий России
(общероссийских и национальных)
с конца XIX в. до февраля 1917 г.

	До 1905 г.				
	С.-д.	Неон.	Л.-к.	Мо- нарх.	Итого
По данным Л.М.Спирина ²	-	-	-	-	«Свыше 50»
По нашим сведениям*:					
общероссийские	1	2**	2 прото- партии	1	6 (факт.-4)
национальные	23	15	9	-	47

* Архив автора

** С учетом анархистских организаций различного направления.

По нашим сведениям, полученным в результате просмотра многочисленного архивного и опубликованного материала, путем обмена информацией с коллегами, а также сведений, полученных из государств СНГ, выяснилось, что с 1905 г. до февраля 1917 г. в стране существо-

вали 45 общероссийских и 113 национальных партий и движений, а общее число политических партий с 80-х годов XIX в. до февраля 1917 г. равнялось 205. При этом из 45 общероссийских партий периода 1905 г. — до февраля 1917 г. 11 принадлежали к традиционалистскому направлению, 25 — к либерально-консервативному и 9 — к партиям социалистической ориентации (из них 6 неонароднических и 2 собственно социал-демократических и анархические организации различных направлений). Для национальных политических партий подобная расстановка была следующей: с 1905 г. до февраля 1917 г. в стране действовали: 61 партия социалистической ориентации (29 — социал-демократического направления и 32 — неонароднического), а также 52 партии консервативно-либерального направления. Результаты сравнительного анализа приведены в таблице 1.

Таким образом, удалось значительно (почти на 100 формирований!) уточнить сведения Спирина и привести данные в соответствие с реальной действительностью.

Хотелось бы отметить, что мы в своих количественных изысканиях продолжали работу, начатую авторским коллективом сборника «Политические партии России в период революции 1905-1907 гг.», выпущенного в 1987 г. в Институте истории АН. Его авторы на примере объективного анализа пяти основных типов общероссийских партий (РСДРП, ПСР, кадеты, октябристы, черносотенцы) по-

С 1905 г. до февраля 1917 г.				Итого
С.-д.	Неон.	Л.-к.	Монарх.	
-	-	-	-	60
1	5	25	10	41-45
29	32	52	-	113-160

пытались ответить на целый ряд принципиальных вопросов, оставшихся вне поля внимания исследователей, а именно: на классовую природу, численность и социальный состав данных партий, территориальное размещение их организаций. При этом в книге подчеркивалось, что «первый опыт количественного анализа показывает, что

он может быть вполне применим и полезен для дальнейшего плодотворного изучения истории политических партий в России»³.

Новаторские историографические традиции и подходы к анализу значительного комплекса российских политических партий были продолжены в таких изданиях как «Непролетарские партии России в трех революциях» (М., 1989) и вузовском учебнике «История политических партий России» (М., 1994).

Таким образом, к моменту выхода в свет книги «Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в.» (М., 1995), имелась значительная теоретико-методологическая база, позволившая сделать существенный шаг в ликвидации имевшегося разрыва между весьма полным теоретическим анализом проблем многопартийности и поверхностным (иногда просто слабым) освещением практической деятельности многих партийных образований. Впервые примененная в издании оригинальная хронологическая компоновка материала и типология документов позволила приоткрыть завесу таинственности над историей и практической деятельностью многих национальных партий, прийти к новым выводам.

Применительно к общей численности и ориентации общероссийских и национальных партий за период с марта по октябрь 1917 г. они выглядят так (см.таблицу 2).

Таблица 2

Численность общероссийских и национальных политических партий России с марта по октябрь 1917 г.

	Общее число до ок- тября 1917 г.	Социалист. ориентации		Либ.- конс.	Монар- хич.	Итого
		соц.- дем.	нео- нар.			
Общероссийские	53	1	3	4	-	8
Национальные	206	8	14	24	-	46
Итого	259	9	17	28	-	54

Таким образом, в период между февралем и октябрём 1917 г. в России образовались 8 новых общероссийских партий и 46 национальных, с явным преобладанием политических формирований либерально-консервативной ориентации (они составили 52,1% от общего числа образо-

ванных национальных партий, в то время как национальные образования неонароднической ориентации составили 30,4%, а социал-демократической — всего 17,4%.

И, наконец, с конца 1917 г. по 1925 г. в стране, несмотря на постепенное установление однопартийной диктатуры, все же продолжался процесс образования новых политических партий, как общероссийских, так и национальных (см.таблицу 3).

Таблица 3

Новообразование общероссийских и национальных политических партий России с конца 1917 г. по 1925 г.

	Социалист. ориентации		Либер.-консерв.	Монарх.	Итого
	социал-демок.	неонар.			
Общероссийские	1	4	2	-	7
Национальные	31-34*	28	10	-	69-72
Итого	32-35	32	12	-	76-79

* С учетом Федераций иностранных партий (групп) румынской, английской и чехословацкой, действовавших на территории России в 1918 — 1919 гг.

Таким образом, наибольшее число национальных политических партий в стране возникло в период после октября 1917 г. В силу известных причин эти формирования приняли ярко выраженный оттенок социалистической ориентации, и лишь 10 национальных образований имели типично либерально-консервативную ориентацию.

Подведем некоторые итоги, касающиеся количественного состава политических партий России.

До 1905 г. в стране было образовано 4 общероссийских и 47 национальных партий и движений. До марта 1917 г. к существовавшим партиям добавились еще 41 общероссийская и 113 национальных партий. С марта по октябрь 1917 г. возникли еще 8 общероссийских и 46 национальных партий и движений. Общее их число соответственно составило 53 и 206. С конца 1917 г. по 1925 г. спектр российских политических партий пополнился еще 7 общероссийскими и 76-79 национальными образованиями. Таким образом, за период с 1882 г. по 1925 г. в России действовали 60 общероссийских и 228-231 национальных партий и движений.

Имеющиеся у нас данные, впервые подготовленные в 1995 г. для сводного Перечня политических партий России за 1882-1940 гг. (для вышедшей в свет в издательстве РОССПЭН энциклопедии «Политические партии России»), позволяют говорить о том, что в 1926-1940 гг. произошло образование и фактическое становление ряда коммунистических партий в республиках Средней Азии и Казахстана (4) и одной партии неонароднического направления в Латвии (1927 г.). Таким образом, за данный отрезок времени общий список национальных партий страны пополнился еще 5 новыми образованиями и составил в конечном виде 233-236 партий.

Несмотря на определенную новизну прозвучавшей информации по общему количеству политических партий России (в том числе и национальных), мне думается, что она носит все-таки некоторый условный характер. Во-первых, доработка Перечня политических партий должна вестись прежде всего за счет изучения огромного комплекса архивного материала, посвященного национальным движениям и союзам (точное число которых мы до сих пор не знаем, и по моим весьма приблизительным подсчетам, речь может идти по крайней мере еще о 200-300 союзах, действовавших в национальных регионах). Во-вторых, представляется необходимым по-новому оценить все имеющиеся данные о практической истории национальных партий и движений, их численный и социальный состав, ибо и эти сведения часто носят отрывочный и недостоверный характер. В-третьих, надо положить хотя бы начало созданию единого банка данных (информации) о всех национальных партиях и движениях, действовавших в стране в конце XIX — первой трети XX в. Это может быть осуществлено на базе РНИСиНП с учетом интересов всех его центров. Сделать это следует в самое ближайшее время.

1. Письмо № 363/2 от 8/X 1956 г. на имя Г.Д.Обичкина за подписью директора Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС А.Н.Мнацаканяна — *Архивы автора.*

2. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С.300-309; Его же. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий России. В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917-1922 гг. М., 1977. Ч.1. С.8, 15, 16.

3. Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 7.

М.И.Смирнова
к.и.н., доц.
(Москва)

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
РОССИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
НАПРАВЛЕНИЯ
(конец XIX — начало XX в.)**

Превалирование интеграционных процессов в мировом развитии не умаляет, а придает еще большее значение национальному содержанию духовной жизни и политическим отношениям в таких многонациональных государствах, как Россия. Для россиян понятие «национальное чувство», «национальное самосознание», «национальные интересы» имеют очертания конкретной политики, и игнорирование их рождает трудноразрешимые, а подчас и трагические ситуации. Вместе с тем, истоки многих национальных проблем современной России лежат в национальной политике Советского государства, которое строилось, исходя из идеологических установок коммунистической партии.

На рубеже XIX — XX вв. нарождавшаяся российская социал-демократия столкнулась с проблемой соотношения «национального» и «интернационального» в своей организационной структуре и деятельности. В течение десятилетий в отечественной историографии культивировалась точка зрения, в соответствии с которой утверждалось: следуя мировоззренческим установкам теории марксизма и рассматривая «нацию», «национальность» и все производное от них как результат развития буржуазных отношений, а, следовательно, враждебное классовым интересам пролетариата, российская социал-демократия, так же, как и европейские партии II Интернационала, сделала свой выбор в пользу интернационализма, что в полной мере отвечало конечным целям пролетарской борьбы — мировой коммунистической революции. Однако в действительности российские национально-партийные движения социал-демократического направления представляли различные варианты решения проблемы «национализма» и «интернационализма», что было реализовано в их программных документах и практической деятельности.

Для России конца XIX — начала XX в. была характерна быстрая политизация всех слоев общества, что нашло отражение в создании первых политических партий. Политические партии в российском обществе возникли гораздо позднее, чем это произошло на Западе, где и сформировалась современная модель партийной структуры. При этом генезис российских общественных движений в политические организации определенной социальной направленности и нацеленности на завоевание политической власти, существенным образом отличался от западного варианта, где процесс формирования партийных организаций был неразрывно связан с борьбой нарождавшейся буржуазии против феодально-абсолютистской системы, с буржуазными революциями и национально-освободительной борьбой. При этом партии мелкобуржуазной демократии и пролетариата возникли вслед за политическими организациями буржуазии и крупных землевладельцев.

При совпадении многих направлений развития в новейшую историческую эпоху Россия и Запад существенно разнились друг от друга. Российский капитализм («догоняющей» или «вторичной» модели) явился во многом результатом не естественной эволюции, а целенаправленного реформирования общественных отношений и модернизации производства, инициатором и руководителем которого выступило российское самодержавие. Реформы 60-70-х годов XIX в. при всей их ограниченности и политической нацеленности на сохранение монархии определили исторический перелом в развитии России по пути капиталистической эволюции: быстрыми темпами происходила индустриализация, значительно ускорился процесс урбанизации, социальная структура постепенно принимала черты буржуазного общества, положительные сдвиги коснулись и аграрного сектора. Вместе с тем, пережитки прошлого в виде сохранения незыблемых устоев самодержавного строя, остатков крепостнических отношений, прямой зависимости российской буржуазии от абсолютистского государства не давали в полной мере проявиться созидательным силам капитализма. Это проявилось прежде всего в политической и социальной сферах, где затянувшееся реформирование самодержавно-абсолютистской системы в буржуазную монархию, отсутствие гражданских прав, свобод и социальных гарантий, низкий уровень жизни наемных рабочих и

малоземелье крестьян создавали почву для общественной нестабильности, недовольства и революционных взрывов.

В отличие от европейского пути развития политических партий, в России первыми были созданы политические организации пролетариата и мелкой буржуазии, прежде всего крестьянства, многие из которых избрали своей теоретической основой марксизм и были ориентированы на социалистическое переустройство общества революционным путем.

Формирование российской государственности происходило на многонациональной основе. По данным переписи 1897 г., население России говорило почти на 150 языках и наречиях, при этом нерусские народы составляли около 60% жителей страны. Если в процессе буржуазных преобразований западные государства развивались преимущественно как мононациональные, в которых неравноправие национальных меньшинств не представляло значительного политического явления, то в Российской империи многие испытывали национальный гнет, что превращало национальный вопрос в дестабилизирующий фактор общественного развития.

Официальная политика российского самодержавия выражалась в насильственной русификации нерусского населения, в назначении русских чиновников на ведущие административные посты, в подавлении всякого национального протеста, в провоцировании межнациональных столкновений и погромов. Хотя в массовом сознании большинства великороссов отсутствовало чувство национального превосходства и патриотические настроения соединялись с национальной терпимостью и стихийным интернационализмом, отношение правительственных кругов к «инородцам», как к людям второго сорта, не имевшим прав на собственную историю, культуру и традиции, вызывало у них естественный протест, который по мере роста национального самосознания приводил к возникновению национально-освободительных движений. В 80-90-е годы XIX в. начали складываться национальные партии марксистского толка, причем этот процесс на окраинах России шел значительно быстрее, чем в великоросском центре империи.

В ряду первых социал-демократических организаций России выделяется армянская социал-демократическая партия «Гнчак» («Колокол»), у истоков которой стояла группа студентов — выходцев из Русской Армении: А.Назарбекян, М.Назарбекян, М.Варданян и другие. Ее социальную базу составляли представители интеллигенции,

рабочих, крестьян, студенческой молодежи. Созданный в 1887 г. в Женеве, «Гнчак» представлял собой строго централизованную организацию во главе с Центральным правлением (или ЦК) и имела многочисленные филиалы и отделения в различных государствах, где проживало армянское население. В духе марксистской теории программа армянских социал-демократов, принятая в 1897 г., провозглашала конечной целью своей борьбы «полное освобождение трудящегося класса, который составляет большую часть всего человечества, от всякой эксплуатации и гнета капиталистов, помещиков и господствующих классов» посредством «коммунистической социальной революции»¹.

Национальный аспект деятельности АСДП был выражен требованием «освободить армянский народ от рабства; уничтожить условия, препятствующие его экономическому развитию, в особенности культурному»². Реализация этого требования виделась в борьбе «за ниспровержение самодержавного строя» и установление «всеобщего демократического конституционного строя»³.

У армянских социал-демократов не было единства в понимании путей и методов достижения поставленных целей. Часть партии считала, что для Турецкой Армении необходимо выработать особую тактику и именно отсюда начать революционную борьбу за национальную независимость и национальное объединение всего армянского народа. В 1894-1896 гг. «Гнчак» выступила организатором вооруженных акций на территории Турецкой Армении, которые стали одной из причин начала репрессий турецких властей против армян. Разногласия в программных и тактических вопросах порождали организационную нестабильность в рядах армянских социал-демократов и приводили к неоднократным расколам в ее организациях.

На фоне разброда «Гнчак» значительно большее влияние имел созданный в Тифлисе в 1890 г. Армянский революционный союз «Дашнакцутюн» («Союз»). Основателями организации были С.Заварьян, С.Зорьян (Ростом), Х.Микаэлян и другие. Партия представляла собой сложную структуру, высшим органом которой провозглашалось Общее собрание. По разным данным, в 1900-1907 гг. союз насчитывал от 100 до 160 тыс. членов, объединенных в более чем 3 тыс. первичных комитетов и групп⁴. АРС действовал как в России, так и в других странах, где размещалась армянская диаспора. Провозглашая основой своей социальной базы «промышленный пролетариат городов, трудовое крестьянство и революционную интеллигенцию»,

«Дашнакцутюн» в то же время считал возможным привлечь «наиболее сознательные, интеллектуально и морально сильные элементы общества» из среды господствующих классов, «которые в значительной степени способствуют успеху дела трудового народа, его борьбе»⁵. Такой подход нашел отражение в социально неоднородном составе партии, в которую входили представители от национальной буржуазии и творческой интеллигенции до рабочих, крестьян и служащих.

В первой партийной программе (1892, Женева) была четко выражена важнейшая проблема жизни армянского народа: его объединение и освобождение от турецкого ига. Реализация этой задачи мыслилась через вооруженное освобождение Турецкой Армении с помощью западных держав и России, а также организуемых дашнаками террористических актов и боевых операций. Для покрытия расходов на покупку оружия в 1900 г. союз провел операцию «Буря» с целью насильственного изъятия ценностей у состоятельных армян России.

На IV партийном съезде в 1907 г. (Вена) была принята новая программа, в которой «Дашнакцутюн», «как партия революционная и социалистическая, ставит своей целью защиту классовых и национально-культурных интересов армянских трудящихся масс, имея в виду заменить монархию народоправством, а капитализм социализацией орудий и средств производства»⁶. По мнению исследователей, дашнаки по своим воззрениям и методам борьбы были близки к партии социалистов-революционеров (эсеров) и стремились соединить марксизм с неонароднической идеологией.

В программе-минимум АРСД наряду с общими положениями политического и экономического устройства содержались требования, отдельные для армян, проживающих в Турции и в России. Турецкая Армения рассматривалась как «неотделимая часть конституционной Турции», которая будет пользоваться «широкой местной автономией»⁷. Будущее Российской империи виделось как федеративная республика, составной частью которой является «Закавказская демократическая и федеративная республика», независимая во всех своих внутренних делах⁸. Акцентируя внимание на национальных проблемах всех армян, дашнаки подчеркивали международный характер борьбы за социализм: «Трудовые элементы всех стран, как жертвы одной и той же экономической системы, должны объединиться и уже объединяются во всемирное братство и в сознании

своей высокой миссии, уверенные в победе, идут путем координированной борьбы к новым социалистическим порядкам»⁹.

Армянский революционный союз рассматривал себя одним из отрядов мирового социалистического движения. В 1907 г. «Дашнакцутюн» принял участие в работе II Интернационала и стал членом этой международной организации.

Таким образом, революционные армянские партии, как «Гнчак», так и «Дашнакцутюн», при всем их различии, стремились к осуществлению социалистического идеала как результата революционной интернациональной борьбы «эксплуатируемых классов». Однако положение армянского народа, который в силу исторических обстоятельств оказался разобщенным и проживал на территории многих государств, где часто подвергался национальному гнету, а в мусульманских странах (Турция, Персия) и религиозным гонениям, делали необходимым для армянских революционеров демократические требования увязывать с национальной борьбой всех армян за освобождение и государственное объединение, толкали к экстремистским действиям. В противном случае они не имели бы ни влияния, ни авторитета как национальная политическая организация армянской диаспоры.

Политические организации социал-демократического толка довольно рано сформировались на территории Царства Польского, которое отличалось высоким уровнем капиталистического производства, тесными связями и значительным влиянием Запада, сильными традициями национально-освободительной борьбы за независимость. Наряду с созданием национальных либерально-реформистских партий западного типа в 80-е годы XIX в. большое значение приобрели организации радикально настроенной польской интеллигенции, увлеченной марксистскими идеями и ориентировавшейся на национальный пролетариат. Их оформление в самостоятельную партию произошло в начале 1893 г., когда была создана Польская социалистическая партия (ППС). Наряду с революционной борьбой против капиталистической эксплуатации за политическую власть трудящихся, важнейшую и первоочередную цель своей деятельности ППС видела в национально-освободительной борьбе с «русскими оккупантами», включая вооруженное сопротивление и территориальное отделение Польши от России, завоевание политической независимости и восстановление самостоятельной государственности, попранной в результате раздела Польши в конце XVIII в. Однако не-

которые сторонники ППС усматривали в стремлении к независимости национальную ограниченность революционной борьбы и настаивали на интернационализации задач партии, так как социалистическое обновление Польши возможно лишь при условии ее сохранения как части демократической России. Вот почему польским социалистам необходимо добиваться революционного польско-российского союза.

Сторонники идеи интернационального характера пролетарской борьбы за социалистические идеалы уже в 1893 г. сформировали новую партию — Социал-демократию Королевства Польского, а с 1900 г. — Социал-демократию Королевства Польского и Литвы, когда произошло слияние СДКП с Рабочим союзом Литвы, представлявшим интернациональные элементы литовского рабочего движения.

Организаторами и активными участниками социал-демократического движения Польши и Литвы были Т.Волостовский, А.Кэлза, Л.Росол, Ф.Дзержинский, а также деятели международного уровня Р.Люксембург, Ю.Мархлевский, И.Тышка, А.Варский. Важнейшее программное требование состояло в том, что СДКПиЛ «стремится совместно с социал-демократией всех капиталистических стран к осуществлению социалистического строя... Первым условием передачи орудий производства в общественную собственность является переход государственной власти в руки рабочих, которые, опираясь на свою диктатуру, введут социалистический строй»¹⁰. Детерминированность интернационалистических целей и требование завоевания «диктатуры пролетариата» сближали польско-литовских социал-демократов с российской социал-демократией и в 1906 г. произошло их объединение. В соответствии с решениями IV съезда РСДРП СДКПиЛ вошла в общероссийскую партию в качестве единой территориальной организации, ведущей партийную работу среди пролетариата всех национальностей данного района. При этом СДКПиЛ сохраняла свою программу, широкую самостоятельность при решении вопросов внутрипартийного развития, агитации и пропаганды.

В дальнейшем польско-литовская социал-демократия пережила несколько расколов и неоднократные объединения с различными социалистическими силами, испытала на себе сильнейшее влияние немецких социал-демократов. Но одно оставалось неизменным: национальные интересы своей деятельности она, как правило, подчиняла

общим классовым задачам революционной пролетарской борьбы.

Среди национальных политических партий социал-демократического направления особое место занимали еврейские организации.

Положение еврейства в Российской империи определялось исключительными законами, первые из которых появились еще в конце XVIII в., когда в результате разделов Польши еврейское население России увеличилось на 2 млн. человек и для его свободного проживания были выделены определенные территории (т.н. «черта оседлости»), которые ограничивались 15 западными и южными губерниями. Считается, что накануне первой мировой войны в России проживало 50% общемировой численности евреев, из них 3,5 млн., то есть 94% — в черте оседлости.

На протяжении всего XIX в. официальная политика была нацелена на русификацию и ассимиляцию евреев: было ограничено употребление еврейского языка; запрещалось участие евреев в выборных органах, приобретение недвижимости, в том числе земли за чертой оседлости, занятия определенными профессиями. В 1887 г. специальный циркуляр министра народного просвещения вводил процентную норму для еврейской молодежи при поступлении в высшие и средние учебные заведения (10% от общего числа абитуриентов в черте оседлости, 5% — за ее пределами, 3% — в Москве и Петербурге). Ужасы еврейских погромов превратились в неотъемлемую часть российской действительности, начиная с 1881 г. Антисемитизм ярко проявлялся как на государственном уровне, так и в повседневной жизни.

Ущемление гражданских и культурно-образовательных прав еврейского народа при его высоком интеллектуальном уровне и владении богатыми историческими традициями создавало тот общественный фон, при котором многие представители еврейской диаспоры оказались в оппозиции к самодержавному режиму. Еврейская молодежь активно включилась в революционное движение, принимая участие в самых ярких его проявлениях. В общероссийских политических организациях радикального характера удельный вес представителей еврейства был очень высок. В 1880 — 1890-х годах стали оформляться национальные еврейские партии.

Одной из самых известных марксистских организаций социал-демократического направления был Всесоюзный ев-

рейский рабочий союз в Литве, Польше и России, I съезд которого прошел в Вильно в 1897 г. Бунд состоял преимущественно из представителей интеллигенции, рабочих, студенчества и зарекомендовал себя активным организатором экономической борьбы в Северо-Западном крае и Польше, вел пропаганду марксизма и социалистических идей, выступал за солидарность с пролетариатом всей России. Отстаивая организационную автономию и свою особую роль в борьбе еврейского пролетариата, Бунд считал возможным решение национального вопроса при демократическом устройстве России на базе культурно-национальной автономии, обращая при этом внимание, что «лишь социализм, уничтожив в корне все формы классового господства, принесет с собой и полное освобождение от всякого национального гнета»¹¹.

Бунд был ярким противником сионистских устремлений как Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион» (1906), так и Сионистско-социалистической рабочей партии (1904) и Социалистической еврейской рабочей партии (1906).

Рабочие партии сионистского толка, подчеркивая свой революционный характер, призывали к непримиримой борьбе с самодержавием в России и стремились к социалистическому переустройству общественной системы. Так, СЕРП считала, что переходу к коллективистским производственным отношениям «должна предшествовать социальная революция, задачей которой является экспроприация и переход в общественное пользование средств производства и обмена»¹². Особая роль в этом процессе отводилась рабочему классу, который, по мнению «Поалей-Цион», *«завоюет власть и использует свою диктатуру для уничтожения классовой структуры общества вместе с частной собственностью на орудия производства и средства сообщения»*¹³.

Отличительной чертой ССРП, СЕРП, «Поалей-Цион», как национальных еврейских организаций, была их приверженность сионизму и прежде всего его территориальному принципу, в реализации которого они видели единственный путь возрождения еврейского народа и обретения им свободы. «Сионизм, — говорилось в программе ССРП, — как национальное движение, может обнять различные слои еврейского народа, будущность которого связана с самостоятельным обществом на собственной территории»¹⁴. Достижение «сионистского идеала» представлялось длительным историческим процессом, конечная цель которого

виделась в создании «еврейского социалистического общества»¹⁵. Отдавая рабочему классу приоритет в реализации сионистских планов, «Поалей-Цион» выдвинул идею «пролетарского сионизма», считая, что «территоризм, в качестве политической революции в еврейской жизни, осуществляется классовой борьбой еврейского пролетариата. Это выражается в возникновении и развитии всемирного пролетарско-сионистского движения, которое стремится *на пути к социальной революции разрешить еврейскую национальную проблему территориальной автономии в Палестине*»¹⁶.

Акцентируя внимание на необходимости создания самостоятельного еврейского государства, сионистские организации в своем большинстве отвергали идею «поглощения еврейских рабочих масс» общероссийскими пролетарскими партиями и также считали тесными рамки Бунда, чья конечная цель не увязывалась с борьбой за государственную независимость еврейского народа.

В начале XX в. и особенно накануне и в годы первой русской революции 1905-1907 гг. оформились как самостоятельные политические организации многочисленные национальные партии социал-демократической направленности¹⁷, которые провозглашали свою приверженность марксизму, отстаивали социальные интересы рабочего класса и трудового крестьянства, активно боролись с самодержавием, стремились к революционному уничтожению капитализма и переустройству общества на началах социализма. Особое внимание в их программах уделялось проблемам, связанным с положением в Российской империи той или иной нации. Для их разрешения и преодоления национального гнета предлагались различные пути, методы и средства, выбор которых напрямую зависел от соотношения национальных и интернациональных принципов построения и деятельности политических партий.

Советская историко-партийная историография годами обвиняла национальные социал-демократические и социалистические партии в «национализме, мелкобуржуазной ограниченности, сепаратизме», в идейно-политической и организационной беспомощности, отрыве от масс, оппортунизме, «националистической реакции на интернационализм»¹⁸. Единственной социал-демократической партией, сумевшей найти идеальный вариант «диалектического сочетания интернационального и национального», считалась РСДРП в ее ленинском, большевистском варианте, то есть

«пролетарская партия нового типа». Однако концептуальное обновление истории российской социал-демократии и ее национальных отрядов, современный уровень знаний делают необходимым более детальное осмысление проблем национального и интернационального в организационном строении, при решении национального вопроса, во всей социал-демократической деятельности.

Российская социал-демократическая рабочая партия, занявшая одно из центральных мест в революционном движении России, к своему II съезду (1903), на котором должны были быть приняты партийный устав и программа, в целом сформулировала принципиальные положения своей национальной политики. Приоритетным являлся принцип марксистской теории об интернациональном сплочении социал-демократии и достижении более полного единства рабочих всех национальностей при осуждении любых проявлений угнетения одной нации другой или ущемления прав какой-либо нации. Программное положение — «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», было включено в раздел общедемократических требований программы-минимум. Оно носило скорее декларативный характер, так как будучи демократичным по форме, не имело каких-либо конкретных комментариев и было туманным по содержанию, а по существу автоматически поддерживало позицию II Интернационала. Считалось, что национальный гнет, который признавался фактом мирового капитализма и русского самодержавного общества, будет ликвидирован при демократическом устройстве государства. В целом российская социал-демократия на этапе своего формирования в решении национального вопроса на уровне государственного устройства занимала индифферентные позиции, поскольку проблемам национального равенства и свободного развития наций не придавалось самостоятельного звучания, а они решались через гражданские и политические требования. Хотя еще в мае 1903 г. Ленин, будущий лидер большевизма, в одном из частных писем писал: «...мы признаем в принципе самоопределение, но в разумных границах, определяемых единством пролетарской классовой борьбы»¹⁹. Иное дело партийное устройство и система взаимоотношений между национальными социал-демократическими партиями России.

Ведущим организационным принципом РСДРП стала жесткая централизация, в том числе и в отношении национальных представительств, что трактовалось, как практическая реализация «пролетарского интернационализ-

ма», когда национальные интересы носят подчиненный характер по сравнению с классовыми целями борьбы пролетариата, реализовать которые возможно лишь через слияние в единую социал-демократическую партию всех ее национальных отрядов.

Особенность положения РСДРП среди других социал-демократических партий непосредственно происходила из сложности межнациональных отношений в Российской империи: то, что российские социал-демократы называли «интернационализмом» на уровне конкретной деятельности и практики партийного строительства воспринималось национальными меньшинствами как «русский партийный шовинизм». Речь не идет о том, что Плеханов, Ленин, другие деятели искровского периода были националистами по убеждению, но организационные принципы, которые отстаивала «Искра» и которые были утверждены на II партийном съезде, воспринимались как проявление русско-центристской организации.

Избежать «русского партийного шовинизма» было возможно при федеративном принципе партийного строительства, когда все социал-демократические национальные партии объединяются для общей борьбы против царского абсолютизма в одну общероссийскую организацию с равным представительством каждой из них в центральных органах партии и наделяются определенными самостоятельными полномочиями при решении внутренних вопросов, ведении агитации и пропаганды среди национальных отрядов рабочего класса. Именно такую структуру предлагал Бунд. Свое стремление отстоять право быть «единственным представителем еврейского пролетариата» Бунд объяснял необходимостью защитить классовые интересы пролетариата от вторжения буржуазных националистических партий²⁰.

Однако «перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации» была отвергнута²¹ II съездом РСДРП не только из-за соображений обеспечения высших целей классовой борьбы, но и из-за стремления утвердить свое лидерство в социал-демократическом движении России. Факт принятия Бунда как особой национальной организации в состав РСДРП мог привести к допущению того обстоятельства, что создаваемая партия окажется *русской* социал-демократической организацией, а не всероссий-

ской партией. Такой подход был неприемлем для искровских лидеров, претендовавших на руководство всеми социал-демократами. Исключительные права Бунда могли привести к двусмысленной ситуации для еврейских интернационалистов, которые примкнули к русскому революционному движению, а не к Бунду для того, чтобы преодолеть этнические ограничения классовой борьбы пролетариата.

Показательна в этом отношении судьба Юлия Осиповича Мартова (Цедербаума). В середине 1890-х годов он находился в ссылке в г.Вильно, где среди еврейского населения действовали многочисленные марксистские пропагандистские кружки. Считается, что именно Мартов обосновал теоретическую платформу особой организации еврейского пролетариата. В 1895 г. в его выступлении на нелегальном собрании по случаю Первомая, которое вскоре было опубликовано и получило широкую известность под названием «Поворотный пункт еврейского рабочего движения» (Женева, 1896), ясно высказывалась необходимость создания самостоятельной еврейской пролетарской партии на теоретической базе марксизма, которая возьмет на себя роль руководителя еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение. Однако в качестве одного из активнейших редакторов «Искры» Мартов открыто критиковал сепаратизм Бунда. Став признанным лидером российской социал-демократии, он последовательно отстаивал идею единства национальных отрядов рабочего класса России.

Многие российские социал-демократы, сторонники первенства интернационального союза, независимо от национальной принадлежности, стремились показать «свободу» от этнических интересов своей нации и часто, даже более жестко и нетерпеливо, чем их русские собратья, отстаивали единение с мировым пролетариатом и отрицали национальные особенности российского революционного процесса.

Позиция жесткой централизации РСДРП, граничащая с авторитаризмом, была для Бунда неприемлемой, так как ограничение его компетенции только «частными задачами агитации среди еврейского населения, создаваемыми особенностями языка и условиями быта»²², низводили Бунд до положения простого технического комитета партии и приводили к утрате им роли авторитетнейшей социал-демократической организации России. Между тем, Бунд являлся инициатором создания общероссийской партии. В 1898 г., когда было провозглашено образование РСДРП, из 9 деле-

гатов I съезда 5 имели еврейское происхождение, а 3 были представителями Бунда. В соответствии с решениями съезда он наделялся самостоятельностью в вопросах, «касающихся специально еврейского пролетариата»²³. К 1903 г. Бунд, успешно реализуя идею национального представительства, сумел создать свои комитеты в тех районах, в которых уже существовали общероссийские социал-демократические ячейки, но где наиболее активными элементами среди наемных рабочих, интеллигенции, мелких предпринимателей были евреи. После отказа II съезда признать за Бундом особые полномочия, его представители покинули съезд. В условиях революционных событий 1905-1907 гг. РСДРП и Бунд по большинству направлений действовали совместно. На IV съезде РСДРП (1906) Бунд, в 274 комитетах которого насчитывалось около 34 тыс. членов, вошел в общероссийскую партию, как «социал-демократическая организация еврейского пролетариата, не ограниченная в своей деятельности районными рамками», и его ЦК сохранял «самостоятельность в вопросах агитации, организации и пропаганды»²⁴.

Тактические соображения о необходимости единства действий в конкретной революционной обстановке сделали возможным сгладить остроту противостояния «национального» и «интернационального» факторов во взаимоотношениях общероссийского центра и национальных комитетов. При этом стратегическая устремленность к мировой пролетарской революции и желание во что бы то ни стало упрочить свое лидерство в революционном движении делали для российской социал-демократии и особенно ее большевистской части «интернационализм» ведущим положением в идеологии, внутривластной жизни и конкретных политических шагах.

В начальный период становления РСДРП понятиям «интернационального» и «национального» были приданы и нравственные оценочные различия. «Интернационализм» преподносился как положительное явление, имеющее прогрессивное значение. «Национализм» же трактовался как регресс общественного развития, а потому не имеющий позитивного морально-нравственного начала.

Однако политическая и нравственная абсолютизация «интернационализма» лишала организационную структуру РСДРП потенциальных возможностей для совершенствования, так как в соответствии с законами диалектики (о приверженности к которым всегда заявляли социал-демократические лидеры) партия может развиваться только че-

рез разрешение внутрипартийных конфликтов, одним из уровней которых и являлась диалектическая пара «интернационализм» — «национализм». То же самое можно сказать и о большинстве национальных политических организаций России социал-демократического толка, которые, сделав свой выбор в пользу «национального» аспекта революционной борьбы и своего организационного строения, не сумели заложить фундамент своей организационной стабильности и гибкости политических действий.

1. Программы политических партий России. Конец XIX — XX вв. М., 1995. С.9-10.
2. Там же. С.11.
3. Там же.
4. Там же. С.122; Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.1. М., 1994. С. 676
5. Программы политических партий России. С.129
6. Там же. С.132.
7. Там же.
8. Там же. С.133
9. Там же. С.129.
10. Там же. С.15
11. Там же. С.33.
12. Там же. С.195
13. Там же. С.87.
14. Там же. С.181.
15. Там же.
16. Там же. С.93.
17. Революционная украинская партия (1900), Белорусская социалистическая громада (1902), Латышская социал-демократическая рабочая партия (1904), Украинская демократическо-республиканская партия (1904), Мусульманская социал-демократическая партия «Гуммет» (1904), Украинская социал-демократическая рабочая партия (1905) и другие.
18. См.: Грошев И.И. Сущность национальной политики КПСС. М., 1982. С.19-35; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.39-47.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.288.
20. См.: Программы политических партий России. С.24.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т.1. С.69.
22. Там же.
23. Там же. С.13
24. Там же. С. 204, 205.

С.Г.Чмырь
к.и.н.
(Украина)

**УКРАИНСКАЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКО-РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ:
ГЕНЕЗИС, ПРОГРАММА, ТАКТИКА
(90-е годы XIX в. — 1909 г.)**

Анализируя политическое развитие украинского общества последних десятилетий XIX в., И.Я.Франко заметил, что как для врача нет ничего более приятного, нежели наблюдать за процессом выздоровления больного, так и для историка — следить за восстановлением нормального функционирования национального организма, который «из тяжелого духовного и политического угнетения понемногу, но постоянно движется к нормальной жизни»¹. Признать, что аналогичные чувства испытывал и автор статьи, изучая один из любопытных сюжетов украинского национального возрождения начала нынешнего века — историю происхождения и жизнедеятельности Украинской Демократическо-Радикальной партии (УДРП).

Первые попытки освещения истории УДРП были предприняты лидерами и активистами украинского движения², а также польскими социалистами К.Залевским и Л.Василевским³. В 1920-е годы появилось несколько разноплановых работ, затрагивающих некоторые аспекты генезиса украинских либерально-демократических партий, взаимоотношений либералов и социал-демократов, функционирования УДРП в годы первой российской революции⁴. Начиная с 1930-х годов в силу известных причин история украинских политических партий оказалась одной из наиболее прочно «закрытых» зон советской историографии. Возможные экскурсы в эту запретную область позволялись при условии строгого соблюдения идеолого-охранительных канонів, воспевания «торжества пролетарского интернационализма» и разоблачения «украинского буржуазного национализма». В конце 1940 — начале 1950-х годов в работах Л.И.Иванова и Г.А.Игнатова⁵, в начале 1980-х — в коллективных трудах «Революційна боротьба трудящих України в 1905-1907 рр.» (К., 1980) и «История Украинской ССР» (К., 1983, т.5) конспективно была охарактеризована позиция УДРП в годы первой революции. Отличительной

чертой этих работ, как признаст ныне один из авторов, являлись — «предубежденный подход к этим партиям, исключительно негативная их оценка как антинародных, националистических и контрреволюционных»⁶. Конец 1980-х — начало 1990-х годов в отечественной историографии ознаменовались стремлением к новому видению проблемы, избавлением от устаревших стереотипов, расширением источниковой базы и тематики исследований. Особо следует отметить книгу Г.В.Касьянова «Українська інтелігенція на рубежі XIX-XX ст.: соціально-політичний портрет» (К., 1993), содержащую наряду с выяснением иных важных вопросов сжатый очерк украинского либерально-демократического движения, и монографию О.Забужко «Філософія української ідеї та європейський контекст: франківський період» (К., 1992), дающую ключ к пониманию социо-психологического облика украинских активистов 1890-х — 1900-х годов.

Значительный методологический, археографический и историографический вклад внесли в проблему разработки истории украинской политической мысли и национальных партий ученые-специалисты украинской диаспоры⁷.

Тем не менее специальных исследовательских работ, посвященных истории украинской либеральной демократии накануне и в период революции 1905-1907 гг., до последнего времени не существовало. Попыткой восполнить этот пробел является ряд публикаций и кандидатская диссертация автора данной статьи⁸. Дальнейшего изучения требует ряд таких вопросов: численность, социальная база, динамика электората УДРП, взаимоотношения с союзниками и противниками, деятельность радикал-демократов в 1908-1920 гг. и в эмиграции, вклад в интеллектуальную историю Украины.

Первичными ячейками будущей украинской либерально-демократической партии были громады («общества») — нелегальные кружки украинской интеллигенции, просуществовавшие с небольшими «антрактами» с конца 50-х годов XIX в. до начала нынешнего столетия, вдохновленные идеей украинского возрождения и по мере сил противодействующие русификаторской линии самодержавия. В начале 90-х годов XIX в. в громадской среде все выразительнее проявляются новые тенденции: создание сети «молодых» — гимназических, семинарских, студенческих громад; реконструкция некоторых «старых» громад; упрочение контактов с народовским и радикально-социалистическим течениями Галиции; трансформация традиционно

украинофильского мировоззрения громадовцев в национально-демократическую идеологию; постепенная политизация — если не деятельности, то умонастроений — громадовцев среднего и младшего поколений. «Столетие мечтаний украинских интеллигентов» (Ю.Лыпа) завершилось многообещающими организационными акциями: рождением в 1891 г. «Братства тарасовцев» — нелегального общества радикально настроенной молодежи; в 1897 г. — Всеукраинской беспартийной организации — федеративного союза автономных громад, студенческих групп и индивидуальных членов. Оба эти образования послужили непосредственными источниками ближайших предшественниц УДРП — Украинской Демократической (осень 1904) и Украинской Радикальной (весна 1905) партий.

Движущей силой этих новых процессов явилась патриотически настроенная, социально активная группа национальной интеллигенции, названная «Молодой Украиной» (понятие введено в обиход публицистом Т.А.Зинькивским в 1896 г., подхвачено и развито И.Я.Франко, Н.Е.Шаповалом, О.Пчилкой и другими). Показателен новый этнический смысл названия — «Молодая Украина», свидетельствовавший о самоидентификации отдельной личности и целой нации с «украинством». Был преодолен, наконец, столь мучительный для предшествующих поколений комплекс терзаний между «двумя душами» — «люди 80-х» и «люди 90-х» уже не колебались в отношении собственной национальной принадлежности и открыто называли себя «национально сознательными украинцами», с негодованием отвергая раннее общепринятое «украинофилы». Один из наиболее ярких представителей «восьмидесятников» — писатель Б.Д.Гринченко — так определил оптимальный план действий для своих единомышленников: организация интеллигенции в сознательную и активную силу; установление в стране политических свобод; просвещение народа. Цель украинского движения сформулировал емко и определенно: «Свободы! Свободы украинскому народу, как самостоятельной национальной единице, думать, верить, говорить, писать, трудиться и в своем крае управлять так, как он сам того хочет»⁹. Высоко расценивая итоги деятельности «Молодой Украины», И.Я.Франко писал, что эта генерация «подняла бурю в нашей национальной жизни, ... проложила не в одном направлении новые тропы. Она разбудила страсти там, где перед тем были равнодушие и рутина, оживила пульс народной жизни. Это был тот запас свежих сил, который обнаружила в себе наша нация в ми-

нуты тяжкого угнетения...»¹⁰ В результате был осуществлен переход из организационной стадии национального возрождения в политическую¹¹.

У истоков образования УДРП стоят колоритные фигуры «украинских шестидесятников» — историка В.Б.Антоновича, писателя А.Я.Конисского, этнографа Т.Р.Рыльского, композитора Н.В.Лясенко. Однако роль самой Старой громады, этого столпа и патриарха «украинства», была двойственной. С одной стороны, громада как целое не стремилась и даже отчасти противодействовала формированию новых украинских организаций, раздражаясь их воинствующим культурничеством, радикализмом, социализмом; с другой, — «по вине» некоторых своих наиболее активных деятелей оказалась в конечном итоге причастна к этим акциям. Но существовал еще один, скрытый, опосредованный аспект этой причастности (который, следует заметить, тонко почувствовали и отразили в своих мемуарах радикал-демократы): воспитательное значение Старой громады как «школы», первичного общественного поприща, исторического феномена украинского возрождения.

В анализе исторического прошлого Украины радикал-демократы исходили из популярной в национальной народнической историографии концепции «национальной вины» элиты перед своим народом, пожертвовавшей в XVII — XVIII вв. в угоду своим узкосословным интересам политической и культурной самостоятельностью родины. Без грана осуждения они писали о том, что народные массы в конечном итоге остались «вполне равнодушными и холодными к идее автономии и отказывали в своей поддержке требованиям неосмотрительных автономистов», ибо «в самом деле — что могла значить для народа потеря автономии пред надвигающейся грозой крепостного права? Какую цену или привлекательность могла иметь для трудящихся масс национальная независимость при полной невозможности воспользоваться ее плодами и даже вести просто человеческое существование?» Основной урок, извлеченный из опыта минувшей борьбы, был прост: «Народ боролся за свое собственное дело — социальное, экономическое и национальное освобождение, и при том же он не понимал национального освобождения без социального и экономического и потому всякий раз оставлял автономистов на волю всеблагоего провидения, как только замечал, что дороги их расходятся...»¹² Так радикал-демократы солидаризировались с позицией украинских историков-народников (В.Б.Антонович, М.С.Грушевский): во взаимоотношениях

народа и власти правота всегда — на стороне народа и если народу при данном строе, в этом государстве плохо — его законное право рассчитывать с ним.

Своим предтечей в политической сфере радикал-демократы считали М.П.Драгоманова, восприняв основные компоненты его мировоззрения (либерализм, конституционализм, этический социализм, федералистический автономизм, национальное политическое и культурное самоопределение) и положив их в основу своей программы. По мнению партии, реализация этой программы должна была обеспечить гармоничные отношения между центром и регионами, снять острое социальное напряжение, утвердить в государстве гражданский мир и согласие. Программа, одобренная совместной комиссией УДП и УРП в декабре 1905 г. и утвержденная съездом УДРП в мае 1906 г., оставалась в сущности неизменной до апреля 1917 г., момента реформирования УДРП в «Украинскую партию социалистов-федералистов».

По поводу «социалистических мечтаний» в программе радикал-демократов, навевающих сомнения в правоверности их либерализма, замечу, что эти диссонансные эгалитаристские и этатистские мотивы, возможно, были ни чем иным, как проявлением общей закономерности в развитии либеральной идеологии рубежа веков, трансформацией традиционного либерализма в неолиберализм, в котором наряду с верностью фундаментальным либеральным ценностям (идея индивидуальной свободы) прозвучали некоторые моменты социал-демократической и неонароднической доктрин. Возможно и иное толкование «социалистичности» радикал-демократической программы: передачей права верховной собственности на «командные высоты» в экономике из рук чужеродной или русифицированной элиты в руки национального сейма достигалось освобождение экономической жизни Украины от всевластия всеильного имперского центра.

Спецификой социальной природы УДРП являлось не только своеобразное соединение либеральных и социалистических элементов, но и стремление быть общенациональной и надклассовой организацией, выражать интересы всего украинского народа, представленного в силу неполноты социологической структуры главным образом «демосом» — крестьянством. Однако на практике сыграть эту ферментирующую роль ей не удалось.

Внутреннее устройство УДРП представляло собой синтез традиционных форм украинского движения и новых,

сугубо партийных. Громады партии имелись в Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской, Волынской, Подольской губерниях, Кубанской области и в Петербурге. Легализовать партию не удалось. Одной из характерных черт УДРП была стихийно сложившаяся система «двойного членства» — вхождение некоторых членов в ряды иных партий, главным образом кадетской. Определение численности УДРП не представляется возможным ввиду отсутствия необходимых данных в источниках. Но можно с уверенностью утверждать: партия была очень немногочисленна. Впрочем, и общее число сторонников украинского движения того времени было незначительным. Так, в сентябре 1910 г. лидер партии Е.Х.Чикаленко исчислял их в 2000 человек, относя к активистам не более 300¹³. В какой-то мере показателем роста приверженцев «украинства» могут служить данные о количестве подписчиков украинской прессы либерально-демократического направления: на газету «Громадська думка» в 1905-1906 гг. — 1000 человек (при тираже 5000 экз.), на газету «Рада» в 1906 и 1913 гг. — соответственно 1500 и 3264 человек¹⁴.

Некий обобщенный портрет видного деятеля партии отличается следующими чертами: это человек 35-40 лет, с высоким образовательным цензом и солидным стажем участия в общественной жизни (статистический анализ биографий членов Рады партии показывает, что 50% вошли в национальное движение в 1890-е, 25% — в 1880-е, 13% — в 1870-е годы, остальные — в 1860-е и 1900-е), выходец из дворянского или духовного, реже — казацкого или крестьянского сословия, обладающий интеллигентной профессией, профессиональными журналистскими навыками и занимающийся научными изысканиями преимущественно в области гуманитарных наук¹⁵.

Потенциальной социальной основой УДРП являлась интеллигенция, среднее крестьянство, низшие и средние слои буржуазии, сельскохозяйственные наемные рабочие.

Достаточно регулярно радикал-демократы созывали общепартийные съезды: первые два (ноябрь и декабрь 1905) оформили создание партии и обозначили тактику взаимоотношений с другими политическими силами; прочие были четко «привязаны» к думским кампаниям — апрельский и июльский 1906 г. к первой, октябрьский 1906 г. и майский 1907 г. — ко второй, сентябрьский 1907 г. — к третьей. УДРП представляла партию парламентского типа, активизировавшуюся в период выборов и наиболее острые момен-

ты работы Думы. Тактика партии характеризовалась соединением путей и средств парламентской борьбы и попыток широкой апелляции к массам.

В многообразном политическом спектре Украины начала XX в. УДРП занимала срединное положение, располагаясь в «центре» как национальных (между УСДРП и Украинской Народной партией), так и общероссийских (между кадетами и народными социалистами) партий. «Демократическая» часть партии тяготела преимущественно к кадетам, «радикальная» — к народным социалистам, трудовикам и эсерам.

Начиная с 1907 г., радикал-демократы постепенно переходят от политической к культурнической работе и, наконец, самоликвидировав партию, создают ТУП — «Товарищество украинских прогрессистов» (сентябрь 1908).

Подводя итоги пути УДРП в 1905–1907 гг., приходится признать, что радикал-демократическая альтернатива преобразования российского общества в существующих конкретно-исторических условиях была обречена на неуспех как в силу специфики развития украинского возрождения (мобилизация масс на решительные действия для отстаивания своих социально-экономических и национально-политических прав была крайне затруднена по причине незавершенности процесса превращения украинского этноса в нацию и репрессивной политики правительства в украинском вопросе), так и в силу особенностей общероссийской ситуации, убеждавшей в бесплодности мирных методов борьбы и подталкивавшей к насильственному решению назревших задач. В то же время следует отметить, что говорить о полном проигрыше радикал-демократов после окончания первой революции было бы некорректно, ибо в это время ими были заняты и освоены первые легальные «опорные» пункты украинского движения (печать, издательства, «Просвіти», клубы), что давало достаточно широкий простор общественной инициативе и позволяло с надеждой и оптимизмом оценивать перспективы ближайшего будущего.

1 Франко І. З остатніх десятиліть ХІХ віку // Франко І. Зібрання творів: У 50-ти томах. К., 1984. Т. 41. С. 471.

2. Стешенко І. Український національно-громадський дух і 1905 рік // Вільна Україна, 1906, № 1–2; Ефремов С. З громадського життя на Україні. СПб., 1909; Дорошенко В. Українство в Росії. Новіші часи. Відень, 1916; Промова секретаря Ради ТУП С.Ефремова на з'їзді 25 березня // Нова Рада, 1917, 25 березня; Він же. На партійні теми // Там же, 9 квітня, 13 —

14 квітня; Стебницький П. Українська справа. Пг., 1917; Він же. Поміж двох революцій. Нариси політичного життя за роки 1907-1917. К., 1918; Гайдалемівський П. Українські політичні партії, їх розвиток і програми. Зальцвїдель, 1919.

3. Залевський К. Национальные партии в России // Общественное движение в России в нач. XX в. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914; Василевський Л. Україна та її проблеми. Аделаїда, 1988.

4. Слабченко М. Матеріали до економічно-соціальної історії на Україні. Х., 1925; Він же. Нарис історії класової боротьби та соціалізму. Т. 3. К., 1929; Гермайзе О. Нариси з історії революційного руху на Україні. Т. 1. Революційна Українська партія (РУП). К., 1926; Риш А. Очерки по истории Спилки // Летопись революции, 1925, № 2.

5. Иванов Л. М. Революция 1905-1907 гг. на Украине. В кн.: Революция 1905-1907 гг. в национальных районах России. М., 1949; Игнатов Г. А. Национально-освободительное движение на Украине в революции 1905 — 1907 гг. Дисс. на соиск. ученой степени к.и.н. К., 1951.

6. Шморгун П. М. Політичні партії України на початку XX ст.: Соціальний склад, чисельність, типологія. В кн.: Наукові праці з питань політичної історії. Вип. 172. К., 1992. С. 15.

7. Феденко П. Український громадський рух у XX ст. Курс лекцій. Подєбради, 1934; Дорошенко Д. Євген Чикаленко, його життя та громадська діяльність. Прага, 1934; Borys In. Political parties in the Ukraine. In: The Ukraine, 1917-1921: A study in Revolution. Cambridge, 1977; Encyclopedia of Ukraine. V. 1-5, Toronto, 1984-1994; Українська суспільно-політична думка в 20 ст. (упорядники Т. Гунчак, Р. Сольчаник). Мюнхен, 1983. Т. 1-3; Субтельний О. Україна: історія. К., 1991 (3-є вид. К., 1993); Лисяк-Рудницький І. Нариси з історії нової України. Львів, 1991; Він же. Історичні есе. Т. 1-2. К., 1994; Гунчак Т. Україна: Перша половина XX ст.: Нариси політичної історії. К., 1993; Приймак Т. Конституційний проект М. Грушевського в 1905 р. // Український історичний журнал, 1991, № 1.

8. Радикальные демократы. В кн.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993; статті «Братство тарасовцев», «Всеукраїнська організація», «Громада» в енциклопедії «Отечественная история» (т. 1, М., 1994); статті «УДРП», «УПСФ» в кн. «Программы политических партий России. Конєц XIX — XX вв.» (М., 1995); Украинская Демократическо-Радикальная партия: истоки, организация, программа, тактика (90-е гг. XIX в. — 1908 г.). Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 1994.

9. Грінченко Б. Нова сем'я. Було, є, буде. 2-є вид. К., 1917. С. 15.

10. Франко І. Указ. твір. С. 476, 527.

11. Историографию вопроса см.: Медвідь Ф. М. Українське національне відродження як суспільно-політична проблема. В кн.: Політологічний вісник. Вип. 3. К., 1994. С. 97-72.

12. Ефремов С. Из общественной жизни на Украине. С. 8-9, 23.

13. Чикаленко Е. Щоденник (1907-1917). Львів, 1931. С. 158-159.

14. См.: Чмырь С. Г. УДРП: истоки... С. 371.

15. Там же. С. 346-368.

УСДРП: ОРГАНИЗАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

УСДРП — одна из многих национальных партий России первой четверти XX в. Именно УСДРП в большей степени способствовала политическому и идеологическому структурированию украинского общества.

После десятилетий политического небытия украинской нации, после многих лет политики царизма по подавлению всех проявлений политической жизни на Украине, появление УСДРП на арене разбушевавшейся в России исторической стихии оставило глубочайший след в развитии украинского общества и, прежде всего, в национальном самосознании украинского пролетариата. Кроме того, именно благодаря УСДРП украинская общественно-политическая мысль впервые восприняла марксистскую парадигму.

История УСДРП восходит к Революционной украинской партии (РУП) и, к сожалению, еще мало изучена. Именно из недр марксистского крыла РУП берет свои истоки украинская социал-демократия. РУП была создана в 1900 г. в Харькове из марксистско (Д.В.Антонович, И.М.Стешенко, П.П.Каневец, Леся Украинка), народнически (Б.Ярошевский) и националистически (Н.И.Михновский) настроенных украинских студенческих и рабочих кружков. На съездах партии в начале века, когда РУП фактически возглавляла революционное движение среди украинцев, шла острая внутренняя борьба. Постепенно в РУП возобладали сторонники марксизма и работы с украинскими рабочими (а не с крестьянами, что было раньше): в 1902 г. из партии ушли националисты, в 1903 г. — народники, а в начале 1905 г. — марксисты, ориентировавшиеся на РСДРП и работу с русифицированным пролетариатом Украины (М.М.Меленевский). Идеологическая эволюция РУП завершилась на II съезде в Киеве, где 3 декабря 1905 г. партия приняла название УСДРП и окончательно встала на социал-демократическую платформу, сохранив всю прежнюю организацию.

Высшей инстанцией партии (по ее уставу) был съезд, на который каждая местная организация посылала 1 делегата на каждые 100 своих членов. В партийную кассу каждая организация отчисляла 25% прибыли, а заграничный ко-

митет партии — 50%. ЦК УСДРП был исполнительным органом, получал на съезде 2 голоса и на свои средства издавал ЦО партии. УСДРП имела следующую центральную прессу: «Праця» (1906-1907), «Наш голос» (1910-1911) (издавались во Львове), «Робітнича газета» (1917-1919, Киев, Винница и другие), «Боротьба» (1914-1917, Женева), «Слово» (1915-1916, Харьков); журналы: «Вільна Україна» (1906, Петербург), «Дзвін», (1913-1914, Киев). В 1920-х годах за границей существовали журналы УСДРП «Вільна Україна», «Визволення», «Нова громада» и ряд газет. В 1905 г. в партии состояло 6000 членов, в 1907 г. — 3000, в 1917 г. — 5000; большинство членов УСДРП составляли рабочие и студенты. Съезды партии проходили в Киеве в 1905, 1907, 1917, 1918 и 1919 гг. Работу ЦК в 1905-1917 гг. возглавляли В.К.Винниченко, С.В.Петлюра, Н.В.Порш, В.Д.Коваль, Я.Михура, В.В.Садовский и другие.

В 1905-1906 гг. УСДРП вместе с РСДРП, ПСР и другими руководила революцией на Украине, сотрудничала с Бундом, предотвращала еврейские погромы и т.п. IV съезд РСДРП отверг предложение УСДРП (Н.В.Порш) о слиянии партий на равноправной основе. Расхождение УСДРП с меньшевиками было всегда одно — в вопросе об автономии Украины. С 1907 г. из-за репрессий партия переживала кризис. Ее руководство во главе с В.К.Винниченко эмигрировало, а ликвидаторское течение возглавили Н.В.Порш, С.В.Петлюра и Д.В.Антонович. Конференции УСДРП 1907 и 1911 гг. (Киев), 1914 г. (с.Карачевка, под Харьковом) и 1915 г. (Екатеринослав) проходили в глубоком подполье и отдавали в работе партии приоритет агитации. С мая 1914 г. центр УСДРП во главе с В.К.Винниченко и С.В.Петлюрой находился в Москве.

Деятели УСДРП активно участвовали в Февральской революции 1917 г. в Москве, Петрограде, Киеве и других городах, вошли в органы Временного правительства на Украине, в большинство Советов, в общенациональную Украинскую Центральную Раду, Украинские Рады рабочих (70 мест из 100), крестьянских и военных депутатов. На выборах в Учредительное собрание блок УСДРП и УПСР получил свыше 53% голосов (большевики — 10%).

Лидеры УСДРП В.К.Винниченко, И.П.Мазепа, Б.Н.Мартос, В.М.Чеховский и А.М.Левицкий возглавляли в 1917-1920 гг. правительства Украины, а Винниченко и Петлюра — Директорию (1918-1926). В период гражданской войны УСДРП боролась с большевиками, гетманцами, деникинцами и махновцами, предотвращала еврейские погромы. В

1919 г. от партии отделилась группа национал-коммунистов («независимых»), которая в 1920 г. влилась в КП(б)У. С 1920 г. заграничная делегация УСДРП (И.П.Мазепа, А.В.Феденко и И.И.Безпалко) во Львове и Праге исполняла функции ЦК и состояла в исполкоме Социалистического рабочего Интернационала. В 1939 г. работа УСДРП была пресечена второй мировой войной. И.П.Мазепа в 1948 — 1952 гг. возглавлял Украинскую Национальную Раду в Праге, а А.М.Левицкий в 1948-1954 гг. был президентом Украины в изгнании¹.

Идеология УСДРП была оформлена на I съезде (II съезде РУП) в 1905 г. Съезд дал марксистскую трактовку национального вопроса в условиях капитализма, признал, что национальный гнет «ведет к культурной, экономической и политической отсталости угнетенных наций и тем вредит развитию классового самосознания и ... борьбы пролетариата этих наций»; осудил «буржуазную» теорию «национализма и солидарности классов»; заявил, что УСДРП «будет бороться против национального гнета за равные права всех наций на свободное существование...» В качестве «теоретической программы партии» были утверждены Эрфуртская программа СДПГ 1891 г. и постановление Цюрихского конгресса II Интернационала от 1893 г. о программе-максимум социалистических партий.

Съезд признал Эрфуртскую программу «наилучшим и полнейшим выражением теоретических взглядов интернациональной революционной социал-демократии» и подчеркнул, что взгляды УСДРП и «взгляды ортодоксальной социал-демократии на современное буржуазное общество и на законы его эволюции одинаковы». К крестьянству съезд отнесся как к носителю «мелкобуржуазных инстинктов», стремящемуся «повернуть колесо истории назад к господству мелкой собственности» и высказался за блок рабочих и крестьян, но лишь под руководством УСДРП и не в социалистических целях. Принципиально важным для УСДРП был вопрос о национальной организации пролетариата и национальном движении. В отличие от русских марксистов, УСДРП признавала допустимость участия рабочей партии во временном блоке с национальной буржуазией лишь в национально-освободительной буржуазно-демократической революции, когда интересы двух классов, хотя и не совпадают, но имеют одного общего врага угнетателя — инородную буржуазию. Ради избавления от последней УСДРП готова была идти на короткое сотрудничество со своими потенциальными противниками — украинскими

либералами. Кроме того, лидеры УСДРП, ссылаясь на идеи Маркса о структуре I Интернационала, стояли за существование национальных рабочих партий, учитывающих всю культурно-экономическую специфику пролетариата данной нации, входящих в интернациональное объединение на основах естественной интеграции, а не через большевистский волюнтаристско-космополитический и централистский метод создания государственных, а не национальных рабочих партий². По сути, идеология УСДРП была близка к русскому меньшевизму, но отличалась от него более глубоким пониманием национальных проблем.

Теоретики УСДРП (Н.В.Порш, В.К.Винниченко, И.П.Мазепа, В.Левинский, Д.В.Антонович) понимали нацию как блок классов, образующийся в качестве фактора исторического процесса только в ситуации угрозы для всего этноса. За нацией не признавалось никакой субстанциональности.

И.П.Мазепа писал что, «каждая нация является... социальным организмом, который в условиях свободного развития неизбежно должен требовать того, чтобы все явления культурно-политической и социально-экономической жизни пропускать через призму собственных потребностей и сил...» Винниченко понимал национальное чувство как сугубо социально-детерминированное явление, принявшее форму традиции и способа национального самосохранения³. В целом теоретики УСДРП придерживались концепции нации, разработанной О.Бауэром и К.Каутским, подчеркивая, однако, формационно-детерминированную природу нации и всех национальных отношений вообще.

По мнению лидеров УСДРП, революция в России могла быть только буржуазно-демократической, с возможным перерастанием в пролетарскую (по характеру класса-гегемона), но ни в коем случае не социалистической по своим общественным результатам. И.П.Мазепа отмечал, что «объективные задачи современной революции в России лежат не в немедленном введении социалистического способа производства, а в уничтожении отжившего уклада... расчищении пути для более успешного и нормального развития капиталистического способа производства»; попытка же навязать социализм декретами утопична, так как для марксиста «критерием идеала должна служить экономическая действительность. Никакая диктатура и никакая сила не может подбросить стране таких общественных отношений, до которых еще не дозрели ее производительные силы»⁴. Винниченко уточнял невозможность социализма в России не только отсталостью последней, но и невозможностью

мировой социальной революции. Он признавался: «...я реально себе представляю саму технику... революции и не вижу возможности для такой революции». Буржуазная же революция на Украине, по мнению Винниченко, должна была быть органическим соединением национальных и социально-классовых интересов, дающим мощный импульс капиталистическому развитию. Однако УСДРП ожидала революцию с тревогой. В 1915 г. Винниченко писал, что «тяжким предчувствием сжимается сердце: тяжкая, разрушительная, грязная борьба стоит перед нами... Нудно, тяжело ждать, но ничего больше нельзя теперь»⁵. С.В.Петлюра тоже с опаской ждал революцию и колебался, когда в одном месте говорил о том, что «наше движение требует... реформ», а в другом признавал, что «нужно пожелать, чтобы украинская драма стала драмой... революционных конфликтов...»

Когда наступил 1917 г., понимая двойственность положения марксиста, пришедшего к власти, Винниченко откровенно говорил, что тогда он занимался во имя буржуазной государственности (в том числе украинской) «фальсификацией социалистичности»: «Рабоче-крестьянская государственность... это нам было чуждо... страшно». Угроза такого положения была очевидна: буржуазия в России (а на Украине тем более) была крайне слаба. Мазепа писал, что из-за слабости украинской буржуазии в буржуазной революции на Украине и в России, как это ни странно, может победить (но не «построить» социализм), пролетариат: «Со стороны... социальной... это была страна (Украина — Т.-Л.) без тех... классовых ... сил, которые могли бы успешно в ней овладеть революцией». Позже Мазепа с горечью признает, что пролетаризация буржуазной (!) революции «в условиях российской общественной жизни» «была исторически неизбежна». Так или иначе, но Апрельская конференция УСДРП в 1917 г. постановила не настаивать на «построении» социализма, что было бы формационно утопично, а лишь «признать немедленным создание демократического строя на Украине...»⁶

Отношение к царизму у УСДРП было бескомпромиссным. Мазепа так оценивал плоды политики царизма по отношению к Украине: «Экономически Украина была колонией России, но российский централизм душил ее еще и политически. Жизнь под управлением России сделала свое дело: она усыпила политическое сознание украинского народа...» Царизм (не русский народ) виделся украинским марксистам оплотом социального регресса в стране и во

всей Европе, поэтому многие в УСДРП считали, что «...освобождением Украины и всех народов, угнетенных царизмом, приближается время триумфа общеевропейского социализма»⁷.

О подавлении царизмом всякого социального равновесия, всякой демократии и прогресса писали В.К.Винниченко, Д.В.Антонович, И.М.Стешенко, Леся Украинка, Л.И.Юркевич, В.Левинский и другие деятели УСДРП⁸. Поэтому с монархией у УСДРП был один способ разговора — вооруженная борьба.

Войну 1914 г. в УСДРП оценили по-разному. Одни (Винниченко, Ткаченко) восприняли ее как неизбежность, с которой рушится Интернационал, но которую, в случае демократизации России, придется принять (позиция Г.В.Плеханова). Другие (Петлюра, Порш) однозначно, без излишнего подчеркивания грабительской сути войны, заняли пророссийско-оборонческую позицию. Третьи (Л.И.Юркевич) сошлись с большевистской оценкой войны и настаивали на всеобщем восстании рабочих всех стран против войны и на мире любой ценой. Четвертые (А.И.Жук, В.Дорошенко) стали ратовать за поражение России и за победу Австро-Венгрии и Германии как более «прогрессивных» монархий по сравнению с русским царизмом, и создали во Львове в 1914 г. антирусский Союз за освобождение Украины (СОУ) и активно сотрудничали с австрийскими властями. Оборонческое большинство УСДРП, настаивая на соблюдении марксистских принципов и в надежде на скорую революцию в России, осудило сепаратизм и австрофильство СОУ и потребовало защищать Россию до конца. Львовская группа УСДРП была исключена из партии. С.В.Петлюра писал: «Мы отдали и отдадим государству все, что требуют обстоятельства и потребности бури, которая поднялась и не стихает: своих сыновей, братьев, свою жизнь...»; украинцы сделают для России «все, чтобы выйти из ...испытания», они защитят ее, «сражаясь в рядах войска и действительно проливая кровь за единство государства». Петлюра подчеркивал, что УСДРП не причастна к СОУ, что «деятельность до сих пор полностью неизвестного общества за освобождения Украины и его авантюристические обращения к Турции и Болгарии — это или ... выдумка австро-немецких информаторов... или же безрассудный шаг незначительной политической группировки...» Винниченко не был согласен с Петлюрой, подчеркивая империалистическое происхождение войны. Он осудил немецкие погромы в Москве, разоблачал лживость «патриотических» ма-

нифестаций в Екатеринославе и обличал недостатки царских генералов, которые используют в войне «только одно качество: численность. Берут численностью, толпой, заваливая своими трупами дороги для врага». Винниченко возмущался шовинизмом официальной прессы от имени «народа»: « Ни один народ не может хотеть войны, не может! Это такой абсурд,... про который только правительства могут говорить...» Он постоянно говорил, что «не стоят никакие патриотизмы... тех неимоверных жертв, которые несут люди...»

Вывод Винниченко был очень реалистичен: «Социалист обнимается с монархистом и идет с ружьем... на социалиста другой нации... Но нужно согласиться, что иного выхода нет. Или остановить совсем войну, или тогда идти и биться за свое, за свою национальность. Кто вызывает войну... это другой разговор, а факт тот, что правительство одной нации может завладеть страной другой... Итак — восвать, биться всюду. Так, другого выхода нет»⁹. Украинские марксисты предпочли «меньшее зло» в войне — защиту России.

Политическое будущее Украины виделось УСДРП в форме автономии в составе России. II съезд УСДРП принял постулат об автономии, обосновав его тем, что в России, как и везде, концентрация и централизация капитала будут прочными, если они будут естественным следствием экономической (и властной) децентрализации¹⁰. В 1913 и 1917 гг. виднейшие деятели УСДРП — Н.В.Порш, С.П.Виккул, А.Н.Лола — в своих работах неизменно подчеркивали, что только украинская автономия в демократической России является политическим идеалом УСДРП¹¹. С.В.Петлюра отмечал, что русскому прогрессивному обществу надо учесть «искренние усилия... братского народа жить и развиваться вместе». Все дореволюционные съезды УСДРП выступали против независимости Украины. И после революции, 4-5 апреля 1917 г., конференция УСДРП заявила, что «федеративное устройство Российского государства, как союза автономных национально-территориальных и территориальных единиц... не может быть вредным для развития пролетариата всей России, а тем более украинского»; что федерация автономий «есть наилучшее обеспечение демократических... прав каждой нации...» Даже после острых конфликтов украинского движения с Временным правительством IV съезд УСДРП 30 сентября-4 октября решил добиваться только лишь автономии Украины в составе Российской Федерации. Накануне большеви-

стского переворота Винниченко заявил 18 октября, что «революция уничтожила царизм, а с ним и всякие основания... для «самостийництва». Теперь никаких ориентаций, кроме федеративно-республиканской России, среди «...украинства нет и, конечно, быть не может». При этом Винниченко подчеркнул, что независимость допустима лишь тогда, когда бы она «способствовала цели всякого социалиста — социализму... Для социалиста национальное развитие — необходимое... средство приближения человечества к высшим формам социальной жизни, а для националистов — самоцель...»¹² Только большевистская агрессия зимы 1917-1918 гг. заставила УСДРП (лишь!) 6 мая 1918 г. отказаться от союза с Россией (Россией утопического социализма и террора, как считали лидеры УСДРП).

К национальным меньшинствам у УСДРП было самое бережное отношение. Винниченко, Порш понимали, что у всех народов царской России одна судьба-неволя. Партия признавала за всеми нациями право на самоопределение. С.В.Петлюра писал в 1913 г., что украинские социалисты всегда будут вести «борьбу против национальной исключительности». А.Н.Лола отмечал, что украинские буржуазные партии «расширяют теперь национализм среди ... рабочих масс, а это очень вредит развитию украинского социализма». В 1915 г. Винниченко написал статью «Лупайтесь скалу», в которой призвал молодежь бороться со всеми проявлениями украинского национализма. В ответ он получил письмо 17 учащихся-украинцев, обвинивших его в русофильстве и предсказавших, что его, «русско-малорусского писателя», забросят на Украине гнилыми яблоками. Доставалось УСДРП и за ее борьбу с антисемитизмом. Еще в 1907 г. С.В.Петлюра писал, что евреи и все народы Украины — это те нации, «культурному развитию которых мы не имеем никакого права делать преград и запретов». Позже он отмечал, что страдания евреев в России «вызывают глубокое сочувствие у каждого, кто и не принадлежит к той нации, которой... судилось нести тяжкий крест... насилия, ибо всех страдалцев... капиталистического строя золотой струной солидарности объединяет одна судьба, одна надежда...» Винниченко плакал, когда видел картины отправки евреев на фронт, прощания их с родителями-стариками: «Они остаются среди таких же врагов, с какими идет биться их кормилец. Они также рискуют быть убитыми тут... Чего же им не плакать, не ломать рук и не выть, как воют покинутые... среди чужих улиц собаки». Симпатии украинских марксистов к евреям имели не только интернационалист-

скую природу. И.П.Мазепа отмечал, что «еврейский пролетариат в массе был более развит и организован, а значит менее способный принять утопическую тактику большевиков»¹³.

К РСДРП УСДРП относилась соответственно централизму первой. После отказа РСДРП от равноправного сотрудничества с УСДРП между партиями были прохладные отношения. В стратегии лидеры УСДРП разделяли взгляды меньшевиков, хотя их централистскую тактику отрицали. Тактически для УСДРП были ближе взгляды большевиков на национальный вопрос, но теоретики партии понимали, что эти взгляды являются хищнической, иезуитской приманкой для национальных окраин при захвате власти. Мазепа считал, что позиция большевиков является вершиной политической конъюнктуры и «отвечает низкой ступени классового сознания пролетариата», а реализация ее «означала: вместо научного понимания социализма в России возобладал дух так называемого «революционного народничества»». УСДРП никогда не могла простить Ленину такой его позиции: «Мы совсем не сторонники... малых наций, мы безусловно... за централизм и против мещанского идеала федеративных отношений...»

УСДРП противопоставляла Ленину позицию Ф.Энгельса: «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно только среди самостоятельных наций». В УСДРП часто вспоминали слова Энгельса о том, что для подлинного социалиста путь решения национальной проблемы и создания Интернационала — тот факт, что «непременно должен каждый народ иметь свою независимость», или, хотя бы, «должен быть хозяином в своем доме». Всю политику большевиков В.К.Винниченко оценивал достаточно точно: «Что огромное большинство большевиков «не ведают, что творит... что широким массам неизвестны цели этого движения... что ими руководит простой инстинкт социальной мести... все это так... Даже страшно подумать, что люди могли ради ... власти учинить столько горя... Неужели они так... твердо уверены, что в России полностью возможен... социалистический строй? А это уже не есть абсолютная вера, это будет только попытка, эксперимент... И как они не боятся кары за это?» Однако единый пролетарский фронт в России для УСДРП был важнее всего, поэтому в апреле 1917 г., как и в 1907 г., ее конференция постановила добиваться объединения с РСДРП¹⁴.

Оценивая сложившуюся к 1917 г. идеологию первой украинской марксистской партии — УСДРП, нужно отме-

тять, що данна ідеологія являлась органічним соединением національного і соціального начал. Появлення УСДРП в 1905 г. було вызвано ростом національного самосознання українських робочих в результаті довгого процесу політичного і культурного розвитку всього українського народу, а також бурним розвитком класового свідомості українського пролетариату в умовах обострення соціальних протиріччій і розповсюдження революційних ідей і явилось знаменательним событием в історії України.

1. См.: Лола О. З історії українського соціалістичного руху. Київ, 1917; Дорошенко В. РУП і УСДРП. Львів, 1920; Гермайзе О. Нариси з історії революційного руху на Україні. Т. 1. Київ, 1926; Курас І.Ф. Початковий урок історії (Ідейно-політичне банкрутство УСДРП). Київ, 1986; Політичні партії на Україні (1905-1925 рр.). Київ, 1992 і др.

2. Гермайзе О. Указ. твір. С.261-267, 269.

3. Мазепа І. Три періоди української революції // Вільна Україна. Львів-Київ, 1921, № 1-2. С.5; Винниченко В. Щоденник. 1911-1920. Т. 1. Едмонтон-Нью-Йорк, 1980. С.39.

4. Мазепа І. Указ. твір. С.10; Его же. Большевізм і окупація України. Львів-Київ, 1922. С.124.

5. Винниченко В. Указ. твір. С.151, 325; Его же. Відродження нації. Ч.1. Київ-Відень, 1920. С.328.

6. Петлюра С. Статті. Київ, 1993. С.48, 55; Винниченко В. Щоденник С.409; Мазепа І. Три періоди української революції. С.10,15; Програма, статут і резолюції, ухвалені на конференції УСДРП у Києві 4-5 квітня 1917 р. Катеринослав, 1917. С.15. (далее: Програма, статут...)

7. Мазепа І. Большевізм і окупація України. С.67; Ганкевич Н. Соціалістичний Інтернаціонал і війна. Львів, 1915. С.29, 30.

8. Левинский В. Царская Россия и украинский вопрос. Женева, 1917 і др.

9. Петлюра С. Указ. твір. С.149, 150, 170, 171; Винниченко В. Указ. твір. С.88, 160, 176.

10. Гермайзе О. Указ. твір. С.262.

11. Лола О. Лист робітника до робітників. Изд. ЦК УСДРП, 1913; Порш М. Про автономію України. Київ, 1913; Вікул С. Автономія України. Київ, 1917.

12. Петлюра С. Указ. твір. С.122; Програма, статут... С.13; Нова Рада (Київ), 5.Х, 8.Х. 1917; Киевская мысль, 18.Х.1917.

13. Петлюра С. Указ. твір. С.11, 53, 109; Лола О. Указ. твір. С.13; Мазепа І. Указ. твір. С.32; Винниченко В. Указ. твір. С.76, 250, 251, 262.

14. Мазепа І. Указ. твір. С.38; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.19. С.155-158; Винниченко В. Указ. твір. С.277; Програма, статут... С.16-18.

М.Смит
доктор философии,
(США¹)

ПАРТИЯ «МУСАВАТ» И ФОРМИРОВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В советской и западной историографии азербайджанская политическая партия «Мусават» (буквально «равноправие») описывается стандартно с позиций классовой борьбы. В трудах историков советского периода партия «Мусават» выглядит партией имущего меньшинства азербайджанского народа, в мифическом лозунге большевиков партией «беков» и «ханов», нуворишей от промышленного капитализма, предельно реакционной, призванной защищать и укреплять господство последних в обществе, в то же время игнорировать интересы пролетариата и трудового крестьянства. Такой подход к оценке исторического явления носил пропагандистский марксистско-ленинский характер². Только в трудах западных историков партия «Мусават» оценивалась как единственная партия, которая смогла органично войти в общественную жизнь, создать свой потенциал и исполнительные кадры, воздействовать и регулировать новые общественные процессы. Такой подход с позиций классовой борьбы можно назвать буржуазно-либеральным³.

Мне хотелось сегодня ознакомить Вас с некоторыми соображениями о роли и значении «Мусават» в революционном процессе государства Азербайджан, о целях, задачах, которые ставили перед собой сами мусаватисты. Конечно, это будет в каком-то смысле субъективная оценка, но в историческом плане она укладывается в объективную картину изучаемого явления. Это очень важно в перспективе переоценки роли и места партии «Мусават», ее идеи и дела должны быть освещены, так как «Мусават» не был партией реакционеров. При справедливой оценке можно говорить, что по своему духу, воззрениям, программе «Мусават» являлся партией революционного толка, тяготевшей к социал-демократической направленности с ярко

выраженным националистическим (в хорошем смысле) уклоном, с непременным участием исламских религиозных ценностей. Одной из направляющих идей мусаватского движения являлось активное вовлечение в социал-демократическую жизнь широких слоев социально и национально униженного мусульманского населения не только Баку и Азербайджана, но и Закавказья, Средней Азии и даже Ближнего Востока под консолидирующую идею равенства, равных возможностей, свободы духа и личности опять же с учетом постулатов исламской религии. Один из мусаватистов даже так ставил вопрос: «Не наступила ли пора и возможность обновления ислама и даже коренного изменения его основ и появления неоисламизма?»⁴.

Рождение партии «Мусават» было обусловлено, несомненно, мощным воздействием таких значительных общественных явлений начала XX в. как революция в России 1905 г., Младотурецкая революция в Турции, Иранская конституционная революция 1911 г. Каждое из этих событий соответствующим образом формировало концепции социальных, демократических и национальных принципов, воздействовало на специфику национального мышления, находившегося под большим влиянием идей, заложенных в исламской религии, прокоммунистического толка. Партия начинала свое существование в подполье в 1911 г., но ее создатели и организаторы активно участвовали в общественной жизни как политические агитаторы, журналисты, просветители и благотворители, особенно в городах Гянджа (Елизаветполь) и Баку⁵.

Идейный вдохновитель и организатор партии «Мусават» Мамед-Амин Расул-заде был непосредственным участником русской, турецкой и иранской революций. В России он был создателем и руководителем фракции РСДРП под названием «Гуммет», приближающейся по своим взглядам к фракции большевиков, точнее являющейся пропагандистом «левых» взглядов среди мусульманского населения. Он общался со многими русскими революционерами, близко дружил с И.В.Сталиным, даже прятал его от царской охранки. Благодаря своим революционным взглядам, Расул-заде был вынужден покинуть Баку, скрываясь от царской полиции. Находясь в изгнании сначала в Иране, затем в Турции, он принял активное уча-

ствие в Конституционной революции и Младотурецком движении. Эти события, а также война 1911-1913 гг., связанная русским империализмом в Турции, оказали сильное воздействие на молодого политика, решившего распространять идеи равноправия не только среди мусульманского пролетариата Баку и Азербайджана, но и среди мусульман и тюркского населения всего Ближнего Востока. Равноправие, по его мнению, означало самосознание и самоопределение народа в сфере языка, культуры и политики⁶.

«Мусават» был первым партийным образованием на мусульманском Востоке, четко выделяющим в своих действиях демократические принципы в разумном сочетании с национально устоявшимися традициями. Провозгласив строительство нового государства новой нации — азербайджанских тюрков, «Мусават» успешно избегал националистического экстремизма, доказав это своими действиями, продуманными и логичными, в отношении всех наций, живущих на территории Азербайджана в те годы. Обладая ясным и аналитическим умом, определенно романтическим складом характера, Расул-заде задумал построить новое государство, исключив насилие. Руководимая им партия «Мусават» сумела уйти от рокового классового противостояния, чему способствовали и объективные факторы: объединительный характер исламской религиозности, полуфеодальное положение крестьян с их традиционной социальной инертностью, концентрация пролетариата в основном в Баку. За два года управления государством при сложном внутреннем положении — инфляция, безработица, голод, эпидемии, межнациональные конфликты и политические разногласия в обществе — «Мусават» успел многое и для народа, и для государства. Это и программы социальной помощи нуждающимся, умелое финансовое руководство, и повсеместные курсы обучения грамоте, языку коренного населения без каких-либо дискриминационных мер, направление на учебу в западные страны национальных кадров, и действия по реальному правовому оформлению суверенитета. Социальная программа мусаватистов в отношении пролетариата и крестьянства совпадала с социальной политикой большевиков, но мусаватисты готовили законы для пролетариата и для всего населения в целом, а большевики довольствовались лишь лозунгами⁷. Придя к руководству Азербайджаном,

партия «Мусават» организовала и создала и полицию, и армию, и управленческий аппарат, действовавший, однако, к сожалению мусаватистов, на русском языке.

Гораздо более сложной и опасной для «Мусавата» оказалась внешняя политика молодого государства. «Мусават» пришел к власти как революционная партия и закончил свою деятельность, можно сказать, из-за внешней контрреволюции. Этот процесс проходил в несколько этапов.

Турецкая и английская интервенция в Азербайджане, вызванная распадом Российской империи, пантюрксистскими устремлениями Турции, а также экономическими интересами Англии, явилась по сути своей контрреволюционным фактором для Азербайджана. Постоянно витала угроза вторжения войск белой армии Деникина. Окончательную точку поставило вторжение в апреле 1920 г. 11-й Красной Армии. Документы тех дней свидетельствуют о том, что большевиков не столько волновала коммунистическая революция в Азербайджане, сколько «овладение неиссякаемыми бакинскими нефтяными источниками». В Баку «трофеи — весьма колоссальное количество», по их же утверждениям⁸.

Благородные и немного наивные идеи «Мусавата» были похоронены, что явилось итогом специфического контрреволюционного процесса, обусловленного сложным взаимодействием нескольких стран: кемалистской Турции, Британской империи и особенно большевистской России. Для мусаватистов большевики были не хуже и не лучше добровольцев деникинской армии — обе «с Севера», обе с целью возрождения великодержавной власти⁹.

Партия закончила свое существование так же, как и начинала — в подполье. В 1920 г. большевистская ЧК послала в первых рядах жертв репрессий мусаватистских лидеров на Соловецкие острова. Но в двадцатые годы мусаватское движение продолжало существовать в кругах преподавателей, студенчества и других слоях интеллигенции до трагического 1937 г. Их голос был полностью задушен, когда коммунистическая партия заложила все документы мусаватского движения в секретный архив Архивного отдела НКВД. Только сейчас возобновлен доступ к ознакомлению с материалами «Мусавата»¹⁰.

Первое национальное демократическое государство на мусульманском Востоке с мусульманским населением и социал-демократическими устремлениями — итог дея-

тельности партии «Мусават». Этот опыт уникален тем, что, базируясь на исламской концепции общественных отношений, мусаватисты достаточно успешно сделали попытку привнесения цивилизованных принципов в развитие азербайджанского общества. «Мусават» построил государство нового устройства, специфичного и оригинального, в котором соединились его мощь на политическом поприще Азербайджана и трагическая слабость, вызванная неблагоприятным международным контекстом.

1. Выражаю благодарность сотрудникам и дирекции Государственного архива новейшей истории (ГАНИ) и Государственного архива политических партий и общественных движений (ГАППОД) Азербайджанской Республики (Баку).

2. Раевский А. Английские друзья и мусаватские патриоты. Баку, 1927; Борьба за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. Баку, 1967.

3. О новых перспективах «Мусавата». См.: Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York, 1955.

4. ГАНИ (Баку), ф. 894, оп. 10, д. 35, л. 5.

5. Документы по русской политике в Закавказье. Баку, 1970.

6. Расул-заде М. Азербайджанская Республика. ГАНИ (Баку), ф. 894, оп. 10, д. 148.

7. Балеев А. Азербайджанское национально-демократическое движение 1917-1920 гг. Баку, 1990; Худиев Р. Идеи социализма в программе и тактике партии Мусават. 1917-1920 гг. В кн.: Общественно-политическая мысль в Азербайджане в начале XX века. Научная конференция, Университет Хазар (Баку), 12 мая 1996 г.

8. Бабаева С. Стремительным наступлением // Азербайджан, № 3 (10-16 октября 1992 г.); Парабади П.Г. Апрельский перелом // Зеркало (Баку), № 7 (27 апреля 1996).

9. ГАППОД (Баку), ф. 276, оп. 7, д. 172; ГАНИ (Баку), ф. 970, оп. 1, д. 1, л. 3; Передовая статья // Азербайджан, № 262 (3 октября 1919).

10. Рафиев Б. Гандж Азер. Истинтаг материаллары узре. Баку, 1993

*Н.Б.Киракосян
(Москва)*

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ
«ДАШНАКЦУТЮН»
(1890-1907 гг.)**

Обращение к истории создания и деятельности партии «Дашнакцутюн» представляет сегодня научный интерес прежде всего потому, что эта партия играет немаловажную роль в современной политической жизни Армении.

В данном сообщении представляется целесообразным рассмотреть деятельность партии с 1890 по 1907 гг., в период ее формирования и наиболее активной деятельности.

Партия «Дашнакцутюн» существует более ста лет. Она была образована в 80-х годах XIX в. на территории Закавказья. В этот период армяне Закавказского региона политически активизируются. В Тифлисе создаются политические кружки и организации. Но они пока еще не поднимали национального вопроса, а были увлечены борьбой против существующего строя. И даже незначительные национально мыслящие кружки призывали к борьбе с царской властью.

Постепенно в Россию стали проникать сведения о тяжелом положении армян в Турции, что заставило армянских интернационалистов серьезно задуматься над судьбой собственной нации. Большой вклад в разработку и освещение этой проблемы внес Х.Микаэлян. В то время он руководил кружком рабочих г.Муша и обучал их грамоте. Вокруг этого кружка стала собираться армянская молодежь, которая создала организацию «Молодая Армения», которая впоследствии получила название «Южные номера» (по названию гостиницы, где собирались члены этой организации).

В 1890 г. «Молодая Армения» посылает в Западную Армению своих представителей — М.Маргаряна и О.Аргутяна. К ним присоединился член московского студенческого кружка А.Бархударян. Прибыв в Турцию, они стали свидетелями бурных событий. В Эрзеруме и Константинополе армяне предъявили турецкому правительству различные требования и организованно вышли на демонстрацию. Демонстранты были буквально вырезаны, на что об-

щественность Европы и России ответила шквалом протеста. М.Маргарян, О.Аргутян и А.Бархударян были потрясены увиденным. Уже в Тифлисе на собрании был обсужден этот кровавый инцидент. Он еще раз напомнил о тяжелом положении нации и заставил серьезно задуматься над этим. На повестку дня стал вопрос о создании политической организации. После долгих споров вокруг программы летом 1890 г. была создана политическая партия, которая стала называться «Дашнакцутюн» (Союз Армянских Революционеров).

Из сохранившихся немногочисленных свидетельств, выступлений и кратких резолюций этого этапа формирования партии становится ясным лишь общий замысел основания организации, который заключался в объединении всех армянских радикальных кружков: народников, патриотов, интеллигенции, а также чистых марксистов — членов партии «Гнчак» («Колокол»).

Однако, когда практически встал вопрос об объединении всех этих групп, партия «Гнчак» предъявила свои требования, которые были изложены в следующем виде: «Революционная партия должна иметь свою программу. Если вы хотите, чтобы партия «Гнчак» объединилась с вашей организацией, нужно, чтобы ваша программа обязательно была социалистической»¹. Но основателям «Дашнакцутюн» необходимо было объединить вместе кружки разных левых направлений. Исходя из этого, просьба «Гнчак» была отклонена. Но отметив необходимость объединения, основатели партии предложили гнчакистам составить программу, приемлемую и для других организаций. С таким условием «Гнчак» согласился. Но он недолго удержался в составе этой партии. Считая, что движение дашнаков не соответствует идеалам социализма, «Гнчак» вышел из состава «Дашнакцутюн».

Социальный состав партии был достаточно разнородным: в нее входили представители крестьянства, рабочего класса, буржуазии и интеллигенции. Это было обусловлено тем, что в программе партии нашли отражение интересы всех социальных слоев общества.

Любопытно, что программа партии была составлена лишь четыре года спустя после ее образования. Она была опубликована в центральном органе партии газете «Дрошак» («Знамя») в сентябре 1894 г. Возникает вопрос, почему же для создания программы понадобилось столько

времени? На этот вопрос отвечает один из современных руководителей партии Г.Таснопетян: «Сто лет тому назад для тайной революционной партии было нелегко составить такую программу, которая удовлетворила бы реальные требования народа. Не было и других аналогичных партий, у кого можно было перенять опыт. И только с течением времени, основываясь на личном опыте, стало возможным составить общую программу. И отличительной особенностью этой программы было то, что составлялась она по частям, по мере решения конфликтных вопросов»².

Бурные споры проходили и по вопросу о том, какова должна быть цель партии. Молодежь, входившая в состав кружка «Южные номера», была социалистами и сторонниками русских эсеров. Они требовали земли и свободы, ликвидации эксплуатации, соответственно, хотели бороться против армянских капиталистов и помещиков. А кружок «Северные номера» состоял из более консервативно настроенных армян, которые хоть и признавали необходимость освобождения Армении революционным путем, но тем не менее считали, что законы будущей Армении должны охранять права буржуазии также, как и в Западной Европе. На основе этих мнений возник тезис, который впоследствии вошел в программу партии. Он гласил: «Целью партии является достижение революционным путем политической и экономической свободы в Турецкой Армении»³.

Редакционная статья первого номера «Дрошака» разъясняла программные положения: «Наша партия не может согласиться с теми, кто желает только дипломатическим путем добиться своей цели. Европа не для нас. Она нам не поможет. Пусть знают армяне, что пока они не обогрят землю кровью, они ничего не получают. Партия не может согласиться с теми, кто считает, что освобождение Армении связано с деятельностью пролетариата. Пока в Турции нет промышленности и крупных заводов, естественно поднимать подобные вопросы. Для той страны, где преобладает крестьянство и патриархальный уклад, не может быть и речи о европейском социализме. Обсуждая экономические проблемы, нужно руководствоваться общей культурой страны и ее национальными и историческими особенностями. Земельный вопрос —

это наш главный вопрос. Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает»⁴.

В 1894 г. в одиннадцатом номере «Дрошака», редакция которого к тому времени была переведена из Тифлиса в Женеву, публикуется полная программа партии. Нужно отметить, что изменениям подверглось и название партии: если при зарождении она называлась «Содружество Армянских Революционеров», то теперь она стала называться «Армянское Революционное Содружество» («Гай Гегапхутян Дашнакцутюн»).

Анализируя программу партии, можно сделать следующие выводы. Основной целью партии было политическое и экономическое освобождение Турецкой Армении. Притом, сферой приложения этой борьбы являлась только Турецкая Армения. Важно подчеркнуть, что в программе преобладали не социальные, а национальные аспекты борьбы. В социальной сфере дело ограничивалось только тем, что признавалось право за каждым человеком быть хозяином собственным трудом заработанных продуктов и пользоваться жизненными благами⁵.

Политическая часть программы предполагала завоевание гражданских и политических свобод, избрание народно-трудового правительства на основе всеобщих равных выборов⁶. Однако относительно формы государственного правления ничего не говорилось. Неопределенность в этом вопросе являлась отражением разногласий в партии и стремлений привлечь в партию людей разных взглядов на этот вопрос.

Пункты 2 и 3 говорили о необходимости обеспечить населению жизненную безопасность и работу, а нациям и религиям равенство перед законом⁷. Эти пункты имели особое значение, так как в Турции христиане не имели равных прав с мусульманами перед законом. Более того, была каждодневная угроза личной безопасности.

Поскольку проект программы составлялся руководителями партии Х.Микаэляном, С.Заварьяном, А.Достакяном (в прошлом народниками), в нескольких пунктах чувствуется сильная народовольческая направленность. Например, во втором, пятом и десятом пунктах говорилось о необходимости обеспечения жизни и работы, о необходимости отдать землю неимущим крестьянам и дать им возможность обрабатывать эту землю и развить среди крестьян коллективные начала в тех формах, которые

присущи армянским крестьянам и сложились в течение веков⁸. Все это очень напоминает идеи, которые в свое время выдвигали народники (сохранение русской общины). Но тут же в противоречие с этими пунктами вступает пункт 9, где говорится о национальной промышленности, внедрении новых способов производства и расширении экспорта товаров. Наблюдая это противоречие, мы приходим к выводу, что в программе присутствует желание никого не обидеть и вместе с тем видеть Армению развитой и процветающей страной.

В пунктах, где говорится об обеспечении жизни, системе налогообложения, ликвидации военных налогов (пункты 2, 6, 7) наблюдается попытка устранения дискриминации со стороны Турецкого государства⁹. Ибо в Турции христианские народы, кроме общих налогов, еще платили налоги за то, что они иноверцы. Платили также военный налог, поскольку люди другой веры, отличной от мусульманства, не имели права служить в армии, и поэтому они должны были платить налог для содержания армии. Кроме того, как было указано выше, существовала непосредственная угроза жизни. За малейшую провинность или высказывание недовольства христианин мог быть убит турецкими чиновниками.

Средства борьбы выдвигались разнообразные. Чувствовалось стремление привлечь в партию людей, способных использовать различные виды борьбы. Этим вызвана оговорка в примечании, где говорится, что революционные силы разделяются на две группы: организующие (пропаганда главных принципов и целей; организация боевых групп и их подготовка; попытки поднятия революционного духа; вооружение народа; организация революционного комитета; исследование революционного потенциала страны; поиски источника материального снабжения партии); боевые (террор; защита населения от грабителей и бандитов; разработка каналов для отправки оружия; разрушение правительственных сооружений; помощь оружием и деньгами)¹⁰. В этом чувствуется проявление народолюбия.

В организационном вопросе ярко проявился принцип децентрализации. Комитеты в городах и деревнях, объединяясь, образуют район, который имеет свой центральный комитет, а ЦК распространяет свою деятельность на близлежащие районы, где не было партийных групп. По-

ложительным моментом в этом принципе было то, что, не являясь членом партии, тем не менее можно было участвовать в ее деятельности. Это давало возможность привлечения в партию широких масс, что и случилось впоследствии. Однако этот принцип имел и отрицательные стороны. Например, возникли сложности с руководством всеми структурами партии. То, что комитеты на деле не подчинялись Общему собранию (законодательный орган партии), приводило к затруднению в принятии конкретных решений. Жесткая дисциплина присутствовала в отдельных группах и комитетах. И тем не менее децентрализация управления способствовала быстрому росту численности организации, а компромиссная программа партии позволяла всегда оставаться ей верной. Комитеты и отдельные члены партии вели свою деятельность самостоятельно и только изредка посылали информацию Тифлисскому Бюро или редакции «Дрошак» в Женеве, которая с 1898 г. стала Западным Бюро (исполнительные органы).

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что программа была направлена не на создание замкнутой, узкой партии, а на организацию и предание определенной направленности широкому движению. Было желание объединить на одной платформе разные направления. Отсюда и компромиссность программы, неясность и противоречивость некоторых ее пунктов.

Своеобразной чертой, отличающей дашнаков от народников и эсеров, являлось стремление создать национальную промышленность. Однако одним из главных моментов программы стала задача восстановления национального государства.

До второго съезда (1898) деятельность партии заключалась в формировании образа армянского революционера. Этим занимались в Тифлисе и в Баку Х.Микаэлян и С.Заварьян; в Персии и Закавказье — Р.Зорьян; в Константинополе, а затем в Америке — О.Юсуфян; в Атрпатакане и Женеве — О.Давтян; на Балканах и в Измире — Г.Хажак; в Полисе (Турция), а затем в Ване — В.Серопкоян; в Трапезунде, затем в Баку — А.Шагрикян и т.д.¹¹.

В 1898 г. в Тифлисе состоялся второй съезд партии. Главным вопросом повестки дня было обсуждение тактики «Дашнакцутюн». Принято решение о сосредоточении оружия и боеприпасов в Константинополе, Киликии, Со-

суне и Васпуракане — для использования их в восстании и самообороне. Съезд утвердил существование двух партийных бюро — Восточного (Тифлис) и Западного (Женева). Был создан новый орган, который назывался «Воля Дашнакской Партии». Он должен был стать высшим органом партии между съездами¹². Съезд не внес никаких изменений в программу. Зато была сделана существенная детальная разработка общего и внутреннего уставов.

Устав был разделен на несколько отделов. Согласно первому отделу, партия состояла из деятельных и вспомогательных членов. Деятельными считались те, кто участвовал в какой-нибудь организации и платил взнос не менее 2% своего дохода. Вспомогательными были те, которые помогали партии материально и признавали ее программу и устав. Второй отдел был посвящен организации пропагандистской деятельности партии. В третьем отделе разъяснялось «устройство союза», т.е. основная структура (схема) партии. Она состояла из следующих органов: 1) группы, 2) подкомитеты, 3) комитеты, 4) центральные комитеты, 5) ответственный орган, 6) Бюро — Восточное (Кавказ, Россия, Персия, Малая Азия, лежащая восточнее линии Карасхан — Харберт — Тигранакерт) и Западное (Балканский полуостров, Америка и вся Западная Европа). Четвертый отдел определял компетенцию Районного Собрания. Оно собиралось по мере надобности, но, во всяком случае, не менее одного раза в год. Районное Собрание вырабатывало свой внутренний устав для всех органов, согласно программе и решениям Общего Собрания. В пятом — характеризовались состав и функции Союзного Совета. В обязанности Союзного Совета включались проверка деятельности ответственных органов и Бюро, руководство этими органами, распоряжение революционными силами, изыскание материальных средств, устройство внешнего сношения дашнаков с другими союзами, организация новых предприятий в случае изменения политической жизни. Он являлся высшей инстанцией по судебным вопросам, имел две печати — на армянском и французском языках, которые хранились в одном из Бюро. Общее Собрание (съезд), о котором говорилось в шестом отделе, являлось высшим органом партии. Оно само определяло время своего созыва, а в экстренных случаях созывалось Советом. Седьмым отделом определялись минимальные требования к ЦК. В восьмом и девятом отделах речь шла

о финансах партии. Десятый отдел посвящался боевым группам. Во главе боевых групп стоял «Главный Военный Совет». Партия имела при себе резерв — милицию, или народное ополчение. В одиннадцатом отделе говорилось о профессиональных и крестьянских союзах. Двенадцатый отдел был посвящен террору. В тринадцатом отделе ставился вопрос о печати. Все газеты издавались с санкции Бюро, а ЦК имел право издавать только местные листовки, не придавая им официального значения. Четырнадцатый отдел посвящался дисциплине. Пятнадцатый отдел — судебный (дисциплинарные взыскания и исключение из рядов партии)¹³.

Структура партии, сложившаяся на практике, в основном соответствовала структуре, разработанной и отраженной в уставе.

В феврале 1904 г. в Софии открылся третий съезд партии. Первым в повестке стоял вопрос о неизбежности Сасунского восстания, ибо правительство Турции само готовилось к нападению на Сасун. Съезд уполномочил Сасунский партийный комитет действовать в соответствии с обстановкой и предоставил в распоряжение комитета денежные средства, а также несколько боевых групп.

На съезде анализировалась деятельность партии с 1899 г. по 1903 г.

Съезд определил программу действий на территории Турции: 1) народное восстание с «централизацией» сил; 2) митинги и удобные для них места; 3) личная борьба на местах, где нет комитетов; 4) местные оборонительные группы; 5) способы вооружения и подготовки народа; 6) задачи журналистики.

Действия вне территории Турции (Европа): 1) создание органов, защищающих армянское дело на трех языках (немецком, французском, английском), издание книг на иностранных языках; 2) создание местных комитетов в европейских столицах, конференции и митинги; 3) парламентская агитация армянского вопроса.

Действия партии в других странах (Кавказ, Персия, Америка и т.д.): 1) денежный вопрос; 2) пропаганда; 3) издательское дело; 4) воинская сила; 5) задача доставки оружия¹⁴.

Не менее важное значение имело и решение съезда о сотрудничестве с другими армянскими революционными партиями и политическими организациями тех стран, на

территории которых «Дашнакцутюн» вел свою деятельность.

По отношению к Кавказу съезд постановил принять тактику пропаганды, террора, митингов и вооруженного сопротивления, оставаясь на позициях самообороны¹⁵.

Политическая программа партии осталась без существенных изменений.

К тому времени в Лондоне открылся Лондонский Армянский банк, основанный армянскими богачами, приверженцами «Дашнакцутюн». Он оказывал дашнакам большую денежную помощь.

Решения съезда способствовали увеличению численности партии, установлению контактов с другими организациями. А постановление съезда принять участие в кавказской революционной борьбе даст новое направление деятельности партии, а в дальнейшем существенно меняет ее цели и задачи.

С февраля по май 1907 г. в Вене проходил четвертый съезд дашнакской партии, который можно считать одним из самых важных ее съездов. Положение в партии было критическим: создалась атмосфера непонимания между восточными и западными армянами. Западные — более правых взглядов — считали, что армянский вопрос состоит из проблем, требующих борьбы только против правителей Турции; восточные же, находившиеся под воздействием идей русских социал-демократов, были по своим взглядам левыми. Напряженность между ними была настолько значительной, что существовала угроза распада организации на две партии. По этому поводу была принята следующая резолюция: 1) отказаться от предложенной программы разделения партии и считать целью дашнакской партии борьбу за армянские права как в Турции, так и в Закавказье; 2) принять основные положения социалистической программы, объявив дашнакскую партию партией трудового класса; 3) вновь утвердить революционные методы борьбы, как то: восстание, вооруженное сопротивление, политический террор, демонстрации протеста, забастовки и т.д. под лозунгом «Угнетенные всех наций, собирайтесь!»; начать сотрудничество с другими движениями, которые борются против одного и того же тоталитарного режима, при этом не ставить разницы между религиями и нациями¹⁶.

И тем не менее левое крыло партии, получившее название младодашнакистов или мшакистов (по названию газеты «Мшак»), не признало возможным оставаться в рядах партии, заключающей в себе немало буржуазных элементов и пропитанной духом национализма. Они приняли решение порвать связь со старой федерацией «Дашнакцутюн». В дальнейшем мшакисты объединились с социал-революционерами.

Съезд окончательно дополнил и утвердил Кавказский проект программы и деятельности партии, который начал создаваться еще в 1905 г.

Кавказский проект содержал два больших раздела: политико-правовой и экономический. В политико-правовом разделе выделились две части: политическое и правовое устройство Западной Армении и Закавказья (Армения) и общеполитическая часть для обоих регионов. Для Турецкой Армении предполагалось предоставление политической и экономической свободы, основанной на началах местной автономии, а также федеративных отношений ко всей Турции. В требованиях о политико-правовом устройстве Закавказской Армении дашнаки идут дальше и требуют установления уже демократической республики на уровне федерации в Российском государстве¹⁷.

В экономическом разделе Кавказского проекта отразились изменения в социально-экономической сфере этих регионов, в частности, рост и развитие промышленности и, как следствие этого, рост пролетариата. Предполагалось уничтожение косвенных налогов, установление прогрессивного налога на наследство и доходы, превышающие необходимый для существования минимум. В проекте декларировалась отмена частной собственности на землю и изъятие ее из товарного оборота. Дашнаки требовали установления восьмичасового рабочего дня как для промышленных, так и для сельскохозяйственных рабочих, установления минимума заработной платы в городе и в деревне, еженедельного отдыха и т.д.¹⁸. В экономическом разделе проекта можно отметить сходство с экономическими требованиями эсеров (требования социализации земли).

В проекте наблюдается попытка удовлетворения как рабочего класса, так и крестьянства, желание сблизить и сплотить в борьбе эти классы, что перекликалось с социал-демократическими требованиями. В целом Кавказский

проскт, как и первая программа партии 1894 г., носил компромиссный характер, но уже с большей социальной акцентированностью.

Практическая деятельность партии в рассматриваемый период явилась фактическим отражением решений и теоретических разработок, выносимых на рассмотрение съездов партии.

Стремясь обрести союзников в революционной борьбе в лице народников, эсеров, социал-демократов и т.д., дашнакская партия прилагала немалые усилия и средства для налаживания контактов с этими организациями. На территории Турции дашнаки пытались установить дипломатические отношения с младотурками и курдами.

На усиление «Дашнакцутюн» в Закавказье неоднозначно отреагировали российские партии. Например, Российская социал-демократическая партия откровенно выражала свое недовольство ростом влияния среди армян дашнакской партии, поскольку считала ее не пролетарской, а мелкобуржуазной и националистической. Ей было непонятно стремление дашнаков защитить армянскую церковь, которая, по мнению социал-демократов, дурманила армянский пролетариат. Это исходило из незнания первостепенной исторической роли армянской церкви в сохранении армянской культуры и языка за долгие века иноземного порабощения. Совершенно другое отношение к дашнакам было у эсеров, кадетов и польских социалистов, которые считали, что любая борьба, направленная против царского самодержавия оправданна, и дашнаки в этом плане считались союзниками по борьбе¹⁹. Такое же отношение к дашнакам было высказано этими партиями на конференции революционных партий в апреле 1905 г. в Женеве. В 1907 г. под влиянием революционного движения 1905-1907 гг. дашнаки вступили во II Интернационал. Однако после поражения революции 1905-1907 гг. дашнаки повернули на дореволюционный путь решения армянского вопроса в Турции — при помощи европейско-русской дипломатии.

Таким образом, динамика деятельности партии с момента ее образования по 1907 г. нарастала. 1907 г. явился периодом высшего подъема революционных сил партии, ее массовой популярности. Именно в этом году была окончательно выработана программа, ставшая руководством для деятельности партии в последующие годы.

РевOLUTIONная деятельность «Дашканцутюн» вызвала репрессивные меры со стороны царского правительства России (суды, ссылки в Сибирь и т.д.). Эти меры способствовали ослаблению деятельности партии. Однако к моменту свержения самодержавия партия оставалась достаточно сильной и массовой для того, чтобы после революции 1917 г. прийти к власти в Закавказской Армении. Но в 1920 г. был подписан Александропольский договор, по которому Армения стала советской, а дашнаки были вынуждены эмигрировать.

Вплоть до последнего времени партия «Дашнакцутюн» действовала только за рубежом. На территории СССР партия была вне закона.

1. Оганесян Э. Век борьбы. Мюнхен-Москва, 1991. С.78.
2. Оганесян Э. Указ. соч. С.81.
3. Гай Г'егапохутян дашнакцутян патмунцон (Очерки по истории партии «Дашнакцутюн»). Бейрут, 1984. Т. 1. С. 138.
4. «Дрошак», № 1, май 1891. С. 1.
5. «Дрошак», № 11, сентябрь 1894. С. 3.
6. Там же
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Очерки по истории партии «Дашнакцутюн». Т. 2. С. 11.
12. Там же. С. 119.
13. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 3, л. 39-41.
14. Очерки... Т.2. С. 290.
15. Там же. С. 291.
16. Оганесян Э. Указ. соч. С. 162.
17. ГАРФ, ф. 102, оп. 253, д. 68.
18. Там же. Л. 71-73.
19. ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 901, л. 28.

*Н. Д. Постников
(Москва)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПРИБАЛТИКИ

История возникновения национальных политических партий в Прибалтике в конце XIX — начале XX в. неразрывно связана с национальным возрождением трех прибалтийских народов. Зарождение этого процесса проходило в середине XIX в. на основе пропаганды национально-культурной и исторической самобытности прибалтийских народов небольшой группой национальной интеллигенции через различные печатные органы и издания (прежде всего нелегальные журналы «Ausra» («Заря») и «Varpas» («Колокол») в Литве) и общественные организации (историко-культурные, певческие и другие в Эстонии и Латвии).

В конце 80-х — начале 90-х годов в Литве в кружках пропагандистов и последователей идей национального возрождения начинается процесс политической дифференциации, который привел к созданию литовских национальных партий: в 1896 г. — Литовской социал-демократической партии (ЛСДП), а через шесть лет, в 1902 г. — Литовской демократической партии (ЛДП).

На севере Прибалтики в трех остзейских губерниях — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской — происходили схожие процессы формирования партий, прежде всего либерального направления. Здесь партии стали возникать позднее, чем в Литве. Это было связано с более развитым национальным самосознанием литовцев и влиянием польских политических партий на общественную жизнь в Северо-Западном крае. Процесс формирования эстонских и латышских социал-демократических организаций проходил также под непосредственным влиянием РСДРП. Таким образом, уже на этапе формирования просматривается различная мотивация в создании социал-демократических организаций Эстонии и Латвии, с одной стороны, и ЛСДП, — с другой. В то же время основа для формирования эстонских, латышских и литовских либеральных партий всех оттенков была одинакова — национальное движение.

Особенностью всех национальных партий Прибалтики было довольно негативное отношение к доминирующей

нации. Для эстонцев и латышей той нацией были немцы, обладавшие в лице баронства всей экономической, религиозной и отчасти политической властью в решении местных вопросов и проводившие политику дискриминации эстонского и латышского населения. Для литовцев с момента зарождения идей национального возрождения начинает меняться отношение к полякам, влияние которых в экономической, культурной, бытовой и других сферах жизни в Литве все больше угрожало самобытности и самоидентификации литовцев. Одновременно русские, пожалуй, еще с польского восстания 1863 г. рассматривались литовцами, как главная опасность для возрождения собственной нации. В итоге в Прибалтике сложились довольно напряженные межнациональные отношения.

На юге Прибалтики, в Литве, в силу ряда причин, о которых говорилось выше, гораздо раньше произошел процесс формирования национальных партий. ЛСДП и ЛДП, а также связанные с ними общественные организации вместе с Союзом литовских христианских демократов (СЛХД), конституировавшимся в политическую организацию в 1905 г., до 1917 г. являлись основными силами в литовском общественно-политическом движении. Если ЛДП и СЛХД, с одной стороны, и ЛСДП, — с другой, по-разному видели будущее социальное устройство Литвы, то в одном они были единодушны: Литва должна стать независимым государством. Однако путь к независимости, на взгляд идеологов этих партий, не был прямолинейным и в первую очередь зависел от внутренних процессов, происходивших в Российском государстве. Если в ЛДП и СЛХД идея национальной независимости оказалась цементирующей основой партийных рядов, то в ЛСДП эта идея стала катализатором раскола в партии по национальному признаку. В мае 1896 г. через месяц после образования из ЛСДП вышла интернационалистски настроенная группа, состоявшая в основном из поляков. Эта группа создала Рабочий союз Литвы, который в 1900 г. присоединился к партии польских социал-демократов — Социал-демократии Королевства Польского, образовав вместе с ней новую партию — Социал-демократию Королевства Польского и Литвы. Причем этот эпизод был не последним в истории ЛСДП, когда доминирование национального акцента в партии оказалось сильнее идеологических мотивов. Это подтверждает и история создания Литовской

партии. ЛСДП, ослабленная в связи с арестами 1898-1899 гг., утратила свой социал-демократический характер, когда во главе ее встал ксендз Амброшевич, предпринявший попытку переориентировать партию из социалистической в чисто национальную. ЦК обновленной партии разработал специальную программу защиты национальных прав литовцев, исключив из нее социалистические требования. По существу ЛСДП временно свернула свою практическую деятельность. И только в 1902 г. в партии вновь усиливаются социал-демократические элементы, которые с помощью Виленского комитета Польской социалистической партии (ППС) воссоздают ЛСДП. После своего восстановления партия стала уделять больше внимания национальной проблематике, в том числе пропаганде идеи национального возрождения литовского народа.

ЛДП объединяла в своих рядах литовскую национальную среднюю и мелкую городскую буржуазию, либеральную интеллигенцию и крестьян-хуторян. В результате работы активистов партии среди крестьян-хуторян возникла необходимость создания автономной крестьянской организации. Такая организация была создана в 1907 г. и получила название Союза крестьян Литвы (СКЛ).

Несмотря на общие задачи в национально-государственном возрождении, ЛСДП и ЛДП достаточно настороженно относились друг к другу из-за идеологических разногласий, а СЛХД, вообще не приемлющий марксизм, нередко вступал в жесткую конфронтацию с местными организациями ЛСДП. Порой дело доходило даже до драк и перестрелок между сторонниками этих партий¹.

Хотелось бы более подробно остановиться на истории литовских христианских демократов, как менее изученной партии. Это было партийное формирование резко выраженного националистическо-клерикального толка с элементами христианско-демократических идей западноевропейского образца. Основными программными требованиями Союза стали: создание автономной Литвы в этнографических границах, борьба с марксизмом, защита католицизма от наступления православной церкви, воспитание литовцев в религиозном духе. По своему организационному строению СЛХД больше походил на общественно-религиозное движение, чем на политическую партию. Его деятельность была направлена на создание

легальных обществ религиозно-нравственной окраски, в которых христианские демократы пропагандировали идеи национального единения, христианской морали, неприязни к марксизму с позиций крайнего клерикализма. Благодаря этим обществам (Св.Иосифа в Ковно для рабочих-католиков, созданного в 1906 г.; Св.Казимира, созданного в 1905 г.; Общества работниц и служанок св.Зиты; «Сауле» («Солнце»), «Жибурис», «Ритас», основанного в 1912 г.), христианским демократам удалось сохраниться как партийному формированию в межреволюционный период. На основе этих обществ в марте 1917 г. СЛХД конституировался в Литовскую христианско-демократическую партию, влияние которой уже в независимой Литве оказалось значительным.

Меньше повезло политическому близнецу СЛХД — Конституционно-католической партии в Литве и Белоруссии (ККПЛиБ). Впрочем, разница между двумя партиями все же была. Если СЛХД формировал свои организации по строго национальному принципу, то ККПЛиБ принимал в свои ряды всех католиков без различия национальности — поляков, литовцев, белорусов. Причем, как оказалось, ККПЛиБ пользовалась наибольшей популярностью в районе Гродно среди белорусов-католиков. Партия была создана в начале февраля 1906 г. и просуществовала около полутора лет, когда осенью 1907 г. виленский генерал-губернатор распустил ее. Деятельность партии была прекращена. Видимо, руководство партии не захотело переходить на нелегальное положение. Так или иначе, но только три основные политические национальные партии Литвы смогли выжить в условиях гонений правительства на литовское национальное движение.

На севере Прибалтики, в трех остзейских губерниях, процесс формирования эстонских и латышских национальных партий начался, как уже отмечалось, позднее, чем в Литве. Первыми из национальных эстонских и латышских политических формирований стали возникать эстонские и латышские национальные социал-демократические организации. В Латвии в конце 90-х годов XIX в. возникли первые социал-демократические кружки, которые стали основой созданной в июне 1904 г. Латышской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП). В 1905 г. ЛСДРП приняла свою программу, в которой решение национального вопроса виделось в создании автоном-

ной Латвии в составе демократической России. Вопрос о независимости Латвии в партии даже не обсуждался.

В 1900 г. вопрос о политико-государственном устройстве Латвии наряду с аграрным стал одной из причин выхода из социал-демократической организации небольшой группы последователей независимости Латвии, которая в том же году образовала Латышский социал-демократический союз (с 1913 г. переименован в Партию социалистов-революционеров Латышского края). Эта партия признавала революционный террор как средство борьбы с угнетателями. Программные требования Союза были схожи с программными требованиями партии социалистов-революционеров. Целью национально-государственного строительства партия объявила создание независимой Латвии. Однако в результате репрессий 1905-1907 гг. Союз сильно пострадал численно и организационно, оказавшись на периферии латышского политического движения.

В Эстонии социал-демократические организации создавались эстонскими социал-демократами, членами РСДРП. Более того, вначале эстонские социал-демократические организации функционировали как подразделения РСДРП. Поэтому среди социал-демократов вообще не было речи об автономии Эстонии, ибо считалось, что любые проявления национализма подрывают единство интернационального рабочего класса. Однако игнорирование национального вопроса не понравилось многим эстонским социал-демократам, которые в августе 1905 г. вышли из РСДРП и создали Эстонский социал-демократический союз, заявивший о необходимости автономии Эстонии, за что эстонские социал-демократы-интернационалисты, оставшиеся в РСДРП, обвинили их в национализме.

Вплоть до революции 1905-1907 гг. ни эстонская, ни латышская буржуазия, ни либеральная интеллигенция не смогли создать своих партий. Это было связано, с одной стороны, со слабостью национальной эстонской и латышской буржуазии, а с другой, — с нежеланием сделать решающий шаг к созданию национальных партий немногочисленной эстонской и латышской либеральной интеллигенции. Немцам, проживавшим в остзейских губерниях, вообще не было надобности создавать свою партию до революции 1905-1907 гг., ибо в их руках находились экономические рычаги управления краем.

Все изменилось с началом революции 1905-1907 гг. Сдерживавшее на протяжении веков ненависть эстонское и латышское крестьянство бросилось громить помещичьи усадьбы, которые принадлежали немецким баронам. В трех остзейских губерниях началась настоящая крестьянская война, которую смогли подавить только с помощью правительственных войск. О своем отрицательном отношении к немцам высказывались все эстонские и латышские политические партии.

В начале 1905 г. образовалась Латышская демократическая партия (ЛДП), вслед за ней оформилась Латышская конституционно-демократическая партия (ЛКДП). В Эстонии единственной полностью оформившейся партией оказалась Эстонская народная партия прогресса (ЭНПП), возникшая в ноябре 1905 г. Для решения вопросов общегосударственного устройства ЛКДП и ЭНПП приняли программные требования русских кадетов. Прошедшие в результате выборов в Думу депутаты от этих партий входили в кадетскую фракцию. Программу кадетов обе партии дополнили требованиями национальной автономии: создание этнографически целой Эстонии и Латвии, признание латышского и эстонского языков государственными, отмена дворянских привилегий. В отношении революционного движения ЭНПП занимала более консервативные позиции, чем ЛКДП. Это было связано с тем, что в ЭНПП была достаточно сильна позиция эстонской «крупной» буржуазии.

Обе партии выступали за сохранение автономных Эстонии и Латвии в составе России. Латышская демократическая партия была более радикальной, чем ЛКДП. Это было связано с тем, что социальной базой партии являлась городская и сельская мелкая буржуазия. В своей программе ЛДП требовала демократических преобразований в России, в национальном вопросе — автономии Латвии. В период революции 1905-1907 гг. ЛДП пользовалась достаточно большим влиянием среди населения. Обе латышские партии (ЛДП и ЛКДП) выступали против немецкого засилья в экономический, культурной и других сферах жизни. Будучи левее ЛКДП, ЛДП активнее сотрудничала с латышскими социал-демократами. Однако к концу революции обе партии постепенно сходят с политической арены и прекращают свое существование. В ЛКДП раскол произошел еще в 1906 г. Небольшая часть латышских ка-

детов, выйдя из партии, создает Латышскую партию реформ, численностью примерно 50 — 100 человек. Оставшаяся же часть ЛКДП практически бездействует и фактически прекращает свое существование в июне 1907 г. Правое крыло партии присоединилось к националистически настроенной Латышской народной партии. Левое крыло позднее вошло в Прогрессивный блок. Из трех партий (ЭНПП, ЛКДП, ЛДП) остались одни эстонские прогрессисты, которые с трудом сумели сохранить свою партийную структуру, а латышские либеральные партии оказались партиями-однодневками.

На крайне правом фланге политического спектра партий Прибалтики действовали две партии: Латышская народная партия (ЛНП) и партия немецких баронов и домохозяев — Балтийская конституционная партия (БКП), носившая также название «Нелла».

ЛНП была крайне немногочисленна. В годы ее активной политической деятельности, совпавшие с периодом революции 1905-1907 гг., число ее членов не достигало и двухсот. Партия выступала с крайне националистических позиций, но ее национализм был в основном направлен против немецких баронов и евреев. К русским партия относилась лояльно, видя в них гаранта политической стабильности в регионе. Программные требования ЛНП не заходили дальше Манифеста 17 октября, а в национальном вопросе партия выступала за предоставление Латвии местной автономии. Во время революции ЛНП резко выступила против социал-демократов, революционного рабочего движения и аграрных волнений крестьян. Она требовала от правительства установления в трех остзейских губерниях военного положения, усмирения революции с помощью карательных экспедиций правительственных войск. Проповедуемая партией идеология агрессивного национализма и антисемитизма, призывы ЛНП к подавлению революции привели к тому, что она не пользовалась популярностью среди латышей и осталась малочисленной и замкнутой политической группировкой.

Балтийская конституционная партия стоит особняком в политической палитре прибалтийских национальных партий. БКП была образована в середине ноября 1905 г. В решении общероссийских вопросов она стояла на позициях умеренного либерализма (политическое устройство российского государства представлялось БКП в форме

«наследственной конституционной монархии»²⁾. Идеологически «Нелла» оказалась близка «Союзу 17 октября». Не случайно, что прошедшие в III Государственную думу представители БКП примкнули к фракции октябристов.

Причины и мотивы создания прибалтийскими немцами своей политической партии, на наш взгляд, следует искать не столько в их желании поучаствовать в общероссийской политической жизни, сколько в стремлении с помощью Балтийской конституционной партии сохранить хотя бы часть своих привилегий в Прибалтике, ограничить в остзейских губерниях влияние русского чиновничества и заменить его системой регионального самоуправления при решающем участии немецкого дворянства. В своей повседневной работе «Нелла» действовала именно в этом направлении.

Немецкое население Прибалтики оказалось в незавидном положении. Будучи национальным меньшинством, оно, в свою очередь, оказалось притеснителем двух других малых народов. Вызывая подозрения у русской администрации и одновременно неприязнь эстонского и латышского населения, прибалтийские немцы оказались в ситуации, когда они психологически были загнаны в угол, и БКП не в силах была уже что-либо исправить.

В годы третьеиюньской монархии в Прибалтике леворадикальные национальные партии были практически разбиты или загнаны в подполье, да и уцелевшие от распада либерально-консервативные партии влачили жалкое существование, находясь под постоянным прессом правительственных репрессий. И те, и другие национальные партии переориентировали свою деятельность на легальные общественные организации, в которых они продолжали, в меру возможностей, пропаганду своих идей. Только с началом первой мировой войны начинается некоторое оживление в политической деятельности национальных партий Прибалтики. Литовские партии увидели в войне возможность получить политическую независимость. Ими, а также различными общественными организациями (всего 12 партий и организаций) в Швейцарии была создана «Постоянная делегация Верховного национального Литовского Совета», состоявшая из 10 человек, целью которой явилась попытка объединить все политические силы Литвы и подписать договор с центральными державами о создании Литовского независимого государства.

В то же время эстонские и латышские партии (кроме ПСР Латышского края) продолжали настаивать в национальном вопросе на автономии. И только тогда, когда Временное правительство оказалось неспособно контролировать ситуацию в стране, эстонские и латышские политические деятели осознали открывшуюся перед ними возможность создать свои национальные государства. Октябрьская революция лишь многократно ускорила этот процесс.

1. Один из таких случаев зафиксирован, например, в донесении виленского ГЖУ от 25.12.1906 г.: «23 сего декабря в г.Ковно в рабочего завода Рекожа Франца Егора Шабунаса, принадлежавшего к ксендзовской партии (так в донесении называется СЛХД. — *Н.П.*), было произведено неизвестными злоумышленниками два выстрела, которые вреда Шабунасу не принесли». Ответ последовал незамедлительно. «Заводские рабочие, — доносил начальник виленского ГЖУ, — принадлежащие к ксендзовской партии, на бывшем у них собрании 24 сего декабря, решили перебить всех известных им революционеров». — ГАРФ, ф.102, ДП ОО, 1906(1), д.850, л.4.

2. Там же, ф.102, ДП, 4 д-во, 1914, д.37, ч.9, л.8.

М.Б.Туленбаев
д.и.н.
(Казахстан)

АЛАШ

О первоначальном смысле слова алаш почти ничего не известно. Мы знаем, что оно было свособразным кличем ногасв и алчынов. В народном же сознании термин «алаш» связан с символом государственности. В конце 1917 г. это слово-символ присвоило себе быстро набиравшее в Казахстане силу национальное течение, возглавляемое группой казахской интеллигенции. Это же название получила в декабре 1917 г. провозглашенная II всеказахским съездом казахская автономия. Временный Народный Совет — правительство автономии — называли «Алаш-Ордой». Алаш оставил о себе самый глубокий след в народной памяти. Подтверждением тому может служить тот факт, что в современных условиях многопартийности в Казахстане одной из первых появилась партия с названием Алаш.

Казахский народ к XX в. в наследие получил не только кочевой образ жизни, сплошную неграмотность, патриархально-феодалные отношения, неразвитый малочисленный рабочий класс, произвол царских чиновников и ряд других моментов колониального прошлого. Вместе с тем в Казахстане сформировалась блестящая плеяда выдающихся личностей — Абай Кунанбасв, Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и другие. Однозначно устоявшиеся мнения о них, как о народных мыслителях и просветителях, не вызывает сомнений. Но думается, оно не до конца раскрывает их роль и значение в жизни казахского народа. Будучи плотью его, а, следовательно, обычными «туземцами» для царского самодержавия, они были бессильны помочь ему осознать свое достоинство и отстаивать его. О возможности образования в то время каких-либо политических объединений говорить не приходится. Единственный путь борьбы за политическое и экономическое равноправие, за избавление народа от невежества, бескультурья и покорности в тех условиях был путь пробуждения в нем стремления к просвещению, науке, культуре. «Чтобы народ перестал быть толпой, — писал Абай, — нужны образованные люди, пещущиеся о народе, необходимо возникновение потребности в культуре и в самообразовании». Следовательно, их просветительскую деятельность с полным основанием можно

относится к одной из форм политической борьбы, а их самих в разряд первых политических деятелей края. «Для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, — говорили они, — нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре»¹.

На пути казахского народа к просвещению и культуре стояли царизм, проводимая им политика колонизации. Царское правительство уничтожало самобытность казахского народа и его вековую культуру. Политика «разделяй и властвуй» воспитывала в нем рабскую психологию, комплекс неполноценности, развращала душу, толкала к развитию всех тех негативных человеческих качеств, о которых неоднократно говорил Абай.

Апогеем жестокости царизма по отношению к казахам стала аграрно-переселенческая политика. Бесцеремонное изъятие у них земель ставило казахский народ на грань физического вымирания. Только за 1906-1915 гг. в собственность русским переселенцам было передано 42 млн. десятин земли.

На формирование политических взглядов лидеров Алаш оказала сильное влияние первая российская революция. Еще в процессе обучения в вузах Петербурга, Москвы, Казани, Варшавы А.Букейханов, Б.Каратаев, Ж. и Х.Досмухамедовы, Б.Кулманов, Б.Сыртанов, А.Турлыбаев, Ж.Акбаев, М.Тынышбаев и другие познакомились с идеями российского освободительного движения, приобщились к великой русской культуре. Стамбульский университет окончили А.Гайсин и Д.Кульбаев. Многие из них вдумчиво следили за развитием политической жизни в России, ее политическими партиями. Отсюда и их желание создать у себя на родине национальную партию.

В декабре 1905 г. в Уральске был проведен съезд представителей казахского населения пяти областей, на котором была сделана первая попытка создания национально-политического объединения — филиала конституционно-демократической партии России. В феврале 1906 г. в Семипалатинске состоялся второй съезд казахов, который с некоторыми добавлениями (признание всех земель Казахстана собственностью коренных жителей, прекращение политики переселения, открытие школ и т.д.) одобрил программу кадетов. Тяга либерально-демократического крыла казахской интеллигенции к программе российской партии конституционных демократов неслучайна. Их привлекали такие аспекты идеологии и деятельности этой партии, как неприятие насильственного социального переворота, эво-

люционное развитие общества, постепенное реформирование старой государственной власти, ориентация на парламентскую конституционную монархию английского типа.

Эти исходные программные положения партии кадетов отвечали менталитету казахского народа, что верно подметил Т.И.Сидельников, долгие годы проработавший в крас. «Почему киргизы (казахи. — *М.Т.*) «принципиально стояли» за Учредительное собрание и были «принципиально против» большевиков и гражданской войны? — писал он Ленину в апреле 1920 г. — Очень просто. Им, «пацифистам», мирный законный путь к разрешению всех спорных вопросов, внешних и внутренних, всего больше по душе: получишь все, что тебе следует, отдашь все, что тебе причитается, «по указу всенародной справедливой власти» — и делу конец! Никого не нужно бить, никто тебя не побьет...»²

Нельзя не сказать и о том, что царизм способствовал развитию особого сознания казахского народа: потребности в сильной авторитарной власти и вере в ее мудрость, без критического осмысления ее реальной политики. Эту мысль подтверждает замечание А.Букейханова: казахи — «самый мирный, послушный высочайшему повелению народ»³. В той или иной мере носителями этих черт были и будущие лидеры Алаш, пытавшиеся мирным путем решить вопрос о земле, народном суде, думском представительстве.

В 1913 г. по инициативе Д.Сейдалина, Р.Марсекова, Б.Каратаева, Ж.Тлеубердина, М.Дулатова, М.Сералина и других была предпринята попытка созвать всеказахский съезд, на обсуждение которого предполагалось вынести вышеназванные вопросы. Однако эта попытка закончилась неудачно, ибо, как следует из секретного донесения начальника оренбургского жандармского управления генерал-майора Бабица, масса отнеслась к этому индифферентно⁴.

Действительно, казахский народ был еще очень далек от вопросов политики, его кругозор не поднимался выше межродовых разборок. Он безразлично отнесся к третьиюньскому закону 1907 г., лишившему его избирательного права, продолжал терпеть переселенческую политику, увеличение налогов в годы первой мировой войны.

Казахская интеллигенция, как и казахский народ в целом, была подвержена враждебному послушанию. Думается, что именно этим обстоятельством объясняется стремление интеллигенции к мирному решению кардинальных

экономических, социальных и политических вопросов. Эта тенденция прослеживается в позиции либерально-демократической части казахской интеллигенции, которую она заняла во время восстания 1916 г., поводом к которому, как известно, послужил царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации на тыловые работы «инородческого» мужского населения Казахстана. В воззвании к народу в августе 1916 г. А.Буксейханов и его ближайшие сподвижники писали, что «отказываться от этого дела нельзя». В октябрьском воззвании того же года, когда восстание набирало силу, они призывали казахов: «Послушайте, не проливайте кровь, не сопротивляйтесь»⁵.

Определенная часть современных ученых — М.К. и И.М.Козыбаевы, Д.А.Аманжолова⁶ — расценивают позицию, занятую либерально-демократической частью казахской интеллигенции по главе с А.Буксейхановым как тактику разумного компромисса с колониальной империей ради сохранения этнической целостности народа и понимания бессмысленности сопротивления мощной машине царского режима. С такой оценкой можно согласиться лишь отчасти.

А.Буксейханов прекрасно знал тяжелейшее экономическое положение своего народа и предвидел, к чему может привести исполнение царского указа. Об этом свидетельствует подписанное им от имени казахов ряда областей письмо на высочайшее имя от 7 августа 1916 г. Данный в нем обстоятельный экономический анализ подводил к выводу, что выполнение царского указа без внесения предложенных ими корректировок приведет народ к голоду. А.Буксейханов предупреждал правительство: «Если мы не увидим худшего — открытого восстания народа, то это объясняется его чрезмерным миролюбием»⁷. Он и его сподвижники были свидетелями стихийного, широко разраставшегося, зачастую неорганизованного народного восстания. Они также видели, какими жестокими мерами правительство подавляло его. Никакого компромисса не получилось. Тем не менее, будущие лидеры Алаш остались в стороне от борьбы за национальное и политическое освобождение. Свою деятельность до Февральской революции они сосредоточили в основном на помощи казахам, мобилизованным на тыловые работы.

Думаю, что такую позицию алашевцев нельзя назвать и нерешительной (к такой оценке склоняется в частности К.Н.Нурпеисов). Ее скорее можно оценить как принципиальную. Истоки ее следует искать в пацифистских корнях российской кадетской партии, членами которой были неко-

торые из лидеров Алаш. Практически вся последующая их политическая деятельность подтверждает это. Они считали, что исключительно мирным, парламентским путем, через Думу, Учредительное собрание можно решить все наболевшие вопросы казахской действительности. Кроме того, лидеры Алаш, как и российская кадетская партия, были в то время еще приверженцами парламентско-монархического режима и выступали против расшатывания институтов власти.

Восстание 1916 г., охватившее Казахстан, занимает особое место в национально-освободительном движении, которые возглавляли С.Датов, И.Тайманов, М.Утемисов, К.Касымов. Восстание имело антиколониальную, антиимпериалистическую направленность. Лейтмотивом борьбы было национальное и политическое освобождение народа. Будущие лидеры Алаш заняли центристскую позицию.

Февральская революция открыла новую страницу в жизни казахского народа, и в первую очередь либерально-демократического крыла казахской интеллигенции. «Взошло солнце свободы, равенства, братства для всех народов России», — телеграфировал А.Букейханов из Минска в Казахстан 16 марта 1917 г. По его мнению, киргизам необходимо организовать «для поддержания нового строя, правительства. Нужно работать в контакте со всеми национальностями, поддерживающими новый строй, киргизы должны подготовиться к Учредительному собранию... наш лозунг демократическая республика, земля тому, кто извлекает доходы из нее скотоводством и земледелием».

Это была не просто декларация, а именно стратегическая линия, которая стала претворяться в жизнь. Призыв о необходимости «киргизам организовать» вскоре нашел свое воплощение в создании областных и уездных казахских комитетов. Призыв — «возвращение казахам отнятых у них земель» — реализовался в создании единого казахского государства «Алаш».

Будущие лидеры Алаш оказывают Временному правительству всемерную практическую поддержку. Такие видные казахские либерал-демократы, как А.Байтурсинов, М.Дулатов, С.Кадирбаев, А.Беремжанов, А.Козбагаров, С.Дощанов, Р.Марсеков и ряд других, являлись членами местных органов Временного правительства. А.Букейханов был назначен комиссаром Временного правительства в Тургайской области, М.Тынышбаев — в Семиречье, М.Чокаев — Туркестане.

По мере развития революции происходила консолидация сил, в том числе на национальной почве. В апреле 1917 г. в крае прошли областные казахские съезды: I Тургайский (Оренбург, 2-8 апреля, более 300 делегатов, в том числе от Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской областей, Букеевской Орды), I Семиреченский (Верный, 12-23 апреля, 81 делегат), I Уральский (Уральск, 19-22 апреля, более 800 делегатов), Омский (Омск, 25 апреля — 5 мая, 15 делегатов). На них были рассмотрены основные политические и социальные проблемы. Съезды явились первыми серьезными практическими шагами на пути консолидации казахского народа, организационного оформления политического объединения, национальной государственности. Но они еще не были готовы к выработке собственных программ. Принятые на съездах решения давали общее видение назревших проблем, но не намечали конкретные пути их реализации.

Будущие деятели Алаш, являющиеся представителями Временного правительства в крае, безусловно, несут определенную ответственность за проводимую ими политику, в том числе и по «успокоению» участников национально-освободительного движения. Где же были пацифизм и приверженность А.Букейханова к ненасильственным методам решения всех вопросов, когда он, комиссар Временного правительства Тургайской области, отправлял 23 мая 1917 г. в центр телеграмму: «Успокоение уезда требует их (Амангельды Иманова и Абдулгафара Джанбосынова — активных участников национально-освободительного движения. — М.Т.) ареста. Из-за них я держу в уезде четыре сотни казаков...» В следующей телеграмме от 30 мая 1917 г. комиссар Временного правительства сообщал: «В области спокойно. Абдулгафар и Амангельды приехали ко мне. Надеюсь их удержать без ареста»⁸.

В подавляющей части научной литературы, базирующейся на классовой методологии, по преимуществу рассматривался процесс «повышения политического уровня и активности» народных масс. В стане же их классовых противников исследуются только тактические шаги, которые были направлены на «введение в заблуждение» или «обман» этих самых народных масс. Как правило, вне поля зрения оставался вопрос «повышения политического уровня», изменения политических взглядов и борьба идей у «противников» рабочего класса и трудового крестьянства.

Это в значительной степени обедняло картину исторических процессов, делало ее примитивной, не давало ответы на многие вопросы.

Этими недостатками страдают исследования, посвященные истории Алаш. Неприятие большевизма лидерами Алаш, классовая методология автоматически причисляла ее в разряд байской партии (крупного или мелкого байства — это неважно). Главное, что в разряд классовых противников пролетариата и беднейшего крестьянства. Отнесение Алаш к партии, отстаивающей интересы байства, по меньшей мере несправедливо. Даже если в Алаш и входила байская верхушка, то ее прежде всего следует рассматривать как прогрессивно мыслящую, которая во главу угла ставила не интересы своего класса, а создание национального автономного государства «Алаш» в составе демократической парламентской России.

Кроме того, мимо сторонников этой точки зрения почему-то прошел такой факт: в проекте программы Алаш четко указала свою «классовую позицию». Во втором параграфе программы сказано, что «бедных партия называет и считает товарищами, мироедов — врагами», в восьмом параграфе — «рабочее законодательство должно быть в пользу рабочих» и т.д. Большая и конкретная помощь, оказанная лидерами Алаш мобилизованным казахам на тыловые работы в 1916 г., говорит о том, что это не пустые слова.

Прежде чем осветить проблему о месте и роли Алаш в общественно-политической жизни Казахстана, следует ответить на вопрос, была ли Алаш партией. В июле 1917 г. после выхода из партии кадетов А.Букейханов приступил к организации самостоятельной политической партии. Состоявшийся в конце июля всеказахский съезд подтвердил необходимость создания казахской политической партии. Следующее упоминание о партии Алаш можно найти в газете «Казак» от 5 октября 1917 г. Хотя программа киргизской (казахской) партии еще не выработана, отмечалось в газете, тем не менее на всеказахском съезде было указано, что «основой вырабатываемой программы будет постановление всеказахского съезда... поэтому, недолго думая, партию нашу желаем именовать именем (лозунгом) наших прадедов «Алаш»».

Проект программы партии Алаш был опубликован в газете «Казак» 21 ноября 1917 г. Общеказахский съезд,

состоявшийся 5-13 декабря 1917 г., к вопросу о партии не возвращался, но принял постановление об образовании казахской территориально-национальной автономии с названием Алаш и об образовании правительства автономии — «Алаш-Орда».

Развернувшиеся в дальнейшем политические события положили конец разговорам об образовании партии. Даже если бы и не было этих событий, казахское общество в то время еще не было готово к процессам партийно-политического и государственного строительства. Подтверждением этому может служить то, что даже компартия Казахстана при активной поддержке центральной власти организационно была оформлена только в 1921 г.

Думается, что А.Букейханов и его соратники прекрасно это осознавали, как и то, что государственное устройство Казахстана полностью зависело от государственного устройства центральной России. Неслучайно проект программы партии Алаш начинается со слов: «Россия должна стать демократической федеративной республикой». Поэтому вопрос государственного устройства в России алашевцев занимал больше всего. С ним они связывали и будущую деятельность партии Алаш. Именно будущую партию...

Такое заключение основывается на содержании постановления июльского всеказахского съезда, где сказано: «Партия должна основываться на демократической федеративно-парламентской республике».

Сторонников Алаш следует искать прежде всего среди байской верхушки, затем разночинной национальной интеллигенции и учащейся молодежи. Эту часть казахского общества не мог не привлекать предлагавшийся Алаш эволюционный путь развития края. Общенациональные идеи, заложенные в программе: национально-территориальная автономия, общедемократический характер первоочередных задач — были близки им. Вобрав в себя часть элитной национальной интеллигенции либерально-демократической направленности, Алаш стремилась выразить политические интересы коренного населения.

Выдвигая в программе в качестве стратегической задачи национальную свободу и независимость Казахстана, лидеры Алаш вместе с тем ясно осознавали бесперспективность его исторического развития вне России, что проходит красной нитью не только через программу, но и через всю практическую деятельность Алаш. В бурные ре-

волюционные годы, когда многие проблемы решались не законными методами, а исходя из революционной целесообразности, Алаш со своим эволюционным реформизмом и конституционным демократизмом не была серьезной силой ни в монархический период, ни в период двоевластия, выжидая созыва Учредительного собрания.

Алаш уникальна не только тем, что она связана с видными мыслителями Казахстана, но и тем, что его лидеры впервые в истории края наладили самые тесные связи с ведущими политическими силами России. А.Букейханов был членом ЦК партии кадетов. Тот же Букейханов и ряд других алашевцев являлись представителями Временного правительства у себя на Родине.

Алашевцы первыми пытались создать национальную политическую партию, провозгласили образование государственной автономии и как могли защищали ее в годы гражданской войны. Они первые разработали программу развития Казахстана, в которой нашли отражение общенациональные интересы демократического преобразования страны. Их мечтой было создание «идеального» общества, в котором не должно быть никаких классовых конфликтов, должны быть установлены идеальные гармоничные социальные отношения. Фактически речь шла о создании правового демократического государства.

На девственное политическое поле Казахстана лидеры Алаш перенесли зерна конституционного демократизма. Попав на благодатную почву, отвечая менталитету казахского народа, они не могли не дать всходы, не обеспечить представителям Алаш большой успех при выборах в Учредительное собрание в конце 1917 г.

В послеоктябрьский период Алаш с центристских позиций скатилась вправо. Жестокая действительность гражданской войны отодвинула на задний план идеалы Алаш. Это все больше увеличивало разрыв между политизированной элитой казахской верхушки и народом, уставшим от войн и революций, стремившимся к компромиссам. Потеряв практически полностью народную поддержку, Алаш вынуждена была признать в конце концов силу Советов.

Особого исследования заслуживает проблема отношений руководителей советского государства с лидерами Алаш. Они складывались непросто, имели волнообразный характер. В некоторые моменты стороны находили компромиссы, шли на взаимные уступки. Братья Досмухаме-

довы, например, встречались с руководством СНК РСФСР и Наркомнаца, велись также продолжительные переговоры по прямому проводу. Но в конце концов они не только разошлись, но их отношения вылились в форму вооруженного противостояния.

В исследованиях советского периода вина за это возлагается на лидеров Алаш. Другие же ученые склонны считать, что виновником является руководство СНК и Наркомнаца. Истина видится посередине. Вопросы образования федеративного государства были предметом бурных обсуждений как в лагере Алаш, так и в лагере большевиков. По крупному и основному у них расхождений не было. В конце концов многие лидеры Алаш это признали и вступили в партию своих вчерашних противников.

В то же время Алаш-Ордой в июне 1918 г. был образован «Особый киргизский (казахский. — М.Т.) суд и следственная комиссия... дабы не задерживать производство следствия и суда над большевиками».

В июне 1920 г. президиумом ВЦИК было принято решение, запрещающее преследование членов Алаш-Орды за прошлую деятельность. Мало того, большинство алашевцев было направлено на ответственные посты в советские и государственные органы. А.Байтурсынов стал первым наркомом просвещения. Он же, Х.Габбасов, А.Ермеков и другие были привлечены к сбору материалов для определения границ Казахстана, и затем они участвовали в обсуждении этого вопроса во ВЦИКе.

Объективное познание истории Алаш ведет к пониманию многих современных процессов в нашей жизни. В.О.Ключевский писал: «Прошное нужно знать не потому что оно прошлое, а потому что, уходя, не умело убрать своих последствий».

И ныне завалы исторического прошлого разгребаются осторожно, зачастую с оглядкой туда же — «на верх». Думается, что современная наша «демократия», а с ней и историческая наука переживают период с точностью до наоборот советского времени. Тогда все, что делалось партией коммунистов, считалось единственно верным, а все остальное было неверным или даже контрреволюционным. Сегодня все, что делала КПСС, плохо, а все другие — хорошо. Раньше Алаш «обманывала» народ, сегодня — это делала КПСС.

Как в 30-е годы, так и сегодня, общественной научной мысли пытаются уготовить русло движения. Тогда опреде-

лителем его были вожди ВКП(б), сегодня президенты. Это относится прежде всего к странам Востока, бывшего Союза.

При этом необходимо иметь в виду, что в начале 30-х годов классовая методология исследования общественных явлений по отношению к Алаш привела к тому, что она квалифицировалась как буржуазная, а, следовательно, антинародная. А так как партия большевиков не могла бороться с каким-то «течением», то Алаш перевели в разряд партии, которая осуществляла роль «палача» и «эксплуататора» казахского народа. В результате за бортом исторического познания осталось уникальное явление под названием Алаш, начало которому положили казахские просветители второй половины XIX в.

В последнее время стали появляться статьи и отдельные труды, посвященные истории партии Алаш. К ним следует отнести работы К.Н.Нурпеисова — «Алаш-Орда», Д.А.Аманжоловой — «Казахская автономия и Россия», а также работы В.К.Григорьева. Это первые серьезные загляы на пути познания истории Алаш.

Историки должны выявить новый корпус источников по теме. Все это вместе взятое позволит создать фундаментальный труд по истории Алаш.

1. Дулатов М. Ахмед Байтурсынович Байтурсынов. Биографический очерк. В кн.: Труды общества изучения Киргизского края. Вып. III Оренбург, 1922. С.21-22.

2. См.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С.44.

3. См.. Алаш-Орда. Сборник документов. Алма-Ата, 1992. С.7.

4. Там же. С.17.

5. Козыбаев М.К., Козыбаев И.М. История Казахстана Алма-Ата, 1992. С.6.

6. См.: там же; Аманжолова Д.А. Указ. соч.

7. Алаш-Орда. Сборник документов. С.6.

8. Козыбаев М.К., Козыбаев И.М. Указ.соч. С.26.

А.Р.Атаджанов
д.и.н.
(Узбекистан)

«ШУРО-И-ИСЛАМИЯ» — КАКОВА ОНА БЫЛА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

Февральская революция 1917 г. была встречена народами Российской империи, в том числе и народами Туркестана, с большим воодушевлением. Известие о революции в России дошло до Ташкента по телеграфу. Однако генерал-губернатор Туркестана Куропаткин, опасаясь народных восстаний, не спешил объявлять об этом в печати. Несмотря на это, начиная со 2 марта это известие распространилось среди народа. 3 марта были распространены объявления и листовки, в которых сообщалось о событиях в Питере. Лозунги, провозглашенные революцией, — свобода, равенство и братство — пробудили в душе мусульманского населения, находившегося на протяжении многих лет под колониальным игом, веру в будущее и светлые надежды.

Выходившая в самарканде газета «Хуррият» 16 апреля 1917 г. писала: «Ожидаемая многие годы и соответствующая нашим надеждам революция в России свершилась. Старое правительство свергнуто. Теперь мы свободны в том, что пишем и говорим. Теперь, если будем произносить или писать правое слово, нам не будут закрывать рты. Когда будем требовать свои права, нас услышат. Когда будем выдвигать свои требования, принимаемые по ним меры от нас не будут скрывать».

Воодушевленные свободой прогрессивные силы народа стали создавать различные политические организации. Таковыми явились: «Клуб мусульман», «Мирваж-ул-ислом» в Самарканде, «Озод халк» («Свободный народ»), «Мифтах-ул-маориф», «Сано-ул-ислом» в Андижане, «Мусулмон михнаткашлари иттифоки» («Союз трудящихся мусульман») в Коканде, «Равнак-уд-ислом» в Каттакургане, «Муайин аттолиби» в Ходженте, а также и другие организации, созданные во всех городах Туркестана. Среди этих организаций особое место по своей значимости и влиянию на политическую жизнь занимала «Шуро-и-Исламия», возникшая в Ташкенте.

В советской историографии эта организация квалифицировалась однозначно — контрреволюционная и националистическая. В наиболее полном виде такая оценка нашла отражение в книге «История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней». «Эта контрреволюционная организация, — пишется в ней, — осуществляла свою деятельность в сотрудничестве с зарубежными пантюристами и панисламистами, а также с империалистическими агентами в Средней Азии. Они использовали в борьбе с нараставшим революционным движением различные методы борьбы наряду с устной пропагандой и проведением активной борьбы в печати, не остановились и перед методами беспощадного террора»¹. Эти мысли кочевали из одной книги в другую.

Обратимся к вопросу о том, кто, когда и с какой целью создал «Шуро-и-Исламия» и как протекала деятельность этой организации.

Отметим события, имевшие место в Ташкенте в марте 1917 г. 6 марта перед зданием городской думы собрались представители различных обществ, организаций и партий. Были избраны Исполнительный комитет Совета и Комитет общественной безопасности. Мусульманское население города также выдвинуло своих представителей в Исполком: Убайдуллаходжу сына Асадуллыходжа и Ташпулатбека сына Норбутабека. Против этих кандидатов выступили наиболее консервативные и зажиточные элементы старого Ташкента. 9 марта впервые в истории Ташкента более 20 тыс. человек собрались на митинг на площади. На митинге выступили около 30 человек, затронувших в своих речах актуальные проблемы жизни мусульман. Особенно большое впечатление на собравшихся произвела пламенная речь Убайдуллаходжи. Его представительство вместе с Ташпулатбеком в Исполкоме было утверждено единогласно. Они стали представителями махалья (районов) старого города Ташкента. Исторический митинг, продолжавшийся в течение пяти часов, имел большое значение в развитии политической активности узбеков Ташкента.

Второй митинг жителей старого Ташкента состоялся 13 марта. По данным газеты «Назиот», на нем присутствовали уже свыше 40 тыс. человек. Газета писала, что этот митинг свидетельствовал о «мусульманах Туркестана как о едином народе»². На митинг было подтверждено избрание в Исполком Ташсовета названных 6 марта лиц, к которым было добавлено имя Абдусафихона сына Гапихана. Новым явлением было присутствие на митинге представителей демо-

кратии нового города Ташкента, приветствовавших политическую активность мусульман. Кроме того, было принято решение о выдворении из старого города полиции и избрании вместо градоначальника комиссара и мухофизов четырех его частей. Комиссаром был избран Исламбек Худоярханов.

14 марта состоялось собрание 48 делегатов, избранных 13 марта для обсуждения вопросов дальнейших реформ управления в старом городе и создания политической организации мусульман. В конце собрания встал вопрос о том, как назвать новую организацию. По предложению большинства было принято решение назвать ее «Шуро-и-Исламия». Откуда появилось такое название? Идея создания Советов (Шурои — в переводе с узбекского языка означает Совет) получила в 1917 г. широкое распространение. После Февраля 1917 г. лозунг «Вся власть Советам!» получил всеобщее распространение. В массовом сознании укреплялась мысль о том, что народ сможет определить свою судьбу и будущее через Советы.

Немногим ранее событий, о которых говорилось выше, — 2 марта 1917 г., рабочие железнодорожных мастерских Ташкента единогласно решили избрать Совет рабочих депутатов. 3 марта был создан Ташкентский Совет, в который вошли представители заводов, мастерских, социалистических и демократических организаций. 5 марта в частях и подразделениях Ташкентского гарнизона был создан Ташкентский Совет солдатских депутатов. В составе всех названных Советов не было ни одного представителя местных национальностей. Это говорит об известном недоверии к местному населению, ущемлении его национальных интересов, игнорировании стремления местного населения участвовать в революционном движении.

Недовольные таким положением вещей представители прогрессивной местной интеллигенции быстро осознали необходимость создания организации, которая сплотила бы мусульман и выражала бы их интересы.

Вернемся, однако, к собранию, которое состоялось 14 марта. Во время обсуждения будущих реформ прозвучало такое предложение: «Почему у русских рабочих и солдат есть свои Советы (Шурои), а у нас — мусульман, никакого Совета нет? Давайте и мы на сегодняшнем собрании назовем нашу организацию «Мусульманлар Шуроси» («Совет мусульман»), или еще красивее «Шуро-и-Исла-

мия». Так местное население Ташкента создало свою национальную организацию, которой выразило полное доверие.

15 марта состоялось первое собрание организации (или правления), на котором были выбраны постоянный председатель, секретарь, казначей и их заместители. Председателем стал Абдулвахид кори сын Абдурауфа, заместителем Мунаввар кори сын Абдурашидхана, секретарем Каттаходжа сын Бобоходжи, казначеем Мулла Ризо Охунд сын Юлдашходжи, заместителем Абдусами кори сын Хидоятбая.

6 апреля в связи с избранием Абдулвахида кори казием Шейхантаурской части Ташкента, председателем «Шуро-и-Исламия» был выбран Убайдуллоходжа сын Асадуллыходжи.

Основные цели и задачи организации «Шуро-и-Исламия» нашли воплощение в следующих пунктах «Временного закона»: распространение среди мусульман Туркестана политических, научных и социальных идей, соответствующих периоду реформ; осуществление мер и действий по сплочению мусульман всего Туркестана на основе единой позиции («маслак»); сбор сведений об учреждениях мусульман («усул идоралари» и представление их Учредительному собранию; организация митингов в городах, кишлаках и аулах Туркестана; призыв к смещению старых администраторов и выдвижение на их место новых; проведение мер, направленных к устранению недоверия и противоречий между различными национальностями Туркестана, их сближение и объединение³.

В начале апреля и в других городах края возникли организации «Шуро-и-Исламия». Их основная цель заключалась в создании Туркестанской автономной Республики в составе создававшейся Российской федеративно-демократической республики.

«Шуро-и-Исламия» знакомила население со своими общественно-политическими взглядами и решениями через такие издания, как «Нажот», «Шуро-и-ислом», «Кенгаш», «Хуррият», «Эл бийроги», «Равнакул ислом».

Анализ истории возникновения «Шуро-и-Исламия» и ее программных целей позволяет нам, в отличие от бытовавшей ранее в историографии концепции, считать, что это была политическая организация прогрессивного направления, объединившая в своих рядах небольшую передовую часть интеллигенции, стремившуюся пробудить к

активной политической деятельности среднеазиатское общество.

К организации «Шуро-и-Исламия» первоначально пыталась примкнуть и часть духовенства, которая, исходя из идеи общемусульманского единства, в начале апреля 1917 г. присоединилась к «Шуро-и-Исламия» и приняла участие в мероприятиях, организуемых ею. Однако логика развития революции привела к тому, что летом этого же года обострились отношения между джадидами — сторонниками реформ и «кадимлар» — сторонниками старого уклада мусульманской жизни. В результате последние создали общество «Уламо», поставив своей целью законсервировать феодальный строй в Туркестане и осуществлять управление на предписаниях шариата.

Организация «Шуро-и-Исламия» играла большую роль в общественно-политической жизни Туркестана. Ее представители участвовали в Общероссийском курултае мусульман, проходившем в Москве и Казани, они были введены в состав городских дум Туркестана, активно участвовали в подготовке проекта закона об управлении краем для утверждения его в Учредительном собрании.

Таким образом, «Шуро-и-Исламия» боролась за независимость Туркестана в рамках усилившегося после Февральской революции 1917 г. в России общедемократического движения.

1. История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974. С. 261.

2. Нажот, 1917, 23 марта.

3. См.: Нажот, 1917, 23 апреля.

ДЖАДИДИЗМ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

Джадидизм («джадид» в переводе с арабского языка означает «новый») как движение зародился на рубеже XIX в. на территории Российской империи и особенно в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате, а затем распространился среди других тюркских народов.

Джадидизм представляет собой сложное общественное движение, в котором тесно переплелись различные тенденции. При анализе его социальной сущности и значения, как и любого общественного явления, необходимо исходить из того, интересам каких классов оно служит и во имя установления каких порядков действует.

История джадидизма имеет большую литературу, которую можно условно разделить на несколько составных частей: дооктябрьский период представлен трудами лидеров джадидов; советский период — когда были сделаны попытки пересмотреть оценку джадидизма и признать это движение как буржуазно-националистическое течение; современные труды и публикации.

Необходимо особо выделить работы самих джадидов — Исмаила Гаспринского, Махмудходжи Бекбуди, Муннавара Кары Абдурашидханова, Абдуллы Авлони, Садриддина Айни, Абдурауфа Фитрита, Файзуллы Ходжаева. По своему содержанию работы названных авторов разнохарактерны. Однако в информационном плане каждая из них является ценнейшим источником для изучения проблемы. При этом нужно особо отметить, что на содержание уже первых публикаций влияла политическая атмосфера того времени.

В работах И.Гаспринского, редактора журнала «Тарджуман», — «Русское мусульманство» (мысли, заметки и наблюдения), «Россия и Восток» и публикациях в других журналах — прослеживаются три проблемы: модернизация мусульманской общины через реформы, просвещение; духовное и политическое единение мусульманских тюрок Российской империи; формы взаимодействия русских мусульман с Западом. Решение первой проблемы он, в част-

ности, видел в модернизации ислама через реформу просвещения, опираясь на «новый метод» (усул-и-джадид). Этот метод основывался на фонетическом принципе чтения, а также на введении в обучение светских предметов.

М.Бекбуди, редактора журнала «Ойна» («Зеркало»), называют «отцом среднеазиатских джадидов». Свои статьи и публикации он посвящал анализу развития политических сил России, необходимости изучения мусульманами русского языка. Именно просвещением и благотворными реформами можно изменить жизнь к лучшему, считал автор. Бекбуди был близок к идеям программы кадетов. Будучи в Петербурге, он ознакомился с основными ее положениями, выделяя при этом следующие моменты: Россия должна развиваться без политических потрясений по пути мирных парламентских реформ; введение местного самоуправления; осуществление судебной реформы; отмена смертной казни.

Джадиды не были сторонниками революционного переворота. Об этом, в частности, говорил А.Авлани: «Революция 1905 г., начавшаяся в России, оказала сильное влияние и на нас. Она помогла осознать политические задачи времени и побудила в первую очередь приняться за просвещение темного народа, чтобы раскрыть ему глаза на правду. Об этом же писал поэт и прозаик Хакимзаде Хамза: «Отдавайте своих сыновей учиться по-русски! Всякое богатство и прогресс есть следствие наук и просвещения». Произведения Хамзы были пронизаны антиклерикальным духом, верой в светлое будущее.

Большой популярностью пользовались сочинения А.Фитрата — одного из крупнейших идеологов дореволюционного бухарского джадидизма. Среди работ Фитрата особенно выделялись «Муназара» («Спор»), «Рассказы индийского путешественника». Основными идеями его книг являлись: изменение методов обучения, единство мусульман. В книге «Путеводитель освобождения» автор различает четыре вида главных потребностей общественного развития: знания, торговля, земледелие и религиозные объединения. Фитрат хотя и затрагивал земельный вопрос, но не формулировал выводов о необходимости его революционного решения.

Значительный вклад в историю джадидизма внес Файзулла Ходжаев, одна из самых ярких личностей джадидистского движения, позже возглавивший партию младобу-

харцев и правительство Узбекистана. В своих трудах — «История революции в Бухаре» (1932), «Очерки революционного движения в Средней Азии» (1926) — автор сформулировал основные требования джадидов: борьба с религиозным фанатизмом путем распространения светской идеологии и литературы, буржуазно-демократическое переустройство общества, европейский путь развития народов Средней Азии.

В 20-30-е годы движение джадидов было объявлено буржуазно-националистическим, а причастные к нему люди и их творчество подверглись гонениям. Многие последователи Бекбуди стали жертвами репрессий, сам он был объявлен «националистом номер один».

В 50-60-е гг. проблемы джадидизма привлекали внимание ряда историков, философов и литературоведов. Они пытались по-новому осмыслить историю джадидизма. Это сказалось в обобщающих изданиях по истории Туркестана и Узбекистана, а также в отдельных работах по межнациональным отношениям, истории культуры и образования. Это труды И.М.Муминова («Из истории развития общественно-политической мысли в Узбекистане»), Т.Х.Кары-Ниязова («Очерки истории культуры Советского Узбекистана»), Х.Вахидова («Просветительская идеология в Туркестане»), Х.Т.Турсунова («Национальная политика коммунистической партии в Туркестане»), М.Вахабова («Узбекская социалистическая нация») Э.Юсупова («К социализму, минуя капитализм») Г.Хидоятова («Родная история») и другие. В них показаны история формирования, истоки и деятельность джадидизма. Прогрессивность джадидов и их роль в развитии образования и культуры приуменьшались, а подчас и вообще замалчивались. Оценка джадидизма в целом оставалась, по сути, неизменной. Резкой критике подвергались основные идеи джадидов, которые квалифицировались как националистические и антинародные. «Джадидизм как националистическая идеология местной буржуазии был оторван от народных масс и стал союзником царизма и русской буржуазии», — такую оценку, например, давал им М.Вахабов. Джадидизм обвинялся в двух «грехах»: во-первых, в национализме, панисламизме и пантюркизме, а, во-вторых, в неприятии джадидами Октябрьской революции.

Джадидизм объединялся с панисламизмом. И то, и другое течения сложились среди народов, испытывавших национальное угнетение и исповедовавших ислам. В частности, джадидизм, как и панисламизм, нес в себе протест

против национального угнетения и стремление к преодолению вековой отсталости. Джадидизм возник хотя и одновременно с панисламизмом, но самостоятельно, на российской почве, и содержание требований его представителей сформировалось в соответствии с конкретными потребностями мусульманских народов России. Нельзя приписывать джадидизму ни призыва к единению исключительно на основе ислама и под властью халифа, как духовного главы мусульман, ни проповеди авторитета последнего, ни одностороннего возвеличивания роли мусульманской религии в общественном развитии. Его представители путь к прогрессу видели в распространении научных знаний и передовой культуры и в соответствии с этим убеждением определяли задачи движения.

Проблема джадидизма привлекала внимание и зарубежных исследователей: Эдварда Алворта («Скрытые рассказы о джадидах»), Э.Карпер де Анкос («Social and Political Reforms»), Ричарда Пирса («Russian Central Asia») и других.

Качественным образом историографическая ситуация начала меняться в последние 5-6 лет. Свидетельством этого служит весьма широкий спектр публикаций 80-90-х годов. Многие годы исследователи, ограниченные в доступе к архивным документам, «совершенствовались» в своих трудах в историческом комментировании политики и идеологии коммунистической партии. Вместо одномерного, предельно политизированного взгляда на историю джадидизма в последние годы формируются новые исследовательские подходы и оценки, позволяющие судить о его прогрессивной роли в истории народов Средней Азии. Они отражены в работах Б.Касимова («Где могила Бекбуди»), Б.Эргашева («Из истории становления и развития общественно-политических идей джадидизма. Идеология младобухарцев»), У.Далимова («Абдулла Авлони и школа»), С.Холбасева («Воспоминания Мунавара кары Абдурашидханова»). В отличие от своих предшественников, некоторые авторы впали в другую крайность — акцентируя внимание только на положительных чертах деятельности джадидов, часто идеализируя их. В последнее время в периодической печати появляются статьи, которые освещают некоторые моменты жизни и деятельности, политические и философские взгляды отдельных лидеров джадидов. Много пишется о жизни М.Бекбуди, Ф.Ходжаева.

Но вернемся к самому джадидизму. Предтечами этого движения были А.Курсави и мулла-историк Ш.Марджани. Первый возглавил религиозно-реформаторское движение против засилия исламской схоластики, второй доказывал, что ислам не противоречит европейской науке, реформе школ и т.д. Одним из ярких представителей прогрессивной идеологии конца XIX в. явился Ахмад Даниш (1827-1897), знаменитый публицист и мыслитель. Причины отсталости своей родины он видел в несправедливой политике эмира. Он составил проект реформ в Бухарском ханстве, в котором содержалась идея об установлении справедливого государственного строя, расширении и усовершенствовании ирригации и изучении использовании полезных ископаемых. Основой изменений Даниш считал просвещение.

Революция 1905-1907 гг. оказала огромное влияние на общественное движение отсталых народов России, способствуя возникновению революционных, национальных и националистических партий, движений и групп. Постепенно из свободомыслящих и прогрессивно настроенных людей в Бухаре, Ташкенте, Фергане и Самарканде начинает формироваться джадистская организация. В начале велась пропаганда реформы существующих школ, светской системы образования.

В Туркестане с его более высоким, в сравнении с Бухарой, хозяйственным укладом, наличием здесь кадров русских рабочих и отдельных политических партий, обстановка для развития прогрессивных идей была благоприятнее, чем в деспотическом средневековом эмирате. Возможность открытой работы толкнула туркестанских джадидов на легальный путь развития, а бухарские джадида организовали тайное общество.

Так джадидизм в Туркестане и Бухаре получил различное организационное оформление. Хотя джадида проповедовали одни и те же идеи, но у них не было единства цели и средств их осуществления. Несмотря на это, бухарскому джадидизму в истории была отведена большая роль, чем туркестанскому. И это понятно: самые прогрессивные элементы вышли из ее среды. Это — Ф.Ходжаев, Фитрат, Чулпан, С.Айни и другие. Впоследствии они стали у истоков младобухарской организации.

Каковы же были цели и состав джадидов? Джадидизм был относительно широким общественным движением. В отличие от других («Мусават», «Мусульман иттифаки»), он не представлял собою политическую партию, а был ор-

ганизационно неоформленным и в социальном отношении довольно разношерстным общественным движением.

В своей основе это движение являлось национальным, преследовавшим цели приобщения к светским знаниям и просвещению. Джадиды выступали с критикой отсталости и закоснелости, отстаивали идею прогресса и обновления общественной жизни. Основными требованиями и задачами джадидов были: борьба за реформы учебных заведений, введение светских наук. По сути они оставались на позициях ислама, но в то же время настаивали на модернизации некоторых обрядов шариата, внедрении в жизнь обычаев и порядков, присущих другим, более цивилизованным народам.

Выразителем идей явилась молодая прогрессивная интеллигенция. Большинство джадидов принадлежало к материально средне- и слабо обеспеченной интеллигенции или мелкой буржуазии. Это были студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники. Но среди них были и отдельные крупные купцы, которые поддерживали движение материально. В основном же джадидская организация формировалась из городской мелкой буржуазии. Рабочих, кустарей и дехкан в организации почти не было.

Объективно в выступлениях джадидов содержалась идея реформы старых феодальных порядков, ликвидации их наиболее уродливых и отрицательных черт, адаптации Средней Азии к капиталистическому пути развития. В то же время джадиды не осуждали эксплуататорские порядки. Перед лицом назревающей революции джадиды пытались взять под свой контроль движения масс и повести их по пути модернизации. Несмотря на то, что тактика джадидов сводилась в значительной степени к культурничеству, они часто наталкивались на преследования со стороны правительства, реакционной части буржуазии и духовенства, которые настраивали широкие массы населения против джадидизма. Эти столкновения привели к расколу общества на джадидистов и кадымистов (от арабского слова «кадым» — «старый», «древний»), т.е. на прогрессистов и реакционеров. Во главе сторонников джадидизма стоял мулла Икрам, кадымистов же возглавлял мулла Абдуразак.

Сторонники кадымизма стояли на позициях защиты отсталых традиций по принципу «все старое — свято», обучение светским наукам и русской грамоте считали от-

ступлением от канонов ислама. В отличие от кадымистов, джадидисты выступали с требованием общественных перемен и духовного обновления. Эта борьба привела к поражению еще не окрепшего джадидизма. Имя «джадид» стало синонимом безверия, приравненного к преступлению. Джадиды оказались в положении бесправных людей.

Главным поприщем своей деятельности джадиды избрали народный театр. Театральные подмостки стали центральным рупором джадидов-модернистов. Здесь получили известность М.Бекбуди, А.Фитрат, А.Авлони, Хамза, А.Кадыри, Чулпан. При всем художественном несовершенстве их пьес, они имели острую социальную направленность, высмеивая безнравственность и корыстолюбие мулл, падких на деньги чиновников, готовых ради наживы на любые преступления против шариата. Подвергались критике архаические свадебные церемонии, устаревшие обряды и обычаи, бытовавшие предрассудки. Эта критика расшатывала устои мусульманского мира, подрывала влияние духовенства, бичевала вопиющие пороки, но не выходила за рамки реформистских иллюзий.

Джадиды использовали и печатную пропаганду своих идей. Издавались газеты и журналы: «Таракки» («Прогресс», 1905), «Хуршид» («Солнце», 1906), «Шухрат» («Слава», 1907), «Самарканд» (1913), «Садои Туркестан» («Голос Туркестана», 1914), «Садои Фаргона» («Голос Ферганы», 1914), «Ойна» («Зеркало», 1913) и др.

Преследования властей, сильнейшие религиозные предрассудки, феодально-патриархальный уклад семейной жизни, заботы о личном благосостоянии у самих джадидов ослабляли и разлагали движение изнутри. Этот период длился несколько лет и завершился в 1914-1915 гг. кризисом. К этому моменту вернулась домой посланная на учебу за рубеж молодежь, потрясенная и воодушевленная турецкими впечатлениями. Обновленные, окрыленные воспринятыми в Стамбуле воззрениями и идеями, они не были уже согласны со своими прежними учителями — старыми деятелями джадидизма — ни в смысле целей и методов работы, ни в смысле борьбы. Они выдвинули новую программу: борьба за снижение налогов, ограничение чиновного произвола, участие джадидов в государственных делах; они требовали перехода от просветительства к политической борьбе. По словам Ходжаева, это было «первое расслоение... рядов на джадидов старого

толка и левое крыло, состоящее в основном из молодежи». Во главе джадидов старого толка встал Абдувахид Бурханов, во главе левых — Фитрат. Венцом всех джадидистских требований, сего программой-максимум в последние пред-революционные годы было введение в Бухаре конституции по младотурецкому образцу.

Значительные изменения претерпело движение еще до революции 1917 г., но только после Октября произошел сначала раскол по поводу методов борьбы и политических требований, а затем и образование новых течений — младобухарцев и младохивинцев.

Подводя общий итог, можно сказать: джадидизм нельзя вычеркнуть из истории Средней Азии. В то же время недопустимо на джадидов навешивать ярлыки реакционеров, националистов. Как уже отмечалось, из их среды вышли и младобухарцы, и младохивинцы, левое крыло которых впоследствии вступило в коммунистическую партию. Нельзя обходить молчанием объективную положительную роль джадидизма в развитии культуры, их критику религиозного фанатизма, кадымизма и тьмы, борьбу за внедрение новых методов обучения, значительный вклад в развитие современного узбекского языка и литературы.

Однако было бы неверно представлять джадидизм только как просветительско-культурное движение. Оно по сути было одновременно и политическим, подготовившим среднеазиатские народы к преобразованию феодально-патриархальных отношений, переходу на более высокий уровень развития.

Судьба джадидов трагична: некоторые из них были уничтожены эмиром бухарским (Бекбуди), другие убиты уже в советское время муллами-фанатиками (Хамза), многие погибли в период 20-30 годов, пав жертвой необоснованных обвинений в антисоветской деятельности (Фитрат, Авлони, Чулпан, Ходжаев).

Задача обществоведов состоит в том, чтобы на основе новых источников показать истинную роль джадидистского движения в истории народов Средней Азии.

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ПАРТИЯ МУСУЛЬМАН

О мусульманских политических партиях сведения, как правило, отрывочны и неточны. Даже самая крупная из них — Всероссийская мусульманская партия — известна в литературе под различными названиями: «Союз мусульман», «Мусульманский союз», «Иттифак-аль-муслимин», «Иттифак» и др. Партия была создана в ходе первой русской революции. Кого она представляла?

Согласно официальной статистике, к 1905 г. мусульман в России было 15,4 млн. человек (почти 11% от численности населения империи), в том числе в Европейской ее части — 5 млн., на Кавказе — 2 млн., в Средней Азии — 8 млн.¹ Однако по другим оценкам, количество мусульман определялось от 20 до 40 млн. человек (ректор Казанской духовной академии считал, что в 1910 г. в России было 30 млн. мусульман². По официальным данным, к 1917 г. общая численность мусульман не могла превышать 20 млн. человек³. Причина существенных расхождений с официальной статистикой объяснялась тем, что данные переписи 1897 г., на основе которых производилась экстраполяция, многим — и не без оснований — представлялись заниженными (сельское население, как известно, всегда старалось уклониться от переписей).

Способность российских мусульман к созданию своей политической организации удивила многих. У Ленина, в частности, встречаем такую оценку: «...мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали... мусульманский союз»⁴. Одной из главных причин консолидационного динамизма было то, что мусульманская элита в рамках джадидского (от арабского «новое») движения уже была идейно объединена. По свидетельству С.В.Чичериной, исследовавшей жизнь поволжских мусульман, мусульманский мир был не только организован, но и по-своему просвещен, более того, «мусульмане по образованию стоят выше русских»⁵. Джадидизм (обновленчество) обеспечил базу для политического объединения среди российских мусульман.

В конце 1904 г.—начале 1905 г. начался политический этап реформаторского движения мусульман. На него несомненно повлиял указ от 12 декабря 1904 г., предусматривавший будущий пересмотр узаконения о лицах, «принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям», для устранения в их религиозном быте «всякого, прямо в законе не установленного, стеснения». С другой стороны, настороженность мусульманских реформаторов вызвало появление в Баку в октябре 1904 г. Мусульманской социал-демократической организации «Гуммет» («Энергия»). Поэтому зимой—весной 1905г. мусульманские либералы-обновленцы, вслед за русскими, развернули широкую петиционную кампанию. В принимаемых обращениях речь шла о нуждах, связанных с религией и образованием. Одновременно в различных городах страны проходили совещания мусульманской элиты — также довольно представительные.

Многие джадидские идеологи (И.Гаспринский, Г.Баруди и другие) стали политическими лидерами мусульман. Почти все они считали, что несмотря на этнические различия, русское мусульманство представляло собой единую нацию (миллят), имеющую общую историческую, культурную и религиозную традиции. Царское правительство, со своей стороны, фактически признавало такое единство, о чем свидетельствует применение термина «мусульманин» для обозначения разных народов.

Процесс трансформации мусульманского союза в политическую партию прошел несколько этапов. Вначале «Мусульманский союз» оставался «союзом народностей, союзом народных организаций»⁶. По другому свидетельству, в «мусульманском союзе» главную роль играли казанские татары, к нему примыкали также крымские татары, башкиры, казахи, туркмены, таджики, узбеки, азербайджанцы и другие народы⁷. Очевидец событий Г.Ибрагимов писал, что «организация партии, ставящей себе целью защиту религиозных национальных нужд всего мусульманского мира, было делом рук татарской буржуазии». По его мнению, партия была татарским филиалом кадетской партии, поскольку во время выборов входила с ней в блок, в Думе голосовала с кадетами, а ее представители участвовали в кадетских съездах, избирались в кадетский ЦК. Эта точка зрения, безусловно, тенденциозна. Первоначально стремились блокироваться с русскими либералами едва ли не все умеренные национальные партии. Процесс создания пар-

тии представлялся Г.Ибрагимову следующим образом: Р.Ибрагимов, один из мусульманских лидеров, получив от П.Д.Святополк-Мирского «большие, но не определенные обещания», поехал по стране, встречаясь с татарскими помещиками, промышленниками, купцами, мусульманскими священнослужителями и интеллектуалами. После этого состоялось собрание мусульманской элиты (около 70 человек) в Казани, где было решено направить властям петицию и взяться за подготовку Всероссийского съезда мусульман. В конце марта 1905 г. мусульманские представители из Казани, Пензы, Симбирска, Тамбова, Крыма, Кавказа передали петицию С.Ю.Витте. Последний, хотя и принял их, по словам Г.Ибрагимова, «весьма любезно», дал «неопределенные, расплывчатые обещания». Поэтому некоторые делегаты намеревались даже просить аудиенцию у царя. Тогда же было принято решение о проведении съезда в Нижнем Новгороде во время ярмарки. Но, поскольку губернатор отказал, было решено провести съезд на пароходе во время прогулки по Оке. Мусульманские социалисты явились на пароход без приглашения.

Председателем съезда, состоявшегося 15 августа 1905 г., был избран наиболее авторитетный мусульманский деятель, издатель крымской газеты «Терджиман» («Переводчик») И.Гаспринский. Здесь и было решено основать партию «Иттифак-аль-муслимин» («Союз мусульман») для объединения всех мусульман империи. В резолюции съезда говорилось:

1. Необходимо и своевременно сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных, политических запросов и задач современной русской жизни.

2. В достижении и осуществлении этих задач прогрессивная часть мусульман, разделяя идеалы передового русского общества, действует в смысле установления в стране правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством.

3. Сознывая, что достижение указанных целей возможно при пользовании мусульманами одинаково равными с русским населением правами, прогрессивная часть мусульман всеми законными средствами действует в смысле отмены всех изъятий и ограничений, которые установлены в отношении мусульман действующими узаконениями, правительственными распоряжениями и административной практикой, и полного уравнивания мусульман с населе-

нием русского государства во всех правах: политических, гражданских и религиозных»⁸.

В трактовке советского историка Р.М.Раимова, иттифак-ковцы являлись поволжско-татарскими кадетствующими буржуа. Сам Иттифак, по его мнению, являлся секцией кадетской партии, несмотря на членство татарских и башкирских эсеров, состоявших одновременно членами российской эсеровской партии⁹. Между тем национальный и социальный состав Иттифака был разнороден. Во главе его стояли наиболее видные представители мусульманской элиты: сибирский татарин публицист Р.Ибрагимов, бакинский юрист и журналист А.-М.Топчибашев, казанский журналист Ю.Акчурина, крымский татарин публицист И.Гаспринский, казанский юрист и литератор С.Максудов. Среди членов инициативной группы по организации мусульманского съезда наиболее влиятельными были петербургские мусульмане Р.Ибрагимов, купец М.Максютин и мулла Л.Исхаков. Несмотря на насмешки со стороны мусульманских консерваторов, эти активисты после съезда продолжили свою деятельность¹⁰. По некоторым сведениям, съезд постановил образовать ЦК с пребыванием в Баку и подчинить ему отдельные городские комитеты, но, фактически, последние не существовали нигде, за исключением Казани¹¹.

Отношение к образованию общероссийской партии среди мусульманской элиты было неоднозначным. Один из левых мусульманских политиков А.Цаликов отмечал обилие «племенных и окраинных сепаратистов», — своего рода честолюбивых «Робеспьеров Чебоксар и Тетюшей»¹². Среди казахской интеллигенции, по свидетельству одного из ее лидеров А.Букейханова, существовали западники и тюркофилы. Первые уже в конце 1905 г. на съезде в Уральске пытались создать казахскую конституционно-демократическую партию. Но, похоже, что такими заявлениями Букейханов лишь пытался упрочить свой авторитет. Впрочем, в январе 1906 г. он был арестован как руководитель казахского прозападнического движения¹³. Но в целом мусульманские лидеры вовсе не мечтали о репутации жертв режима. Не случайно популярной была идея о получении для Иттифака статуса официального представителя мусульман.

В ходе подготовки следующего съезда организаторы пригласили кадетских лидеров П.Н.Милюкова, Ф.И.Родичева, П.Б.Струве и некоторых представителей консервативных партий на свое собрание 9 декабря 1905 г. в Пе-

тербурге. Началось сближение мусульманских лидеров и российских либералов. Представители мусульман участвовали в работе II кадетского съезда в Петербурге в начале января 1906 г. Казанскую делегацию возглавлял Ю. Акчурин. А.В.Тыркова-Вильямс так описала появление мусульманских представителей: «Некоторые из них были в ярких халатах, в расшитых золотом тюбетейках... Их разыскал и привел Шаховской (член кадетского ЦК. — С.И.)... Лидером татар был молодой Юсуф Акчурин, сын богатого казанского купца»¹⁴. 10 января на одном из заседаний съезда мусульмане выступили с заявлением, в котором отмечалось, что «хотя распространение идей к.-д. партии среди мусульман поставлено не особенно удовлетворительно», основные моменты кадетской программы могут иметь успех среди них и Иттифак присоединился бы к конституционно-демократической партии, если бы ее программа была дополнена. Кадетский съезд единогласно признал, что дополнения мусульман (об автономии мусульманского духовенства, уважении национальных обычаев и т.п.) соответствуют духу кадетской программы, почти все их предложения были приняты¹⁵.

Петербургская пресса не оставила без внимания предстоящий съезд мусульман. В «Новом Времени» появилась статья, в которой говорилось о «стремлении магометан отделиться от России». Градоначальник запретил съезд. Тогда мусульманские представители обратились к министру внутренних дел П.Н.Дурново, который принял их лишь через несколько дней, 20 января, и обещал разрешить съезд, при условии, что его заседания будут закрытыми¹⁶.

К назначенному сроку в Петербург приехало около 100 делегатов (от Крыма — 13, Казанской губернии — 9, Оренбургской губернии — 12, Кавказа — 4, Уфимской губернии — 5, Москвы — 4 и по 2—3 делегата от Астраханской, Симбирской губерний, Самары, Сыр-Дарьинской, Самаркандской областей, Семипалатинска, Иркутска, Архангельска, Перми, Коканда). Заседания, объявленные частными, продолжались до 23 января, и на них были обсуждены все намеченные вопросы (до 81). В политической части решено было придерживаться своей собственной платформы и не примыкать ни к одной из существующих партий. В Думе решено было держаться самостоятельно. Была выработана повестка следующего съезда летом в Нижнем Новгороде¹⁷. Партии было присвоено на-

звание «Русия мээселманнары иттифакаы» («Союз российских мусульман»)¹⁸.

В прессе, между тем, ходили слухи, что поскольку съезд официально не был разрешен, часть делегатов покинула его. Оставшиеся делегаты, по мнению очевидца, политически располагались между октябристами и кадетами. После съезда стали возникать мусульманские газеты, определялись и те течения, которые до того существовали скрыто. Отмечалось, что на съезде в первый раз совместно обсуждали общие нужды дотоле непримиримые мусульмане-шииты и мусульмане-сунниты¹⁹. Действительно, избранный председателем суннит Гаспринский после нескольких заседаний передал свои обязанности шииту Топчибашеву.

В первом пункте принятого устава Иттифака (всего было 23 пункта) отмечалось, что все губернии, населенные мусульманами, подразделяются на 16 районов: Кавказский (Баку), Крымский (Симферополь), Петербургский и Московский (Петербург), Литовский (Минск), Нижне-Волжский (Астрахань), Верхне-Волжский (Казань), Оренбургский (Оренбург), Уфимский (Уфа), Туркестанский (Ташкент), Сибирский (Иркутск), Степной (Уральск), Омский (Омск), Семипалатинский (Семипалатинск), Семиреченский (Верный), Акмолинский (Петропавловск), Закаспийский (Асхабад). В каждом из них предусматривалось создать меджлис (собрание)²⁰. Выдвигалась в сущности идея культурно-национальной автономии.

По вопросу о создании партии возникли принципиальные расхождения. Некоторые молодые политики доказывали, что все мусульмане не могут войти в состав одной партии. Дискуссионным стал также вопрос о том, какую русскую политическую партию поддерживать мусульманам там, где они составляли меньшинство. Против сотрудничества с кадетами особенно резко возражал 55-летний Гаспринский (а вслед за ним представители Кавказа и Крыма), который предпочитал октябристов и считал, что съезду следует ограничиться рассмотрением вопросов культуры и религии. Большинство делегатов решило на выборах в Думу блокироваться с кадетами, поскольку именно они, как убеждал Ю.Акчурин, более чем другие партии готовы были действовать в интересах мусульман²¹. На 2-м съезде, помимо устава, по некоторым све-

дениям была принята и программа Иттифака. Она, однако, до сих пор неизвестна.

После этого съезда мусульмане пытались официально зарегистрировать Иттифак. Тенденция к легализации своей деятельности была обычной для мусульманских лидеров. Роль низовых организаций фактически взяли на себя благотворительные общества, которые, существуя легально, принимали деятельное участие в выборах в Думу²². Другие объединения мусульман (культурно-экономические, распространения грамотности, взаимопомощи, просветительные и другие) создавались не только в городах, но и в крупных селах.

Так, к середине 1906 г. в Башкирии повсеместно стали возникать культурные общества, которые организационно входили в Иттифак. Ими обычно руководили муллы, дворяне, старшины, старосты, представители местной интеллигенции. Некоторые из этих обществ, помимо программы Иттифака, выдвигали особые требования (в частности, прекращения захватов башкирских земель)²³. Такие общества не имели формального членства и фактически представляли все мусульманское население соответствующего района²⁴. По сути дела, шел динамичный процесс создания стройной организации со своим особым низовым и центральным аппаратом. Союзу постепенно придавалась форма политической организации, что было отмечено и полицией²⁵.

Неудивительно, что Иттифак легко дирижировал политическим поведением значительной части мусульман. В воспоминаниях члена ЦК кадетской партии кн. В.А. Оболенского, избравшегося в I Думу в Алуште, отмечается, что поскольку казанский комитет «Союза мусульман» распорядился голосовать за него, пришли буквально все домохозяева из всех деревень, причисленных к Алуштинскому району. Причем жители дальних деревень вышли из дому еще накануне и шли пешком целую ночь. Он вспоминал, что уже после его избрания, к нему подошел пожилой крымский татарин и «похлопывая... по плечу, таинственно сказал... на ухо: «Знаем, знаем, наша партия...»²⁶. Случилось неожиданное: за наиболее европеизированную партию особенно активно голосовали мусульмане. В результате использования такой тактики, мусульмане, оказав помощь кадетам, сами смогли избрать в Думу 40 своих представителей.

Современники считали, что фракция мусульман в Думе представляет собой особую партию²⁷. Сначала попытку создания фракции предпринял казанский депутат С.-Г.Алкин, затем Топчибашев, которому и удалось это сделать²⁸. Однако, за время своего существования эта фракция, по имеющемуся свидетельству, успела только «нарисовать план будущей работы»²⁹. После роспуска I Думы у мусульманских активистов возникла необходимость скорректировать свои задачи. Для этого и был созван 3-й Всеобщий мусульманский съезд, состоявшийся 16-21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде.

На сей раз организаторы получили от властей разрешение на проведение съезда с условием, что политические вопросы на нем рассматриваться не будут. На съезд приехали около 800 человек. Фактически, главный политический вопрос — о программе Иттифака был все же поставлен под предлогом борьбы с реакционными силами, мешающими проведению в жизнь свобод, возвещенных Манифестом 17 октября³⁰.

Вопрос о создании партии вновь вызвал споры. Группа казанских молодых социалистов (Г.Исхаки, Ф.Туктаров и другие) считала, что нелегко объединить мусульманских богачей с рабочими и крестьянами, единство мусульман возможно лишь в религиозной и культурной сферах. Им горячо возражал Ю.Акчурин, доказывавший, что необходимо, подобно национальным партиям поляков и чехов Австро-Венгрии, создать партию, основанную на национальных принципах, а не на принципе «классовых раздоров». В России еще не видели союзов, «основанных на принципах национальности и происхождения». Тем более это надо сделать для того, чтобы показать силу мусульман русским партиям и правительству³¹. Гаспринский также противился идее образования мусульманской партии в России, поскольку, по его мнению, русские мусульмане не имеют на это права, не посоветовавшись с зарубежными единоверцами. Подавляющее большинство участников съезда оказалось на стороне думской фракции во главе с Топчибашевым. Партия была окончательно образована³².

В избранном вновь ЦК партии из 15 человек было 11 татар: из Петербурга Р.Ибрагимов и богослов М.Бигиев, из Казанской губернии Акчурин, С.-Г.Алкин (дворянин, юрист, депутат Думы), А.Апанасев (мулла, преподаватель

медресе), Г.Баруди (мулла, богослов, преподаватель медресе), братья С.Максудов (юрист) и Х.Максудов (редактор-издатель казанской газеты, педагог), А.Буби (преподаватель медресе), из Крыма дворяне Гаспринский и М.Давидович (бахчисарайский городской голова); башкир Ш.Сыртланов (дворянин, земский деятель, депутат Думы) из Уфимской губернии; азербайджанец Топчибашев (депутат Думы) из Баку; казахи Джантюрин (дворянин, земский деятель, депутат Думы) из Уфимской губернии и Ш.Кошегулов. Название партии было вновь изменено — «Бютен Русия мөселманнары иттифагы» («Всероссийский союз мусульман»). Показательно, что председателем съезда был выбран шиит Топчибашев, несмотря на то, что шиитские делегаты были в меньшинстве.

В первом разделе постановления съезда говорилось, что он выступает за скорейший созыв Государственной думы и фактическое осуществление свобод, дарованных Манифестом 17 октября 1905 г. Второй раздел содержал 33 предложения по преобразованию системы мусульманского образования. В третьем разделе приводилось 13 предложений реорганизации управления духовными делами мусульман. В четвертом разделе сообщалось, что съезд признал необходимым организовать общемусульманскую партию с ЦК в Петербурге, избрал особую комиссию для обсуждения программы, выработанной и одобренной на втором съезде. В связи с тем, что на нынешнем съезде детальное обсуждение программы, состоящей из 75 пунктов, не представлялось возможным, комиссия предложила принять ее как руководящие начала для учреждаемого в Петербурге ЦК с постоянным бюро. Этому ЦК предписывалось к следующему съезду доложить о всех изменениях в программе, которые окажутся необходимыми. Кроме того, ЦК поручалось ходатайствовать о легализации партии. В последнем, седьмом, разделе было записано, что 4-й Всероссийский мусульманский съезд соберется вновь в Нижнем Новгороде 10 августа 1907 г.³³

В первом параграфе принятой на съезде «Программы Мусульманской партии» декларировалось, что «партия ставит себе задачей объединить в одной общей практической деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленных по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ, как отеческих настоящей программой, так и тех, кои могут быть вызваны и указаны самой жизнью». В отличие от программ русских

партий, программа мусульман была намеренно прагматичной. Не случайно, вскоре после съезда мусульманская думская фракция внесла в нес ряд важных изменений.

Второй параграф программы гласил: «Стремясь к обновлению всего строя гражданской и политической жизни на началах свободы, правды и человечности, партия находит эту главную цель достижимой при наделении всех русских граждан, в том числе и граждан-мусульман, правами человека и гражданина, и при переустройстве формы правления Российской империи на принципе государства конституционного». Согласно третьему параграфу, «все российские граждане, без различия пола, вероисповедания, расы и национальности равны перед законом». Последующие положения программы провозглашали свободу слова, печати, союзов, религии. В седьмом параграфе говорилось о сохранении частной собственности, в семнадцатом — о «конституционной парламентской монархии», как оптимальной форме государственного устройства. Можно сказать, что программа в намеренно общей форме выражала все основные тогдашние общедемократические требования, которые поддерживались большинством либералов и социалистов.

Религиозные требования мусульман (28) были сформулированы более обстоятельно: русским гражданам-мусульманам должно было быть предоставлено: «а) право образования религиозных, коллегиальных и единоличных учреждений; б) право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами; в) право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и г) право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами, принадлежащими мечетям, учебным и богоугодным заведениям и мусульманским святыням, которые (вакуфы и имущества) должны быть немедленно возвращены соответствующим мусульманским обществам».

По аграрному вопросу (60) было сказано, что для ликвидации крестьянского малоземелья все удельные, государственные и кабинетские земли отчуждаются, а также за счет государства производится отчуждение в пользу крестьян части частновладельческих земель. По рабочему вопросу в программе обычный для социалистов и даже части либералов пункт о 8-часовом рабочем дне отсутствовал, говорилось лишь о необходимости установить максимальную продолжительность рабочего дня.

В целом, программа отчетливо преследовала только одну цель — создание наиболее подходящих условий для сохранения самобытного образа мусульманской жизни. Все прочие пункты программы вносились скорее для того, чтобы заручиться симпатиями демократической части русского общества. Как правило, этот момент игнорируется исследователями, пытающимися обнаружить в программе доктринально-классовые начала. Так, по мнению Г.Ибрагимова, программа была «составлена для защиты интересов буржуазии, заключившей компромиссный союз с остатками феодализма в лице помещиков»³⁴. Этот автор во время первой русской революции был противником Иттифака, после примкнул к эсерам, а в 20-е годы, когда писал свою книгу, перешел к коммунистам. А.Аршаруни и Х.Габидуллин также считали, что Иттифак оформился как партия мусульманских кадетов, но с более умеренной программой³⁵. Данная оценка марксистских историков перекликается с мнением мусульманского эсера Г.Исхаки, утверждавшего, что партия «Иттифак» была «с программой кадетов, но национальная по духу»³⁶. Эта точка зрения оказалась очень живучей.

Раимов считал, что на 3-м съезде Иттифака закончился процесс создания партии, а во II Думе был окончательно оформлен давно существовавший «тайный» союз с кадетами. Деятельность иттифаковцев во II Думе, отмечал он, свелась к разработке законодательных предложений об удовлетворении культурно-религиозных нужд мусульман. Вместе с тем, автор привел некоторые сведения о внутрифракционной ситуации. Вначале все мусульманские депутаты во II Думе, отмечает он, входили в единую фракцию, за исключением одного социал-демократа с Кавказа. Затем мусульманская фракция раскололась по аграрному вопросу: из нее вышли 6 депутатов (4 татарина, башкир и азербайджанец), которые образовали «Мэселман хезмэт таифэсе» («Мусульманскую трудовую группу»). По мнению Раимова, с наступлением реакции Иттифак самоликвидировался, так как его лидеры не желали давать властям повода думать о их нелояльности³⁷.

В 80-х годах оценки Иттифака в советской историографии не изменились, вкрались, однако, характерные неточности, обусловленные особенностями источниковой базы. Так, высказывалась точка зрения, что «при переводе на русский язык программы Мусульманской конститу-

ционной партии (фактически всего лишь Бакинского филиала кадетской партии) кадеты «забыли» включить в него перечень 15 — 16 мусульманских «культурных центров», которые предполагалось создать в духе теории «культурно-национального самоопределения»³⁸. Авторы пришли к такому выводу, сопоставив два перевода — официальный и тот, который был сделан для чинов полиции. Последний оказался более полным, поскольку содержал в себе не только программу, но и устав. После того, как «Программа Мусульманской партии» (из 75 пунктов) была принята на третьем съезде, не было оснований публиковать вместе с ней устав. Версия о «бакинском филиале кадетской партии» появилась скорее всего в связи с тем, что по решению первого съезда ЦК партии его предполагалось разместить в Баку.

Позднее в отечественной литературе появились и другие, документально ничем не подтвержденные версии. В опубликованной в 1990 г. коллективной работе казанских историков отмечалось, что Иттифак являлся филиалом партии кадетов, но уже летом 1905 г. была создана обособленная партия «Союз мусульман», которая якобы развернула свою деятельность под религиозными и националистическими лозунгами³⁹. Подобные интерпретации деятельности Иттифака также отражают слабое знание фактического материала.

Об Иттифаке писали и западные исследователи. Довольно обстоятельный анализ его партийной программы из 72 пунктов был дан в работе С.А.Зенковского⁴⁰. В работах известных исследователей А.Беннигсена, Ш.Лемерсье-Келькеже и С.Е.Уимбуш высказывалось предположение, что Иттифак был создан на втором съезде, а уже на третьем съезде решено было создать настоящую мусульманскую политическую партию, соответственно преобразовав прежний мусульманский союз. Авторы считали, что в 1908 г. ЦК партии решил самороспуститься; к 1914 г. она больше не существовала⁴¹. В опубликованной в 1986 г. книге А.-А.Рорлих эти сведения повторяются. Автор утверждает, что к избранным на третьем съезде 15 членам ЦК Иттифака позднее добавились еще 5 членов (из Баку, Елизаветполя, Орнбурга, Ервана и Туркестана)⁴².

В середине 90-х годов исламовед Р.Г.Ланда пытался объективно осветить мусульманский вопрос в России. По его представлению получается, что, когда Гаспринский

создал в конце 1905 г. партию Иттифак, в нее вступили и панисламисты, ратовавшие за разрыв с Россией, и джадиды, которым достаточно было автономии в составе России⁴³. На деле, вовсе не один Гаспринский создавал партию. Вопрос об отделении от России в те времена вообще не стоял; панисламистов, принимаемых автором за сепаратистов, не существовало тем более. Было известное стремление российских мусульман к культурному и религиозному взаимодействию с зарубежными единоверцами, но при этом влияние российских мусульманских теоретиков на зарубежье было гораздо большим по сравнению с тем, что проникало оттуда.

Вслед за предшественниками, башкирский историк Г.Б.Фавизов отмечает, что у Иттифака была кадетская программа по содержанию и национально-мусульманская по духу. Он доказывает, что инициаторами создания партии, авторами ее программных документов и основными докладчиками на всех трех съездах мусульман были татарские и башкирские муллы и ишаны. Исследователь делает следующее предположение: «Если бы осуществилась программа этой партии, то на территории современной Татарии, Башкирии и некоторых других республик и областей образовалось бы так называемое Туранское мусульманское государство. Но этого не произошло и не могло произойти, так как платформа «Иттифак-аль-муслимин», считая всех мусульман единой нацией, не учитывала особенностей и потребностей отдельных тюркоязычных народностей, их стремления создать собственную автономию»⁴⁴. Подобное предположение хорошо объяснимо с точки зрения современности, но автор слабо знаком с конкретной историей.

Известно, что в ноябре 1917 г.—январе 1918 г. в Уфе проводил свои заседания впервые созданный Миллят Меджлиси (Национальное Собрание) мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, на которых присутствовало около 100 делегатов. Здесь была принята Конституция национально-культурной автономии, создано правительство из трех министерств (просвещения, финансов и религии) и т.д.⁴⁵ Тем самым та цель, к которой стремился Иттифак, фактически была воплощена в жизнь, поскольку главой той автономии стал один из активнейших иттифакцев С.Максудов. Кроме того, автору следовало бы учитывать, что во второй и третьей редакциях программы Иттифака имелся особый пункт о национально-территориальной автономии. Кстати, уфимские иттифаковцы, по

наблюдениям охраны в 1913 г., были уверены, что настанет время, когда русское правительство будет вынуждено дать автономию двум миллионам мусульман Уфимской губернии⁴⁶. Процесс культурной и этнической идентификации российских мусульман протекал очень сложно, порой противоречиво. Не стоит на основании отдельных фактов выстраивать умозрительные предположения.

Возвратимся к анализу программы Иттифака. В самом полном (75 пунктов) ее варианте параграф 60, посвященный аграрному вопросу, почти дословно повторяет параграф 36 кадетской программы, но уже в следующем параграфе говорится о том, что земля распределяется между нуждающимся в земле коренным населением, которому непременно следует вернуть все отнятые у него казной земли. Таким образом, вопрос о возвращении мусульманам их земель в Поволжье, Крыму, Сибири, Туркестане, Закавказье выдвинут в качестве одного из важнейших.

В «Программе Мусульманской Парламентской Фракции» (СПб., 1907)⁴⁷ (68 пунктов) в пункт по аграрному вопросу внесено добавление об увеличении площади землепользования «для занимающегося по местным условиям скотоводством населения». Появляется фраза о введении 8-часового рабочего дня⁴⁸.

В последующую редакцию «Программы мусульманской группы во II Государственной Думе» (СПб., 1907), которая состоит из 73 пунктов, по аграрному вопросу внесены дополнения: земли, подаренные правительством бывшим служащим, отчуждаются без вознаграждения; заведение земельным фондом в определенной местности, за исключением земель, имеющих общегосударственное значение, должно принадлежать органам самоуправления; местное население имеет право на наделение землей в первую очередь. Далее выдвигается требование о приостановке переселений до разрешения Думой аграрного вопроса. Вопрос о распределении земли, в сущности, связывался с правом мусульманских народов на возврат их земель. Кроме того, появился раздел о военных реформах, сокращении воинской службы, об обязательном соблюдении в воинских частях требований религиозного характера для мусульман; о прохождении службы на местах мобилизации.

Таким образом, вторая и третья редакции программы Иттифака свидетельствуют, что эта партия, сохраняя приверженность конституционной парламентской монархии, выступала за областную национализацию земель, за автономию в делах религии и самоуправления на местах,

но отнюдь не за федерализм. В программе Иттифака есть немало сходного не только с программами общероссийских либеральных, но и социалистических партий (эсеров и энесов), не говоря уже о партиях национальных.

Как видно, все исследователи считают третий съезд своеобразным рубежом в мусульманском движении, после которого в течение нескольких лет наблюдается спад активности Иттифака, по причине которого намеченный на август 1907 г. очередной съезд провести не удалось. Между тем, по свидетельству прессы, в Нижний Новгород в августе 1907 г. все-таки съехались 60 представителей мусульман, а в ходе подготовки съезда один из активистов Иттифака за два месяца до предполагаемого открытия подавал петербургскому градоначальнику ходатайство о легализации «Мусульманского союза» (ходатайство поступило в Сенат, и в итоге вопрос о легализации остался открытым). 21 августа, после отказа нижегородской администрации разрешить проведение съезда, организаторы обратились с телеграммой к П.А.Столыпину, в которой гарантировали, что на нем не будут рассматриваться никакие вопросы, кроме намеченных. На следующий день мусульманские представители получили из Петербурга отрицательный ответ⁴⁹. Несмотря на отказ, на совещаниях членов Иттифака, происходивших в 20-х числах августа в Нижнем Новгороде, было решено образовать при ЦК партии особое бюро (что планировалось на третьем съезде), которое должно было действовать в Петербурге. На его содержание предполагалось собрать 15-20 тыс. руб. Было решено также принять участие в выборах в Думу по Петербургу и поддерживать кандидатов прогрессивных партий (по разным оценкам, мусульман в Петербурге было от 7 и более 10 тыс. человек, в том числе около 1 тыс. обладающих избирательным цензом)⁵⁰.

Наиболее деятельным и многочисленным среди мусульман, по оценкам русской прессы, было «прогрессивное» течение, взгляды которого представляли петербургская газета «Ульфет» («Согласие»), оренбургская газета «Вакыт» («Время»), бакинский журнал «Хайат» («Жизнь»). Прогрессисты стремились лишь к просвещению народных масс. Второе течение справедливо оценивалось в прессе как консервативное, за которым стояли почти все мусульманские священнослужители. Его интересы выражали петербургская газета «Нур» («Свет»), казан-

ская газета «Казан Мухбире» («Казанский вестник»), отчасти бакинская газета «Иршад» («Путеводитель») и почти все остальные мусульманские газеты. Третьей, самой малочисленной группой, которая, по свидетельству современника, вызывала презрение и насмешки, как среди консерваторов, так и прогрессистов, являлась чисто политической. В нее входила мусульманская молодежь, примкнувшая к российским социалистам. Заметным влиянием на массы социалисты не пользовались, поскольку не признавали особых мусульманских интересов, целиком следуя за своими русскими товарищами по убеждениям. Свои взгляды представители этого течения пропагандировали главным образом через казанскую проэсеровскую газету «Танг йолдызы» («Утренняя звезда»)⁵¹. Наличие внутримусульманских противоречий было одной из причин снижения активности Иттифака после 1907 г.

Закон о выборах 3 июня 1907 г., который в несколько раз уменьшил число мусульманских депутатов в Думе, нанес ощутимый удар по мусульманскому движению в целом. Средняя Азия оказалась совсем лишенной представителей-мусульман. Как отмечал Алисов, мусульманская фракция в Думе стала малочисленной, а потому не могла взять на себя функции руководящего центра движения⁵². Позиции Иттифака оказались ослаблены также из-за ухода из состава его ЦК таких ведущих политиков как Акчурин (в 1908 г. уехал в Турцию) и Р. Ибрагимов (в 1910 г. также покинул Россию). Некоторые лидеры Иттифака отошли от политической жизни. Им стало ясно, что кадеты были безразличны к судьбам мусульман и не собирались помогать им.

Нельзя также не учитывать, что в 1911 г. группой молодых интеллектуалов в Баку была создана нелегальная Мусульманская демократическая партия «Мусават» («Равенство»). Формально ее лидеры не входили в Иттифак, но выступали за солидарность всех мусульманских народов, без различия наций и особенностей веры⁵³.

Несмотря на трудности, Иттифак продолжал действовать. Летом 1909 г., по сведениям охраны, иттифаковцы предприняли попытку проведения очередного съезда. 21 августа 1909 г. в нижегородской гостинице состоялось первое заседание, на котором присутствовали 26 человек: члены мусульманской фракции Думы, делегаты из Тюмени, Семиреченской области, Семипалатинска, Казани,

Томска, Тобольска, Уфимской, Оренбургской, Тамбовской, Бакинской губерний и других. В тот же день полиция арестовала участников заседания. Иттифак существует, считали чины полиции в 1911 г. Бюро ЦК партии (по полицейским сведениям за 1912 г.) в составе члена Думы С.Максудова, крупного философа и богослова М.Бигиева и просветителя муллы Л.Исхакова продолжало координировать работу партийных организаций⁵⁴.

Вопреки всем препонам, в 1913 г. мусульманские представители в IV Думе воспринимались как лидеры национальной партии⁵⁵. Но в ее рядах по-прежнему не было единства — даже по вопросу о сущности мусульманского движения в России. Так, С.Максудов, выступая в Думе, утверждал, что «мусульманс» — это не только последователи определенной религии, но и особая народность, имеющая свои традиции, быт, историю и даже общий литературный язык. Напротив, другой казанский депутат Г.Еникеев заявлял, что мусульманство — понятие чисто конфессиональное, а не этнографическое или национальное⁵⁶.

Между тем, в литературе утверждается, что к 1914 г. партия прекратила свое существование. С целью возрождения движения, доказывали советские историки, решено было созвать мусульманский съезд⁵⁷.

Важнейшей причиной созыва очередного съезда на деле была акция консерваторов по созданию в 1913-1914 гг. своей всероссийской организации. Оценивая результаты борьбы с прогрессистами, один из консерваторов коммерсант Ф.Байрашев в своем письме к министру внутренних дел заметил, что составить им «достаточно сильную оппозицию» пока не удалось. Поэтому он вместе с группой единомышленников во главе с известным петербургским имамом и ахуном М.-С.Баязитовым (редактор-издатель газеты «Нур») предложил в конце 1913 г. создать Всероссийский мусульманский народный союз «Сыратуль-Мустахим» («Прямой путь», или «Правый путь»), зарегистрировав его устав, предусматривавший открытие отделов на местах и Главного Совета Союза в Петербурге. Своей целью новый союз провозглашал объединение российских мусульман для просвещения и всестороннего подъема их благосостояния на основе законности, верности монарху и империи, а также для противодействия иным течениям в их среде. Как считали мусульманские прогрессисты, эта организация являлась бы аналогом русских черносотенных партий. Несмотря на сопротивление прогрессистов, устав мусульманского монархического союза был утвержден, и с 1914 г. он

стал существовать — по крайней мере — в Петербурге⁵⁸. Влияние этого союза усилилось после того, как в июле 1915 г. (после смерти муфтия Султанова) Баязитов был назначен муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания, в ведение которого входили мусульмане всей Европейской России и Сибири (не входили Кавказ, Крым и Туркестан).

Успех консерваторов заставил прогрессистов срочно принять ответные меры. В подготовке к очередному съезду участвовали депутаты Думы К.-М.Тевкелев, С.Максудов, А.Ахтямов, С.-Г.Джантюрин. Благодаря их усилиям, IV Всероссийский мусульманский съезд состоялся в Петербурге 15-25 июня 1914 г. Он был разрешен властями при условии, что число его участников не должно превышать 35 человек, не считая мусульманских депутатов Думы, на нем должен присутствовать чиновник от департамента духовных дел, а список участников съезда должен быть предоставлен на согласование министру внутренних дел⁵⁹. В связи с этой обычной практикой на съезд собралось указанное число делегатов (из Уфимской, Казанской, Оренбургской губерний, Самары, Симбирска, Крыма, Баку, Ташкента, Петербурга, Иркутска, Тифлиса, Грозного, Уральской области), а также 6 депутатов Думы. Представители мусульманской прессы на заседания не были допущены. Предполагалось обсудить вопросы о пересмотре действующих законоположений о духовных управлениях мусульман и о выработке основных положений реорганизации управления духовными делами мусульман⁶⁰.

Хотя все доклады были посвящены религиозным проблемам мусульман, в выступлениях ряда делегатов все же затрагивались некоторые моменты общего политического положения в стране. В принятом проекте «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи» предусматривалось единообразное устройство порядка управления духовными делами российских мусульман вообще, без разделения на местности, на началах широкой автономии⁶¹. Политические требования съезда сформулировал один из лидеров Иттифака Топчибашев. Он, в частности, заявил: «Собравшись сюда, мы не готовили новых пожеланий, а, повторяя миллион раз о необходимости получения нами равных прав, еще раз и здесь вспомнили о том же. Постановление съезда не является нашей просьбой, а скорее выражением необходимо-

сти для нашего существования, предоставления нам прав, которых нам не дают, хотя они составляют естественную и насущную, как пища, вода и воздух, нашу потребность. Ведь мы российские подданные: нас нельзя оставлять без прав. Никакой пользы не может быть от притеснения мусульман. Обрусительная политика — безосновательная вещь...» М.Бигиев подчеркнул: «Я присутствовал на всех предыдущих съездах. Этот съезд очень важный... Мы должны уделять больше внимания духовным вопросам, ибо исправятся духовные дела — ... исправятся и остальные дела»⁶². По сведениям охраны, на частных заседаниях участников съезда было решено возродить партию «Иттифак-аль-муслимин»⁶³. Это не похоже на обычное бюрократическое преувеличение. Иттифак, перенеся центр тяжести своей деятельности на вопросы духовной жизни, вознамерился активно влиять на мусульманские массы, не замыкаясь на позициях доктринерского эгоцентризма, как то случилось со многими российскими политическими лидерами.

Важным фактором активизации Иттифака стал приход в политику группы молодых мусульманских интеллектуалов, сторонников социалистов, таких, как историк А.-З.Валидов (р. 1890, из Уфимской губ.), публицист А.Цаликов (р. 1882, из Терской обл.). Их позиции окрепли в связи с тем, что в сентябре 1914 г. скончался Гаспринский, который был противником Иттифака.

О подъеме деятельности Иттифака свидетельствует и проходивший с 6 по 10 декабря 1914 г. в Петрограде съезд представителей мусульманских общественных организаций (председателем был избран член Думы И.Ахтямов), который выбрал свой общероссийский Центральный комитет. Хотя устав этой организации и был утвержден с нежелательными для его учредителей изменениями⁶⁴, налицо был несомненный успех прогрессистов.

Тем временем нарастание общественно-политической нестабильности привело к тому, что у многих мусульман на устах, как сообщал казанский губернатор в январе 1915 г., была «неизбежность революции». В марте 1916 г. замысел создания при мусульманской фракции особого совещательного бюро наконец осуществился, в него вошли от мусульман Казанской губернии С.Максудов, Уфимской губернии Г.Джантюрин, Оренбургской губернии юристы Ш.Мухамедиаров и Н.Курбангалиев. На состояв-

шихся совещаниях этого бюро с фракцией программа Иттифака была признана предельно правой, а отклонение от нее влево не было ограничено⁶⁵. Это, с одной стороны, отражало рост влияния мусульманских социалистов, а с другой, — доказывало, что прогрессистское ядро Иттифака намерено было действовать. По сообщению охраны за июнь 1916 г., Казанский комитет партии возглавлял Баруди⁶⁶. В состав бюро позднее вошли А.Цаликов (Кавказ), И.Леманов (Крым), Валидов (Уфимская губ.).

Очевидно, следует согласиться с мнением участника событий Г. Исхаки, что все политические партии мусульман, возникшие в результате подражания русским партиям, зачахли, а на их месте образовался национальный центр, управлявший всеми национальными делами тюркских народов. Во время первой мировой войны официальным органом этого центра являлось упомянутое совещательное бюро при мусульманской думской фракции⁶⁷.

Как признавал в 1917 г. меньшевик Цаликов, «история существования мусульманских фракций весьма знаменательная история, не могущая быть вычеркнутой одним росчерком пера из политического сознания мусульман». По его мнению, факт деятельности фракций, независимо от их результатов — явление, заслуживающее внимания тех, кто «хотел бы понять сущность развития политической мысли мусульман России». Цаликов не случайно привел оценку деятельности фракции епископом Уфимским и Мензелинским Андреем из его обращения к директору департамента духовных дел в феврале 1917 г.: «Теперь всей мусульманской массой руководит мусульманская фракция Государственной Думы и можно сказать без преувеличения, что это своего рода мусульманское министерство внутренних дел ныне руководит жизнью грамотных мусульман и организует все мусульманство в одну компактную массу»⁶⁸.

Иттифак возник и сформировался, как верно считает большинство исследователей, как политическая партия в результате трех всероссийских мусульманских съездов. Но их общий вывод о том, что его программа была близкой к кадетской лишь отчасти отражает реальность, уже потому, что не учитываются последующие редакции программы, куда были внесены положения, заимствованные у социалистов. До сих пор не известны во всем объеме те решения, которые были приняты на августовском совеща-

нии мусульманских представителей в 1907 г. в Нижнем Новгороде, на июньском съезде в 1914 г. в Петербурге. Другие материалы, связанные с Иттифаком, требуют более тщательного перевода и соответствующего анализа. Прежде всего, необходимо учитывать, что в силу особенностей мусульманской ментальности партия практиковала особые формы связи с массами, а формальное сходство ее программных положений с установками других партий вовсе не означало подражательного характера всей ее деятельности.

Процесс создания этой общероссийской партии был следствием ряда факторов. Еще в 1909 г. Алисов верно называл в их числе, во-первых, объективный исторический процесс, стянувший большинство тюркских народов под власть Российского государства; во-вторых, общерусское освободительное движение; в-третьих, пробуждение ислама во всем мире⁶⁹. С.Максудов в 1923 г. отмечал, что «русские школы и русский язык дали ключ к усвоению западной культуры»; сначала у мусульман пробудился, по его выражению, «умственный либерализм, а за ним и национальное сознание». В итоге «родилось сознание народности, независимой от религии» и тюркские народы «стали стремиться к свободному национальному существованию»⁷⁰. Иттифак, как отмечал очевидец, «дал огромный толчок самосознанию мусульманских народов и создал влиятельную и многочисленную фракцию в I и II Государственных думах». С мусульманской фракцией, хотя и малочисленной, считались и в III Думе, «видя в ней олицетворение крупной силы мусульманства»⁷¹.

Оценивая значение Иттифака в истории мусульманских народов России, один западный историк писал, что его появление — первая и единственная попытка объединить мусульманские народы России на политическом уровне — не встретила одобрения лидеров всех мусульманских народов. Всероссийское мусульманское движение, по его мнению, потерпело неудачу в достижении своих целей еще до 1917 г. Оно не смогло добиться равных прав или культурной автономии для российских мусульман, оно даже не смогло создать объединенный фронт, чтобы противостоять дискриминационной политике царского режима. Исчезновение Союза мусульман имело далеко идущие негативные последствия для мусульманских народов России. Когда Союз распался, мусульманские лидеры повернули свое внимание к отдельным регионам⁷².

Вряд ли можно согласиться, что Иттифак распался к 1917 г. О том, что его цели были усвоены большинством мусульман, свидетельствует тот факт, что в мае 1917 г. в Москве состоялся крупнейший мусульманский съезд, в котором приняли участие 900 представителей от почти всех регионов империи. Это событие состоялось несмотря на то, что среди мусульманской элиты к 1917 г. наблюдались самые различные тенденции. Наличие общемусульманской солидарности отмечал лидер Всероссийского Мусульманского Совета (ВМС) меньшевик Цаликов на II Всероссийском мусульманском съезде в Казани (июль-август 1917 г.). Он констатировал, что «в переживаемый нами период исторического бытия в России сохраняется почва для *единства сознания и единства воли* мусульман России». Цаликов полагал, что московский съезд сохранил мусульманское единство, несмотря на то, что были приняты резолюции острого политического и социального характера (здесь, прежде всего, имеется в виду решение о федеративном устройстве Российского государства). Политическим выражением единства, по мнению Цаликова, служил и ВМС с его Исполнительным Комитетом⁷³.

ВМС был избран из 30 человек мусульманских представителей Туркестана, Бухары, Хивы, Кавказа, Крыма, Казахстана, внутренней России, Сибири и литовских татар для руководства и координации действиями мусульман всей страны. Сам Цаликов на московском съезде подчеркивал, что мусульмане остаются особой группой населения России, поскольку имеют общие идеалы и интересы⁷⁴. В другом своем выступлении он подчеркивал, что мусульмане России, несмотря на разнообразие языков «могут мыслить себя, как особую нацию». Это, по его мнению, определяется двумя моментами — «принадлежностью к исламу и мусульманским сознанием». На его взгляд, возрождение российских мусульман может идти как в культурном, так и политическом направлении, а для того нужна национально-культурная автономия и прочная организация всех политических сил⁷⁵. Если учитывать, что под «нацией» в данном случае понималась мусульманская община (сообщество, мир), то идеология и деятельность Иттифака ничего общего не имели с пресловутыми панисламизмом и пантюркизмом, в чем обвиняли и обвиняют любое движение российских мусульман. Процесс их объединения был обусловлен необходимостью совместной борьбы за общую цель — достижение полного равноправия во всех сферах жизни Российского государства.

Создание ВМС объективно показывает, что Иттифак был первой, но не последней попыткой объединить мусульманские народы бывшей империи для решения политических, культурных, религиозных и других задач. Конкретным воплощением в жизнь идей Иттифака стала Национально-культурная автономия (республика) мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири, ликвидированная большевиками весной 1918 г.

1. Ежегодник России. 1904 г. СПб., 1905. С. 89, 90, 92, 97; Ежегодник России. 1905 г. СПб., 1906. С. 7.

2. Колокол, 1910, 14 января.

3. Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речь, произнесенная на Всероссийском Мусульманском съезде в Москве 1-11 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 12. Неосведомленность в этом вопросе привела современного исламоведа Р.Г.Ланду к нелепому утверждению, что численность мусульман выросла (несмотря на потери в первой мировой и гражданской войнах) в 1910-1923 гг. с 20 млн. до 30 млн. (Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995 С. 206).

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 323.

5. Чичерина С.В. О поволжских инородцах и современном значении системы Н.И.Ильминского. СПб., 1906. С. 24, 26.

6. Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910. С. 559.

7. Общественные движения в России в начале XX-го века. Кн 7. Т.4. Ч.2. СПб., 1911. С. 234-235.

8. Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Пер. с татар. Казань, 1926. С. 140-148. Автор цитировал документ, приводившийся в книге М.Биги (Бигиева) «Ислахат Эсаслари» («Основы реформы»), опубликованной в 1917 г. в Петрограде. В марте 1906 г. участник (секретарь) съезда М.Бигиев, которому поручили перевод документов, опубликовал резолюцию I съезда в таком виде: «1. Мусульманам России во всех вопросах: политических, культурных, а также в вопросах, возникающих в зависимости от настоящего положения России, необходимо быть солидарными. 2 Для приведения в исполнение этих вопросов мыслящие мусульмане, будучи единомышленниками с передовыми русскими людьми, принимают участие в деле установления такого порядка, по которому законы составлялись бы при участии избранных народом представителей его. 3. Принимая во внимание, что для достижения этих пожеланий необходимо уравнивание в правах мусульман с русскими, мусульмане законными способами приложат все усилия к тому, чтобы были уничтожены существующие по отношению к мусульманам притеснения и несправие и чтобы мусульмане были уравнены с русскими в политических, религиозных и имущественных правах» (Цит. по: Национальные движения в период первой революции в России. (Сборник документов из архива быв. департамента полиции). Чебоксары, 1935. С. 221).

9. Раимов Р. М. 1905 год в Башкирии (Революционное движение в 1905-1907 гг.). М.-Л., 1941. С. 115-116, 180.
10. Россия, 1906, 30 августа.
11. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 26.
12. Паликов А. Мусульманская фракция в Учредительном Собрании. Казань, 1917. С. 20.
13. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 48. Западная ориентация, возможно, привела Букейханова к масонам (Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. (Документы из архива Гугеровского института войны, революции и мира) // История СССР, 1990, № 1. С. 152).
14. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London, 1990. С. 239.
15. Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 165-168.
16. Русь, 1906, 20, 21, 22 января.
17. Нива, 1906, № 7. С. 112.
18. Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 151.
19. Россия, 1906, 30 августа.
20. Национальные движения... С. 223-225.
21. Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 164.
22. Исхаки Г. Идель-Урал. Казань, 1991. С. 43.
23. Раимов Р. М. Указ. соч. С. 184.
24. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 354-355.
25. ГАРФ, ф. 102, оп. 260, д. 74, л. 23 об.
26. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 320, 324.
27. Ледницкий А. Национальный вопрос о государственной думе. В кн.: Первая Государственная Дума. Вып. I. Политическое значение первой Думы. Сб. статей. СПб., 1907. С. 160.
28. Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 168-169.
29. Алисов Г. Указ. соч. С. 46.
30. Национальные движения... С. 230.
31. Цит. по: Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. С. 29, 30.
32. Алисов Г. Указ. соч. С. 47.
33. III-й Всероссийский Мусульманский Съезд. Казань, 1906. С. 2-14. Эти материалы были впервые перепечатаны в сборнике «Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции» (Оксфорд, 1987. С. 30-43), в котором, к сожалению, допущено немало ошибок.
34. См.: Ибрагимов Г. Указ. соч. С. 153-161.
35. Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. С. 31.
36. Исхаки Г. Указ. соч. С. 44.
37. Раимов Р. М. Указ. соч. С. 180-184, 205, 207. Автор пользовался следующими изданиями, опубликованными на татарском языке: Программа союза российских мусульман. СПб., 1906; III съезд мусульман. Казань, 1906; Развернутый отчет о III съезде мусульман и критика левых. Казань, б.г.; III Всероссийский съезд мусульман. Казань, 1906. Эмигрантская литература не обогатила такие представления ни документально, ни концеп-

- ционно. См.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974. С. 55, 56.
38. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 88, 174.
39. Общественная и философская мысль в Татарии начала XX века. М., 1990. С. 24, 28, 80.
40. Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960. P. 47-48, 291.
41. Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. London, 1967. P. 44; Bennigsen A.A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union. Chicago, 1979. P. 217-218.
42. Rorlich A.-A. The Volga Tatars. Stanford, 1986. P. 111-117, 239.
43. Ланда Р.Г. Указ. соч. С. 147.
44. Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1955. С. 51-52.
45. См.: Культурно-Национальная автономия Мусульман Тюрко-Татар Внутренней России и Сибири. В кн.: Национально-культурные автономии и объединения. Историграфия. Политика. Практика. Т. II. М., 1995. С. 92-104; Исаков С.М. О Конституции культурно-национальной автономии татарского народа (1917 год) // Там же. С. 105-112.
46. ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, 1913, д. 74, л. 143.
47. В литературе упоминается также «Программа Мусульманской фракции в Государственной Думе» (СПб., 1907).
48. Политическая жизнь русских мусульман... С. 81, 82.
49. Русь, 1907, 9, 23, 26 августа.
50. Русские ведомости, 1907, 4 сентября; Россия, 1906, 16 августа.
51. Россия, 1906, 30 августа.
52. Алисов Г. Указ. соч. С. 60.
53. См.: Балаев А. Азербайджанское национальное движение от «Мусавата» до Народного фронта. Баку, 1992. С. 5, 8.
54. ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, 1909, д. 291, л. 6-7; 1911, д. 244, л. 50 об.; 1912, д. 74, ч. 84Б, л. 78-78 об.
55. См.: Мир Ислама. 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 105, 108.
56. Наблюдатель. Националистические и национальные течения в третьей Думе // Русская Мысль, 1912, кн. 8, с. 32.
57. Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. С. 45.
58. ГАРФ, ф. 579, оп. 1, д. 1983, л. 1 об. - 2 об.; ф. 102, оп. 260, д. 74, л. 24-24 об.; 1916, д. 74, ч. 28Б, л. 6. В 1916 г. в Петрограде стал выходить журнал «Ислам ве Магариф» («Ислам и Просвещение»), основанный этим союзом.
59. Мусульманская газета, 1914, 11 мая.
60. ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, 1906, д. 609, л. 70.
61. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. С. 55. Необходимо пояснить, что тогда в России было четыре мусульманских духовных управления (Оренбургское, Таврическое и два Закавказских — суннитское и шиитское).
62. Цит. по: Аршаруни А., Габидуллин Х. Указ. соч. С. 48. В литературе упоминается публикация «IV Мусульманский съезд. С.-Петербург. 15-25 июня. 1914.» (СПб., 1914), но никто из исследователей не указал на такую публикацию как «Петербургда 1914 сене июнь 15-25 та рэсми джамиат

монасabatеларе ислaxат асасларе» («Официальное собрание относительно основ реформ, состоявшееся 15-25 июня 1914 в Петербурге») (Пг., 1915).

63. См.: ГАРФ, ф. 102, ДП-4, 1908, д. 234, т. 2, л. 92.

64. Там же. ф. 102, ДП-4, 1908, д. 234, т. 2, л. 130, 130 об., 131; ф. 102, оп. 260, д. 74, л. 24.

65. Там же. ф. 102, ДП-4, 1908, д. 234, т. 2, л. 122а.; ф. 102, оп. 260, д. 74, л. 25-25 об.

66. Там же, ф. 102, ДП ОО, 1916, д. 74, л. 122-122 об.

67. Исаки Г. Указ. соч. С. 46-47.

68. Цаликов А. Мусульманская фракция... С. 11, 14-15.

69. Алисов Г. Указ. соч. С. 60.

70. Последние Новости, 1923, 16 июня.

71. Формы национального движения... С. 561.

72. Braker H. The Muslim Revival in Russia. In: Russia Enters the Twentieth Century. 1894-1917. New York, 1971. P. 195.

73. Цаликов А. Мусульманская фракция... С. 7, 9, 10.

74. Цаликов А. Мусульмане России и война. Речь, произнесенная на Всероссийском Мусульманском съезде в Москве 1-11 мая 1917 года. Пг., 1917. С. 14.

75. Цаликов А. Мусульмане России и федерация... С. 8, 20.

*Н.П.Иванов
С.И.Корниенко
д.и.н., проф.
(Пермь)*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ НА УРАЛЕ

Со второй половины 80-х годов XIX в. одним из проявлений роста общественного сознания становится рост национального самосознания. Это — закономерное явление на фоне демократизации общественной жизни и перехода к рыночной экономике.

Видимо, следует считать нормальными проявлениями такого процесса рост национально-патриотических чувств и настроений, а крайними выражениями — национализм и шовинизм, так или иначе обозначившиеся в возникающих политических партиях и общественных движениях на территории бывшего СССР, в том числе и в России.

Усиление национально-этнического компонента в идеологии, общественной и политической деятельности партий и общественных движений явно ощущается и на региональном уровне в той мере, в какой в тех или иных областях происходит их становление как субъектов социально-политической жизни. Анализ национально-этнического аспекта организаций политических партий и общественных движений на региональном уровне представляется актуальным с точки зрения глубокого изучения их природы, содержания, характера, общего и особенного в проявлениях, более точного понимания будущей эволюции.

В этом смысле представляется важным изучение национально-этнического компонента организаций и политических партий в таком регионе как Урал и, в частности, Пермская область.

Пермская область (Прикамье) многонациональный регион с относительно сложившейся системой организаций политических партий, общественных движений, отражающих в целом общероссийскую реальность, но вместе с тем имеющих и региональную специфику. Трехмиллионное население представлено более чем ста национальностями и народностями. Среди них преимущественно русские. Но на национальный состав и национальные процессы оказывает

влияние близость Башкирии, Татарии, Удмуртии. В состав Пермской области входит Коми-Пермяцкая автономия. При этом национально-этнические группы расселены по-разному. Расселение русских, украинцев — более или менее равномерное по всей территории области. Расселение татар, башкир, коми-пермяков зачастую носит компактный характер. В ряде районов области компактно проживают, кроме выше указанных народов, удмурты, марийцы, немцы. При этом большинство жителей области считают родным языком язык своей национальности. Относительно невелик уровень межнациональной интеграции. Так, межнациональные браки составляют всего 15% от всех семей области.

На характер и содержание межнациональных отношений, формирование и развитие организации политических партий и общественных движений оказывают влияние и исторические традиции. В частности, следует учитывать, что многоэтнический состав населения в крае складывался и формировался в течение многих веков. Несмотря на многонациональный состав населения проблемы межнациональных отношений никогда не выходили на первый план и рассматривались и решались различными социальными и политическими силами в общероссийском контексте. Преобладающее в регионе население русской национальности, как правило, мирно уживалось с татаро-башкирским, коми-пермяцким и другими народами. Положение основных социальных групп нерусского населения мало чем отличалось от положения представителей русской национальности. Хотя, при этом следует отметить безусловно более низкий уровень развития и связанную с этим степень выраженности процессов роста национального самосознания. В то же время, нельзя не отметить и развитие национальных движений и рост национального самосознания нерусского населения. Внутри крестьянского движения, направленного своим острием против остатков крепостничества в пореформенный период, имело место движение крестьян башкирской, татарской и других национальностей, тяжесть положения которых усугублялась национально-колониальным гнетом¹.

Свидетельством роста национального самосознания народов нерусских национальностей были определенные сдвиги в области просвещения, образования, развития национальной культуры. Несмотря на политику русификации инородцев, которой придерживалась администрация

края, создавались национальные школы, появлялись первые представители национальной интеллигенции².

С началом XX в. продолжается крестьянское движение, в котором участвовали вместе с русскими крестьянами башкиры, татары, удмурты. С развитием рабочего движения в нем принимают участие и представители рабочих татарской, башкирской национальностей. С оформлением социал-демократических организаций в отдельных из них на Урале создавались специальные социал-демократические группы, которые вели устную и печатную пропаганду на национальных языках (были попытки выпуска периодических изданий, газет), организационную работу среди нерусского населения.

Со становлением многопартийности в России национальные аспекты в социальных и политических движениях и идейно-политических направлениях выражались в рамках традиционных политических партий общероссийского характера. И палитра политических партий, в которых так или иначе находил свое выражение национальный аспект, в регионе ничем не отличалась от традиционной для России. Пожалуй, можно утверждать, что в большинстве губерний Урала самостоятельных политических партий или отделений таких партий, как сколь-нибудь влиятельных, не существовало.

При изучении национального аспекта в организациях политических партий и движений в регионе следует придерживаться традиционной, принятой в качестве общероссийской классификации.

Организации консервативно-монархических партий и движений; либеральных (или либерально-буржуазных), левых или социалистических. Эту группу партий и движений в национальном аспекте можно обозначить как великорусские.

В Пермской губернии к ним относились действовавшие со второй половины 1905 г.: Союз русских людей в Екатеринбурге и в Перми, Екатеринбургский Всесословный народный союз, созданная в Перми Русско-народно-монархическая партия, сформированный в Надеждинске Союз истинно русских людей³. Для их идеологии и деятельности были характерны общие всем партиям подобного типа идейно-политические установки, аккумулируемые в лозунгах: «Единая и неделимая Россия», «Православие, самодержавие, народность», «Россия для русских». Как и в

целом в России на Урале эти организации и движения отстаивали и стремились проводить политику упрочения империя, ее целостности и неделимости, одновременно выступая за ликвидацию всех национальных различий на почве полной русификации, поскольку русской народности принадлежало первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве⁴. Они выступали за сохранение господствующего положения русских, признание русского языка государственным языком, а православия государственной религией, за полную русификацию других народов, даже если это требовало применения насилия. Не останавливались организации указанного направления и перед ущемлением прав и интересов инородцев и малых народов. Следует подчеркнуть, что в понятие русские они включали и белорусов и украинцев⁵.

В практической деятельности эти отправные положения черносотенцев по национальному вопросу пронизывали содержание организационной, агитационно-пропагандистской работы, во многом определяли их отношение и тактику к другим действующим в регионе политическим партиям. Так, рупор великодержавного национализма в Пермской губернии в 1905-1917 гг. газета «Голос народа» в своем программном заявлении подчеркивала: «Голос народа» будет всегда и во всем национален ..., верен девизу "Господство великому русскому племени, полный простор для всех народностей, не чуждающихся внутреннего единения с русским народом и способных проникнуться внутренним принципом общей государственности, будет стоять за религиозно-нравственное в национальном духе воспитание»⁶. Принцип общей государственности трактовался уральскими черносотенцами как «единство и неделимость России без всякого автономного обособления отдельных народностей и народов». Монархистская печать систематически публиковала материалы откровенно антисемитской направленности. В этом же духе велась пропаганда и агитация на многочисленных митингах и собраниях, особенно в период выборов в I — IV Государственные думы. Естественно, что такие организации активно участвовали в организации антисемитских кампаний, еврейских погромов. Однако следует отметить, что даже в периоды бурных революционных событий в Перми, как и в

целом на Урале, дело обходилось без серьезных инцидентов в этой области⁸.

Организации либеральных (или либерально-буржуазных) партий и движений на Урале не проявляли себя сколько-нибудь специфически в национальном вопросе. В целом это можно объяснить тем, что даже после свержения самодержавия национальный вопрос для Урала не носил первостепенной важности по сравнению с проблемами социально-экономическими, политическими. По данным пермского историка Л.А.Обухова, даже в период от февраля до октября 1917 г. национальный вопрос для Урала не являлся острым и неотложным. Национальные проблемы откладывались до Учредительного собрания или даже до окончания войны⁹.

Нельзя не принять во внимание и отсутствие сколько-нибудь целостной, разделяемой если не всем либеральным направлением, то хотя бы большинством в либеральных партиях программы и политики в области национальных отношений. Для либеральных установок было характерно многообразие мнений по национальному вопросу, начиная от соглашений в некоторых аспектах с правыми и заканчивая демократическими взглядами на данную проблему. Октябристы близко стояли к монархическим партиям. Кадеты выдвигали ряд положений, созвучных социалистическим партиям. Даже в одной только кадетской партии мнение ЦК далеко не всегда разделялось и поддерживалось рядовыми членами. Однако, если говорить об общей тенденции, многие из либералов были сторонниками принципов национал-либерализма, который предполагал право наций на культурное самоопределение, но о самоопределении политическом не было и речи¹⁰. Культурно-национальный характер либеральных положений национальной программы не мог привлекать широкие слои народа тогда, когда наиболее остро стояли вопросы социальные и политические. Поэтому и после свержения самодержавия на Урале организации кадетского направления не пользовались широкой поддержкой национальных меньшинств.

Более привлекательно для широких масс, в том числе и нерусского населения Урала выглядела программа и политика в национальном вопросе левых или социалистических и народных партий. Во-первых, они были лишены не только великодержавного шовинизма, но и великорус-

ского национализма, имели интернациональный характер, что соответствовало полиэтническому составу населения регионов. Во-вторых, это были, как правило, глубоко демократичные программы и политические установки не только по специфически национальным требованиям и положениям, но и по органичной связи проблем социального политического освобождения с проблемами свободы национальной. Не менее важную роль играло и вытекающее из такого понимания взаимосвязи борьбы за социальную и политическую свободу и национального освобождения стремление в практической деятельности соединить социально-политические и национальные движения, в том числе и через специальное внимание к организации и работе среди нерусских народов. Именно таким образом поступали социал-демократические организации Урала, которые уже в дооктябрьский период на региональном, а нередко и на более низких уровнях выделяли работу среди нерусских народов, мусульманского населения в особое направление, создавая для этого специальные структуры, вплоть до специфических организаций, печатной пропаганды и агитации на национальных языках. В значительной степени все вышесказанное характеризовало и позиции в национальном вопросе, и отношение к нерусским народностям региона и со стороны других социалистических партий — эсеров, народных социалистов, максималистов, влияние которых в регионе было относительно велико.

Развитие освободительного движения в Уральском регионе, втягивание в него все более широких слоев многонационального населения края, рост национального самосознания и его неизбежная в условиях России все большая политизация не могли не вызвать стремления к созданию групп и организаций национальных партий. Своего апогея эта тенденция достигла с установлением в России политической свободы после Февральской революции 1917 г. На Урале, как и в стране в целом, после свержения самодержавия на фоне бурного подъема национально-освободительного движения оформляются многочисленные организации, союзы, общества. Национальные объединения создавались не столько по классовому признаку, сколько по национальному и религиозному. В свою очередь, Советы, являясь органами революционно-демократическими, оказывали всемерную поддержку национальным партиям и организациям демократической, социалистической на-

правленности. Наиболее влиятельные и многочисленные из них получали представительство в Советах наряду с общероссийскими политическими партиями.

Из национальных социалистических партий энергично действовали на Урале еврейские. Наиболее влиятельной был Бунд, имевший своих представителей в Советах Перми, Уфы, Екатеринбурга, Челябинска и Кунгура.

Наряду с Бундом в ряде городов были созданы отделения Еврейской социал-демократической рабочей партии Поалей-Цион, Объединенной еврейской социалистической партии, сионистов. Из них только ЕСДРП получила в октябре место в Пермском городском Совете. Остальные еврейские партии и организации из-за их малочисленности не были представлены в Советах Урала¹¹.

Здесь же следует отметить и некоторые организации беженцев — группы латышских и эстонских социал-демократов, которые были хорошо организованы и активно занимались политической работой, имели своих представителей в Советах Уфы, Екатеринбурга, Ижевска¹².

Поскольку большинство наиболее влиятельных национальных партий и организаций поддерживали Временное правительство, Учредительное собрание, их тактическая линия была очень близка позиции меньшевиков и эсеров, народных социалистов, постольку их будущая судьба (если иметь в виду приход к власти большевиков) была predetermined.

Процесс роста национального самосознания в Уральском регионе выражался в возникновении национальных организаций и движений среди народов и этнических групп, представляющих коренное население Урала или достаточно долго проживающих на территории края (татары, башкиры, евреи).

Эти национальные организации вряд ли можно считать не только партиями, но даже протопартиями. Скорее их можно отнести к национальным движениям и то достаточно специфическим. И дело не только в том, что они не имели четких программ и уставов, порой были достаточно расплывчаты в организационном плане, и даже не в том, что их политическая деятельность если и имела место, то была весьма ограничена местными структурами и специальными вопросами. Дело в том, что и по своей природе, и по характеру деятельности они возникали и существовали как организации и движения культурно-националь-

ного характера¹³. Сюда же следует отнести и большинство еврейских организаций¹⁴.

Несмотря на то, что в 1917 г. многие из указанных организаций получили представительство в Советах различного уровня, вряд ли следует говорить об их превращении в политические организации. В главном, они должны были обеспечить реализацию специфических религиозных, культурных, образовательных интересов тех или иных этнических групп или народов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на этапе становления многопартийности в России в Уральском регионе национальный аспект в организациях политических партий и движений был представлен организациями *великорусского* направления (консерваторы-монархисты) и национальными (немногочисленные группы в организациях социалистических партий общероссийского характера, а также организации и группы национальных социалистических партий некоренного населения). Наиболее же распространенной формой национального движения и выражением растущего национального самосознания народов коренных национальностей были культурно-национальные объединения и образования. При этом, по нашему мнению, они не проявляли тенденции к превращению в политические организации. Это позволяет указать на то, что разрешение проблем межнациональных отношений на Урале вполне могло быть достигнуто на основе реализации прав и интересов различных народов через свободу религиозного и национально-культурного развития. Естественно, с необходимыми политическими правами и гарантиями со стороны многонационального государства и его регионального представительства.

Установление вскоре после Октября 1917 г. монополии на власть одной партии сняло с повестки дня не только великорусскую или великодержавную тенденцию урегулирования межнациональных отношений, не только ликвидировало возможность представительства национальных интересов через различные общероссийские и национальные социалистические партии, но привело, по сути дела, к ликвидации подлинно самостоятельных организаций и движений, которые могли бы обеспечить надлежащую религиозную, культурно-национальную свободу развития нерусских народов в регионе.

Поэтому, естественно, перемены в бывшем СССР затронули в крас и такую область как межнациональные отношения. Эти перемены привели и к новым явлениям в национальных аспектах организаций политических партий и движений. Их изучение важно для понимания современного политического процесса в России, возрождения и развития многопартийности.

С середины 80-х до начала 90-х годов усиление национально-этнического компонента имело место в основном среди нерусского населения. В главном это было связано с потребностью культурно-национального самоопределения национальностей и народностей в местах их компактного проживания. С начала 90-х годов усиление национально-этнического компонента стало все более проявляться и среди русских. Безусловно, это явилось следствием усиления националистических, сепаратистских, порой прямо антирусских настроений после распада СССР. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что великорусские национальные идеи стали интенсивно эксплуатироваться и в интересах политической конъюнктуры политическими партиями и движениями, как на правительственном, так и на оппозиционном уровне. Националистическая пропаганда в средствах массовой информации стала обыденным явлением, а националистические лозунги вполне приемлемыми средствами политической агитации. Это привело к усилению великорусской националистической стороны и в организации и деятельности политических партий и общественных движений, в России вообще, и в Уральском регионе в частности. Как бы возродилась одна из тенденций разрешения национальных проблем, которая в дооктябрьский период была представлена идеологией и практикой так называемых *«великорусских»* партий и движений. С другой стороны, это усиливало тенденцию к обособлению со стороны народов нерусских национальностей. Следует отметить, что и те, и другие тенденции в настоящем времени существуют в Прикамье исключительно как настроения, и каких-либо серьезных проблем на национальной почве пока не создают.

В настоящее время на территории Пермской области спектр тех организаций и групп, партий и общественных движений, в которых так или иначе выступает национальный или национально-этнический аспект, выглядит следующим образом: организации или группы ЛДПР;

КРО; РНЕ; Казацьи объединения; сврейские организации; Татаро-башкирский общественный центр (ТБОУ); Коми-пермяцкий национальный центр; объединение немцев; Общество русско-сербской дружбы.

Названные организации и объединения можно классифицировать следующим образом: *великорусские, национальные* (культурно-национальные), *прочие*.

К первому типу «*великорусские*» — относятся организации национально-государственных и национально-патриотических партий и движений, обращающиеся активно к национальной русской идее. В Пермской области к таковым следует отнести организации или группы ЛДПР; КРО; РНЕ.

Впервые структуры ЛДПР в Перми и Екатеринбурге возникли в середине 1991 г., чуть позднее в Челябинске. Однако проявили себя местные представители ЛДПР значительно позднее: в Перми и в Екатеринбурге в ноябре 1993 г., а в Челябинске в феврале 1994 г. Организации заявили о себе первыми пропагандистскими и агитационными мероприятиями¹⁵.

Таким образом, оформленные организационно сторонники партии В.В.Жириновского появляются в связи с подготовкой к выборам в декабре 1993 г. Неожиданный успех ЛДПР на выборах в декабре 1993 г.¹⁶ привел к дальнейшей активизации организаций и притоку в них новых членов. На конец 1993 г. пришелся пик активности местных организаций, вызванный выборами. Затем он не получил развития и стал снижаться. Тем не менее, именно с декабрьских выборов 1993 г. ЛДПР на Западном Урале заявила о себе как о политической силе, с которой нельзя не считаться.

В январе 1994 г. Пермское областное объединение ЛДПР было зарегистрировано Управлением юстиции администрации области. В настоящее время положение ЛДПР на Западном Урале выглядит следующим образом. По различным данным в 1995 г. — начале 1996 г. в Пермской области организации ЛДПР существуют в областном центре и в наиболее крупных городах (Березники, Соликамск, Оса, Кунгур, Чайковский), всего около 20 отделений по области. Общая численность членов ЛДПР в Прикамье около 3 тыс. человек. Наиболее крупные объединения — Пермское областное и Березниковское (фактически самостоятельное). Березниковская, даже по отношению к Пермской, является более старой и более мощной.

Она фактически не подчиняется пермскому руководству, выходя прямо на московский аппарат партии (лидеры Ю.Волостных и Ю.Прибытков).

В организационном отношении Пермское областное отделение ЛДПР характеризуется довольно аморфной структурой, низким уровнем централизации. Нередко местным организациям ЛДПР присущ высокий уровень конфликтности, довольно частая смена руководства. В начале Пермскую организацию ЛДПР возглавлял А.Чулков, прославившийся своими властными амбициями и экстравагантными заявлениями от имени партии. Осенью А.Чулкова заменил А.Одегов. Весной 1995 г. в областной организации ЛДПР вновь происходит своеобразный переворот. Избирается новый координационный совет, который состоит преимущественно из руководителей пермской коммерческой фирмы «Санта», а координатором ЛДПР в Пермской области становится А.Собко.

Приход нового руководства позволяет говорить о том, что с деятельностью местной организации ЛДПР начали связывать свои интересы довольно влиятельные предпринимательские круги Прикамья, а среди местных лидеров этой партии появились весьма образованные, опытные и имеющие определенный вес люди.

В Перми создано отделение Российского диберально-демократического союза молодежи. На его учредительной конференции 15 ноября 1994 г. присутствовали 11 человек.

Если за критерий успеха и влияния партии и ее организаций брать результаты выборов, то следует указать, что с завидным постоянством (вторые выборы подряд — 1993 и 1995 гг.) большинство пришедших к урнам избирателей отдают предпочтение ЛДПР¹⁷. Таким образом, еще раз подтвердилась высокая степень популярности ЛДПР у западно-уральского электората, а также и то, что вряд ли эту популярность можно отнести к разряду случайных.

В то же время успех ЛДПР в Пермской области нельзя отнести на счет популярности и влияния местных организаций и лидеров. Несмотря на достаточно привлекательный имидж новых руководителей Пермской организации ЛДПР, ни одному из них, баллотировавшихся кандидатами в депутаты Госдумы по трем одномандатным округам Прикамья, не удалось даже приблизиться к успеху.

С.В.Неганов полагает, что даже в пору максимальной популярности ЛДПР люди, голосовавшие «за список Жириновского», не спешили вступать в партию¹⁸.

Другую, еще более ярко националистическую, великодержавную и «великорусскую» партию представляют в крае организации РНЕ.

Как известно, эта партия (лидер А.Баркашов) возникла в 1990 г., отпочковавшись от «Памяти» и стала широко известна после событий октября 1993 г. Пермская областная организация РНЕ возникла гораздо позднее — в мае 1994 г. Ее возглавил полковник в отставке В.Носков. Зарегистрирована управлением юстиции в октябре 1995 г., общая численность достигает 1 тыс. человек. Сами пермские «баркашовцы» заявляют о том, что они стараются не лезть в политику, «не светиться» в средствах массовой информации. Есть основания полагать, что организация связана с пермской старообрядческой общиной.

Как это видно из печати (в том числе и собственных изданий местной РНЕ), в уставных и программных положениях РНЕ закреплены крайние формы русского национализма: антисемитизм, шовинизм, призывы к насилию в отношении инородцев.

Союзников и на региональном уровне у РНЕ нет. К ЛДПР относятся крайне отрицательно, считая В.Жириновского провокатором. Несмотря на агитационную активность и демонстрацию деятельности, влияние этой организации, которую с достаточным основанием многие характеризуют как разновидность русского фашизма, в регионе крайне ограничено. Об этом свидетельствуют и результаты выборов в Думу. Так, лидер организации В.Носков, баллотировавшийся по одному из одномандатных округов Пермской области, занял среди 14 кандидатов одно из трех последних мест, получив всего около 1 % голосов.

Еще одной «великодержавной» организацией, которая достаточно явственно была представлена на областном политическом Олимпе до недавнего времени была Пермская областная организация КРО. Она была зарегистрирована управлением юстиции в июне 1995 г. Численность ее не превышала 20-30 человек. В основном, как и две предыдущие организации, пользуется известностью и симпатиями определенной части электората благодаря своим общероссийским лидерам. Как известно, КРО существовал с 1993 г., но стал известен лишь весной 1995 г., когда в него пришли Ю.Скоков, А.Лебедь и С.Глазьев. Именно после этого в спешном порядке, чтобы успеть к выборам, стали

создаваться и региональные организации, в том числе и на Урале. В Пермской области, кроме областного центра, нигде не удалось создать организаций КРО. Да и Пермская (лидеры О.Чернышов и А.Решетников) после провала на выборах находится на грани исчезновения.

Не способствуют утверждению организации программные и уставные положения КРО. Они, если отбросить риторику, по сути своей в той или иной мере повторяют постулаты ЛДПР и РНЕ. А как показали выборы, избирателям вторичный продукт не нужен — КРО провалился и в России, и в Прикамье, где получил 3,89% голосов. На сегодняшний момент влияние этой организации близко к нулю. Созданная исключительно с политическими, и даже более того — с узковывборными целями организация рассыпается.

Переход к многопартийности, развитие национальных движений в условиях многонационального населения в Прикамье не могли не привести к возрождению национальных или национально-культурных организаций нерусских народов. Из таковых на территории области созданы и развиваются татаро-башкирский культурный центр, еврейские организации, коми-пермяцкий центр. Эти организации и движения имеют ярко выраженную религиозную или национально-культурную окраску. Они не преследуют каких-либо значимых политических целей, направляя свою деятельность прежде всего на обеспечение условий для реализации религиозных, образовательных, просветительных и других благоприятных условий для возрождения и развития своего народа, этнической группы или национальности. Не преследуя каких-либо особых политических целей, они все же в последнее время проявляют стремление использовать те или иные политические кампании для реализации своих интересов. С другой стороны, представители политической элиты в соперничестве за те или иные руководящие посты и решения не прочь использовать эту, более или менее сплоченную и организованную, часть электората. С политической точки зрения возможности таких организаций и движений и их влияние ограничено лишь своими национальными общинами. Тем не менее они на региональном уровне могут стать важным фактором политической жизни, особенно касающейся национально-региональных проблем.

Среди разнообразия национальных объединений, организаций и движений в регионе интересны и те, которые не укладываются в привычные рамки и представляют несколько специфическое явление. В нашем сообщении мы

определили их как прочие, стремясь этим показать их отличие и от великорусских, и от национальных организаций. Но это не свидетельствует о том, что они не заслуживают того же внимания для своего изучения. Скорее наоборот, будучи явлениями в определенной степени необычными и новыми, они требуют более пристального и внимательного взгляда.

К таковым организациям относится существующее Пермское отделение общества Русско-сербской дружбы (лидер Д. Чурович). Возникновение этой организации связано с тем, что в Перми работает много сербов из югославских строительных фирм — они и входят в это общество. Своей главной целью ОРСД провозглашает помощь сербским братьям. Члены общества собирают для сербов одежду, продукты и т.д., а часть членов общества (русских) даже воевала в Югославии на стороне сербов. Возникло общество в 1993 г. Имеет влияние лишь на ограниченные социальные слои. На местном уровне политикой не занимается. Основной идеей, которую исповедует общество, служит идея единения славянских народов во имя противодействия экспансии Запада.

Из других национальных организаций региона заметной является Пермское общество российских немцев. Оно объединяет немецкую общину на территории Пермской области. Защиту и обеспечение прав этой национальной группы и преследует данное объединение. Особенно большое число лиц немецкой национальности проживает в Очере, Нытве, Краснокамске, Соликамске и других городах и населенных пунктах области. Среди них и репатриированные немцы Поволжья, и оставшиеся из числа пленных, и из числа немецких строителей, которые еще недавно возводили различные объекты на территории области. Как правило, они имеют семью и прижились на Урале. Поэтому проблема немцев выглядит не так однозначно, как ее иногда представляют. Пермское общество российских немцев стремится заниматься проблемами, относящимися лишь к интересам общины. Оно добилось передачи местной администрацией кирпичи, в помещении которой до недавнего времени находился дом актера.

Среди организаций, имеющих национальный и этнический аспект, следует назвать и Камское казачье войско. Что касается его идейной платформы, то она весьма сходна с идеями ЛДПР и РНЕ. Но главной идеей является восстановление Уральской казачьей республики со столицей в Оренбурге. Это объединение имеет ограниченное влияние

лишь в немногочисленной в Прикамье казачьей среде. И хотя провозглашают несовместительство в политике, на практике принимают участие даже в акциях, затрагивающих внешнюю политику. Представители камских казаков вместе с другими коллегами воссели в Югославии, Приднестровье и в Чечне.

Если попытаться подвести итоги краткому анализу в современных условиях национальных аспектов политических партий и движений Прикамья и Уральского региона, то можно отметить следующее. Не всегда местные организации и движения адекватны общероссийскому облику. Наиболее полную адекватность можно видеть, пожалуй, лишь у ЛДПР. Не все возникшие организации и объединения, акцентирующие свое внимание на национальных аспектах, стремящиеся утвердить себя и через определенную национальную программу и политику, видимо, будут жизнеспособны. На общероссийском фоне регион выделяется тем, что в нем набирают очки псевдонационалисты — ЛДПР. Прикамье — один из немногих российских регионов, где эта партия на выборах одержала уже вторую убедительную победу. Из рассмотренных организаций, партий реальной силой, влияющей на настроения людей, будет ЛДПР. КРО, скорее всего, просто прекратит существование. А РНЕ будет чисто сектантской организацией, не занимающейся публичной политикой, а потому и не имеющей реального влияния.

Если сопоставить формы и содержание политического процесса в его национальных аспектах в досоветской и постсоветской России на основе их анализа в Уральском регионе можно сделать следующие выводы. Переход к многопартийности, при всей новизне ситуации, в наши дни, по сути, привел к возрождению основных тенденций в политических программах и практике решения межнациональных проблем. Об этом свидетельствует то, что эти тенденции и политические силы, за ними стоящие, можно классифицировать как «великорусские», национальные (в том числе и национально-культурные) и на одном, и на другом этапе. Вместе с тем, нужно отдавать отчет, что вместе с этими тенденциями возрождаются и противоречия между ними, потенциально опасные напряженностью, межнациональными конфликтами и столкновениями.

Политическим средством ослабления этой напряженности может служить открытие максимального простора для реализации целей и стремлений организаций культурно-национального характера. Особенно это значимо для

Уральского региона, где нерусские народы и народности не проявляли особого стремления к политическому самоопределению на национальной почве.

1. Так происходили волнения башкир в Осинском уезде Пермской губернии. Поводом к ним стало распространение на башкир закона о всеобщей воинской повинности. В 80-х годах XIX в. имела место борьба башкир против политики царской администрации, направленной на захват башкирских общинных земель и раздачи их чиновникам. К башкирам присоединились татары и крестьяне других национальностей. Восставшие нападали на русских помещиков, башкирскую и татарскую верхушку, купцов. Из Уфимской губернии движение перебросилось в Красноуфимский уезд Пермской губернии (История Урала. Т.1. С.265).)

2. И хотя их деятельность и ее главная цель определялись общими «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870), согласно которым «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно должно быть обрусение и слияние их с русским народом», они способствовали распространению грамотности, приобщению к русской культуре, развитию национальных образования и культуры. В течение определенного времени преподавание в школах велось на родном языке. Это способствовало развитию и коми-пермяцких школ, появлению первых учебников на коми-пермяцком языке (букварь Е.Е.Попова и др.). Что же касается насильственной русификаторской политики, то она вызывала сопротивление в области школьного дела. (Там же. С. 267). На вторую половину XIX в. падает творчество башкирских поэтов просветителей М.М.Акмуллы (Камалетдинова), первого общепризнанного поэта Башкирии, автора многочисленных реалистических стихов, и М.С.Уметбаева, поэта, переводчика, автора перевода пушкинского «Бахчисарайского фонтана» на башкирский язык. (Там же. С.278).

3. Державин В.А., Белорыбкина Е.В. Национальный аспект в программах установках черносотенных организаций и их деятельность в Пермской губернии в начале XX века. В кн.: Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. Тезисы докладов. Пермь, 1995. С. 152- 155.

4. Корниенко С.И., Ханжина Е.В. Национальный вопрос в программных документах политических партий царской России. Там же. С. 150-152. С. 151.

5. Наиболее крупные силы монархистов были собраны под стягами Союза русского народа. В 1905-1907 гг. в губернии действовало 13 его отделов, объединяющих 4451 союзника. В 1905-1917 гг. в Пермской губернии издавались газеты «Голос народа», «Пермский вестник», «Знамя» и ряд других изданий.

6. Голос народа, 1906, 19 марта.

7. Державин В.А., Белорыбкина Е.В. Указ. соч. С.153.

8. См.: Баргтейл А.Л., Пинкас Х.В. К истории евреев г. Перми. В кн.: Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. Тезисы докладов. Пермь, 1995. С.174.

9 См.: Обухов Л.А. Национальные организации и советы Урала в 1917 году Там же. С 184

10. Корниенко С.И , Ханжина Е.Ф Указ. соч. С 150

11 Обухов Л.А. Указ. соч С. 183

12 Там же. С. 184

13. Таковыми были национальные организации коренного населения (удмуртов, чувашей, марийцев, коми) Урала. Особенно активно они стали создаваться после февраля 1917 г. В Уфе в июле 1917 г. был создан союз солдат-чувашей, представители которого вошли в состав культурно-просветительской комиссии Совета. Во всех губернских, большинстве уездных центров, а кое где и в волостях Урала возникли мусульманские организации, в основном культурнического направления. В городах, где были большие гарнизоны из числа солдат-мусульман, формировались мусульманские военные советы (шуро), имевшие как правило своих представителей в советах. Советы поддерживали решение Временного правительства о формировании национальных воинских частей. Представители Союза черемисов, наряду с мусульманами, вошли в состав Уфимского губернского исполкома крестьянских депутатов на съезде в июне 1917 г. Союз черемисов активно действовал в Вятской губернии. В Глазовском уезде той же губернии в союзе с эсерами действовало культурно-просветительное общество вотяков.

14. См : Бартейл А.Л., Пинкас Х.В. Указ. соч. С.173-174

15 Неганов С В. ЛДПР на Урале. В кн.: Социально-культурные процессы в отечественной и зарубежных цивилизациях (Проблемы изучения, истории и современности). Сб. тез. докладов и сообщений научн. конф. (Секции общественных наук). Пермь, 1995. С.48-52.

16. В Перми за ЛДПР проголосовало 14% избирателей, участвовавших в голосовании, по Пермской области — 19%.

17. В отличие от многих регионов России, в Пермской области на выборах в декабре 1995 г. в Государственную думу большинство избирателей области, пришедших на избирательные участки (около 186 тыс. или 14,8%), проголосовало не за коммунистов, а за партийный список ЛДПР.

18. Неганов С В. Указ. соч С. 49

Я.В.Леонтьев

к.и.н.,

М.Н.Магид

(Москва)

ЛЕВОНАРОДНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА И ЕЕ ТЕОРЕТИКИ

Проблема решения национального вопроса левыми народниками, принадлежавшими к общероссийским (партия левых эсеров, союз эсеров-максималистов, меньшинство ПСР) и национальным (Украинская ПЛСР, Туркестанская ПЛСР, Белорусская ПСР, Бурят-монгольская ПЛСР и другие) партиям, пока еще не подвергалась специальному рассмотрению в отечественной и зарубежной историографии.

В отличие от партий социал-демократической (марксистской) ориентации, народники всех оттенков всегда придавали огромное значение национальному вопросу. Как писал один из лидеров украинских левых эсеров Михаил Шелонин в 1918 г.: «Ни одна проблема, стоящая перед измученным социальной несправедливостью человечеством, не требует такого бережного и осторожного к себе отношения, как проблема национальная. На ее алтарь было принесено столько человеческих жизней, во имя национального ренессанса было совершено столько героических подвигов, столько потоков народной крови было пролито по вине командующих классов, систематически вливавших в национальную проблему яд человеконенавистничества и звериного шовинизма, что трудящиеся массы всех стран кровно заинтересованы в ее благополучном разрешении»¹.

Другой видный теоретик нсонародничества по национальному вопросу — Надежда Брюллова-Шаскольская, выступая на созванном после Февральской революции общепартийном эсеровском съезде 31 мая 1917 г., говорила: «Нация есть социальная среда личности... Личность определяет сама себе, к какому национальному комплексу она принадлежит, с кем она чувствует себя более всего связанной... Через понятия личности и народа, через понятия труда и творчества мы переходим к нашему социальному

пониманию нации... Буржуазия имеет свое понимание нации. Она исходит из той ложной предпосылки, против которой мы должны бороться всеми силами. Она отождествляет нацию с государством. Когда она говорит о русских интересах — она говорит о государственных интересах. Мы категорически отмежевываемся от буржуазного понятия государства и нации... С точки зрения социализма понятие нации есть понятие ее трудовых народных масс»².

Более подробное терминологическое обоснование, вкладываемое левыми народниками в понятие нации, Брюллова-Шаскольская развернула в своей брошюре «Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос», отпечатанной в типографии ЦК ПСР в 1917 г. «Тот или иной человек причисляет себя к определенному коллективу с определенными общими задачами и этот коллектив мы именуем *нацией*», — писала она. Нация — группа людей, объединенных общей исторической судьбой, совокупностью ценностей, вместе, в поколениях предков созданных и ныне вместе создаваемых, ценностей прошлого, вылившихся в *культуре* и создавших *культурную среду*, как *почву для новых* возможностей и нового творчества, творчества политического, социального и чисто культурного, научного, литературного, художественного. Большей частью эта группа продолжает жить вместе, связанная общей историей и общими задачами, теми днями, когда по выражению Михайловского «всем хорошо» или «всем плохо»»³.

Будучи поклонниками субъективной социологии, левые народники младшего поколения в своих концептуальных построениях шли за своими предшественниками и в первую очередь за П.Л.Лавровым и Н.К.Михайловским. Как и всем другим народникам, им был присущ многомерный взгляд на социальную действительность, чем они выгодно отличались от ортодоксальных марксистов, смотревших на мир сквозь призму классовой борьбы. При разработке любого аспекта неонароднических теорий важно иметь в виду то, как они понимали конфликт между личностью и обществом, то есть краеугольный камень тогдашней русской общественной мысли.

«Антагонизм личности и общества был коренным вопросом русской общественности..., — указывала Брюллова-Шаскольская. — Либо приходили к полному отрицанию личности, растворяя ее в коллективе, и до этого порою до-

ходили Толстой и Достоевский, либо утверждали нераздельное господство индивидуума, как это делали эпигоны Писарева. Но победить антиномию можно только соединив, примирив оба начала; это согласование будет эклектическим... Но соединение такое, при котором оба начала будут взаимно друг друга дополнять, будут нуждаться одно в другом, и необходимо вытекать из одного мирозерцания, это *синтетическое* понимание дала народническая «*субъективная*» социология... Из интересов личности надо исходить при построении общества, при выработке общественного идеала. Но этот индивидуализм не имеет ничего общего с ложно-индивидуалистическим либерализмом или столь близким к нему в известном смысле анархизмом; тут личность освобождена от общества, жизнь предоставлена полной прихоти эгоизма и силы, и в конце концов юридическая свобода обращается в злейшее социальное рабство, так как в свободной конкуренции торжествуют те, у кого в руках богатство и его орудие. Так знамя, поднятое во имя ничем не ограниченной свободы личности, становится знаком победы одного класса и порабощением другого, а этот другой — есть вся армия труда»⁴.

Апеллируя к духовному учителю народников, Брюллова-Шаскольская писала: «Через понятие *труд* Михайловский победоносно перебрасывает мост между личностью и обществом, сливает их воедино. «Народ — трудящиеся классы общества», — такова формула, вытекающая из критического народнического социализма. И если одно течение марксизма выделяет из понятия трудового народа только те классы, которые лишены каких бы то ни было орудий производства и логически принуждается тем самым отнести к буржуазии крестьянство и людей умственного труда, то мы кладем в основу признак *распределения* и говорим о едином трудовом народе, получающем в распределении хозяйственных благ не добавочную стоимость, а только заработную плату: о рабочих, ремесленниках, интеллигенции»⁵.

Таким образом, классовая риторика неонародников базировалась принципиально на иной основе, чем у идейных наследников Карла Маркса. Свои социологические и этические принципы они соотносили с категорическим императивом Эммануила Канта. Применяя этот критерий к социально-экономическим отношениям, они настаивали на ликвидации эксплуатации и автократии на производстве и превращении частной собственности в общенародное достояние (не путать с национализацией средств производ-

ва). Примеряя его к национальным отношениям, они полагали: «Всякий «национализм», который... заявляет: «хорошо, если развивается моя национальность, плохо, если развивается чужая» — вытекает не из идеи национальности, а из диаметрально противоположного — идеи подавления национальности». Из этого положения Брюллова-Шаскольская, будучи главной разработчицей эсеровской программы по национальному вопросу в 1917 г., выводила: «Так мы формулируем *интернационализм*, как равноправный союз федерации национальностей и уверены при этом, что носителям этого идеала могут быть опять-таки лишь трудовые, народные массы. Поднимая знамя *развития своей национальности*, социалист поднимает и знамя *интернациональной солидарности*»⁶.

Эпиграфом к цитируемой работе она взяла слова марксистского «еретика» Карла Каутского: «Самостоятельность нации является естественно необходимой предпосылкой всякой современной классовой борьбы». Свою интерпретацию национального вопроса она основывала также на работах ряда западных социалистов (Отто Бауэра и других). Непосредственным же учителем Н.Брюлловой-Шаскольской был, судя по всему, русский и еврейский социалист Марк Борисович Ратнер (1871—9.02.1917). Он был крупным общественным деятелем, известным адвокатом и литератором, основателем «Социалистической еврейской рабочей партии» (СЕРП). Ратнер первым в России выдвинул идею создания наряду с территориальными автономиями особой национальной автономии (сейма) для тех народностей, которые, подобно евреям, не занимают определенной территории, а живут рассеянно⁷. Он был одним из инициаторов созыва конференции социалистов-народников по национальному вопросу, которая состоялась 16-20 апреля 1907 г. в Финляндии. В ней приняли участие русские эсеры и родственные ПСР национальные партии: ППС, Дашнакцутюн, грузинские социалисты-федералисты, Белорусская Громада и СЕРП.

Ратнер давал следующее определение «национальности»: «это форма, в которую отливается своеобразие социально-исторической жизни народа. Нация — группа людей, которые в долгие периоды совместного существования решали или стремились решать все свои социальные задачи для себя и иначе, чем другие, вследствие чего у них и выработались своеобразные формы социального быта — своя национальность»⁸.

Развивая впоследствии его мысли, Брюллова-Шаскольская основывалась на позициях субъективной социологии. В рассуждении о том, что есть «нация», во главу угла ее ставились не столько объективные факторы (язык, общая территория, расовое сходство), сколько факторы субъективные: важно прежде всего то, кем сами люди себя считают. Необходимо констатировать также ее скептическое отношение к космополитизму, ибо с народнической точки зрения «творчество народа не может не идти вне национальных языков», а культура, хотя и имеет всечеловеческое содержание — неизбежно выливается в национальные формы.

Признавая сам факт существования наций, невозможно было отрицать такие явления, как национально-освободительная борьба, межэтнические конфликты. По мнению Брюлловой-Шаскольской, национальная буржуазия, стремясь к экспансии вовне, часто прибегает к космополитической фразеологии (для того, чтобы в частности оправдать свободу торговли) и в то же время не брезгует союзом с крайне правыми, шовинистическими элементами, стараясь нейтрализовать классовую борьбу в целях ложной «национальной консолидации». Именно поэтому подлинное равноправие наций, их творческое развитие неосуществимо без построения солидарного, неэксплуататорского, социалистического общества. «Могут быть моменты в практической деятельности, когда национальный гнет чувствуется и буржуазия, когда в борьбе принимает участие и она, — считала Брюллова-Шаскольская. — Тогда происходит блок, «сотрудничество классов» в известном вопросе... Но конечные идеалы различны и великая цель — *интернационализм через национальность, осуществляемая всем трудовым народом* — эта цель совпадает только с социализмом»⁹.

Интересно отметить, что не произошли Октябрьской революции и роспуска Учредительного собрания, национальная политика Временного правительства и последующей исполнительной власти легко могла бы быть сформирована под прямым влиянием концепции Н.Брюлловой-Шаскольской. Как раз к моменту переворота ее муж — приват-доцент Петр Шаскольский (видимо, полностью разделивший зафиксированные установки) — возглавлял национальный отдел министерства внутренних дел... Что касается самой Надежды Владимировны Брюлловой-Шаскольской (1886—1937), то она была высококлассным специалистом и ученым в области этнологии и смежных

научных дисциплин. Она получила образование на историко-филологическом факультете Высших женских курсов в Петербурге (группа всеобщей истории) и была оставлена для продолжения научной работы на кафедре древней истории. Затем стажировалась в Гейдельбергском университете в Германии. По возвращении в Россию занималась научной и педагогической работой, сдала испытания на диплом I степени Петроградского университета.

В 1910 г. она стала членом ПСР. После Февральской революции представляла партию эсеров в Совете (бюро) национально-социалистических партий, куда входили Трудовая народно-социалистическая партия, ППС, дашнаки, Еврейская объединенная социалистическая партия, Еврейская СДРП (Поалей-Цион) и другие. В течение 1917 г. Брюллова-Шаскольская дважды выступала основным докладчиком по национальному вопросу на III и IV съездах ПСР. Исходя из положений ее доклада, в июне 1917 г. III съезд партии высказался за введение в России «формы федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России»¹⁰. В отношении народов, не заселяющих определенной территории, съезд заявил, что они «могут быть соединены в экстерриториальные персонально-автономные союзы со своими местными и общегосударственными представительными органами». Подобную схему государственного устройства ПСР собиралась проводить в Учредительном собрании.

В области строительства социалистического движения в России в качестве цели эсеры провозгласили создание Российского Социалистического Интернационала. В отношении партийного строительства ПСР Брюллова-Шаскольская считала: или ей «суждено стать великорусской партией, оторвавшись от всех национальных групп, или она останется партией общероссийской и тогда должна строиться федеративно, объединяя организационно родственные национально-социалистические партии»¹¹.

В дальнейшем Н.Брюллова-Шаскольская преподавала в Харьковском университете, состоя экстраординарным профессором по кафедре истории религий. В 1919 г. Харь-

ковская организация ПСР присоединилась к меньшинству ПСР. По возвращении в Петроград Брюллова-Шаскольская работала в Музее антропологии и этнографии, преподавала в Географическом институте и Еврейском университете. В июле 1920 г. она выступила с докладом по окраинно-национальной политике на II Всероссийской конференции МПСР, в основе которого были два положения — федерализм и самоопределение народностей¹². Затем она была избрана в Центральное бюро МПСР.

О ее научных достижениях выдающийся этнограф В.Г.Богораз-Тан высказался следующим образом: «Н.В.Брюллова-Шаскольская известна мне как ценный научный работник в области этнографии и музейного строительства... Я считаю ее работу достойной всякого внимания как в теоретической, так и в полевой исследовательской области»¹³. Однако в 1922 г. она была сослана в Среднюю Азию (Ташкент, Ашхабад, Самарканд). В 1933 г. по делу «народнического центра» (Иванова-Разумника и других) была сослана в Ташкент повторно. В ссылках она заведовала отделом кочевых народов Среднеазиатского музея, работала консультантом по музейным вопросам в аппарате Комитета науки при ЦИК Узбекской ССР, преподавала в вузах. В 1937 г. была арестована и расстреляна.

Другой левонароднический теоретик национального вопроса — член ЦК Украинской ПЛСР Михаил Аркадьевич Шелонин также обращался в своей работе «Национальные проблемы» к положениям, высказанным М.Б.Ратнером. Будучи левым радикалом, сторонником власти Советов, он выступал за полное отстранение буржуазии от решения национального вопроса. В развитии идеи об экстерриториальных союзах он выдвигал принцип национального представительства в Советах, при которых должны были создаваться дополнительные палаты. Число депутатов от каждой национальной группы должно было быть пропорционально ее численности в данном регионе. Экстерриториальные союзы, по его мнению, могли иметь собственную структуру: образовательные и медицинские учреждения, культурные центры и т.д. Каждый человек мог самостоятельно идентифицировать свою национальность и в зависимости от этого участвовать в выборах и самоуправлении своего союза.

Подобно Брюлловой-Шаскольской М.Шелонин тоже неоднократно арестовывался, отбывал заключение в Суздальском политическом изоляторе. Дальнейшая его судьба не выяснена.

1. Шелонин Мих. Национальные проблемы. Одесса, 1919. С. 3.
2. Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 296-297.
3. Брюллова-Шаскольская Н.В. Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос. С. 9-10.
4. Там же. С. 7.
5. Там же. С. 7-8.
6. Там же. С. 14.
7. Шаскольский П. Памяти М.Б.Ратнера // Русские записки, 1917, № 2-3.
8. Серп, 1907, № 1. С. 21.
9. Брюллова-Шаскольская Н.В. Указ. соч. С. 14.
10. Протоколы Третьего съезда ПСР. С. 481.
11. Брюллова-Шаскольская Н. Национальный вопрос на IV съезде // Партийные известия, 1917, № 5, стб. 10.
12. Народ, 1921, № 6(1), стб. 23.
13. Рекомендация для Самаркандского научно-исследовательского института, 1929 (Личный архив семьи Шаскольских (Москва)).

Л.Бызов
к.ф.н.
В.Петухов
к.ф.н.
(Москва)

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В МОБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТОРАТА

Когда в рамках современного политического процесса речь идет о национальной идее и политических партиях и движениях национальной (националистической) ориентации, обычно имеются в виду ценности, связанные с борьбой за гражданские и политические права той или иной национальной группы, чаще всего — национального меньшинства. В современной России, стране многонациональной, этнически неоднородной, эти движения присутствуют, хотя «градус» политического и национального «разогрева» достаточно различный: от вполне разогретого и даже перегретого Кавказа, жестко ориентированного на этническую консолидацию Поволжья до спокойных — Хакассии, Карелии, Эвенкии и Чукотки. Есть (как и всегда были в России) русские националисты, борющиеся за права русского народа (например, права русской диаспоры в Ближнем, преимущественно, Зарубежье — Конгресс русских общин), и его политическое и государственное самоопределение (сторонники создания «Русской республики»). На прошедших в декабре 1995 г. парламентских выборах все партии «русской» ориентации потерпели поражение, хотя тот же Конгресс русских общин считался одним из фаворитов (справедливости ради, шансы на удачное выступление КРО полностью связывались с популярной и харизматической фигурой генерала Лебедева, шедшего вторым в списках этой организации, а не с интересом русской общественности к проблеме нарушения гражданских прав в отношении русской диаспоры). Декабрьские выборы продолжили грустную для «русской» партии традицию, сформировавшуюся в 90-е годы — проигрывать все возможные выборы. Президентские выборы 1996 г. снова ставят сторонников русской национальной идеи перед выбором: коммунисты или либералы? Да и прочие кандидаты, не имеющие реальных шансов, избегают «налегать» на «русский вопрос» (его отчасти использует в своей риторике В.Жириновский; радикаль-

ный русский националист Ю.Власов тем болсе обречен на политическое аутсайдерство).

Принято считать, что для современной России характерно разделение электората на три основные группы, соответствующие их политическим ориентациям: либералы-западники (их иногда называют «демократы»), «левые» (коммунисты, социалисты), национал-патриоты (национал-государственники, «правые», «почвенники»). При этом, если коммунисты были значительное время у власти, либералы подготовили и осуществили «революцию» 1990—1991 гг. и в основном своими силами и на базе своих принципов сформировали режим, который можно условно назвать «послеавгустовским», то национал-патриоты, в чистом виде у власти не бывшие, часто воспринимаются как «третья сила», наиболее перспективная с точки зрения прихода к власти в обозримом будущем.

Приведем результаты последних опросов, проведенных в 1995-1996 гг. по национальной выборке, охватывавшей 15 регионов России, всего опрашивалось 1800 человек (Российский независимый институт социальных и национальных проблем).

	июль 95	декабрь 95	май 96
за «демократов»	16,8	15,4	17,1
за «националистов»	9,6	10,7	11,2
за «коммунистов»	18,1	20,6	22,7
за «центристов»	15,0	13,6	12,2
не определились	39,8	39,7	36,8

«Русские националисты», «сторонники возрождения русской нации и поиска самостоятельного русского пути» в обследованных регионах нигде не набирают более 15%, больше всего — между 14 и 15% — в Ставрополе и Екатеринбурге, менее всего в Москве (8,9%); Кемерово (5,6% — там очень сильны позиции национал-коммуниста А.Тулеева, а стихийно консервативный электорат плохо расчленим); национальных автономиях — Татарстане и Коми (соответственно, 3,1% и 5,8%).

Можно констатировать, что в посткоммунистической России роль национальной идеи вообще значительно скромнее, чем в других странах, находящихся или находившихся на аналогичной стадии — переходе от индуст-

риального общества с сохранившимися существенными характерными чертами традиционного общества — к постиндустриальному.

Чтобы понять, почему активный националистический электорат столь ограничен в России, следует рассмотреть некоторые его качественные характеристики.

Стремление к построению национального государства (т.е. национальный изоляционизм) непосредственно вытекает из характера процессов модернизации. «Модернизация разрушала империю именно потому, что она созидала нацию... Восстановление общей государственности было бы не на пользу России... Носители социальной архаики стали бы тормозом общего движения к гражданскому обществу» (А.Вишневский, «Полис», № 2, 1994). По мнению И.Клямкина, в соответствии с этим вектором, русский национализм проявляется в России в большей степени в форме поиска великорусской этнической идентичности, а не в идеях «державности» и пресловутом «имперском сознании». Последние исследования, выполненные в РНИСиНП, скорее подтверждают наши представления о том, что ностальгия по утраченной «державе» носит скорее ритуально-парадный характер в массовом сознании, то есть провозглашается, но реальная ее актуальность остается за пределами, по крайней мере «первой пятерки», наиболее актуальных проблем для сегодняшних россиян.

В качестве примера сошлемся на некоторые данные, полученные нами в период с 1993 по 1995 гг. в исследовании, проведенном в России и Ближнем Зарубежье. Так, в 1995 г. в Москве к факту распада СССР положительно и скорее положительно отнеслись 51 % опрошенных; отрицательно и скорее отрицательно — 32 %. В Н.Новгороде и Нижегородской области — соответственно 46 % и 50 %. В то же время представители русской диаспоры в Узбекистане характеризуются цифрами 13 % и 85 %. В Москве за то, чтобы и в дальнейшем республики бывшего СССР были независимыми государствами высказалось 27 %, а за воссоздание единого государства — 21 %. В Нижегородской области соответственно 34 % и 28 %; русские в Узбекистане — 4 % и 53 %.

На вопрос, с какими странами мира следует поддерживать тесные отношения, лишь 2 % назвали Узбекистан и Таджикистан, ни одного — Туркмению или Киргизию. Соответственно, столько же называют республики Центральной Азии в качестве тех стран, с которыми следует объединиться в единое государство. Более 50 % россиян считают,

что следует разрешить Чечне создать самостоятельное государство. Таким образом, по вопросу о конфигурации будущей России единомыслия нет. То же касается и собственно среды сторонников русской национальной идеи. Выделяются сторонники создания национальной русской государственности, сторонники «союза славянских народов», сторонники восстановления «евразийской» империи (православно-мусульманского союза). Приведем данные всероссийского опроса в июле 1995 г. (сводные по нескольким вопросам):

	Москва	провинция
сторонники национального государства	13	17
сторонники «союза славянских народов»	29	27
сторонники воссоздания СССР в полном объеме	9	14
остальные затруднились ответить		

В период «расцвета» радикально-либеральной идеологии в 1990—1991 гг. большинство аналитиков полагали, что неизбежно и весьма скоро наступит жесткая «реакция» в виде возврата к традиционным национал-государственным ценностям. Ряд аналитиков и идеологов этого направления (С.Кургинян, А.Дугин, А.Проханов) предсказывали в России «консервативную революцию», причем, уже не позднее середины 90-х годов, тем более неотвратимую и радикальную, чем дольше остаются у власти «либерально-космополитические» силы. С другой стороны, существовало мнение, что ставка на националистические силы в сегодняшней России бесперспективна, поскольку русский этнос слабо «пассионарен», и по сравнению с другими странами, избавившимися от коммунистического тоталитаризма, и в постсоветском пространстве, и в Восточной Европе, Россия остается едва ли не единственной страной, в которой «антикоммунистическую революцию» осуществили не националистические (национал-демократические) силы, а либерально-космополитические. Пять лет, прошедшие с 91 года, показали, что либерализм в России в его антинационально-космополитическом варианте имеет значительно большие корни, чем это могли предположить в свое время даже самые вдумчивые аналитики. Особенно показателен в этом отношении ход президентской избирательной кампании 96 года. Зюганов, выступающий в качестве лидера некоей «национал-патриотической» коалиции — реально, в гораздо большей степени национал-государ-

ственник, традиционный консерватор, нежели коммунист, — отторгается массовым городским сознанием, фактически представляя «традиционалистскую резервацию». Ельцин, в течение последних лет эволюционировавший в направлении консервативно-бюрократического государственничества с элементами полицейского режима, вновь перед выборами оказался вынужден опереться на «демократов» и стоящие за ними политические и финансовые структуры.

Глубокий раскол общества на субкультурные группы (по нашему мнению, имеющие уже и некие субэтнические характеристики) препятствует выработке единого национального сознания, общей национальной идеологии, основанной на единой идентификации (этнической, исторической и политической), появлению признанных общенациональных лидеров. Уже приходилось писать о том, что приверженность той или иной идеологии в России носит далеко не однозначно рациональный характер. Проще всего было бы утверждать, что сторонники «реформаторов» — это просто адаптированные к социально-экономической ситуации граждане. Экономический фактор определяет политический выбор вовсе не столь однозначно. В условиях этнокультурного раскола «Демвыбор» Е.Гайдара, например, выступает фактически в качестве национального движения космополитического городского субэтнуса, а коммунисты — в лице Г.Зюганова — в качестве «национального движения», отражающего идентификационные интересы традиционного субэтнуса. Образно выражаясь, «партия туземцев» против «партии колонизаторов».

Дело, на наш взгляд, состоит в том, что в отличие от западной цивилизации, где социалистические тенденции носят однозначно антиконсервативный и антинационалистический характер, в России они составляют национальную традицию. Массовое консервативное сознание, опорой которого является российская глубинка, является национал-социалистическим. Основная черта его состоит в отношении к государству как высшей ценности, являющейся гарантом воспроизводства некоторых жизненных устоев, включающих своеобразное понятие о социальной справедливости, национального самосохранения, прогресса, этнополитических ориентаций. Соответственно, ориентация на власть как таковую составляет важную характеристику консервативного электората. Революционаризм национал-патриотической оппозиции противоречит ожи-

даниям стихийного национал-патриотического электората и препятствует ее электоральному успеху.

Сегодня консервативный электорат в основном сплочен вокруг местной власти, за редким исключением воспринимаемой как «настоящая власть» в отличие от кремлевской, «не совсем настоящей». Соответственно, в регионах, где сохранилась старая коммунистическая элита (Черноземье), он окрашивается в «красные» цвета. Наоборот, этнический национализм характерен для окраинных субэтносов (типа уральского, сибирского и северокавказского казачества, других жителей Ставрополя и Краснодарского края, представителей русской диаспоры в Ближнем Зарубежье и ряде внутрироссийских автономий; имеет место также явно выраженное расслоение в среде столичной, особенно гуманитарной интеллигенции, на космополитическую и «русскую» партии). В этих регионах и в этих группах тот же консерватизм окрашивается, условно говоря, чуть в «коричневые» цвета.

Несмотря на попытки противостояния политизированных националистических и коммунистических партийных элит, массовый консервативный электорат слабо расчленим. То есть, никакой «третьей силы» сторонники «национальной идеи» пока представить не смогли. В элитных группах они практически никакими позициями не располагают. Между тем, успех Жириновского на выборах 1993-1995 гг. позволяет утверждать, что «социальный заказ» на третью силу в лице националистов существует. Но адекватной политической институционализации он не находит. Кроме традиционного консервативного электората российской глубинки, за Жириновского проголосовали представители активных в рыночном отношении регионов — Дальнего Востока, Калининграда, Севера и Северо-Запада. Эту группу электората можно назвать национал-либералами. Она состоит из «новых русских» и близких к ним социальных слоев, поддержавших в свое время «либерально-буржуазную» революцию, и стремящихся ныне создать сильное государство, способное предотвратить передел собственности в пользу иных социальных и этнических групп.

В отличие от национал-традиционалистов, сторонники либеральной модели в основном сосредоточены в столичных мегаполисах и некоторых регионах по периметру государств, богатых ресурсами и торговым капиталом. Наблюдения за их электоральной мотивацией показывают зачастую иррациональный характер. Так, кроме «новых

русских», за либерально-космополитические ценности последовательно выступают группы, чье положение ухудшилось и продолжает ухудшаться. То есть, имеет, по-видимому, место не столько социально-экономический, сколько этнокультурный феномен.

Если проследить динамику количественных показателей национал-патриотического электората, то обращают на себя внимание следующие моменты. В середине 80-х «национал-патриотическая компонента» присутствовала на равных с либеральной в формировании перестроечной контрэлиты, впоследствии выдвинувшейся на первые роли в суверенной России. Признанные лидеры русских националистов того времени — известные писатели и деятели культуры (В.Распутин, В.Белов и другие) — пользовались исключительно высоким авторитетом, были своего рода лидерами общественного мнения наряду с другими культурными «символами» перестройки (см., например, один из первых опросов общественного мнения на эту тему, проведенный одним из авторов доклада в 1988 г. — «Век XX и мир», 1989, № 3).

Но уже в 1987-1988 гг. в культурной и политической элите началось стремительное размежевание. Побеждавшей при поддержке высшего кремлевского руководства западнической партии удалось «загнать» своих оппонентов на радикально-маргинальные позиции (связать их с провокационным обществом «Память», непопулярным Е.Лигачевым и другими, навязать им имидж реакционеров-антиперестройщиков) и таким образом сильно подорвать их позиции в массовом сознании. Например, в 1989 г. в Москве, согласно данным нашего опроса, за то, чтобы «страна стала такой же, как цивилизованные страны Запада», высказывалось около 56% респондентов, за то, чтобы «страна развивала свою самобытность, не стремилась во всем следовать за странами Запада» — всего 11%. Отношение к лидерам патриотической контрэлиты стало явно отрицательным. На благодатную почву упала борьба с имперским сознанием. Так, по опросам, проведенным в начале 1990 г. в Москве, лишь 13% высказывали сожаление в связи с односторонним провозглашением суверенитета Литвой при 32% одобряющих этот акт и остальных равнодушных. Позднее с равнодушным одобрением и населением, и политической элитой в целом от либералов до национал-коммунистов из КПРФ был встречен распад

СССР (68% москвичей, согласно опросам, проведенным 10 декабря 1991 г., поддержало Беловежские соглашения при 7% высказавшихся против — в тот период, чтобы ни делал Ельцин, все воспринималось положительно; лишь несколько депутатов ВС РФ, в котором уже через год будет доминировать непримиримая национал-коммунистическая оппозиция, выступили против или воздержались при ратификации Беловежских соглашений).

Что же касается российской глубинки, то она в этот период находилась в состоянии апатии, явно не выражая своего мнения. В конце 1989-1990 гг. произошло блокирование либералов с наиболее динамичной частью националистической контрэлиты, сплотившейся в то время вокруг только что образованной КПРФ. Именно благодаря поддержке этой части националистического спектра либералам удалось провозгласить суверенитет РСФСР (в этом они были поддержаны практически всеми лидерами российских националистов от В.Распутина до С.Бабурина и В.Аксючица) и надолго захватить политическую инициативу.

Однако после августа 1991 г. националисты-почвенники были практически исключены из формировавшейся политической элиты, а Ельцину в качестве национального лидера удалось в то время объединить вокруг себя значительную часть стихийного националистического электората, воспринимавшего его в качестве «сильной руки», авторитарного вождя, способного противостоять антинациональной политике М.Горбачева. Гайдаровские реформы уже к середине 1992 г. значительно подорвали поддержку либералов, российская провинция стала достаточно определенно склоняться в направлении коммунистов и патриотов, что же касается Москвы, то снижение поддержки в московском электорате либералов не приводило все это время к усилению позиций националистов.

	Москва		крупные города		малые города и села	
	годы		годы		годы	
поддержка	92	93	92	93	92	93
«демократов»	24	26	15	10	8	3
«коммунистов»	3	5	5	11	6	14
«патриотов»	6	4	9	8	14	16

Подводя итоги качественных характеристик националистического электората, подчеркнем следующий вывод.

Выделяются две группы националистического электората: традиционный национал-консерватизм российской глубинки и этнический национализм сторонников создания национального государства, тяготеющий к либеральному электорату мегаполисов и в социальном аспекте — классу национальной буржуазии. В качестве особой группы можно выделить и почвенническую интеллигенцию (наиболее известный представитель — А.Солженицын), однако массового и организованного электората она пока не имеет. Этнический же национализм, спровоцированный процессами либеральной модернизации, носит для России анти-традиционный характер и не встречает поддержки традиционно консервативного электората. Несколько слов следует сказать и о так называемой «белой идеологии» православных антикоммунистов, составлявших в 70-е годы одну из ветвей диссидентского движения (И.Шафаревич, Вл.Осипов, Дм.Дудко) — иногда ее называют «консервативно-монархической». После краха коммунистического режима стало ясно, что опора на традиционный православный менталитет несовместима с радикально-либеральной доктриной, поскольку православие является оплотом стихийного социализма с его взглядами на соборность, отрицательным отношением к культу богатства и т.п. Следование же либерально-радикальной доктрине с ее антикоммунизмом ведет к фактическому разрыву с православием (Глеб Якунин). Впрочем, избирательная кампания 1996 г., может быть, заставляет усомниться в высказанном тезисе. Откровенная поддержка руководством РПЦ Б.Ельцина и участие иерархов РПЦ в массовой антикоммунистической пропаганде по-человечески понятны: слишком много неприятных моментов связано с коммунистическим периодом, да и материальная поддержка «новых русских» и государственной администрации более весома, чем со стороны «старых русских». Понятно также, что руководство РПЦ ищет возможности восстановить некоторые общественные функции, связываемые с контролем Церкви за нравственностью и благонадежностью прихожан. Однако совершаемое таким образом «предательство» традиционного электората может впоследствии слишком дорого обойтись авторитету РПЦ.

Консервативно-монархическая идеология продолжает демонстрировать свою беспомощность с точки зрения мобилизации сколько-нибудь значительных электоральных

групп. Потерпел поражение на выборах 1995 г. А.Руцкой. Ни к чему не привели попытки М.Астафьева сколотить «право-консервативный центр». Наиболее адекватно эту идеологию сегодня выражает постоянно действующее Православное политическое совещание (им руководят — протоиерей о.В.Свешников, историк В.Махнач, публицист В.Лебедев, среди «завсегдатаев» С.Глазьев, Н.Нарочницкая, М.Астафьев, В.Аксюциц).

Уже не кажутся, как несколько лет назад, столь экзотичными монархисты — интерес к этой идее заметно угас «в низах», но постоянно усиливается «в верхах». За монархию стабильно выступает от 3% до 5% россиян, а идея монархии стала использоваться некоторыми сторонниками режима в попытках усилить его легитимность (Никита Михалков, А.Собчак, Б.Денисенко, «Партия большинства»).

Как мы отмечали выше, кроме трудно преодолимых идейных противоречий, в национал-патриотическом лагере нет и организационного единства (как у коммунистов, где явный лидер Г.Зюганов и ряд «вождей», значительно уступающих ему по политическому весу). Радикальные группировки (в том числе обычно связываемые с «русским фашизмом»), как показывают опросы, имеют крайне малочисленный электорат, не соответствующий их громкой славе. Это касается таких лидеров как А.Баркашов, Н.Лысенко и других.

Таким образом, мобилизационный потенциал национальной идеи в России остается сравнительно небольшим — гораздо меньше, чем это вытекает из объективных факторов. Проблема — в рыхлости этнического русского ядра, раздираемого социальными и культурными противоречиями. Очевидно от преодоления этих противоречий и зависит будущность российской государственности.

С.А.Еньков
к.ф.н.
(Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы с большим удовлетворением принял Ваше приглашение участвовать в работе конференции и прежде всего потому, что специфика законотворческой деятельности нашего Комитета теснейшим образом связана с проблематикой сегодняшней конференции. Мы уверены, что доклады и сообщения по истории национальных политических партий России обогатят не только историческую науку, но и послужат стимулом для законодателей чаще и пристальнее изучать политическую историю своей Родины и использовать эти знания в парламентской деятельности.

Становление гражданского общества происходит под воздействием множества факторов экономического, социально-политического, международного и нравственного характера.

Развитие в России гражданского общества является основой и гарантией необратимости демократических преобразований. Без самоорганизации разнообразных гражданских инициатив невозможно по-настоящему эффективное функционирование общественных механизмов, их естественное реформирование и развитие, а, следовательно, полноценная, устойчивая и благополучная жизнь человека.

Сложность и специфика российской ситуации состоят в том, что в силу исторических причин основы гражданского общества и демократического государства формируются у нас практически одновременно. В этих условиях они нуждаются во взаимной поддержке. Разумно, гражданское общество невозможно установить декретом сверху. Но государство может и должно обеспечить стартовые условия для формирования институтов гражданского общества.

Именно на реализацию этой концепции и были направлены усилия Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций за время деятельности Государственной Думы первого созыва и в настоящем. Учитывая свою профильную направлен-

ность, Комитет включил в план законопроектных работ целый блок законов, регулирующих деятельность различных институтов гражданского общества.

К числу первоочередных можно отнести законы: «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и целый ряд других.

В ходе разработки данных законопроектов Комитетом привлекались специалисты различных профилей, в том числе, и специалисты по истории политических партий, политологии и т.д. Думаем, что и данный представительный форум известных специалистов в области политической истории позволит нам шире и предметнее посмотреть на качественную сторону законотворческой деятельности Государственной Думы в плане работы над законодательной основой многопартийности нашего общества. Наш Комитет готов к самому тесному сотрудничеству с научным сообществом, ибо Вашими усилиями происходит изучение и осмысление исторических и современных процессов многопартийности в нашей стране, столь необходимых и обогащающих законотворческую деятельность.

Все ранее перечисленные законопроекты разрабатывались и рассматривались в пакете, то есть в тесной увязке взаимообуславливающих норм, содержащихся в разных законах, но затрагивающих смежные сферы общественной жизни.

Основным, базовым законом для всех форм и видов организованной негосударственной деятельности является Федеральный закон «Об общественных объединениях» (в первоначальном варианте «О праве граждан на объединение»), который вступил в силу 25 мая 1995 г. До этого деятельность общественных объединений регулировалась союзным Законом «Об общественных объединениях» 1990 г. Необходимость принятия нового Закона была вызвана насущной потребностью:

- дать законодательные гарантии реализации гражданами права на объединение, предусмотренного Конституцией Российской Федерации;

- привести правовую основу деятельности объединений граждан на территории Российской Федерации в соответствие с международными договорами, а также с потреб-

ностями практики создания общественных объединений, обгоняющей нормативное регулирование;

— создать базу для дальнейшего развития специального законодательства об отдельных видах объединений граждан, отражающего структуру гражданского общества и создающего необходимые условия для его развития в Российской Федерации.

Новый Закон кардинально меняет правовую основу отношений между государством и гражданским обществом. Закон основан на международном принципе свободы ассоциаций и закрепляет право граждан создавать объединения без предварительного разрешения государственных органов. Новый Закон четко разделяет сферу государственной деятельности и общественной инициативы. Препятствуя бесконтрольному расходованию государственной собственности, Закон запрещает государственным органам становиться учредителями любых видов общественных объединений. Новый Закон позволяет объединениям самим выбирать правовую форму своего существования из описанных в тексте Закона — от общественных фондов до органов общественной самодеятельности.

Важной особенностью Федерального закона является его универсальность (гибкость) — он оставляет достаточно свободы для последующего нормотворчества, не затрагивая специфику деятельности конкретных видов объединений — партий, профсоюзов, благотворительных организаций и т.д., устанавливая для них лишь общеобязательные принципы. Но до тех пор, пока эти специальные законы не будут приняты, все виды негосударственных инициативных объединений, не преследующих цели извлечения прибыли, могут создаваться и действовать по настоящему Федеральному закону (кроме религиозных организаций, о которых уже существует специальное законодательство).

В Российской Федерации в настоящее время процесс формирования партий идет весьма интенсивно. В настоящее время Министерством юстиции России зарегистрировано 85 политических партий. Вместе с тем их статус до сих пор законодательно почти не урегулирован, так как после распада СССР, где действовал союзный закон «Об общественных объединениях», устанавливающий минимальную численность общесоюзной партии в 5 тыс. членов, Минюст отказался от этой планки и процесс регистрации значительно упростился. В настоящее время Минюст с принятием Федерального закона «Об общественных объединениях» вернулся к требованию минимальной численности в 5

тыс. членов, так как новый Закон не отменил прежнюю норму старого союзного закона. И по-прежнему многие партии в период «межзаконья» были зарегистрированы с минимальным количеством членов.

Вторая проблема — во многих изданиях можно найти совершенно фантастические цифры количества зарегистрированных партий. Объяснение простое — средства массовой информации чуть ли не ежедневно сообщают о создании очередной политической партии. Но создать политическую партию — не означает ее официально зарегистрировать. Словом, по нынешнему законодательству партия может существовать и действовать и не прибегая к официальной регистрации. Вот откуда разночтение в цифрах, иными словами, данная проблема — проблема методики подсчета. С принятием закона «О политических партиях» должна быть осуществлена до 1 января 1997 г. перерегистрация всех политических партий, что поставит барьер перед партиями «карликами», или как их часто называют, партиями «на троих». Таков лишь краткий перечень проблем, в связи с чем принятие Федерального закона «О политических партиях» является чрезвычайно актуальным.

Сложная судьба сложилась у данного закона. Объясняется это тем, что он затрагивает интересы всех партий и, учитывая достаточно широкий разброс, а порой и полярно противоположные политические позиции, добиться их консенсуса было достаточно сложно. Работа над проектом закона «О политических партиях» началась еще в Верховном Совете, но он так и не был вынесен на рассмотрение палат. Комитет начал работу над ним с первых месяцев своего существования. Дважды он выносился Комитетом на первое чтение и отклонялся, и только с третьего раза удалось собрать необходимое число голосов для принятия в первом чтении. Второе чтение происходило не менее сложно, ибо потребовалось дважды убеждать депутатов поддерживать законопроект и, наконец, на предпоследнем пленарном заседании 8 декабря 1995 г. он был принят Государственной Думой и направлен в Совет Федерации. 7 февраля Федеральный закон «О политических партиях» Советом Федерации был отклонен. В настоящее время наш Комитет проводит консультации с Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам о возможности создания согласительной комиссии и принятия данного закона обеими палатами Федерального Собрания. В ходе рабочих консультаций с Комитетом Совета Федерации по конституционному законода-

тельству и судебно-правовым вопросам мы стремимся достигнуть взаимопонимания по тем поправкам, которые воспрепятствовали принятию закона «О политических партиях» в Совете Федерации. Рабочие встречи показывают, что по большинству проблем согласия достичь возможно, но есть и сложности, в частности, по вопросу, где должна быть запрещена деятельность структур политических партий. Комитет Совета Федерации считает, что запрет должен касаться всех организаций, включая средства массовой информации, созданные с участием государства. На наш взгляд, надо определить, о какой доли участия государства следует вести речь.

Несомненным достоинством Федерального закона «О политических партиях» является то, что он тесно связан с Федеральными законами «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и с базовым законом «Об общественных объединениях», что позволяет в значительной степени избежать противоречий и разночтений в законодательстве.

Регулируя отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами конституционного права на идеологическое и политическое многообразие, Закон «О политических партиях» предоставляет широкие демократические права политическим партиям в плане их образования и деятельности.

Вы, наверно, обратили внимание, что наш Комитет называется Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций. В программе Вашей конференции запланирован ряд докладов и сообщений, где затрагиваются проблемы взаимоотношений политических партий и движений с религиозными течениями. Для законодателей многонациональной и многоконфессиональной страны научная проработка данных вопросов представляется чрезвычайно актуальной.

В заключение хочу пожелать успеха всем участникам конференции, ибо у парламентариев и ученых общая цель — благо и процветание нашей многонациональной Родины.

Раздел третий

ДИСКУССИЯ

А. Д. Степанский
д.и.н., проф.
(Москва)

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПАРТИЙНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Я поддерживаю мысль А.И.Зевелева о подготовке обобщающего труда по истории национальных партий России. В данной связи хочу обратить внимание на две проблемы, которые наверняка придется затронуть в этом труде.

Первая проблема — о соотношении между партиями национальными и «многонациональными». Как известно, большинство «общероссийских» партий демократической и либеральной ориентации включало в свой состав не только русских, но и представителей национальных меньшинств (порой в заметном количестве). И тут возникает любопытный вопрос: почему, например, одни евреи шли в «национальный» Бунд, а другие — к «общероссийским» меньшевикам.

Вопрос этот связан актуальной проблемой так называемых «русскоязычных», то есть людей не русской национальности, чьим родным языком стал русский. Для России XX в. характерен бурный рост количества таких ассимилированных (или аккультурированных) людей, играющих весьма заметную роль в политической и культурной жизни. Роль эта заслуживает специального изучения — в том числе и в плане влияния ассимилянтов на формирование национальной политики общероссийских партий и взаимоотношений этих последних с партиями национальными. Здесь надо учитывать и то, что некоторые деятели работали одновременно и в общероссийских и в национальных организациях.

Вторая проблема — о соотношении между партийностью национальной и региональной. В общероссийских масштабах почти всякая национальная партия может рассматриваться и как региональная. Здесь не могут не проявляться некоторые специфические моменты, связанные с «периферийностью» политических движений и организаций вообще — сравните, например, работы И.В.Нарского о «провинциальной партийности». Кстати, термин «про-

винциальный» в русском языке может употребляться и в уничижительном значении. Ну что ж, может быть, историкам позволено будет говорить и о таком «провинциализме» некоторых национальных партий.

Говоря о соотношении национального и регионального, необходимо также учитывать специфику деятельности национальных партий в районах компактного проживания своей национальности и в диаспоре. Специального подхода требует и изучение системы партий в многонациональных регионах.

О.В.Волобуев
д.и.н., проф.
(Москва)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ

Впервые систематизированный и аналитический обзор национальных партий России был дан в 3-м томе (книга 5) меньшевистского издания «Общественное движение в России в начале XX-го века» (СПб., 1914). Это был обобщающий труд, написанный с марксистских позиций и основанный на классовом подходе к оценке политических партий. Национальные партии в посвященном им очерке К.Залевского классифицировались по идейно-классовым критериям: социалистические (с подразделением на социал-демократические и народнические), буржуазные (с выделением партий буржуазной демократии) и реакционные.

Оценка национальных партий России в советской историографии, естественно, основывалась на том же, что и у меньшевиков, марксистском классовом подходе, но в его более жестком варианте большевистской интерпретации. На этот вариант несомненный отпечаток наложил опыт ликвидации национально-государственных новообразований в ходе гражданской войны и создание федеративного по форме, но унитарного по сущности Советского Союза, в котором коммунистическая партия непрестанно боролась как с реальным национализмом, так и с демократическими, автономистскими и децентрализаторскими тенденциями под флагом искоренения национализма. В классической большевистской интерпретации все национальные партии применительно к 1917 и последующим годам именовались не иначе как мелкобуржуазные и буржуазные партии и контрреволюции.

Показательно, что в обобщающем состоянии советской историографии по рассматриваемой проблематике к середине 80-х годов труде «Непролетарские партии России. Урок истории» (М., 1984) характеристика национальных партий до 1917 г. давалась в главах, посвященных так называемым мелкобуржуазным (небольшевистским социа-

листическим) и буржуазным (либеральным и консервативным) партиям.

Идеологический, с отходом от жестоклассового, принцип группировки национальных партий сохраняется в отечественной историографии вплоть до настоящего времени. В лучшем по научному уровню издании «Программы политических партий России. Конiec XIX—начало XX вв.» (М., 1995) национальные партии распределены по таким рубрикам: партии социалистической ориентации (социал-демократические и неонароднические); либералы и консерваторы; монархисты. Данная классификация возможна, но специфики национальных партий она не учитывает.

Представляется, что необходима выработка новых принципов (критериев) классификации национальных партий. Начнем с такого простого вопроса, какие же партии можно отнести к национальным. В современной русской научной литературе термин «нация» может фигурировать (применяться) в двух смыслах: нация-этнос и нация-согражданство. Во втором он заимствован из соответствующей трактовки понятия, утвердившегося в XIX—XX вв. на Западе. В соответствии с установившейся в русском языке терминологической традицией будем считать «нацию» и «этнос» понятиями тождественными. Поэтому определение «национальные партии» сопряжено с тем, что в системе их приоритетов доминирующую роль играют этнические, а не идеологические установки. Другое дело, что им присуще те или иные монархически-сословные, конфессиональные, либеральные или социалистические ориентации. Причем возможна и эклектика: сочетание либеральных и социалистических, конфессиональных и социалистических и т.д. элементов в партийных программах.

В отечественной политической и научной литературе обходится вопрос о том, что черносотенные партии можно также считать национальными, ибо наличествует главный критерий для такого определения: доминирующее значение национального начала в решении комплекса проблем общественно-государственного бытия. Обратимся к программе Русской монархической партии (здесь и далее используются материалы публикации «Программы политических партий России. Конiec XIX—начало XX вв.»). В ней сформулировано пять условий русского государствен-

ного единства: сохранение самодержавия, приоритет Русской православной церкви, единое законодательство, монополия единого русского государственного языка и единой русской государственной школы (с. 427). Сходные программные установки обнаруживаются и в «Основных положениях Союза русского народа», где декларируется восстановление «исконной русской православной земско-государственной соборности», при которой «все инославные и нехристианские народности являются на Земский Собор или в Государственную думу только на правах челобитчиков» (с. 442). Комментарий к этим программным установкам однозначен: речь идет об исключительных привилегированных правах одного русского народа на Российское государство, созданное, разумеется, им, но превратившееся — так сложилась история — в многоэтническое и многоконфессиональное. Подобный тип национальных партий можно квалифицировать как имперские или этноимперские, поскольку имеются две сверхценностные взаимодополняющие установки: господствующий этнос и его империя.

Наиболее распространенный в России первых десятилетий XX в. тип национальных партий можно назвать автономистским или этнорегиональным. В своих рядах подобные партии объединяли жителей национальных регионов по этнической принадлежности. В программах этих партий национальные требования переплетались с политическими и социальными, но по отношению к последним имели, как правило, главенствующее значение. Все эти партии требовали той или иной степени автономии в рамках Российского государства, преобразованного в демократическое и федеративное. При этом партии социалистической ориентации рассматривали себя как выразителей интересов национальных трудовых масс и исходили из принципа классовой борьбы.

Соотношение между двумя приоритетами — социализмом и национальными интересами — в программах партий решалось по-разному. Идея интернационализма в их программах обычно декларировалась, но часто звучала приглушенно. Показательно, что попытки и Бунда, и УСДР войти в состав РСДРП на основе ее перестройки по федералистскому образцу оказались неприемлемыми для последней. Интернационалистский социализм РСДРП не совмещался с претензиями автономистских социалистиче-

ских партий на признание их единственными представителями национального пролетариата, будь то еврейского или украинского. Первоочередное решение национального вопроса как основной предпосылки построения социалистического общества или первоочередность социалистической революции по отношению к национальному вопросу — вот что разделяло общероссийских эсдеков и эсеров от их этнорегиональных «братских» партий.

Что касается автономистских партий либеральной ориентации, то их, в отличие от придерживающихся социалистической ориентации, было мало, и они были менее влиятельными (оговоримся, что вопрос о партиях, действовавших в польских землях и в Финляндии, особый и нами не рассматривается). Образованные в 1917 г. Армянская народная партия «Рамкавар» и казахская партия или скорее протопартия «Алаш» были обречены на ликвидацию установлением советской власти в их этнорегионах.

Развитие национальных движений в условиях гражданской войны привело к трансформации некоторых этнорегиональных партий в партии уже другого типа — этнократические. Такую эволюцию проделали партия «Мусават», партия социалистов-федералистов Грузии. Процесс размежевания автономистов и сепаратистов происходил в Белорусской социалистической громаде и Украинской партии социалистов-революционеров.

Грань между автономистскими и этнократическими партиями проводило требование создания независимого национального государства. Так, Литовская демократическая партия, ставившая в программе 1905 г. в качестве ближайшей цели автономию этнографической Литвы, а конечной — свободную, никому не подчиняющуюся национальную демократическую республику, — несомненно относится к типу этнократических партий. Этнократический характер присущ и основанной в 1917 г. Грузинской национально-демократической партии. К этому же типу национальных партий можно причислить и сионистские партии, поскольку они ставили задачу образования самостоятельного мононационального еврейского государства в Палестине или в крайнем случае на той территории, где это будет возможно.

Таким образом, для национальных партий, наряду с общепринятой в отечественной историографии классифи-

кацией национальных партий (социалистические, либеральные, консервативные), целесообразно в зависимости от задач исследования использовать и другую, в основу которой кладется отношение к решению национального вопроса. В этой типологии, предложенной в нашем выступлении, национальные партии России начала XX в. могут быть отнесены к следующим группам: имперские (этноимперские), автономистские (этнорегиональные), этнократические.

С.В.Кулешов
д.и.н., проф.
(Москва)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

(К постановке проблемы)

Сразу скажем — избранная тема очень сложна, что связано с многозначностью и многомерностью, как проблемы национальных отношений, так и категории «национальные интересы»; практически «нулевой» степенью проработки последнего понятия и «голографичностью» сферы национального. В данной области общественно-научного знания в каждом ракурсе исследовательского анализа и в своей системе критериев могут быть выстроены часто прямо противоположные авторские версии понимания рассматриваемых явлений. Это позволяет, если говорить «высоким штилем», приблизиться к истине, хотя на разных исторических этапах различные социальные силы вкладывают в нее не одинаковый смысл.

Все это сказано и для того, чтобы, в случае потенциального обвинения автора в «субъективизме» оценок, сразу ответить: речь идет о личной авторской точке зрения, его субъективном взгляде на затронутую проблему.

Поскольку возникновение политических партий отражает определенную ступень в формировании гражданского общества, движения к правовому государству, то, наверное, есть смысл применительно к рассматриваемой теме, говорить, что создание партий уже само по себе соответствовало национальным интересам страны. Выдающийся российский ученый и мыслитель В.И.Вернадский писал в начале XX в., что бывают периоды, когда ни один человек нравственно «не должен сметь» оставаться вне политических партий, так как только этим путем он может стать свободным гражданином. Возникшие в России партии помогали становлению гражданского самосознания, укрепляя, в конечном счете, общество, поскольку подлинно прочным может быть только государство демократическое, предполагающее и сознательный (через выборы) «мандат доверия» правящей элите и действенный кон-

троль за результатами ее деятельности. Критерием соответствия этих результатов национальным интересам могут быть названы такие приоритеты, как: качество жизни в широком смысле этого термина, личная и общественная безопасность, политическая стабильность, нерушимость границ, авторитет державы в мире и т.п. Естественно, что разные социальные и этнические группы имеют свои субинтересы, часто предпринимая попытки перевести их на уровень интересов общенациональных. Здесь первоочередное значение имеет уровень развития демократических традиций, степень политической культуры, общее благосостояние страны и ее жителей.

Очевидно, что оценка деятельности политических партий по линии соответствия (либо несоответствия) их программных установок национальным интересам может вестись с позиций вышеназванных приоритетов. Правда, одними доктринами и общеполитическими декларациями здесь ограничиться нельзя. Важны конкретные действия, методы и политический инструментарий (радикализм, реформизм, толерантность, нетерпимость и т.п., менталитет лидеров и электората). Нередко они «перечеркивают» пропагандистскую риторику и «отторгают» партию или общественную организацию от причастности к отстаиванию национальных интересов.

Сказанное вполне можно применить к национальным партиям, в том числе российским. В принципе их деятельность укладывается в общий «расклад» концептуальных ориентиров политических группировок России начала века: буржуазно-либеральные, монархические и социалистические. Хотя это не исключает и иную типологию, когда сущностным основанием национальной партии является этническая доминанта, «подтаскивающая» к себе социально-экономические и политические пункты программы и специфицирующая партию как таковую.

Можно утверждать, что подлинно общенациональной партией, адекватно отражавшей национальные интересы россиян, была партия кадетов. Не случайно, что к этой партии тяготел ряд интеллектуалов — представителей национальных окраин. Та модель общественного устройства, которая могла быть утверждена по программному сценарию конституционных демократов, наиболее соответствовала интересам общественного прогресса. До сих пор кадетов продолжают упрекать в великодержавном синд-

роме, аргументируя это отрицанием ими права наций на политическое самоопределение. Думается, все сложнее. Главное — это не декларация лозунга, скажем того же самоопределения наций, а общий социальный и политический контекст, в котором намеревались регулировать межнациональные отношения, то, что вкладывали в понятие самоопределения и какие социальные и этнические группы считали его субъектом. Кадеты, понимая во многом демагогический характер тезиса о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, справедливо видя здесь радикалистскую антитезу процессу эволюционного реформирования многонационального государства, чреватую неконтролируемым «обвальным» характером распада империи, противопоставляли идею культурно-национального самоопределения с соответствующими механизмами обеспечения духовных запросов народов. Эффективность кадетской программы в удовлетворении потребностей национальной жизни должна была достигаться наличием разветвленной системы институтов местного самоуправления, способствующих изданию законов и правовых актов, учитывающих специфику жизни и быта в различных частях страны. При этом губернские и областные органы самоуправления наделялись правом заключать между собой различные соглашения и союзы, с условием, что местное нормотворчество не будет вступать в противоречие с общегосударственным. Наряду с русским предусматривалось право употребления на местах языков проживающих там народов, которые могли получать и образование на родном языке.

Вместе с тем, руководство кадетской партии проявило недостаточную гибкость во взаимоотношениях с «националами», входившими в их партию. Кроме того, большинство кадетских лидеров обнаружило явно гегемонистский подход во внешней политике, что глубинным интересам России, на наш взгляд, не соответствовало, толкая страну на военные авантюры.

Возникает в этой связи закономерный вопрос — а соответствовало ли национальным интересам страны самоимперское начало? Наверное, существование империй на каком-то историческом этапе имело свое объяснение и «оправдание». Но то, что, начиная с XIX в., имперская политика, осуществляемая самодержавием, противоречила подлинным национальным интересам России, пред-

ставляется очевидным, хотя сегодня ряд политических движений пытается ее «поднять на щит». Конечно, у любого большого государства всегда имеются геостратегические интересы. Но кто сказал, что таковые нельзя было реализовать через иные механизмы взаимодействия, например, систему протекторатов, «зон влияния», а не идти на инкорпорацию ряда территорий, чья модель развития часто была иной. В итоге возникали очаги перманентной нестабильности, особенно на границах, что тормозило процесс экономической и политической модернизации России. Затраты на освоение этих территорий, содержание огромной армии истощало реформаторский потенциал власти, переводя стрелки социально-экономической политики на экстенсивную колею. Данное замечание в полной, если не в большей степени, применимо к советско-партийной империи, практика существования которой вопиющим образом противоречила интересам собственно России, бывшей в ней «донором», своего рода «внутренней колонией» и особенно «имперской» нации — русских.

Кто-то спросит (и правомерно), не модернизируем ли мы в данном случае историю, «примеряя» для оценки ситуации тех лет критерии сегодняшнего дня? Думается, что любой историк имеет право (более того — обязан) дать свою оценку прошлому. И каждое поколение пишет свою историю. Конечно, при этом необходимо опираться на репрезентативный массив источников. Применительно к рассматриваемой теме, можно заметить, что и в то время в верхних эшелонах власти и в общественном мнении имелись различные точки зрения по поводу вопросов, к которым мы вновь обращаемся на современном витке истории. Тем более, что они опять имеют не только историческую, но и политическую значимость.

С этой точки зрения представляется, что, скажем, финские и польские национальные партии демократического типа объективно выражали национальные интересы своих народов. Существование в составе Российской империи не соответствовало логике прогрессивного развития, что подтвердил исторический опыт их последующего самостоятельного развития.

О других национальных партиях этого однозначно сказать нельзя. Дело в том, что ряд народов, находясь в составе Российской империи, испытывал на себе и негативные последствия политики царизма и позитивные — от

включения в общероссийское социокультурное пространство. Какое состояние в большей степени соответствовало национальным интересам этих народов — с уверенностью сказать нельзя. Покажет время, тем более, что после распада советской партотократической империи, когда ряд бывших республик пустились в самостоятельное государственное «плавание», появляется реальная возможность узнать ответ.

Все национальные партии отличались особым вниманием к национальному вопросу. Как правило, речь шла об удовлетворении духовных запросов (язык, образование) и учета национального момента в государственном устройстве страны.

При этом одновременно действовало несколько групп факторов, например, социально-политический. Обратимся, скажем, к программе партии «Дашнакцутюн» («Союз») — армянской партии социал-революционного направления. Вроде бы соответствие общенациональным армянским интересам налицо — декларация идеи социального и культурного прогресса, пропаганда необходимости освобождения Западной Армении от турецкого ига. Но это предлагалось осуществить революционистско-боевыми методами, путем вооруженных акций. Национальным интересам подобная тактика, чреватая конфронтацией и человеческими жертвами, вряд ли соответствовала.

Это относится и к русским национальным партиям или как мы их называем — черносотенцам. Формально они отстаивали права и приоритеты русского народа и соответствующую его «национальной традиции» форму государственного устройства — абсолютную монархию. Но ни общенациональным интересам, ни интересам русского, других населяющих Россию народов, их деятельность не отвечала. Ни их политический облик «революционеров справа», ни отрицательное отношение к прогрессивным экономическим и политическим реформам, ни курс на разжигание межнациональной розни. В итоге «рука об руку» правые (на которые опирался и сам самодержец) и левые партии вели страну к катастрофе.

Говоря о российских национальных партиях и общественных движениях, следует учитывать ситуацию в конкретном регионе и этап, переживаемый страной в целом. Например, в Средней Азии начал оформляться джадидизм — культурнически-просветительское движение мес-

тной интеллигенции, на первом этапе ставившее задачу обновления системы образования и «европеизации» традиционного восточного общества. Другие национальные партии уже «перешагивали» культурнический рубеж, начиная выражать интересы формирующейся национальной элиты.

Революционные события резко усилили активность национальных движений (и соответственно подняли роль национальных партий). Виновно в революционном взрыве все общество, в первую очередь, правящий режим и социалистические партии, особенно леворадикалистского толка. То, что Октябрьская революция не соответствовала национальным интересам России, несомненно. Прав был П.Струве, назвавший ее победу «исторической ошибкой».

Деятельность же большевиков, манипулировавших к тому же в собственных политических целях «ящиком Пандоры» национального самоопределения, можно без преувеличения назвать антинациональной.

Мы уже упоминали, что имперская модель перестала соответствовать национальным интересам России. Ее крах был не только результатом политической безответственности как «фундаменталистов» из высших сфер власти, так и радикалов из стана политической оппозиции. Принципы гражданского общества противоречили имперскому началу и сохранить (или воссоздать на новом уровне) империю можно было лишь силой. Вряд ли Россия, вступившая на путь конституционализма, могла удержать прежнее государственное пространство. Процесс модернизации, в том числе и политической, постепенно вовлекал в свою орбиту и национальные окраины. Даже умело осуществленная децентрализация, территориальная автономия с национально-культурной компонентой не могла бы, на наш взгляд, предотвратить изменение территории России. Хотя последовательные экономические и правовые реформы могли создать такой механизм «демонтажа» империи, при котором были бы максимально соблюдены интересы всех заинтересованных сторон. Польша и Финляндия рано или поздно восстановили бы полную независимость. Скорее всего, обособились бы страны Балтии. С Украиной можно было установить федеративные (конфедеративные) отношения. Белоруссия получила бы широкую автономию. Сложно сказать о статусе Закавказья и Средней Азии — но, представляется, что менее обязыва-

ющая для России форма отношений лишь соответствовала ее национальным интересам.

То, что случилось на деле — представляло худший вариант, чему страна была, в первую очередь, обязана большевикам. Ряд лидеров национальных элит, соглашавшихся в принципе до победы большевиков на совместное существование в рамках Российского федеративного государства (хотя вероятность выполнить эти обещания сомнительна), затем продемонстрировали явные сепаратистские настроения, не принимая эту власть как таковую. Так, в обращении Белорусской Рады Октябрьская революция называлась уничтожающей богатства страны анархией. Представитель Украинской Рады в разговоре по прямому проводу с главкомом Крыленко заявил: «Претензии СНК на руководство украинской демократией тем менее могут иметь какое-либо оправдание, что навязываемые Украине формы политического правления дали на территории самих народных комиссаров результаты, отнюдь не вызывающие зависть. Пока в Великороссии развивается анархия, экономический, политический и хозяйственный развал, пока там царит грубый произвол и попрание всех свобод, завоеванных у царизма революцией, Генеральный секретариат не находит нужным повторять этот печальный опыт на территории Украины». Подобное мнение, по воспоминаниям генерала А.Лукомского, исходило впоследствии и от гетмана Украины Скоропадского, утверждавшего, что, когда «Великороссия изживет свой большевизм, он первый поднимет голос за объединение с Россией», что он отлично понимает, что Украина не может быть «самостийной».

В конце ноября в Туркестане, в городе Коканде, был открыт IV Чрезвычайный общемусульманский красной съезд. Был поставлен вопрос об автономии с национальным правительством. Характерно, что откровенно сепаратистских тенденций еще не наблюдалось. Выражая «волю населяющих Туркестан народов к самоопределению, на началах, возведенных Великой Российской революцией», съезд предоставил установление норм автономии Туркестана Учредительному собранию. Мусульманский лидер М.Чокаев в своем выступлении на съезде указывал: «То, что творится в Центре, заставляет окраины самым заботиться о собственном спасении и о спасении великой национальной революции». Это впоследствии признал и

бывший член Туркестанского комитета Временного правительства И.Шендриков: широкие слои туркестанского общества рассматривали объявление автономии прежде всего как организованный протест против разнузданности и анархии большевистской власти, которая начала уже проявлять себя вовсю в Ташкенте и пыталась тогда еще безуспешно распространить свое влияние на остальные города и области Туркестана. Показательно, что это было не этнически однородное правительство, ибо около трети мест в нем получили русские. Однако против Кокандской автономии была применена вооруженная сила и в начале февраля 1918 г. город был взят и разграблен отрядами Красной армии.

Хотя в гражданской войне большевики пытались перетянуть на свою сторону руководителей национальных партий и движений, не находивших общего языка с Белым движением, все же конструктивного взаимодействия не получилось. В дальнейшем не вышло и сотрудничества с левыми национальными партиями, в целом признававшими Советскую власть, но мыслившими свою деятельность на базе идей «национального коммунизма», предполагающего частичную замену классовых лозунгов «общенациональными» (младобухарцы и младохивинцы в Средней Азии, «укаписты» на Украине, левые социал-федералисты в Грузии и т.п.). Не вышло потому, что понимание национальных интересов у них различалось, а большевики, утверждая монопартийную тоталитарную систему, осуществляли тактику «нейтрализации», «изоляции», а затем — уничтожения других политических группировок. Правда, это не помешало большевистскому режиму выпестовать, во многом за счет дотаций из общесоюзного бюджета, средств, изымаемых из Центральной России, национальную (этнократическую) элиту, которая вскоре заняла все управленческие должности и престижные социальные ниши в республиках. О подлинных национальных интересах вожди не задумывались. Как и об этнокультурных интересах народов, в первую очередь, русского.

Там, где национальные партии пришли к власти, дело обстояло не так просто. Национальная (этническая) идея нередко становилась новым политическим императивом — более того — официальной идеологией. Она часто не отвечала интересам полиэтнических государств, их стабильности. В чем-то новые государства как бы повторяли

имперскую великодержавную модель, только на региональном уровне. Грузинские меньшевики обнаружили это в отношении Абхазии и Осетии. Дашнакское правительство конфликтовало на этнической почве с азербайджанскими муссаватистами.

Национальной организацией радикалистского типа явилась бендеровщина (в данном случае мы используем этот термин как собирательный, не вдаваясь в детали взаимоотношений С.Бендеры и Мельника). УПА, деятельность которой сейчас героизируется на Украине (особенно Западной), вряд ли может считаться национальным движением, выразившим национально-государственные и этносоциальные интересы украинцев. Она действительно боролась и против немцев, и против сталинских функционеров, но одновременно сотрудничала с фашистами и оставила кровавый след террора на украинской земле.

Неправомерно говорить об ориентации на подлинные национальные интересы партий, которые, придя к власти в новом Зарубежье после распада СССР, стали утверждать на практике принципы «национального государства», объявив таковое политической формой самоопределения лишь одной, «державной нации» и вступив на путь ущемления гражданских и национальных прав представителей других народов. Особо неприемлемы попытки воссоздать практически ушедшую в политическое небытие форму национальной (этнической) автономии в условиях многонационального состава населения региона. Один из наиболее характерных примеров — деятельность крымско-татарского парламента (меджлиса), стремящегося превратить полуостров в национальную государственность одного, «автохтонного» народа, разжигающего межнациональное противостояние, сотрудничающего на базе антироссийской истерии с националистическими организациями экстремистского толка (УНА-УНСО). Это приводит лишь к дестабильности, противореча подлинным интересам Крыма, Украины, России, всех народов, в том числе и крымско-татарского.

Похожий этап пережила и Россия, когда многие национальные движения и партии, сыграв свою роль на этапе утверждения демократических ценностей, стали нести иную функцию, насаждая идеи этнизма, разделяя народы на «титультные» и нетитультные, отстаивая принципы «исторического первородства» того или иного этноса, обосно-

ывая его «право» на территорию и ресурсы. Скоро стала ясна несостоятельность подобных действий с точки зрения их несоответствия национально-государственным и гражданским интересам. Принятие Конституции РФ создало новое правовое пространство, переводя проблему в этнокультурную сферу.

Нет сомнения, что национальные партии, решая сначала позитивные задачи удовлетворения духовных потребностей народов, на определенном историческом этапе становятся перед выбором: бороться за политическую власть в интересах этнократических элит, строить «национальное государство», трансформироваться в общенациональные политические объединения, либо стать организацией национально-культурнического типа.

Ясно, что предпочтительнее последний вариант. Ведь действия канадских сепаратистов, террористические акции баскских националистических группировок (ЭТА), «подвиги» ИРА, тамильских боевиков, других экстремистов этнократического толка, вопиюще противоречат национальным интересам народов, мирового сообщества, дестабилизируя политический климат на нашей планете. Действенным «противоядием» здесь может стать только подлинно правовое общественное устройство, основанное на примате обеспечения интересов человека, к какой бы этнической или конфессиональной группе он ни принадлежал.

А.И.Токарев
д.и.н., проф.
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ ПАРТИЙ ЗА ВЛАСТЬ В ФЕВРАЛЕ-ОКТЯБРЕ 1917 г.

Не может вызвать возражения утверждение о том, что проведение подобных конференций в наше весьма непростое для науки время является колоссальной отдушиной, подпитывающей и окрыляющей для дальнейшей научно-исследовательской работы, в том числе по истории политических партий России. Доклады В.В.Шелохаева, В.В.Журавлева, А.И.Зевелева, осветившие новый обобщенный материал по российскому феномену многопартийности, отражение национального вопроса в программах всероссийских политических партий, теоретико-методологические аспекты изучения истории национальных политических партий России, нацеливают на весьма серьезные размышления. Интересны своей постановкой и раскрытием проблем сообщения В.В.Кривенького, А.Р.Атаджанова, М.Б.Тулепбаева и других.

Вместе с тем, как нараставшее обилие всероссийских и национальных политических партий в России с момента их зарождения в конце XIX в. до середины 20-х годов XX в., показанное В.В.Кривеньким, так и особенно характеристика А.Р.Атаджановым и М.Б.Тулепбасвым конкретных национальных партий, которых, думается, формально нельзя считать таковыми в силу отсутствия данных по их количественному и качественному составу, в ряде случаев программных документов и незавершенности их структурирования и институционализации в качестве политических партий, понуждает обратить пристальное внимание на уточнение сущности понятия «политическая партия». Без этого невозможно, на наш взгляд, добиться наибольшей ясности, убедительности и достоверности как в изучении и освещении истории зарождения и развития партийного движения в целом, так и появления и становления каждой конкретной партии. Думается, на разработку данной проблемы следует выделить возможно больше усилий. Ведь движения «Алаш» и «Шуро-и-Исла-

мия» фактически и формально не являлись партиями, ибо они сами себя таковыми не считали, будучи общественно-политическими и в определенной мере религиозными движениями, отражая роль, место и влияние ислама на жизнь населения тех регионов, где они функционировали. В силу этого очень необходимо выработать четкие критерии для характеристики политической партии. Сделанного в том направлении оказывается пока недостаточно.

Вторую часть выступления хочу посвятить одному из важных аспектов борьбы основных политических партий России за власть в феврале-октябре 1917 г.

Предварительно отметим: во-первых, ныне стало общепризнанным утверждение о том, что все проблемы, в том числе и проблема «власть и революция», ранее рассматривались односторонне — под углом зрения большевистской концепции. В указанном соотношении основной акцент делался на революцию. Отрицать это невозможно. Во-вторых, проблема взаимоотношений между политическими партиями в период февраля-октября 1917 г., в том числе в борьбе за власть в условиях революционной обстановки, освещалась весьма общо и больше теоретически. Как правило, говорилось о том, что большевики предлагали такой-то путь, такой-то орган власти, предпринимали такие-то действия в этом направлении; меньшевики и эсеры, выступая единым блоком, противостояли большевикам, отвергали единственно правильные, теоретически обоснованные большевистские предложения и т.д. А сам механизм борьбы партий за власть, за поддержку революционными массами пути реализации их программы переустройства страны не рассматривали либо освещали поверхностно, без анализа различных практических сторон и проявлений этого механизма.

В предлагаемом сообщении хотелось бы изложить свои размышления по этой проблеме.

Бесспорно, три революции за двенадцать лет в колоссальной по территории, многонациональной по населению и многоукладной по экономике стране — неординарное, сложное и поучительное историческое явление, отразившее и нерешенность коренных общественных проблем, и нарастание общественной напряженности, и обострение взаимоотношений между разными ветвями власти — исполнительной и законодательной и т.д. Последнее тем более требует обстоятельного изучения: в российском обществе, с одной стороны, продолжала преобладать тенденция к «царизму», поиск «сильной личности», такого политика,

который дал бы жаждущим массам все им необходимое. С другой стороны, образовались и функционировали политические партии, опиравшиеся на определенные классы, социальные слои и уже открыто заявившие о своих намерениях в программах переустройства российского общества. Это наиболее характерно для периода февраля-октября 1917 г.

Претензии каждой из ведущих политических партий России на то, чтобы революционно настроенные массы выбрали предлагаемый именно ею путь, ярко проявились в сфере борьбы за власть. Конкретным отражением этой борьбы, думается, стало участие политических партий в составах коалиционных министерств Временного правительства. В ходе изменения составов Временного правительства революционные массы России проверяли на практической деятельности этих партий в составе министерств предложенные ими программы переустройства страны и общества, их способность осуществить предлагаемое ими переустройство в интересах трудящихся масс.

В феврале-октябре 1917 г. массы получили и стремились использовать возможность непосредственно участвовать в политике, почуяли свою силу воздействия на ее проведение. В угоду массам «началась та знаменитая министерская чехарда», отмечает Ленин, через длинный период которой «все партии прикладывались к кадетам и выбрасывали программы одна красивее и заманчивее и широковещательнее другой», в ходе которой «наиболее отставшая и наиболее подготовленная к революции опытом 1905 года» страна «так быстро, так легко, так планомерно выдвигала к власти один класс за другим, изживая отдельные политические составы, и, наконец, пришла к тому политическому составу», который «являлся последним словом не только русской революции, но и западноевропейских рабочих революций»¹. Следовательно, по его убеждению, «русская революция развивалась, передавая в России власть одного класса к другому и изживая классовое соглашательство в пределах России»². Думается, в этой связи важно обратить внимание и на то обстоятельство, что в составах всех министерств Временного правительства большевики не участвовали и свою программу переустройства общества подобным образом не апробировали, не «прикладывали к кадетам». С чем это связано — с тактикой либо иной причиной — судить трудно. Можно по-разному интерпретировать этот весьма интересный факт. Предметом для размышлений могут стать некоторые положения документов партии боль-

шевиков, а также высказывания отдельных авторов мемуаров и ученых.

Так, в официальных документах партии большевиков, в частности в резолюции Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) «О коалиционном министерстве» заявлено, что партия большевиков, во-первых, предостерегает от участия в подобном правительстве, чтобы не стать проводником «империалистической политики капиталистов»; во-вторых, решительно выступает «против посылки Советами рабочих и солдатских депутатов своих представителей в коалиционное министерство». Она предостерегает от восприятия замены в министерстве отдельных лиц или группы лиц, как эффективного решения вопроса о коренной перемене политики правительства³. Здесь достаточно четко и ясно определена позиция большевиков: в коалиционное министерство не входить.

О позиции большевиков по участию в коалиционном правительстве пишет в своих воспоминаниях И.Г.Церетели. «... Большевики, — свидетельствует он, — со всей решительностью подчеркивали (при обсуждении вопроса о коалиционном правительстве в Исполкоме Петросовета 28 апреля 1917 г. — А.Т.) свое абсолютно враждебное отношение к коалиции. Каменев от их имени заявил, что, отвергая всякие соглашения и блоки с буржуазией, большевики направят все свои усилия к тому, чтобы готовить переход всей власти в руки Советов»⁴.

Р.Пайпс утверждает, «чтобы добиться своего (то есть захвата власти. — А.Т.), большевикам следовало решительно отмежеваться и от Временного правительства, и от других социалистических партий, заявив о себе, как о единственной силе, которая может взять под контроль положение вещей»⁵. Непосредственная оценка идеи об участии большевиков в коалиционном министерстве содержится в следующем фрагменте книги Р.Пайпса: «...большевики, отказавшиеся участвовать в коалиции, очутились в положении стражей русской революции»⁶. Р.Пайпс поясняет эту свою мысль. Лидеры социалистических партий актом вхождения в коалиционное министерство, состоявшее из «безнадежно некомпетентных либералов и социалистической интеллигенции», превратили свои партии из оппозиционных в правительственные, правящие, автоматически принявшие на себя ответственность за все правительственные действия. Обращают на себя внимание слова — «отказавшиеся участвовать в коалиции». Значит, большевикам предлагали участие? Однако никто об этом, кро-

ме Р.Пайпса, не упоминает. Весьма косвенно воспринимается известное место из воспоминаний Ф.Дана, но оно касается совершенно иной коалиции и иного, более позднего этапа взаимоотношений политических партий по анализируемой проблеме⁷.

Осмысление и научное сопоставление соотношения позиции большевиков с позициями других партий по вопросу о вхождении в коалиционное министерство помогло бы, убеждены, более полному и всестороннему изучению и освещению интересующей нас проблемы.

Вместе с тем, даже краткая характеристика приведенной ранее ленинской оценки значения и сущности министерской чехарды довольно убедительно свидетельствует о том, что Ленин исходил из признания борьбы политических партий за принятие революционными массами их программ переустройства и развития общества, прослеживая борьбу альтернативных позиций борющихся политических партий и представляемых ими классов и социальных слоев. Обоснованию этой тенденции в классовой борьбе России поможет и анализ практической стороны деятельности партий.

При характеристике министерской чехарды сказанное подтверждают следующие два аспекта: во-первых, порядок и характер замены партий или, по Ленину, прикладывания к кадетам других партий и, во-вторых, конкретные министерские посты, на которых проверялись представители той или иной партии. Как известно, за восемь месяцев его существования Временное правительство апробировалось в четырех составах и единожды страна управлялась директорией.

П.Н.Милюков в своих воспоминаниях приводит хронологическую таблицу четырех составов Временного правительства и сроки продолжительности кризисов власти между тремя коалициями:

«1. Правительство первого состава: март и апрель (2, III, — 5, V, 1917),

2. Первая коалиция с социалистами: май-июнь (6, V, — 2, VII, 1917),

3. Кризис первой коалиции: июль (2, VII, — 25, VII, 1917),

4. Вторая коалиция с социалистами: август (25, VII, — 26, VIII, 1917),

5. Кризис второй коалиции: сентябрь (27, VIII, — 24, IX, 1917),

6. Третья коалиция с социалистами: октябрь (24, IX, 1917)»⁸.

Бросается в глаза прежде всего то, что в таблице Милюкова отсутствуют два существенных элемента: апрельский кризис первого, буржуазного состава Временного правительства и установленная после корниловского мятежа диктатория. Выделив лишь кризисы власти в июле и сентябре 1917 г., Милюков фактически уводит внимание в сторону, акцентируя его на так называемых «восстаниях большевиков», связывает указанные кризисы с позицией и поведением последних.

Как достоинство он отмечает то, что первый состав Временного правительства и первое коалиционное министерство «продержались у власти по два месяца. Две последние коалиции просуществовали без кризисов только по одному месяцу». Особое недовольство Милюкова вызывает поведение Керенского, являвшегося, по его мнению, «национальной» осью, «около которой свершаются все эти перемены». Керенский, утверждает Милюков, «постепенно усиливает титулы своей власти — по мере того, как падает его авторитет». Перечислив все министерские посты и должности, которые занимал и менял Керенский, Милюков, в конечном счете, приходит к выводу, что «борьба с Корниловым за диктатуру составляет кульминационный пункт его (Керенского. — А.Т.) усилий удержаться у власти и крутой переход к сдаче большевикам»⁹.

Трудно согласиться с утверждением Милюкова о том, что все перемены в составах Временного правительства связаны только с попытками и стремлением Керенского укрепить личную власть титулами, установить свою диктатуру. Правда, подобная оценка шагов Керенского разделяется рядом историков, исходящих из традиционной тенденции для российской истории — стремления широких масс к «доброму царю» и из безусловного повышения роли и значения личного и субъективного факторов в условиях революционной обстановки. Характеристика деятельности Керенского в контексте его борьбы за расширение власти, бесспорно, впечатляет, тем более, когда она дается таким авторитетным современником Керенского и крупным специалистом-историком, как Милюков. Однако, думается, дело не только и не столько в личности Керенского, сколько в недовольстве буржуазии деятельностью входивших во Временное правительство социалистов.

Вместе с тем, приведенные рассуждения и анализ Милюковым сложившейся в стране ситуации с исполнитель-

ной властью объективно подтверждают вывод о том, что «захват большевиками власти», по терминологии Милюкова, — закономерный итог министерской чехарды, показавший тщетность ожидания народом от всех составов Временного правительства решения коренных социально-экономических и политических проблем общества в интересах трудящихся, а не буржуазии. Убедительное подтверждение научной состоятельности именно такого вывода дает анализ всех министерств Временного правительства и кризисов власти за восемь месяцев развития российского общества и революции от февраля до октября 1917 г.

Общеизвестно, что первое, буржуазное по составу и проводимой политике Временное правительство, просуществовавшее, по утверждению Милюкова, целых два месяца, все же пало в результате первого апрельского политического кризиса, вызванного, кстати, нотой самого Милюкова. Видимо, по этой причине, а также вследствие слабости и непопулярности этого правительства, желания отвлечь внимание от провалов буржуазии и представителей ее главного штаба — правящей кадетской партии и, наконец, стремления приуменьшить ответственность за антинародную внешнюю и внутреннюю политику первого буржуазного Временного правительства Милюков и не упоминает первый политический кризис в стране в апреле 1917 г. Взрыв стихийного недовольства и озлобление масс, отразивший не сознание, а скорее интуитивное проявление стремления масс сломить сопротивление буржуазии достижению мира, свободы и революции, привел к падению первого состава Временного правительства.

Однородное, буржуазное по составу и проводимой им политике, Временное правительство, возглавлявшееся «давно вышедшим из кадетской партии»¹⁰ Г.Е.Львовым, функционировало со 2 марта по 2 мая 1917 г. Из 12 министров правительства кадетам принадлежало 5 мест, октябристам — 2, прогрессистам — 1, централистам — 1, эсерам — 1 и внепартийным — 2 места. Ключевые посты в нем занимали кадеты. Вот как характеризуется Н.Думовой состав этого правительства: «Премьер — широко известный в России общественный деятель князь Георгий Евгеньевич Львов; военный и морской министр — лидер партии «Союза 17 октября», выходец из богатой московской купеческой семьи Александр Иванович Гучков; ми-

нистр торговли и промышленности — крупнейший текстильный фабрикант, один из руководителей буржуазной партии прогрессистов Александр Иванович Коновалов; министр финансов, не входивший ни в одну из партий, сахарозаводчик-миллионер Михаил Иванович Терешенко; министр юстиции — известный «левый» адвокат, член народнической Трудовой группы Александр Федорович Керенский. Значительная часть портфелей досталась представителям кадетской партии: Николай Виссарионович Некрасов стал министром путей сообщения, Андрей Иванович Шингарев — министром земледелия, Александр Аполлонович Мануйлов — министром просвещения. Сам Милюков занял важнейший пост министра иностранных дел, о котором мечтал с давних пор»¹¹. Как видно, очень не хотелось Милюкову признать то, что это правительство пало в результате двухдневного апрельского правительственного кризиса. Да к тому же из-за его ноты.

В первые два месяца после победы Февральской революции меньшевики и эсеры, оставаясь в Советах партиями крайней оппозиции, предпочитали толкать отдельные группы буржуазии к власти, но сами воздерживались от участия в правительстве. С мая после первого кризиса во Временном правительстве — ухода в отставку Гучкова и Милюкова — положение резко изменилось. Не имея за собой поддержки масс и убедившись в невозможности без этого неперемогимого условия управлять страной, буржуазия категорически потребовала вхождения в правительство мелкобуржуазных лидеров¹², пригрозив в случае отрицательного ответа на это требование отказом от власти. На ультиматум буржуазии меньшевики и эсеры, не представлявшие себе буржуазную революцию без буржуазии у власти, ответили согласием, которое было санкционировано рядом совещаний, а затем и всероссийской конференцией меньшевиков. Мотивировка отказа от старой тактики в пользу участия в буржуазном правительстве изложена в принятом на указанной конференции документе. Суть ее в том, что «оно (буржуазное по составу Временное правительство. — А.Т.) возбуждало недоверие к себе широких демократических масс. Поэтому оно не обладало всей необходимой полнотой власти и значительная доля ее все более и более переходила к Советам»¹³. Так как, по мнению конференции, Советы не могут взять власть, ибо объективные условия для этого отсутствуют, остается единственный вы-

ход из создавшегося положения — войти социалистам в правительство.

Первое коалиционное Временное правительство, сформированное сразу же по завершению апрельского кризиса, функционировало с 5 мая по 2 июля 1917 г. Возглавлял его вновь кн. Г.Е.Львов. В воспоминаниях о Февральской революции И.Г.Церетели перечисляет состав этого правительства: «Коалиционное правительство было образовано в следующем составе:

5 министров-несоциалистов, без определенной партийной принадлежности: кн. Г.Е.Львов (мин.-председатель и мин. внутренних дел), М.И.Терещенко (министр иностранных дел), А.И.Коновалов (министр торговли и промышленности), В.Н.Львов (обер-прокурор Св. Синода), И.В.Годнев (государственный контролер).

4 министра, принадлежащих к кадетской партии: А.И.Шингарев (министр финансов), А.А.Мануйлов (министр народного просвещения), кн. Д.И.Шаховской (министр государственного призрения), Н.В.Нескрасов (министр путей сообщения).

6 министров-социалистов, делегированных Советом: А.Ф.Керенский (военный и морской министр), П.Н.Персверзев (министр юстиции), А.В.Пешехонов (министр продовольствия), В.М.Чернов (министр земледелия), М.И.Скобелев (министр труда), И.Г.Церетели (министр почт и телеграфов)»¹⁴. Церетели, конечно, грешит против истины, когда утверждает о том, что Г.Е.Львов, М.И.Терещенко, А.И.Коновалов, И.В.Годнев и В.Н.Львов не принадлежали к каким-либо партиям, ибо кн. Г.Е.Львов явно тяготел к кадетам, к которым он, как указывалось ранее, принадлежал, А.И.Коновалов — к прогрессистам, В.Н.Львов — к правым, И.В.Годнев — к прогрессистам, Терещенко — беспартийный, примыкавший к прогрессистам. С учетом этих уточнений среди 15 министров первого коалиционного министерства, таким образом, были 4 кадета, по одному октябристу, центристу и прогрессисту, 2 эсера, 2 меньшевика, один народный социалист, один трудовик и 2 внепартийных, тяготевших к буржуазным партиям. Значит, к 7 представителям буржуазных партий были «приложены» 6 представителей социалистических и несонароднических партий¹⁵.

Меньшевики и эсеры вошли в коалиционное правительство, по их собственному признанию, для того, чтобы

удержать массы от пролетарской революции, от передачи всей полноты власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Причем, кадеты и представители других буржуазных партий (октябристов, прогрессистов и тяготевших к ним так называемых «внепартийных» — Г.Е.Львов и М.И.Терещенко) сохранили в коалиционном правительстве за собой все ключевые посты: министерства иностранных дел, финансов, внутренних дел, торговли и промышленности, путей сообщения и просвещения. «Приложенные» же к ним социалисты, кроме Керенского, возглавившего теперь министерство военных и морских дел, и В.М.Чернова — министерство земледелия, получили в управление министерства почт и телеграфов, труда, продовольствия, юстиции. Бесспорно, руководство продовольственным обеспечением, трудовыми ресурсами, средствами связи, юстицией — тоже важные сферы правительственной деятельности. В этом едва ли кто сомневается и практически никто этого не отрицает. Однако в данных конкретных исторических условиях предоставление именно этих участков свидетельствует, с одной стороны, о нежелании буржуазии нести ответственность за эти весьма хлопотные сферы государственной деятельности и допустить социалистов к святой святынь — экономической, внешнеполитической и финансовой областям. С другой стороны, — полученные социалистами министерства были очень горячими, несомненно, ответственными и, вне всякого сомнения, удобными для компрометации, что выгодно и потребно буржуазии. Фактически социалистическим и нсонародническим партиям предложили разработать и реализовать правительственные программы по претворению в жизнь требований их партийных программ в области аграрной, трудовой, продовольственной, правовой и других сфер общественной жизни. Как показали последующие события, министры-социалисты данного состава оказались не в состоянии реализовать свои правительственные программы. Главными причинами их провала, на наш взгляд, явились, во-первых, их принципиальное убеждение в необходимости и обязательности прохождения буржуазного этапа развития и господства буржуазии в нем, а отсюда и нежелание, даже при необходимости, решать общественные проблемы в интересах трудящихся масс радикальными, революционными методами и, во-вторых, трудности и препятствия, чинимые им со стороны

министров-капиталистов, сосредоточивших, как указывалось ранее, в своих руках министерства, от позиции которых зависела реализация программ развития вверенных социалистам сфер общественной жизни.

Приведший к падению первого коалиционного министерства Временного правительства кризис начался стихийным взрывом возмущения масс 3 июля в связи с расстрелом мирной демонстрации рабочих и солдат в Петрограде и длился двадцать дней, до 23 июля. Министры-кадеты 2 июля ушли в отставку, положив начало этому кризису. Большевики пытались сдержать взрыв недовольства масс, перевести его в мирное, спокойное русло. В ходе кризиса меньшевики и эсеры колебались. Левые эсеры устами М. Спиридоновой и ряда других высказываются за переход власти к Советам. Выступавшие ранее против этого меньшевики-интернационалисты поддерживают их¹⁶. Долгие и трудные переговоры лидеров эсеров и меньшевиков с лидерами кадетов привели наконец к сформированию второго коалиционного министерства Временного правительства, просуществовавшего уже всего один месяц, с 26 июля по 26 августа 1917 г. Возглавил его еще с 8 июля ставший премьер-министром А.Ф. Керенский. Из 15 членов правительства буржуазные партии были представлены 8 министрами (кадеты — 5, радикально-демократическая партия — 1, внепартийные, защищавшие интересы буржуазии — 2). Из 7 министров-социалистов эсеры получили 3 поста, меньшевики — 2, народные социалисты — 2¹⁷. Вновь обращает на себя внимание то, что представители буржуазии сохранили за собой ключевые министерства: иностранных дел, финансов, путей сообщения и другие. Министры-социалисты вновь оказались на горячих участках, где можно было легко и быстро доказать свою несостоятельность и приверженность буржуазным интересам: министерства земледелия, юстиции, внутренних дел, почт и телеграфов, труда и пр. В этом факте просматривается еще одно обстоятельство: с одной стороны, социалисты взаимозаменяются на одних и тех же министерских постах из-за того, что их предшественники не смогли обеспечить эффективность управления этими горячими участками, и, с другой стороны, — социалистам постепенно и последовательно передаются новые сферы государственного управления (к примеру, внутренних дел, военных и морских дел и т.п.), которые в усло-

виях нарастания революционного кризиса и обострения взаимоотношений противоборствующих сторон объективно потребуют применения насильственных мер.

Второй состав коалиционного министерства Временного правительства пал в результате очередного политического кризиса, длившегося также почти месяц, с 26 августа до 24 сентября 1917 г. В ходе кризиса предпринимается попытка прекращения его путем создания «Совета пяти», то есть директории. Как известно, 25 августа ген. Корнилов поднял мятеж, который был подавлен, по утверждению авторов «Нашего Отечества», «благодаря возникшему политическому единству ведущих социалистических, советских партий и Временного правительства»¹⁸. Правящие круги решили временно сосредоточить власть в руках указанного «Совета пяти», в состав которого включены А.Ф.Керенский (эсер), А.М.Никитин (меньшевик), М.И.Терещенко (так называемый внепартийный), А.И.Верховский (беспартийный) и А.В.Вердеревский (беспартийный). Справедливо будет заметить, что такая форма государственного правления в данных конкретных исторических условиях себя не оправдала. Попытка ее использования оказалась безуспешной. Однако состав «Совета пяти» показывает, что буржуазия и здесь никак не хотела даже в таких весьма экстремальных условиях отдавать всю полноту власти социалистам, хотя те этого и сами не желали, и сохранила за собой одно из пяти мест, оставив, правда, на нем внепартийного капиталиста Терещенко. Авторы «Нашего Отечества» в состав директории включили Л.Каменева и других большевиков, не сославшись при этом, к сожалению, на источник, подтверждающий этот факт¹⁹.

В конечном счете было сформировано третье коалиционное министерство Временного правительства, просуществовавшее, как и его предшественник, всего один месяц. Во главе его вновь встал А.Ф.Керенский. Третье коалиционное министерство действовало с 25 сентября до 25 октября 1917 г. и было свергнуто Октябрьским вооруженным переворотом. Из 17 членов этого министерства представителям буржуазии и буржуазных партий принадлежало 9 мест (кадетам и примкнувшим к ним — 6 мест, радикально-демократической партии — 1, внепартийным — 2), социалистам — 5 (эсерам — 2 места, меньшевикам — 3), беспартийным — 2 места и партийная принадлежность А.В.Ливеровского не выяснена. Вновь в сфере влия-

ния буржуазии сохраняются министерства иностранных дел, торговли и промышленности, финансов, просвещения и другие. Социалисты практически тоже остаются на прежних местах: министерства внутренних дел, труда, юстиции, земледелия и других. Правда, кроме Керенского и Никитина, министры заменяются: труда — К.А.Гвоздевым, юстиции — П.Н.Милянтовичем, земледелия — С.Л.Масловым. И еще одно весьма своеобразное изменение: министры-социалисты представлены в нем только эсерами и меньшевиками. Народные социалисты и трудовики в составе этого министерства уже отсутствуют²⁰. Правда, авторы «Нашего Отечества» опять-таки без указания документа, подтверждающего их мнение, считают, что в третьем коалиционном министерстве Временного правительства было не 2, а 1 эсер и 2 трудовика. Непонятно, кого они относят к трудовикам²¹. Проанализировав партийную принадлежность всех министров данного состава, мы убедились в правильности наших данных.

Все приведенные в нашем сообщении фактические данные убеждают, на наш взгляд, в правильности вывода о том, что происходившая с Временным правительством и внутри него министерская чехарда отражала, во-первых, проверку на практике искренности и преданности революции политических партий, клявшихся в этом революционным массам, во-вторых, реальность и приемлемость для народных масс провозглашенных ими программ переустройства общества, в-третьих, способность самих партий реализовать свои программные обещания.

Знаменитая министерская чехарда оказалась, как видим, не чем иным как проявлением процесса, отражением хода выбора народными массами приемлемого для них пути дальнейшего развития страны и политической партии, которой можно было доверить свою судьбу и судьбу всего общества. Вместе с тем, министерская чехарда выявила также одну из сторон механизма, с помощью которого народные массы оценивали программы политических партий по переустройству общественной жизни, их реальность и соответствие интересам трудящихся.

Именно неприятие народными массами предлагавшихся программ и путей развития общества и отказ от методов и форм руководства страной, проповедовавшихся различными политическими партиями, ярко и убедительно выразили политические кризисы Временного правитель-

ства в апреле, июне, июле, а также корниловщина и пр. В них содержался однозначный и окончательный ответ народных масс на предложения той или иной альтернативы, того или иного пути развития общества. Приоритет массы отдали программе большевиков, вручив последним мандат доверия.

1. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 240-241, 299-300; Т. 36. С. 95. Термин «министерская чехарда» употребляли также В.М.Пуришкевич, III.Фицпатрик и другие.

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 96.

3. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1970. 8-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 447-448.

4. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. В кн.: От первого лица: Сб. М., 1992. С. 118.

5. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 66.

6. Там же. С. 79.

7. См.: Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства. В кн.: Октябрьская революция: Мемуары. М., 1991. С. 118, 121.

8. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). М., 1990. Т. 2. С. 278.

9. Там же. С. 278-279.

10. Думова Н. Кончилось ваше время... М., 1990. С. 23.

11. Там же. С. 11; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1991. С. 212; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 68; Наше Отечество. Ч. 1. М., 1991. С. 353.

12. См.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 173-174; Милюков П.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 322.

13. Политические партии в России: Страницы истории. М., 1990. С. 70.

14. От первого лица. С. 158.

15. См.: Наше Отечество. Ч. 1. С. 363.

16. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 430; Т. 34. С. 67.

17. См.: Наше Отечество. Ч. 1. С. 367.

18. Наше Отечество. Ч. 1. С. 376-377.

19. Наше Отечество. Ч. 1. С. 377.

20. См.: Думова Н. Указ. соч. С. 277-279.

21. См.: Наше Отечество. Ч. 1. С. 381.

А.А.Танин-Львов
(Москва)

УКРАИНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: БЛОК НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вторая русская революция сопровождалась значительным по своему размаху украинским национально-освободительным движением. К сожалению, отношения на раннем этапе революции между Украинской Центральной Радой (УЦР), возглавлявшей это движение, и Временным правительством еще не получили непредвзятой оценки историков. Лишь в эмигрантской марксистской украинской и близкой ей русской историографии заметно стремление к вдумчивому исследованию отношений Рады и новой власти в начале революции¹. Советские и украинские историки всегда непропорционально выделяли конфликтную сторону указанных отношений. Первые хотели отделить «мессианскую» роль большевиков в освобождении украинского народа, вторые — обосновать изначальную неизбежность разрыва Украины и России. Но факты опровергают такие концепции. Они говорят нам, что между УЦР и Временным правительством изначально не только не было антагонизма, но, наоборот, между ними был самый тесный союз и сотрудничество.

Хронологически к начальному периоду отношений между Временным правительством и УЦР можно отнести март-середину апреля 1917 г. Этот период можно назвать временем существования блока революции и украинского движения на почве борьбы с царизмом и его наследием по трем следующим обстоятельствам. Во-первых, именно на указанный период приходится собственно ломка всей старой политической системы России. Во-вторых, данный период совершенно бесконфликтен для УЦР и органов революции (первые легкие конфликты возникнут лишь к концу апреля из-за формирования украинских полков). И, в-третьих, на март-апрель пришлось конструирование как органов революции, так и самой УЦР.

Украинское движение выросло из полуколониального положения Украины, созданного особенностями модерни-

зации в России. Кроме политической угнетенности украинский народ получил от царизма еще и непропорциональное социально-экономическое развитие: в 1913 г. на Украину приходилось 70% всей добычи сырья в империи, но лишь 15% ее производственных мощностей ориентировались на производство готовой продукции². Кроме того, среди жителей городов Украины украинцев в 1900 г. было менее 1/3. Во всех социальных стратах, кроме крестьянства (42% его составляли кулаки и середняки), украинцы были в абсолютном меньшинстве, а самые передовые отрасли промышленности находились в руках иностранцев. 60% горожан (в том числе 50% рабочих) и 85% крестьян были безграмотными. Промышленный пролетариат составлял лишь 3,2% населения края. И это только наиболее вопиющие социальные язвы, доставшиеся Украине в 1917 г. Естественно, что в таких условиях среди украинцев возникло справедливое стремление к эмансипации. Понятно также, что приведенные цифры вообще были неприемлемы для большевистской историографии, доказывавшей мифическую формационную готовность Украины к социализму.

В Киеве, в центре революции на Украине, будущая УЦР имела очень слабые позиции. Хотя в гарнизоне было 15 тыс. солдат-украинцев, в массе населения города украинцы составляли всего 12% (одних евреев было 18,6%). Промышленная буржуазия города составляла 6,1% населения, а украинцы в ней — 9,9%. Среди чиновников украинцев было только 13,1%, среди интеллигенции — 11%. Промышленный пролетариат включал в себя 8,4% киевлян, причем рабочих-украинцев в нем имелось лишь 13%³.

Как видим, украинское общество подошло к моменту Февральской революции не только с огромной тяжестью политической дискриминации, но и с колоссальными диспропорциями в экономической системе. Все это не могло, конечно, не отразиться на политической платформе возглавлявших украинское освободительное движение организаций и прежде всего УЦР, а также стоящих за ней партий. Последние активно формулировали задачи, подлежащие немедленному решению. УСДРП (создана в 1905 г.) стояла за политическое раскрепощение украинских рабочих и максимально возможное облегчение их социального положения в рамках развивающегося буржуаз-

ного общества. На социализм «экспромтом» лидеры УСДРП не замахивались. Украинские эсеры (УПСР) выступали за легитимный (через Учредительное собрание и автономной украинский парламент) земельный передел, за полную социализацию земли и наделение крестьян земельными участками по трудовому принципу. Товарищество украинских прогрессистов (ТУП, позже оно получит название Украинская партия социалистов-федералистов), объединявшее в себе либерально настроенную украинскую интеллигенцию и немногочисленную украинскую буржуазию, отстаивало помимо общедемократических требования экономического освобождения украинского народа и сбалансирования экономического развития Украины в составе России. Таковы были основные украинские социально-политические силы к Февралю. Но объединяло их в блок одно общее требование. Оно заключалось в передаче всех основных механизмов и рычагов политической власти на Украине из рук русской буржуазии и бюрократии в руки собственно украинских политических сил. Отсюда возникает идея о национально-территориальной автономии Украины, об автономных законодательных и исполнительных органах власти, о федерализации России и т.д. Думалось, что при реализации этих идей тот искусственно поддерживавшийся царизмом «инородческий капитализм» на Украине мог принять совершенно иные, более естественные и прогрессивные для развития украинского народа формы.

УСДРП, УПСР и ТУП встретили Февральскую революцию так же растерянно, как и русские партии. Все были вынуждены действовать спонтанно. В этих обстоятельствах и была создана в Киеве 4 марта Центральная Рада. Чтобы понять логику отношений УЦР с органами революции в Киеве, нужно рассмотреть сам момент создания Рады. Сперва УЦР возникла как чисто киевская организация. 3 марта вечером собрание свыше 100 представителей всех местных и ряда провинциальных украинских организаций постановило учредить УЦР и издавать центральную украинскую газету «Рада». Учредили Раду ТУП, Украинское педагогическое общество, Украинское научное общество имени Т.Г.Шевченко, украинские рабочие и студенческие группы, кооперативы⁴. Казалось, украинские либералы и беспартийные интеллигенты станут бесспорными властелинами УЦР. Но этого не произошло. 4

марта заседавший в крохотном клубе «Родина» Совет ТУПа собирался окончательно сконструировать УЦР и закрепить в ней безраздельное господство либералов. На заседании присутствовали такие виднейшие украинские либеральные политики, деятели науки, культуры и предприниматели, как Д.И.Дорошенко, С.А.Ефремов, А.В.Никовский, Ф.П.Матушевский, В.К.Прокопович, Л.М.Старицкая-Черняховская, А.Г.Вязлов, Ф.Р.Штейнгель, А.Н.Леонтович и другие. План их был прост: своевременно взять украинское освободительное движение в свои руки, опираясь на выдвижение общенациональных лозунгов. О таких намерениях ТУПа теоретик украинского марксизма, с 5 апреля официальный лидер УСДРП В.К.Винниченко говорил: «ТУП издаст воззвания... ТУП не смеет открывать свое лицо... хочет под одеждой федерализма спрятать все признаки классов... ТУП хочет всех захватить — и крестьян, и солдат, и студентов. Особенно надеется опереться на широкие крестьянские массы. Лозунги: «Объединение, работа!»»

Украинские социалисты, освобожденные из тюрем и подполья, не допустили полной монополии либералов в Раде. Они обоснованно рассчитывали возглавить рабочее и крестьянское движение и не хотели уступать либералам. Поэтому на упомянутое заседание ТУПа самовольно явились два видных деятеля УСДРП и украинского рабочего движения: искусствовед Д.В.Антонович (сын видного украинского историка) и педагог И.М.Стешенко. От неорганизованных групп украинских эсеров прибыл студент А.С.Степаненко. Для ТУПа такой поворот событий стал неожиданностью. Социалисты потребовали для себя квоты в УЦР, равной квоте ТУПа. Как пишет Дорошенко, Совет ТУПа смирился, так как не хотел «разбивать сил» и решил «не создавать двух центров» (либерального и социалистического), настояв, правда, на том, чтобы в УЦР вошли затем и другие организации. В состав Рады были включены все организации, участвовавшие в собрании 3 марта, а также Украинский национальный союз, возглавлявшийся украинским самостийником А.Ф.Степаненко, 6 раз сидевшим в царской тюрьме⁵. Таким образом, 4 марта УЦР окончательно сконструировалась в первом своем составе (4 марта-8 апреля). В ее президиум вошли и деятели ТУПа, и руководители УСДРП. Председателем был избран общепризнанный украинский национальный лидер,

профессор М.С.Грушевский, глава ТУПа и Украинского научного общества. Избрание его было заочным, так как Грушевский находился в административной высылке в Москве и вернулся в Киев лишь ночью 13 марта. Товарищем председателя УЦР избрали виднейшего украинского педагога В.П.Науменко (член ТУПа и кадет одновременно), заместителем председателя стал Д.В.Антонович (УСДРП). Председателем финансовой комиссии УЦР и казначеем был назначен один из теоретиков украинской кооперации В.Д.Коваль (бывший член ЦК УСДРП), председателями пресс-бюро и информ-бюро избрали Вуса и А.Я.Шульгина (ТУП), управляющим делами — студентку В.Скрыпник; члены УСДРП Антонович, М.С.Ткаченко, И.М.Стешенко и теоретик украинской статистической науки С.Ф.Веселовский возглавили соответственно манифестационную, правовую, школьную, агитационную комиссии. К тому же Стешенко возглавил редакционную комиссию, а Веселовский стал писарем. Состав президиума УЦР был утвержден 7 марта⁶. В марте появилось первое программное воззвание ТУПа, а 9 марта обращение УЦР «К украинскому народу» (автор их — С.А.Ефремов). Пресса опубликовала эти акты соответственно 9 и 14 марта. Суть их — поддержка революции и Временного правительства, требования национально-территориальной автономии для Украины, развития украинской школы, науки, культуры, украинизации земства и т.д.⁷

Если говорить о составе УЦР в целом, а не только о руководстве, то надо признать, что в нем преобладали киевские украинские либералы. У социалистов было очень скромное представительство. Хотя Рада постоянно пополнялась выборными делегатами от украинских региональных организаций, общенациональным ее состав стал лишь 8 апреля. Только тогда УЦР стала органом всего украинского народа, когда Украинский национальный конгресс избрал новый ее состав. Состав этот крайне примечателен, поэтому мы приведем его полностью. В нем были слиты три вида представительства: территориально-этнографический, партийный, социально-корпоративный. От украинского населения — 18 территориальных единиц (городов и губерний) — в Раду вошло 48 депутатов. Партийный вид представительства: Союз украинских автономистов-федералистов (название ТУПа с 26 марта) получил в УЦР 5 мест, Украинская радикально-демократиче-

ская партия — 3, УСДРП — 4, УПСР — 3, самостийники — 1. Социальное представительство: Украинский крестьянский союз — 5, духовенство — 1. Корпоративное представительство: киевские просветительские украинские организации — 12, украинское научное товарищество и украинский женский союз — по 1, военные организации Кременца, Киева, Одессы, Выборга и кораблей Балтийского флота — всего 13. Кроме того, 28 июня в УЦР кооптируют 212 крестьян, 132 — солдат и офицеров и 100 рабочих, а позже, 30 июля — 202 представителя (при 51 кандидате) национальных меньшинств Украины⁸. Автор приводит такие подробные данные о составе УЦР, чтобы показать, какая мощная социально-политическая сила возникла в Киеве вместе с победой Февральской революции, не считаться с которой органам Временного правительства было просто невозможно.

Итак, УЦР стала воплощением блока всех социальных сил украинского народа, объединенных общей целью избавления от пут царизма и преодоления неуравновешенного социально-экономического положения Украины. Социальные задачи были как бы на втором плане, но, конечно, подразумевались в единстве с задачами политическими. ТУП и УПСР шли на блок легко и быстро. УСДРП тоже пошла на блокирование с непролетарскими украинскими силами, считая это допустимым при данных условиях решения общенациональных задач. При этом лидеры УСДРП осознавали все реалии такого блокирования. В.К.Винниченко говорил: «Центральная Рада в социально-экономическом отношении определенно стояла на почве неприкосновенности буржуазно-капиталистического строя». Более того, УСДРП даже не считала Раду собственным органом межклассового блока: конференция УСДРП 5 апреля постановила, что УЦР «является единственным межпартийным украинским объединенным комитетом, в который вступают политические, профессиональные и экономические организации, а ни в коем случае не готовые уже буржуазно-политические блоки»⁹.

Очень быстро наладившиеся отношения между УЦР и органами революции в Киеве в общих чертах базировались на идентичности у них общедемократических задач начавшейся революции, на общем интересе защиты ее завоеваний и конечно на историческом единстве украинского и русского освободительных движений. Поэтому-то

Центральная Рада с момента своего существования взяла курс на сотрудничество с российской революционной властью на Украине и на укрепление обновляющейся России, ее нового демократического строя через легитимную (через Учредительное собрание) автономизацию и федерализацию страны. Ведь и до сих пор федерализм является скрепляющим звеном многонациональной России.

Практическое выражение отношения Центральной Рады к Февральской революции и ее органам можно очень легко проследить через его состояние в Киеве. Первыми о революции в Петрограде узнали в ночь на 27 февраля киевские телеграфисты. 28 февраля в Киев пришла знаменитая телеграмма А.А.Бубликова. Городской голова Ф.С.Бурчак объявил о падении царизма 1 марта, а 3 марта то же сделали все киевские газеты. Ликующие демонстрации, аресты царских чиновников, монархистов, создание милиции — такова картина революции, возглавлявшейся в Киеве меньшевиками, русскими эсерами и кадетами. Большевики (их было всего 200 человек) революцию в городе не делали, да к тому же вскоре были скомпрометированы в глазах рабочих, ибо один из их виднейших вождей, Ермаков, заместитель председателя Совета рабочих депутатов, оказался обычным царским провокатором. Русские эсеры П.И.Незлобин, А.Н.Лепарский, меньшевик Е.Я.Таск возглавили Советы рабочих, офицерских и солдатских депутатов, а органом Временного правительства в Киеве — исполкомом Совета объединенных общественных организаций (ИК СООО) — с 4 марта руководил русский либерал Н.Ф.Страдомский. УЦР стала в Киеве самостоятельной силой.

Исходным пунктом в развитии отношений Рады и российской революционной власти стала эйфория, охватившая все украинское общество, исстрадавшееся под гнетом царизма. Оно со всем остальным киевским обществом горячо приветствовало демократический строй и изъявило готовность поддерживать революцию на Украине. Вечером 3 марта УЦР единогласно приветствовала образование Временного правительства и обещала ему помощь. 5 марта Рада телеграммой поздравила Г.Е.Львова, а А.Ф.Керенскому писала: «В вашем лице, дорогой товарищ, горячо приветствуем начало исполнения народных чаяний... Верим, что отныне не будет обездоленных народностей и что недалеко уже время полного осуществления наших

давнишних стремлений к свободной федерации народов». 8 марта Совет ТУПа призывал: «Украинцы! Граждане! Поддерживайте новый государственный строй, ибо он и только он несет свободу Украине». Грушевский, лидер ТУПа и УЦР, писал тогда же: «...только российская революция освободила нас... Мы снова стали из подданных гражданами». 14 марта УЦР вновь призвала украинцев поддерживать новый строй. В Петрограде 12 марта двадцатитысячная, а в Киеве стотысячная украинские манифестации приветствовали революцию. Наконец, резолюция Украинского национального конгресса от 8 апреля «запротоколировала» полную поддержку Радой революции. Киевский губернский комиссар, симпатизировавший Раде помещик М.А.Суковкин, писал Временному правительству, что конгресс передает ему «единодушное твердое намерение всего организованного украинского народа всеми средствами поддерживать... правительство, с которым украинская нация будет идти рядом в деле укрепления свободного демократического строя». Не только руководящие, но и самые низовые украинские организации искренне приветствовали наставшие перемены. Уже 1 марта комитет Юго-Западного фронта (ЮЗФ) Союза городов во главе с членом Совета ТУПа Ф.Р.Штейнгелем постановил присоединиться к революции. Открывшийся 14 марта первый (украинский по составу) губернский кооперативный съезд под председательством члена УЦР профессора Х.А.Барановского отправил приветственные телеграммы Г.Е.Львову, М.В.Родзянко, А.Ф.Керенскому и Петросовету. Немногочисленная украинская буржуазия вообще была в восторге от новых министров. 12 марта на собрании купцов и промышленников А.В.Лукашевич (активист ТУПа) заявил: «...кто хочет быть гражданином, тот пусть придет на помощь правительству, нужны деньги и только деньги, купцы должны дать пример всей России». 14 марта собрание украинских помещиков во главе с Н.К.Походней тоже приветствовало новое правительство. Украинские педагоги при активном участии членов президиума УЦР В.П.Науменко и И.М.Стещенко на своих собраниях 8 и 10 марта приняли тексты поздравительных телеграмм Г.Е.Львову, А.И.Коновалову, М.В.Родзянко. Лучшие представители украинской интеллигенции, одновременно либеральные вожди Рады, М.С.Грушевский, П.И.Холодный, П.А.Тычина и другие, собравшиеся 18 марта на от-

крытии Первой украинской гимназии, направили приветствия Родзянко и А.А.Мануйлову. 11 марта то же сделал украинский театр народного дома во главе с замечательным артистом Н.К.Садовским. Приветствовали революцию и новую власть также украинцы-служащие Союза городов ЮЗФ (10 марта), временный совет украинцев-служащих в управлении гидротехнических работ армий ЮЗФ (1 апреля), украинцы-евангельские христиане-баптисты (2 апреля), украинцы-солдаты и офицеры гарнизона (9 марта), украинцы-киевские рабочие (8, 16 и 23 марта). Украинские крестьяне, возглавляемые УПСР, поддерживали призыв революционных властей помочь армии, и киевские газеты в марте-апреле сообщали о целом потоке безвозмездных пожертвований украинскими крестьянами многих и многих тысяч пудов продовольствия для армии. И, наконец, прошедший 6-7 апреля Украинский крестьянский съезд в своих резолюциях полностью поддерживал революцию.

По каким же направлениям развивалось практическое сотрудничество УЦР и революционных органов власти в Киеве? Если мы раскроем эти направления, если мы укажем на их конкретное содержание, то только в этом случае можно будет увидеть блок УЦР и власти Временного правительства в действии, а не только в декларациях. Более того, тогда мы сможем обоснованно сказать о том, что вопреки утверждению националистически настроенных историков и советских идеологов украинский народ в лице УЦР верил в дело Временного правительства, верил в демократические задачи революции и готов был реализовывать именно такие задачи, а не какие-то другие.

Все партии, составившие УЦР, с самого момента падения царизма вошли в состав органов революции, где вплоть до Октябрьского переворота господствовали кадеты, меньшевики, русские эсеры и бундовцы. Украинские деятели утверждали, что идут делать общее для всей России дело ликвидации наследия царизма и демократизации всех сфер жизни общества. Но были и нюансы. Члены УСДРП говорили, что идут на блок с буржуазной демократией во имя высших целей пролетариата, во имя углубления революции. Еще 1 марта в городской думе при создании главного органа новой власти (СООО) бывший лидер УСДРП Н.В.Порш заявил: «Мы ищем общего языка и общей работы... различных общественных течений.

Главной нашей задачей в данный момент является создание благоприятных условий для работы нового правительства», предотвращение «попыток справа» ликвидировать демократические завоевания и удержание «крайних элементов от преждевременных разрозненных выступлений» (здесь виден намек на угрозу слева от «алхимиков революции» — большевиков). Глава горкома УСДРП С.Ф.Веселовский пояснял участникам киевской манифестации 19 марта, что УСДРП участвует в органах революции для «организации и дальнейшей борьбы за социализм». А лидер партии В.К.Винниченко сказал 4 апреля о конкретных целях УСДРП при сотрудничестве с революционной властью: «Мы будем добиваться проведения провозглашенных принципов свободы в жизнь, мы будем претворять все лозунги о национальном самосознании...» К тому же данное сотрудничество было для УСДРП не просто необходимым, но и отвечало ее главной идеологической установке — подлинному интернационализму. В силу последнего член УСДРП и УЦР М.А.Авдиенко на национальном конгрессе 6 апреля призвал либералов и самостийников стряхнуть с себя «пыль национализма» и «идти в единении с демократиями других народов к светлым идеалам социализма». Украинские лидеры типа Н.Н.Ковалевского, входя в органы Временного правительства, говорили о единстве всероссийского революционного фронта для предотвращения контрреволюции справа. Отсюда понятно заявление Ковалевского: «В тот час, когда спадают вековые оковы со всех народов, мы не можем заявлять требование самостоятельной Украины. Колеса истории нельзя повернуть назад... К единению с демократией всего света!» 4 апреля IV конференция УСДРП и I съезд УПСР одновременно приняли резолюции о поддержке Временного правительства по формуле «постольку-поскольку» и о вхождении в органы его власти¹⁰. Украинские либералы считали революцию непосредственно «своей», отвечающей их интересам прямо, а не косвенно, как например, для рабочих. Поэтому их участие в киевских органах революционной власти становится вполне понятным.

Первое, что дали партии Раде — это кадровые работники. 2 марта в состав СООО были включены 5 представителей от украинских национальных организаций и от украинских по составу Союза кооперативных обществ и «Союзбанка». 3 марта УЦР выбрала 10 человек для пред-

ставительства во всех учреждениях революции. В тот же день, даже еще до санкции УЦР, в исполком СООО вошли украинские левые партии. На 16 марта в СООО входили 22 украинских либерала, возглавляли которых А.В.Никовский, С.А.Ефремов, В.П.Науменко, Д.И.Дорошенко и Ф.Р.Штейнгель. УСДРП дала 6 человек (из них Порш, Д.В.Колиух, И.М.Стещенко станут позже министрами Украины). От УПСР в СООО попали 5 человек, в том числе будущие члены ЦК партии П.А.Христюк и А.М.Полонский. В СООО 3 марта вошли от УСДРП кооператор Колиух и рабочий К.С.Паламарчук, а 4 марта — Порш. От либералов в исполком попали М.А.Суковкин, Штейнгель, И.Г.Черныш и Никовский, причем последнего избрали 9 марта в президиум исполкома в качестве секретаря, а 16 марта — в редакцию газеты официального органа революции¹¹. Конечно, все эти украинские представители тонули в огромной массе русских кадетов и социалистов, среди которых был, кстати, лишь один большевик.

Второе, что обеспечили деятели УЦР, это подбор комиссаров по политическим и хозяйственным делам. Само слово «комиссар» первым произнес 4 марта украинский либерал И.Г.Черныш. В процессе быстро произведенных назначений комиссарами ИК СООО стали 7 украинских либералов и 4 социалиста. Ефремов, Науменко, Н.С.Ярошевский и Н.А.Красовский 7-30 марта получили посты комиссаров почт и телеграфов, Киевского учебного округа, по призрению детей, сыскного отделения. Либерал Суковкин с 6 марта был губернским комиссаром, а Дорошенко состоял его помощником с 13 марта. Вожди УСДРП Порш, Стещенко и Веселовский возглавляли более скромные комиссариаты — по делам митингов и помещений для них, учебного округа, «Центросахара». УПСР получила только комиссариат по охране памятников старины и искусства (Н.Ф.Беляшевский; его заместитель — деятель ТУПа, будущий министр просвещения Украины В.К.Прокопович). Кроме того, лидеры ТУПа Дорошенко (с 7 апреля), К.П.Линниченко и А.Г.Вязлов (оба с 8 апреля) являлись соответственно галицийским, тарнопольским и буковинским губернскими комиссарами. При всем том, украинцы не обладали влиянием в самом Киеве, но зато дело революции в губернии оказалось целиком в их руках, так как с 16 марта существовал еще исполком губернского

СООО, состоявший сплошь из украинских либералов во главе с Грушевским¹².

Третье, что сделали лидеры УЦР и ее партий для революции, это оказание оперативного содействия власти в первые дни после падения царского режима в Киеве. С участием украинских представителей СООО выдавливал первые уступки у старой администрации. 2 марта губернатор передал полицию в подчинение городской думе, а 3 марта «разрешил» все прокламации различных общественных организаций. 3 марта ИК СООО настоял на приостановке смертных казней в Киеве, а днем того же числа исполнил приказание А.Ф.Кернского об освобождении всех политических заключенных (в числе 46-49 киевских политических узников был освобожден будущий член горкома УСДРП рабочий Драгомирецкий). ИК СООО всячески поддерживал правопорядок в городе. Боясь анархии и реанимации правых сил, он поощрял процесс создания рабочей и студенческой милиции. По заданию ИК СООО либералы В.Я.Демченко и Черныш 3 марта, а Науменко 9 марта успокаивали учащуюся молодежь Киева и призывали ее к поддержке революции. 4 марта совещание штаба военного округа под давлением ИК СООО отменило запрет на издание газет на украинском, еврейском и других языках. 5 марта было ликвидировано губернское жандармское управление, а днем ИК СООО (за подписью секретаря Никовского) послал Г.Е.Львову и Керенскому первый рапорт о победе революции в Киеве. 6 марта ИК СООО удалил от власти губернатора, разоружил всю железнодорожную жандармерию (полицию уже разоружили), убрал из учреждений царские портреты, а 15 марта при огромном ликовании киевлян снес памятник П.А.Столыпину возле думы¹³.

Помогли украинцы ИК СООО и при арестах врагов революции. Рабочий Паламарчук (УСДРП), по заданию ИК СООО, арестовал 6 марта коменданта города Медера и его адъютанта Афнера, а 13 марта — прибывшего из Ставки в Киев царского генерала Н.И.Иванова. 17 марта арестовали монархиста Пономарева, главного сотрудника Медера¹⁴.

Четвертое направление деятельности вождей украинского движения — участие в расследовании «темных дел» царизма. С 12 марта Ефремов (с 8 апреля заместитель председателя УЦР) руководил комиссией по разборке дел

охранного отделения. 29 марта он опубликовал первый список провокаторов из 5 лиц. Список 30 марта из 6 лиц произвел сенсацию, так как в нем оказался уже упоминавшийся большевик П.П.Ермаков (только заступничество меньшевика А.Ф.Спицына спасло его от расправы рабочих). За 2-20 апреля комиссия Ефремова огласила в прессе имена еще 28 провокаторов. 9 марта Ефремов закрыл главный орган политической цензуры — «временный» комитет по делам печати, а 11 марта возглавил рассмотрение всего цензурного архива. 22 апреля он доложил ИК СООО о своей работе и предоставил обширные материалы по фактам репрессий царских властей против «неудобной» прессы до 1881 г. Будучи почтовым комиссаром, Ефремов 12 марта добился от ИК СООО решения о возвращении на работу почтальонов, уволенных царским начальством за забастовку. Трудями Ефремова 15 марта был уволен начальник почтово-телеграфного округа С.А.Стеткевич. Кроме того, Ефремов участвовал в разоблачении деятельности занимавшегося при старой власти перлюстрацией писем так называемого «черного кабинета» киевской почты. 1 апреля Ефремов лично арестовал руководителей этого «кабинета», а 6 апреля предал огласке плоды их работы¹⁵.

За «чистку» вузов по поручению ИК СООО взялись другие украинские представители. 14 марта Стешенко получил приказ изъять из ведения вузов всю секретную переписку, а уже 15 марта он доложил о таком изъятии в Политехническом институте. 14 марта городская училищная комиссия, в которую вошли Грушевский, Стешенко и другие деятели УЦР, решила уволить монархически настроенного начальника народных училищ Б.В.Плеского. 15 марта с санкции ИК СООО его сменил украинский либерал З.А.Архимович. Последний уже 18 марта представил план по водворению порядка в вузах и их демократизации, об успешной реализации которого доложил ИК СООО 21 марта¹⁶. Помогли украинцы также в реабилитации многих жертв царизма. Уже 4 марта в ИК СООО Никовский поднял вопрос об освобождении 67 политических высленцев из Галиции (их выслали лишь за принадлежность к украинской, еврейской и польской национальностям). Вскоре этих несчастных освободили, а 24 марта ИК СООО решил освободить из тюрем жен офицеров, происходивших из Галиции, которых власти ложно заподозри-

ли в шпионаже. 30 марта ИК СООО по предложению украинского либерала Ярошевского сделал ассигнование Совету рабочих депутатов на создание бюро труда для бывших заключенных. Позже, 9 апреля, Дорошенко своим циркуляром отсрочил призыв на военную службу всех жертв политических репрессий самодержавия. Украинцы в ИК СООО, поддержанные комиссаром военного округа русским эсером К.М.Оберучевым, содействовали возвращению в Киев таких политических изгнанников, как Грушевский (13/14 марта), Винниченко (23 марта), бывший редактор либеральной «Української хати» П.А.Богацкий (29 марта)¹⁷.

Помощь украинских либералов новой революционной власти заключалась также в поддержании порядка в провинции. ИК СООО часто поручал своим членам-украинцам посещать уезды и отдельные города с целью повышения в них исполнительной дисциплины и для агитации за новый строй. С этой целью ИК СООО 12, 17 и 19 марта отправлял в командировки украинских представителей: Прокоповича — в Умань и Винницу, А.С.Романенко — в Тарашу, Стешенко — в Полтаву и А.К.Васильчука — на фронт. В самом Киеве украинцы тоже помогали новой власти поддерживать спокойствие. 22 марта Паламарчук (УСДРП) урегулировал волнения в исправительных арстантских отделениях. 6 апреля Архимович занялся проблемой насилия крестьян над сельскими священниками, а 27 и 29 марта Ефремов и Порш (УСДРП) получили задание составить пасхальное воззвание к населению (издано 1 апреля) с призывом не допускать еврейских погромов. Действительно, революция не допустила тогда в Киеве ни одного насилия над евреями¹⁸.

Украинцы активно поддерживали революционную агитацию и пропаганду органов Временного правительства. 9 марта Ефремов заверил ИК СООО в том, что УЦР приняла необходимые меры для просвещения населения. Порш 14 марта объявил о начале разработки плана агитации среди жителей Киева и губернии. Он же 1 апреля внес предложение о создании целой сети комиссий по революционной пропаганде, а 4, 5 и 9 апреля организовал лекции ряда киевских профессоров для избирателей. 12 апреля Порш содействовал созданию курсов женщин-агитаторов. Ранее, 8 апреля, все украинские партии и УЦР вошли в «Агитюз» — орган агитационного и технического

сотрудничества всех республиканских партий края, в том числе и большевиков. Порш и другие украинские лидеры лично участвовали в общегородских революционных демонстрациях 6 и 16 марта. Наконец, деятели УЦР активно популяризировали правительственные «займы свободы». 9 апреля УЦР издала воззвание с призывом к подписке на него, а совещания 9, 12 и 14 апреля у губернского комиссара, созданные по инициативе В.В.Игнатовича (управляющего киевской конторой Госбанка и будущего лидера Украинской федеративно-демократической партии), разработали подробный план популяризации займа. Итог — за одни только дни 6-8 апреля в Киеве подписка на «займ» дала 20 млн. рублей¹⁹. Таковы основные факты самого тесного сотрудничества УЦР и ее деятелей с властью в период Февральской революции в Киеве.

Резюмируя, нужно еще раз подчеркнуть, что украинское национальное движение, возглавляемое УЦР, восприняло Февральскую революцию как долгожданное освобождение украинского и всех народов, населявших империю Романовых, от тяжелого политического и экономического гнета. Те общественные условия, которые сложились на Украине, побудили УЦР выдвинуть самые демократические требования и поддержать новый строй. Доказательство этого — действенная поддержка революции. Курс Временного правительства был альтернативой монархии и большевизму и отвечал конечным задачам украинского движения, поэтому оно поверило и поддержало его изо всех сил. Кроме того, теперь мы имеем полное право назвать первые два месяца революции на Украине периодом функционирования прочного блока УЦР и Временного правительства. История уготовила этому блоку трагическую судьбу, но значение его само по себе оказалось во многом судьбоносным для дальнейшего развития второй русской революции как на Украине, так и в России.

1. Винниченко В. Відродження нації. Т. 1. Київ-Відень, 1920; Мазепа І. Большеви́зм і оку́пація Украї́ни. Львів-Київ, 1920, Его же. Три періоди української революції // Ві́льна Украї́на. Львів-Київ, 1921, № 1-2; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2 Paris, 1963 и др.

2. Субтельный О. Украина. история. К., 1994. С. 344, 350, 356.

3. Биск И.С. К вопросу о социальном составе населения г. Киева (по данным переписи 1917 г.). К., 1920. С. 3, 4, 6; Южная копейка, 21 VI.1917.

4. Последние новости, 1917, № 4365 Церетели И.Г. Указ. соч. С. 88.

5 Дорошенко Д. Історія України 1917-1923 рр. Т. 1. Ужгород, 1932 С. 42, 43-44; Винниченко В. Щоденник. Т. 1. Едмонтон-Нью-Йорк, 1980 С. 260.

6. Киевская мысль, 14.III.1917; Вісти з Української Центральної Ради у Києві. 1917, № 1 (далеє Вісти).

7 Киевская мысль, 9.III.1917; Последние новости 1917, № 4384.

8. Вісти, 1917, № 4, 20-21, 22-23, Винниченко В. Відродження нації Т. 3. Київ-Відень, 1920. С. 24; Програма, статут и резолюції, ухвалені на з'їзді УСРП у Києві 4-5 квітня 1917 р. Катеринослав, 1917. С. 16 (далеє Програма).

9. Последние новости, 1917, № 4363, 4365, 4381, 4385-4389, 4393, 4394, 4397, 4401, 4413, 4417, 4426, 4429, Киевская мысль, 12, 14.III, 11.IV.1917; Южная копейка, 11.III.1917, Київська земська газета, 18.III, 15.IV.1917, Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції, 1917-1920 рр. Т. 1. Відень, 1920. С. 96

10 Последние новости, 1917, № 4363, 4418, 4421; Вісти, 1917, № 2 Програма. С. 14-15; Програма УПСР. Катеринослав, 1917. С. 11.

11. Известия Исполнительного комитета киевского Совета объединенных общественных организаций 16.III.1917 (далеє Известия); Последние новости, 1917, № 4363-4365, 4367, 4381.

12 Южная копейка, 5, 13, 18.III.1917; Известия, 16, 21, 29, 30.III.1917, Последние новости, 1917, № 4381, 4383, 4385, 4387, 4393, 4401, 4413, 4422, 4424; Киевская мысль, 8, 25.III.1917.

13. Последние новости, 1917, № 4364, 4365, 4369, 4371, 4388, 4390; Киевлянин, 10.III.1917.

14. Киевская мысль, 7.III.1917; Последние новости, 1917, № 4370, 4371, 4384, 4393.

15. Последние новости, 1917, № 4389, 4399, 4407, 4410, 4420, 4428; Киевская мысль, 30.III, 6.IV.1917, Известия, 21, 22.III.1917; Южная копейка, 2, 23.IV.1917.

16. Известия, 21, 29.III.1917, Последние новости, 1917, № 4381, 4389, 4391, Киевская мысль, 16.III.1917.

17. Последние новости, 1917, № 4367, 4410; Киевская мысль, 23.III.1917; Киевлянин, 25, 31.III.1917; Оберучев К. М. В дни революции. Нью-Йорк, 1919. С. 98.

18. Последние новости, 1917, № 4395, 4399, 4401; Известия, 18, 21, 29.III; 9, 12.IV.1917.

19. Последние новости, 1917, № 4390, 4413, 4415, 4421, 4427, 4428; Вісти, 1917, № 4; Южная копейка, 10.III, 9, 18.IV.1917, Киевская мысль, 8, 18.III.1917; Известия, 25.IV.1917.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДУМА

Остановлюсь на важном, с моей точки зрения, вопросе о формировании многопартийности в России, в частности, на участии политических партий в деятельности I и II Государственных дум.

Учреждение Государственной думы в России совпало с образованием политических партий различных направлений, получивших в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г. легальную возможность для пропаганды в стенах парламента своих программно-тактических взглядов. Думские фракции и группы в основном отражали тот политический спектр, расклад партийных и классовых сил, которые были характерны для общероссийской политической арены в целом. Внутрипарламентская борьба была напрямую связана с борьбой партий вне Думы, с общественным и революционным движением, развернувшимся в стране. Уже в I Государственной думе были сформированы фракции либеральных партий (кадетов, мирнообновленцев, партии демократических реформ), фракции социал-демократов и крестьянской Трудовой группы. Во II Думе были образованы новые фракции: народнических партий (эсеров и народных социалистов), октябристов (фракция октябристов и умеренно-правых), черносотенцев (фракция правых).

Необходимо подчеркнуть и следующее важное обстоятельство: несмотря на несовершенство избирательного закона, неравные, не прямые, не всеобщие выборы, Государственная дума была многонациональным представительным учреждением, а ее депутатский корпус отразил многообразие национального состава Российского государства. Это оказало влияние на расклад политических сил внутри Думы. В I Государственной думе действовали: польское коло, эстонская, латышская, литовская группы, группа западных окраин. Во II Думе национальные политические силы объединились во фракции: казачья группа, польское коло, мусульманская группа (замечу, что две последние фракции стабильно действовали и в III, и IV Думах).

Разнообразен был и социальный, профессиональный статус, образовательный уровень депутатов. Вместе с известными учеными, общественными и политическими деятелями, крупными финансистами, промышленниками, помещиками работали и малограмотные крестьяне, земские врачи и учителя, сельские приходские священники, рабочие. Однако в целом деятельность I и II Государственных дум направляла политическая и интеллектуальная элита российского общества, представленная либеральными партиями. Среди депутатов-либералов первых двух Дум были крупные ученые, в том числе, историки — А.А.Кизеветтер, М.М.Ковалевский, экономисты — М.Я.Герценштейн, Н.Н.Кутлер, П.Б.Струве, юристы — С.А.Муромцев, Л.И.Петражицкий, В.А.Маклаков, видные земские и общественные деятели — И.И.Петрункевич, Ф.И.Родичев и многие другие.

Деятельность первых Дум проходила в условиях революции 1905-1907 гг., что обусловило остроту политических дебатов и межфракционной борьбы по насущным социально-экономическим и политическим вопросам, обсуждавшимся в парламенте. Несмотря на отсутствие опыта парламентаризма логика внутридумской деятельности заставляла партийные фракции и группы искать и находить новые формы работы. Заключались временные соглашения и блоки между родственными политическими силами. В качестве примера можно привести образование народнического блока во II Думе, который объединил народнические фракции — эсеров, народных социалистов и трудовиков. В заседаниях народнического блока с информационными целями участвовали также и социал-демократы. Несмотря на тактические разногласия, существовавшие в народническом блоке, и сильное течение в пользу сотрудничества с кадетами, данное депутатское объединение проявило стремление проводить самостоятельную тактическую линию в Думе, координировало действия левых сил и активно участвовало в законодательной деятельности. В период работы первых Дум широкую практику получили межфракционные совещания фракций и групп, на которых предварительно обсуждались законопроекты, вырабатывалась общая линия при обсуждении отдельных вопросов. Подобные совещания проводили как оппозиционные фракции, так и проправительственные политические силы.

Представляет интерес эволюция взглядов лидеров Думы на место и роль представительного учреждения в политической системе и общественной жизни страны. В период работы I Думы преобладал взгляд на нее как на общественно-политическую трибуну, дающую возможность для легальной пропаганды партийных программно-тактических установок и для оказания влияния на общественное мнение страны. Данные настроения превалировали не только среди левых политических сил, но также сказались на тактике кадетской партии, фактически руководившей работой парламента.

Учитывая первый опыт парламентской деятельности, во II Думе стала набирать силу тенденция в пользу ограничения полномочий Думы чисто законодательными функциями. Сложилась на первый взгляд парадоксальная ситуация: несмотря на резкую поляризацию политических сил внутри Думы, следствием которой было образование двух крайних политических флангов и обострение межфракционной борьбы, усилиями кадетов стала налаживаться законодательная деятельность парламента, прерванная ее роспуском. Центристская тактика кадетской фракции, позволявшая ей лавировать между крайними флангами и блокироваться то с левыми, то с правыми силами, сохраняла политическое равновесие внутри Думы. Однако данная комбинация отличалась крайней неустойчивостью и просуществовала недолго.

В период деятельности первых двух Дум оппозиция не смогла сплотиться на основе единой платформы, не был найден компромисс по важнейшему вопросу российской действительности — аграрному. Единство отсутствовало не только среди оппозиции в целом, но и внутри самих фракций, как например, в социал-демократической фракции, где шла острая борьба по программно-тактическим вопросам между большевиками и меньшевиками. Разногласия в оппозиции, неспособность найти разумный компромисс в кризисной ситуации — все это были причины роспуска Думы и общей неудачи первого опыта парламентской деятельности.

В связи с обозначенными проблемами, на мой взгляд, уместно обратиться к выводам, сделанным лидерами и идеологами кадетской партии, фактически направлявшей деятельность первых Дум, о влиянии многопартийности

на работу парламента. Данные выводы можно кратко свести к следующим основным положениям:

во-первых, кадетские историки и публицисты обоснованно полагали, что существование мелких, drobных, нередко случайных и беспрограммных партий — закономерный этап формирования многопартийной политической системы в период реформ и ломки старой системы государственной власти;

во-вторых, кадеты обращали внимание на существование прямой зависимости между правильным функционированием парламента и численностью парламентских фракций, характером их программ и степенью их сплоченности. В случае, если парламента распался на множество враждующих друг с другом фракций и групп, не способных найти разумный компромисс по важнейшим вопросам, парламентский режим подвергался серьезной опасности. Данное обстоятельство провоцировало хронический конфликт парламента с правительством и в результате превращалось в дополнительный источник кризиса политической системы в целом;

в-третьих, моделируя идеальный вариант политической системы, идеологи либерализма (в частности, П.Н.Милюков), исходя из опыта Англии и США, считали условием победы и успеха парламентского строя в России существование двух больших политических партий, способных вести политическую борьбу. Однако в отличие от современных политиков, которые пытаются искусственно создать двухпартийную систему в России, кадеты указывали на необходимость наличия в стране социальных, исторических, политических предпосылок для формирования подобных условий политической борьбы. В России, переживавшей период революционного кризиса, совпавший с началом формирования многопартийной системы, была неизбежна резкая партийная поляризация, возникновение многочисленных партий и политических организаций;

в-четвертых, либералы утверждали, что только тогда, когда закончится тяжелый период реформ и ломки старой политической системы и принципы правового государства и парламентаризма осуществляются на деле, политическая дифференциация уступит место интеграции общественного мнения, и партии будут иметь достаточно авторитета и веса, чтобы от имени народа управлять страной.

Мне думается, что данные взгляды актуальны в современных условиях и могут представлять интерес для политиков.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что дальнейшее изучение истории политических партий в России, в том числе и национальных, должно учитывать и историю их думской деятельности. На сегодняшний день недостаточно изучена парламентская деятельность национальных фракций, их участие в политической внутридумской борьбе и в законодательной работе народного представительства. Нуждается в дальнейшей разработке проблема связи национальных думских фракций с национальными политическими партиями. Усилившийся в последние годы в российской исторической науке интерес к истории парламентаризма и политических партий требует переосмыслить с новых методологических позиций, как роль и значение всех четырех Государственных дум, так и деятельность в них политических партий, их фракций и групп.

И.В.Нарский
д.и.н.
(Челябинск)

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (Историографический парадокс)

Тема российского либерализма изначально присутствовала как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях истоков революций 1917 г. Советские историки должны были касаться этой проблемы, чтобы сохранить целостную картину освободительного движения и революций. Западные исследователи искали альтернативы революционному развитию России и стремились реабилитировать «проигравших», что была не в состоянии сделать советская историография, связанная нормативной идеологией и менталитетом «победителей». Всего несколько лет назад в СССР стало возможным публиковать исследования об альтернативах Октябрьской революции¹. Интерес к данной теме связан и с тем, что вопрос о возможных последствиях современного развития России неразрывно связан с проблемой отечественной либеральной и демократической традиции, ее качестве и степени укорененности. Хотя исследование отдельных сюжетов и периодов истории российского либерализма стало в последние десятилетия интенсивнее и основательнее, как в России², так и на Западе³, до недавнего времени можно было, как и более 30 лет назад, с сожалением констатировать: «Несмотря на эти усилия с их ограниченным успехом по выявлению, изложению и объяснению специфических событий, персоналий и проблем, до сих пор не удавалось удовлетворительно нарисовать общую картину, или целостную историю русского либерализма. Исследователь российского прошлого не получил исчерпывающего или хотя бы частичного ответа на вопрос: предлагал ли либерализм действительно жизнеспособную альтернативу революции, и если предлагал, то почему оказал так мало сопротивления давлению как реакционной, так и радикальной стороны?»⁴

Трудности исследования либерализма вообще вызваны прежде всего тем, что «пока отсутствует даже как рабочая гипотеза приемлемое определение исторического явления, которое включает понятие «либерализм»⁵. Нет единодушия исследователей по вопросу о его однозначных классификационных критериях. Это отчасти связано с тем, что определение «либеральный» первоначально использовалось во внеполитической сфере, было значительно шире и являлось синонимом таких понятий, как «щедрый», «свободомыслящий», «великодушный», «терпимый» и прочим коммукативным достоинствам. Кроме того, либерализм как политическая идеология и движение, представляется чрезвычайно изменчивым явлением, которое развивалось в крайне различных условиях и пластично приспосабливалось к ним. Поэтому «либерализм ускользает от всеобъемлющей дефиниции» и не подлежит сведению к нескольким «вечным» принципам⁶. Были также попытки вывести «переливчатость» либерализма из его «характера переходного направления», чем и объяснялись «длительность его существования, способность к изменению и приспособлению»⁷. Половинчатость либерализма как результат его буржуазной природы превратился в общее место советской исторической литературы. Почти радикальные превращения либерализма в меняющемся историческом контексте прослеживаются как в географическом, так и во временном плане. Историки проводят разграничение между англо-американским и континентально-европейским вариантами либерализма, учитывая различия его развития в этих регионах. В первом выделяются приверженность индивидуальной свободе, динамичные, активные компоненты либерализма, его прогрессивные тенденции; во втором — оборонительные, по политической и социальной тенденции консервативные черты, выдвигание на первый план задачи ограничения государственной власти⁸. Чрезвычайно сильное «вживание» либерализма в соответствующую историческую среду узнаваемо и в общеевропейской истории в целом. По мнению Л.Галла, ранний либерализм, с его идеалом бесклассового и отказавшегося от привилегий гражданского общества, благодаря прорыву индустриальной революции развился в откровенно классовую идеологию и буржуазную партию, а затем из-за серьезного структурного кризиса молодого

индустриального общества произошел болезненный переход к современному либерализму⁹.

Данные причины объясняют наличие разнообразных и зачастую слишком широких определений либерализма. Таковы дефиниции либерализма как «всепроникающего элемента структуры жизни современного мира» (Л.Хобхауз), новой философии или проявления темперамента (Г.Ласки), образа мыслей (Д.С.Шапиро), «светской формы западной культуры» (Ф.Уоткинс), точки зрения (П.Гурал). Нетрудно заметить, что предпринятое Ж.Сезером ограничение понятия четырьмя или пятью главными признаками также включает в себя слишком широкие определения (философия, образ мыслей, автономный мир, новое мировоззрение)¹⁰. Осторожность историков из-за масштабности и сложности объекта исследования понятна и оправдана. Вместе с тем она является наглядным подтверждением необходимости хронологически и тематически ограничивать конкретное поле исследования, чтобы не идти по пути произвольной интерпретации и умозрительной спекуляции.

Еще сложнее обозначить контуры российского либерализма как исследовательской проблемы и найти точное определение для этого явления, исследованного далеко не столь систематично, как европейский аналог. По мнению М.Раева, применительно к России оказались неадекватными как «абсолютная дефиниция, цель которой — ясно и точно запечатлеть специфические, непрменные и существенные компоненты и характеристики идеологии или по-литического движения», так и «релятивистское», «историческое», или прагматичное определение, меняющее набор признаков в зависимости от конкретной ситуации¹¹.

Отчасти это связано с двойственностью бытования иностранного слова «либерал» в России. В 40-е годы XIX в. оно, по словам И.С.Тургенева, «означало протест против всего темного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и искусству, и наконец, пуще всего означало любовь к народу»¹². Позднее в сознании «просвещенного общества» оно ассоциировалось в неполитической области со всяким свободомыслием, а в политике — со всякой оппозицией правительству и с терпимостью в отношении этой оппозиции. Вместе с тем, по мере радикализации освободительного движения

слово стало чуть ли не синонимом «соглашательства» и «непоследовательности», так что лидеры конституционно-демократической партии — крупнейшей либеральной партии России — избегали пользоваться термином «либерализм»¹³.

Вследствие многозначности слова в русском обиходе между понятиями «либерал» и «революционер» сложно провести границу. По этой же причине одна и та же российская политическая фигура характеризуется одним историком как либеральная, другим — как консервативная, третьим — как радикальная.

О том, что оба определения — и «абсолютное», и «историческое» — неудовлетворительны в отношении России, наглядно свидетельствуют результаты первых из наиболее основательных западных исследований российского либерализма В.Леонтовича и Д.Фишера, вышедших в 50-е годы¹⁴. Первый из авторов описал либерализм в правовых категориях и сформулировал его как совершенно определенное и ясно обозначенное политическое течение, содержание которого коротко и точно изложено в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. Д.Фишер, напротив, предложил более пластичное определение, основными составляющими которого являются постепенность, индивидуализм и конституционализм. Второе из наиболее очевидных различий трудов обоих авторов состоит в том, что В.Леонтович на первый план выдвинул либеральные идеи и правительственные реформы, в то время как Д.Фишер описывал общественные движения и деятелей, считавших себя либералами. При этом двух исследователей сближает интерпретация русского либерализма на основе критериев, выведенных из совершенно чужих, европейских исторических условий¹⁵. В конечном счете, можно констатировать: «В то время как Леонтович толкует понятие «либерализм» безусловно слишком широко, когда он относит к нему все реформы Екатерины II, Фишер понимает ... этот термин слишком узко, когда использует его почти исключительно в политическом контексте, побудившем более молодое поколение к основанию либеральных партий около 1905 г.»¹⁶. Если, наконец, попытаться сравнить две предложенные модели контурирования изучаемого феномена, чтобы обнаружить общее для них исследовательское поле, российский либерализм как объект исследования растет подобно фантому.

Невозможно очертить избранную тему, не занимая критическую позицию относительно выдвинутого В.Леонтовичем парадокса русского исторического развития: «Носителем либеральной программы было не общество, а бюрократия»¹⁷. Этот тезис представляется известным упрощением роли российской бюрократии в истории либерализма. Более корректным кажется мнение Д.Байрау о «сотрудничестве и конкуренции прогрессивных чиновников и либеральных дворян как о продуктивном партнерстве» в годы великих реформ 60-70-х годов XIX в. в России. «Ход реформ показал, что власти зависели от сотрудничества общественных групп, но и дворянство ничего не стало бы предпринимать без подталкивания со стороны бюрократии»¹⁸. Тезис о самостоятельной либеральной политике российского правительства кажется более чем сомнительным. Во-первых, специфическое употребление термина современниками вело к тому, что либералами почитались не либеральные, строго говоря, политические деятели — Александр I, М.М.Сперанский, П.Д.Киселев, М.Т.Лорис-Меликов. Во-вторых, модернизация России не вела автоматически и безусловно к либерализации, и за политикой С.Ю.Витте не стояло никакой либеральной программы, никакого правительственного либерализма, поскольку эта политика должна была укрепить существовавшую систему¹⁹. В-третьих, «легалистский» либерализм, который был рационален в пределах континентальной Европы, едва ли мог развиваться в российских условиях. Поэтому вряд ли целесообразно говорить о правительственном либерализме как о разновидности русского либерализма. В исследованиях остается открытым вопрос, может ли вообще «административный либерализм» быть причислен к либеральному движению²⁰.

Более корректно, на мой взгляд, понимать под российским либерализмом умеренные течения освободительного движения в России, цель которых заключалась в достижении в ближней или дальней перспективе автономии общества (народа) от бюрократической автократии с помощью его просвещения и воспитания, а также посредством подталкивания государства к содействующим эмансипации реформам. Я готов согласиться с упреком в известном схематизме предложенной интерпретации и недостаточно ясным разграничении либерализма и консерватизма, но в

данном случае для меня наиболее важно подчеркнуть в определении следующие моменты:

1. Российский либерализм охватывал оппозиционные движения и не должен смешиваться или связываться с «правительственным либерализмом».

2. Его программа переживала в конкретных ситуациях радикальные изменения, но его целью оставалось освобождение общества, что подразумевало в качестве разрушительной задачи преодоление бюрократического произвола, а в качестве созидательной — достижение свобод и социальной справедливости, достаточных для обеспечения общественной солидарности, стабильного развития России и избежания революционных потрясений. При этом идеал мог находиться как в европейской современности, так и в российской истории. К основным ценностям российского либерализма, как и западного, Д.Байрау отнес «признание частной собственности основой раскрытия индивидуума, ликвидацию феодально-сословных привилегий, освобождение рынка от меркантилистских монополий, внедрение договорного принципа в трудовые отношения»²¹.

3. Либерализм предпочитал эволюционное развитие и пытался более или менее дистанцироваться от радикализма, в зависимости от конкретной ситуации и уровня оптимизма по поводу зрелости общества и народа.

4. Он признавал особую роль государства в российской истории и ожидал от него прогрессивных действий.

Вопрос о времени рождения российского либерализма давно является предметом дискуссии. Если одни историки видят его корни в вольтеррианцах, масонах и мероприятиях Екатерины II, то есть опускают нижнюю границу его истории глубоко в XVIII в., то другие оспаривают его существование до конца XIX в. Однако большинство исследователей едино в мнении о начале истории российского либерализма в 60-е годы XIX в., когда реформы Александра II создали или повысили шансы к его формированию, а либеральные силы стали концентрироваться в земских собраниях. При этом многие признают бесспорным, что корни либерализма хронологически уходят гораздо глубже.

Если рассматривать российский либерализм как составную часть освободительного движения, имеет смысл поставить вопрос о том, можно ли видеть истоки либерализма в декабризме. Существует мнение, согласно которому тайные общества декабристов продолжили линию

либерализма XVIII в., ориентировавшегося на революцию французского образца и верившего даже в возможность образования республики в России²². Либеральную природу декабризма подразумевает также следующий тезис М.Малиа: «Русский либерализм на протяжении всего XIX в. колебался между двух полюсов — радикального «декабристского» и умеренного времен освобождения крестьян»²³. Поиск корней либерализма в декабризме можно обнаружить также у В.И.Ленина и некоторых современных отечественных историков²⁴. Такой подход кажется, однако, сомнительным, хотя среди декабристов и были истинные либералы, так как в этом движении было «значительно больше сторонников политического радикализма, даже представителей социалистических тенденций», которые в конце концов взяли верх²⁵. Поэтому можно говорить о либеральных элементах в идеологии и движении декабристов, не имевших, однако, самостоятельного значения. В этой связи аргументы В.Леонтовича против отождествления декабризма с ранним либерализмом представляются убедительными.

Отечественные и западные исследователи солидарны в утверждении, что русское западничество как движение в целом или по крайней мере его виднейшие представители — Т.Н.Грановский, Б.Н.Чичерин и другие — олицетворяли либерализм. Однако в оценке значения спора между западниками и славянофилами среди историков нет единства. Спектр мнений простирается от тезиса, согласно которому история этого спора не принадлежит непосредственно к истории либерализма²⁶ до констатации невозможности представить себе развитие либерализма, нигилизма и социализма без славянофильства и западничества, до убеждения, что «благодаря тем прогрессивным деятелям с их реализмом и индивидуализмом» «наступило новое время в России», а богатство и плодотворность этих духовно-литературных течений недостаточно поняты²⁷. Преимущественно сдержанная позиция исследователей по проблеме включения истории западничества и славянофильства в историю либерализма обуславливается двумя причинами: во-первых, чисто теоретическим, порой абстрактным характером спора, не оказавшего заметного влияния на официальную политику; во-вторых, из-за запутанности вопроса о природе славянофильства. Первый аргумент не сложно отвести — ранний европейский либерализм

также имел теоретический характер и включал в себя элементы утопии. Второе основание более серьезно и трезвобуст большой осторожности, так как оценки славянофильства очень разнообразны и колеблются от обвинений в консерватизме и реакционности (М.О.Гершенкрон, Г.В.Плеханов, Т.Масарик, А.Валицки) до причисления их к первым русским социалистам²⁸. Попытки советской историографии вывести характер славянофильства из классовых интересов остались малопродуктивны. Они ввели к произвольным толкованиям славянофильских идей как «помещичьей теории» (С.С.Дмитриев), буржуазного направления (Е.А.Дудзинская, В.А.Китаев), патриархально-дворянского либерализма (!) (Ю.З.Янковский)²⁹. Более корректным кажется отнесение славянофильства к раннему либерализму, в чем совпадают мнения большинства отечественных специалистов. Несколько ниже я попытаюсь обосновать эту позицию.

Все развитие российского либерализма условно можно разделить на три периода: 1) ранний, интеллектуальный либерализм 40-50-х годов XIX в.; 2) земский, или муниципальный либерализм 60-90 годов и 3) партийно-политический либерализм начала XX в.

Ранний либерализм в России нашел свое воплощение в истории славянофилов и западников. Прогрессировавшая «европеизация» России, осознание в эпоху Николая I противоречия между Россией и Европой, большая неуверенность по поводу предназначения своей страны и народа — все это побудило русских интеллектуалов задуматься о месте России в мировой истории, об их собственной социальной функции и исторической миссии. Славянофильство и западничество стали, по определению Ю.Шеррер, первыми групповыми идеологиями русской интеллигенции³⁰. В этих течениях впервые определилось особое отношение интеллигенции к государству, противопоставление России Западу, «расположение интеллигенции головой в девятнадцатом... веке, ногами в семнадцатом»³¹. Спор двух течений был дискуссией историков с историками и юристами. Классификация отдельных мыслителей дается не всегда легко, поскольку два различных мировоззрения вырабатывались постепенно, границы между консерватизмом, либерализмом и социализмом были тесными, в обоих направлениях имелись сторонники и оригинального, и европейского развития. Этим объясня-

ются неожиданные совпадения позиций западников и славянофилов, что позволяет рассматривать два течения 40-50-х годов XIX в. как неразрывный комплекс идей и настроений, среди которых необходимо особо подчеркнуть критическое отношение к российской действительности, прежде всего — к современному государству и крепостному праву, а также призыв к реформам. Политические, экономические и социальные представления отличались практически не столь резко, как историософские, что доказывают годы сотрудничества по подготовке крестьянской реформы. Собственно говоря, и в вопросе о Европе как образце для подражания речь шла в меньшей степени о том, «следует ли вообще что-то перенимать, сколько о том, что и каком объеме»³². Освобождение крестьян и другие реформы 60-70-х годов, в подготовке которых либералы сотрудничали с государством, означали одновременно решительную победу и смерть раннего либерализма: после 19 февраля 1861 г. лучше всего служить либеральным идеям можно было, оберегая и лелея их первые плоды, то есть перейдя на консервативные позиции³³. Однако гораздо важнее то, что западнические и славянофильские позиции были восприняты многими последующими политическими течениями, включая более поздний российский либерализм.

«Великие реформы», особенно введение в 1864 г. земского самоуправления, радикально изменили российские условия и вызвали к жизни муниципальный либерализм. Работа земств, само их существование, которое В.Леонтович охарактеризовал как «преддверие конституционного режима»³⁴, обозначало разрыв с авторитарной традицией. Первоначальное воодушевление по поводу введения земств вскоре сменилось разочарованием, вызванным все более суровым политическим климатом и осознанием правовой и финансовой ограниченности их деятельности. Особенно быстро активизировалась либеральная оппозиция в 90-е годы, что было связано с земской контрреформой 1890 г., голодом 1891-1892 гг., восшествием на престол Николая II и хозяйственной политикой С.Ю.Витте. В отличие от «интеллектуального» либерализма, земский был связан с определенным институтом, который играл решающую роль в формировании и популяризации либеральных идей в России. Существенное отличие от раннего либерализма заключалось и в том, что муниципальный

либерализм черпал силы не столько в либеральных идеях Запада, сколько в повседневном контакте с проблемами сельского населения и в концепции «малых дел». Таким образом, земцы вырабатывали собственные общественные позиции. Политические пожелания либералов были неоднородны и простирались от стремления к большей независимости земства от государства и расширению земских компетенций до надежд на создание центрального земского органа — «увенчание здания» — или даже всероссийского земского представительства с законодательными полномочиями, которое могло бы стать ядром будущего парламента. Важно также подчеркнуть, что в рамках земского либерализма началось создание либеральной политической инфраструктуры, чему содействовали нелегальные и полуполигальные земские съезды, проводившиеся с конца 70-х годов XIX в., либеральные «беседы» 90-х годов, работа общественных и научных обществ, деятельность группы «Беседа» конца 90-х годов. К началу XX в. земские либералы были «единственной группой интеллигенции, которая имела политический опыт и выработала соответствующие методы политической тактики»³⁵.

В начале XX в. условия для развития либерализма изменились как в обществе в целом, так и внутри либеральных группировок. Первое последствие индустриализации и русско-японской войны — революция 1905-1907 гг., хотя и не привела к созданию парламентской системы в западноевропейском смысле, все же впервые обеспечила возможность открыто излагать представления о будущем России. Ситуация была сопоставима с европейской переломной фазой 60-х годов XIX в., когда повсеместно национальные парламенты вступили на политическую авансцену и изменились шансы либеральной деятельности. «Время джентльменской политики истекло, партии и объединение интересов заняли ее место»³⁶. Скорее благодаря установлению контакта «второго элемента» земств (земских гласных) с группой либеральной академической интеллигенции, чем из-за активизации, как полагал М. Вебер, «третьего элемента» (служащие земств по найму), происходила радикализация либерального движения. Это нашло отражение в основании «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Предание гласности планов правительства о созыве законосовещательного народного представительства придало новый импульс ли-

беральному движению. За фазой объединения различных направлений освободительного движения начался процесс партийно-политической дифференциации, который привел в дни «октябрьских свобод» 1905 г. к основанию нескольких либеральных партий, среди которых наиболее значительными были конституционно-демократическая партия и Союз 17 октября.

Если большинство историков не отрицает либерального характера кадетской партии, то в вопросе о сущности организации октябристов мнения расходятся. Ее оценивают как подлинно либеральную партию (В.Леонтович), правую или консервативную (Елпатьевский), партию статуса-кво (Х.-Д.Леве), «свободно-консервативную (О.Хетч), умеренную, праволиберальную, реформистско-консервативную, либерально-консервативную (Э.Бирт, В.В.Шелохаев). Последние определения представляются более точными, поскольку октябристы «были слишком либеральны для (возможно) действенной националистской политики и (в решающий момент) слишком консервативны или умеренны для либеральной политики»³⁷. Обе партии развивали в своих политических документах конституционализм земского либерализма, дополненный социальными программами. Распространенный в советской и зарубежной литературе тезис о плохой организации и отсутствии политического опыта у российских либералов не совсем корректен. Существует мнение, что только либералам удалось создать партию в европейском смысле слова, и до 1907 г. кадеты являлись ведущей политической силой³⁸. Тем не менее период между 1905 и 1914 гг. был временем провала активной либеральной политики в России, в течение которого не возобладало ни либеральное, ни прусское, консервативное решение проблем.

Чтобы ответить на вопрос о причинах краха либерализма в России, необходимо сопоставить отечественное либеральное движение с западным. Тезис о родстве российского и европейского либерализма в советской историографии был сформулирован относительно недавно³⁹, но не был подкреплен основательными исследованиями⁴⁰. К особенностям либерализма в России обычно относят следующие:

1. Специфика российской истории была крайне неблагоприятна для развития либерализма. Длительное бюрократическое господство автократии нарушило все естест-

венные исторические процессы, вследствие чего либерализм существовал в условиях, пользуясь терминологией О.Шпенглера, «исторических псевдоморфоз». Основания, на которых базировалось либеральное движение в Западной Европе, в России поэтому отсутствовали. Кроме того, российский либерализм должен был браться за решение проблем, которые ко времени выхода западноевропейского либерализма на историческую сцену были решены⁴¹.

2. Либерализм в России был чем-то наносным, «лишь абстрактно воспринятой идеей»⁴², результатом рецепции и компонентом европеизации⁴³, что вело к «упрощающему негативизму»⁴⁴. В этой связи возникает сомнение, можно ли вообще говорить о существовании либерализма в России.

3. Его общественная база была слишком слаба. «Ни традиционное купечество, ни капиталистические предприниматели не играли в либеральном движении заметной роли»⁴⁵. Носителем либерализма стала русская интеллигенция — искусственная и изолированная от основной массы населения группа. Социальный базис либерализма в России обычно описывается как разнородная и малочисленная группа дворян и интеллигентов.

4. В условиях России, где принцип политической постепенности плохо согласовывался с требованием индивидуальных свобод, либерализм нес в себе идеологические противоречия и рождал радикальные политические программы. С одной стороны, либералами до конца XIX в. в принципе признавалась активная роль авторитарного государства, с другой стороны, — либерализм в России изначально воспринял социальную проблематику и социалистические идеи, что рассматривается как нарушение классических либеральных принципов и антикапиталистическая тенденция. «Речь идет о существенно более радикальной программе, чем тогдашние программы либералов в большинстве европейских стран»⁴⁶. Таким образом, российский либерализм колебался между консерватизмом и левым радикализмом.

5. Невозможность в российской реальности последовательно проводить либеральную линию предопределила радикализацию тактики либералов, которые с конца XIX в. осуществляли нелегальные акции и симпатизировали революционным действиям.

Однако все перечисленные особенности, как ни странно это звучит, имеют аналогии в европейском либерализме. Российская действительность XIX — начала XX вв. имела общие черты с центральноевропейской. Существование в России XVI, XVII, XVIII и XIX вв. европейской истории не было национальным феноменом⁴⁷. Относительно традиционалистская структура общества была типична для Германии, Венгрии, Польши. В Германии либеральное движение длительное время развивалось как интеллектуальное течение, без создания партии. Политический строй России после созыва Государственной думы также приблизился к порядку Центральной Европы. Характеристика политической жизни кайзеровской Германии как «смеси блокированной парламентаризации с фундаментальной общественной политизацией»⁴⁸ вполне применима и к России. Как и в России, в Германии никогда не было «эпохи либерализма». В отличие от Западной Европы, где «отдельные этапы свободы были резко отделены друг от друга», либералы Центральной и Восточной Европы сталкивались с ситуацией, в которой «проблемы свободы всплывали не одна за другой, а в переплетении»⁴⁹.

Вопрос о заимствовании тоже представляется более сложным. Во-первых, либеральные идеи континентальной Европы также носили преимущественно абстрактный и доктринерский характер в сравнении с английской либеральной традицией⁵⁰. Во-вторых, возможность выбирать из разнообразного европейского опыта, механизм так называемого «западного эклектизма»⁵¹, позволял адаптировать европейские течения в автономную модель развития. К тому же российская жизнь модифицировала и видоизменяла западные идеи и практику.

Тот факт, что буржуазия не стала в России носителем либерализма, также не составляет российской специфики. В Европе дворянство тоже играло видную роль в либеральном движении. Социальная опора либералов варьировалась в отдельных странах, не говоря о том, что «далеко не все буржуа выбирали либерализм, и чем позже, тем меньше»⁵². Важное место в нем занимала и интеллигенция. Так, германский ранний либерализм описывается как типичное движение интеллектуалов⁵³. Относительно России следует подчеркнуть, что провести четкую границу между дворянством и интеллигенцией бывает затруд-

нительно, «так как поместное дворянство как класс переставало существовать и часть его представителей занималась умственным трудом»⁵⁴. Кроме того, все и попытки дать корректное определение интеллигенции оказывались на мертвой точке, что позволило И. Тауберу назвать ее «коллективным понятием без коллектива»⁵⁵.

Для описания социальной базы российского либерализма наиболее точными представляются понятия цензовой, или «укорененной» интеллигенции, но в качестве не второй, наряду с дворянством, опоры либерализма, а одной-единственной. Необходимо отличать эту категорию интеллигенции, предоставлявшую собой составную часть развивавшегося благодаря модернизации буржуазного общества, от полуинтеллигенции, или «беспочвенной» интеллигенции, действовавшей в пустом пространстве⁵⁶. Представляется корректным причислить к либеральной интеллигенции не только интеллектуалов, пропагандировавших буржуазные ценности в университетах, журналистике и литературе, но и «второй элемент» самоуправления. Нужно отметить, что либеральных земцев не следует рассматривать только как представителей дворянства, поскольку они, как правило, одновременно играли несколько социальных ролей — землевладельца, участника общественных и научных объединений, корреспондента газет и журналов, представителя (по крайней мере — по образованию) свободных профессий⁵⁷. Так как процесс умножения социальных ипостасей дворянства начался еще до великих реформ 60-х годов XIX в., кажется возможным отнести к «укорененной» интеллигенции славянофилов и западников. Социальный состав либералов менялся от региона к региону и зависел от уровня и специфики развития области, в различных вариациях включая по преимуществу академическую интеллигенцию в университетских центрах, представителей местного самоуправления в земских губерниях, специалистов в области экономики в быстро развивающихся регионах.

Признание активной роли государства — пусть и авторитарного — в политической, социальной и хозяйственной жизни также характерно не только для России. В целом, остается открытым вопрос, можно ли рассматривать либерализм XIX в. исключительно в рамках лассеферизма: там, где личность или социальная группа нуждалась в помощи, допускалось вмешательство государства для бла-

га общества. Российский либерализм приобрел ярко выраженные интервенционистские черты благодаря двум факторам. Во-первых, развитие либерализма в России началось в то время, когда в Западной Европе дух классического либерализма уже прошел точку зенита. Внутри славянофильства и западничества изначально можно обнаружить аналогии либеральным группировкам, возникшим в Германии после 1848 г. и обозначенные Л.Галлом как «догматическая», «оппортунистическая» и «ревизионистская»⁵⁸. Во-вторых, идея современного интервенционистского государства была первоначально принята либералами тех стран, где вмешательство государства имело давнюю традицию. Ориентация на государственную инициативу составляла, согласно концепции А.Гершенкрона, признак хозяйственной отсталости⁵⁹. Интервенционистский либерализм был характерен для Германии XIX в. Благодаря возможности использовать передовой зарубежный опыт — так называемой «привилегии отсталости» — кадеты отказались от идеи государства — «ночного сторожа» — одновременно с выработкой позиции «нового либерализма» в Европе такими деятелями, как Клемансо и Ллойд-Джордж. Этим же объясняется, почему социальная проблематика с самого начала играла в российском либерализме столь весомую роль. Мнение об антибуржуазной и антилиберальной деформации либерализма в России оставляет без внимания факт смещения раннего либерализма с современным, «социализированным». Не стоит забывать и о том, что ранний либерализм — точно так же, как российское славянофильство — рассматривало социальный порядок как «постоянную структуру мира», которая искажается рядом явлений, в числе которых следует назвать и крупную буржуазию⁶⁰. Кроме того, российские интеллектуалы анализировали европейскую действительность, вследствие чего они обладали «тем же историческим опытом, который вел таких либералов, как Джон Стюарт Милль, к кризису либеральной идеологии и приближал их как к социалистической, так и к консервативной критике (Токвиль)»⁶¹. Это относится и к более позднему времени, когда социальные последствия модернизации были признаны либералами и «влияние на набирающий силу пролетариат стало решающим вопросом либерализма»⁶², как на Западе, так и в России, что обуславливало радикализацию и программы, и тактики.

Непоследовательность либеральной тактики также является международным, а не специфически российским явлением. Известно, что ранний европейский либерализм симпатизировал революции, а в начале XX в. тесное сотрудничество с социалистами защищал в принципе не только П.Н.Милюков, но и Ллойд-Джордж. Деятельность либералов повсеместно определялась тем, что они, как группа политического центра, объединяли оппозицию и против «феодалов» элит, и против «беспочвенных» масс. Трюизмом является тезис о консервативной или радикальной окраске либеральной деятельности в зависимости от конкретной ситуации.

Несмотря на многообразие взглядов на российский либерализм и его особенности, нельзя не признать, что его вполне можно рассматривать как европейское явление. Необходимо бросить взгляд на историографию либерализма в России, чтобы попытаться ответить на вопрос: почему русский либерализм выглядит таким чужим среди европейских «родственников»? Широкий спектр интерпретаций истории российского либерализма может быть сведен к трем синтезирующим моделям: либеральной, консервативной и марксистской.

Либеральная модель базируется на оптимистической посылке, согласно которой Россия в XIX в. вступила на путь развития западных стран и самостоятельно шла в либеральном направлении. Революция 1905 г. была довольно успешным уроком конституционной демократии, а кадеты, рассматриваемые как либералы в европейском смысле слова, играли в политической жизни большую и все возрастающую роль. Крушение России связывается с недалековидностью царизма и первой мировой войной. Для этой интерпретации характерно проведение жесткой границы либерализма справа, в то время как разграничение слева не является столь однозначным и не является необходимым. Либерализм представляется реальной альтернативой революционному радикализму.

Для консервативной модели, напротив, неопределенной остается граница справа. В результате кадеты и вся российская либеральная оппозиция осуждаются как радикалы и доктринеры-максималисты, а революция клеймится как явление, враждебное свободе и праву. В качестве «истинного» признается лишь «консервативный либерализм», то есть игнорируются новые тенденции в развитии

либеральной идеологии и практики. За либералами не признается роль потенциальной альтернативы большевизму. Более того, они обвиняются как «могильщики» России.

Приговор марксистов, вынесенный либерализму как буржуазному явлению по социальному составу и целям, как малозначимому эпизоду в истории России, многие десятилетия господствовал в советской историографии, хотя многие работы — например, Н.Г.Думовой, К.Ф.Шацилло, Н.М.Пирумовой, В.В.Шелохасва — отличают более осторожные оценки и сдержанность в отношении нормативных исторических концепций. Однако в целом российский либерализм «трактровался как комплекс изолированных идей или событий, которые никогда не соединялись в осмысленную структуру или тенденцию»⁶³. С этим связана и явная недооценка роли либералов в освободительном движении. Кадеты, трактуемые как главная партия либеральной и даже империалистической буржуазии, резко отделялись от левых течений, клеймились как «предатели» интересов народа и причислялись к лагерю «контрреволюции».

Нетрудно заметить, что все три интерпретации не выходят за рамки стереотипов, возникших в конце XIX — начале XX вв. Таково современное состояние изучения российского либерализма, на которое повлияли три фактора. Во-первых, это — вызванные различными причинами сложности осмысления материала. Во-вторых, зародившееся в XIX в. и окрепшее в XX в. противопоставление российского и европейского развития, что способствовало пессимистической оценке шансов либерализма в России. В-третьих, поражение либеральной альтернативы в 1917 г., породившее фаталистический взгляд исследователей на российский либерализм.

Хотя либералы были в начале XX в. (до 1907 г.) доминирующей политической силой, «которая довольно крепко внедрилась в городскую Россию и значительную часть сельской России»⁶⁴, победить им не удалось. Как и в Германии, в России либерализм никогда не мог стать господствующей политической силой. В общем и целом, слабость российского либерализма не составляла его особенность; «либералы в действительности являются слабыми политиками, так как они роковым образом оказываются

под угрозой со стороны экстремистов, которых они сами однажды использовали».

Ни одна из особенностей российского экономического, социального и политического развития не оказывала непосредственного воздействия на судьбу либерализма. Ключевым явлением, прямо определившим его роковой конец и объединившим все неблагоприятные для его победы обстоятельства, представляется специфическая, популистская и отторгающая либеральные ценности политическая культура. Каждое политическое направление — и кадетизм не составлял исключения — рассматривало народ как «органический коллективный индивидуум», однородную массу. Черты и «воля народа» конструировались на основе собственных, весьма абстрактных представлений. В результате партии рассматривали себя в качестве единственного выразителя интересов народа, что крайне затрудняло возможности компромисса и сотрудничества.

Тем не менее представляется продуктивным рассматривать российский либерализм как часть европейской культуры. Обнаруживается, — и в этом состоит историографический парадокс, — что особенности отечественного либерализма, которые традиционно используются историками для объединения его особого пути, не являются специфически российскими. Таким образом, вопрос о своеобразии либерализма в России остается открытым.

1. Первой из них является, вероятно, монография П.В.Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность». М., 1987.

2. См.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1972; Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1983; Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; Его же. Партия октябристов в период первой русской революции. М., 1987; Его же. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907–1914 гг. М., 1991; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Аврех А.Я. Российский либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории, 1989, № 2.

3. См.: Birth E. Die Oktobristen (1905—1913). Zielvorstellungen und Struktur: Ein Beitrag zur russischen Parteiengeschichte. Stuttgart, 1974; Liszkowski U. Zwischen Liberalismus und Imperialismus. Die zaristische Aussenpolitik vor dem Ersten Weltkrieg im Urteil Milukovs und der

Kadettenpartei 1905 — 1914. Stuttgart, 1974; Krause K. Zwischen Laisser-fair-Liberalismus und Sozialreform. Die russische Liberalen und die wirtschaftliche Probleme Russlands (von 1900 bis zur Gruendung der Konstitutionell-Demokratischen Partei im Oktober 1905). Koln, 1981. Bd. 1-2; Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, 1983.

4. Raeff M. Einige Überlegungen zum russischen Liberalismus. In: Gall L. (Hrsg.) Liberalismus. 3. Auflage. Koenigstein/Ts., 1985. S. 308. Первой успешной попыткой заполнить эту лауну является учебное пособие С.С. Секиринского и В.В. Шелохаева «Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX — начало XX в.)». М., 1995.

5. Gall L. (Hrsg.) Liberalismus. S. 9.

6. Langewiesche D. Deutscher Liberalismus im europäischen Vergleich. Konzeption und Ergebnisse. In: Liberalismus in 19. Jahrhundert. Goettingen, 1988. S. 13.

7. Massaryk T. Zur russischen Geschichts — und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. Dusseldorf-Koln, 1965. Bd. 2. S. 390.

8. Sovjetsystem und Demokratische Gesellschaft. Freiburg, 1971. Bd. 4. S. 71.

9. Gall L. (Hrsg.) Liberalismus. S. 12-13.

10. Gall L. (Hrsg.) Liberalismus. S. 20-21, 54, 122, 134, 283.

11. Raeff M. Op. cit. S. 309-310.

12. Цит. по: Русское общество 40 — 50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. I. С. 6.

13. Медушевский А.Н. Русский конституционализм второй половины XIX — начала XX в. в кн.: Первая российская революция 1905 — 1907 гг.: Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 112-113.

14. Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt a.M., 1957; Fisher G. Russian Liberalism from Gentry to Intelligentsia. Cambridge, 1958.

15. Scheibert P. Über den Liberalismus in Russland // JGO. 1959. № 7. S.38.

16. Dilger B. Die politischen Anschauungen A.D. Granovskijs // FOG. 1970. № 15. S. 149

17. Leontovitsch V. Op. cit. S. 202.

18. Beyrau D. Liberaler Adel und Reformburokratie in Russland Alexanders II. In: Langewiesche D. (Hrsg.) Liberalismus im 19. Jahrhundert. S. 511.

19. Loewe H.-D. Bürgertum, liberale Bewegung und gouvernementaler Liberalismus im Zarenreich um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert. In: Langewiesche D. (Hrsg.) Liberalismus im 19. Jahrhundert. S. 518.

20. Langewiesche D. Op. cit. S. 18.

21. Beyrau D. Op. cit. S. 500.

22. Massaryk T. Op. cit. Bd. 2. S. 392.

23. Malia M. Experiment ohne Zukunft? Voraussetzungen und Folgen der russischen Revolution. Hamburg, 1989. S. 53.

24. См.: Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 61-65.

25. Leontovitsch V. Op. cit. S. 85

26. Ibid. S. 129

27. Mette H.J. Russische Geschichte, vornehmlich des 19 und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1949. S. 126.

28. См.: Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986.
29. Цимбасв Н. И. Указ. соч. С. 101.
30. Scherrer J. Die Petersburger Religioes-Philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973. S. 32.
31. Seton-Watson H. Der Verfall des Zarenreiches. Munchen, 1994. S. 22.
32. Tauber J. Romische Republik und russische Autokratie in der Krise. Frankfurt a. M., 1990. S. 571.
33. Schapiro L. Die vorrevolutionare Intelligentsia und gesetzliche Ordnung In: Pipes R. (Hrsg.) Die russische Intelligentsia. Stuttgart, 1962. S. 42.
34. Leontovitsch V. Op. cit. S. 244.
35. Elkin B. Die russische Intelligentsia am Vorabend der Revolution. In: Pipes R. (Hrsg.) Die russische Intelligentsia S. 50-51.
36. Langewiesche D. Op. cit. S. 14.
37. Birth E. Op. cit. S. 187.
38. Malia M. Op. cit. S. 51.
39. Дудзинская Е. А. Указ. соч. С. 247.
40. Одной из первых попыток сравнительного анализа в современной отечественной литературе можно считать привлекавшийся выше обзорный материал А. Н. Медушевского.
41. Leontovitsch V. Op. cit. S. VII.
42. Silnizki M. Op. cit. S. 24.
43. Pipes R. Die historische Entwicklung der russishen Intelligentsia. In: Pipes R. Die russische Intelligentsia. S. 65.
44. Raeff M. Op. cit. S. 310.
45. Geger D. Einfuhrung. In: Langewiesche D. (Hrsg.) Liberalismus im 19. Jahrhundert. S. 456.
46. Malia M. Op. cit. S. 52.
47. Seton-Watson H. Op. cit. S. 334-335.
48. Langewiesche D. Op. cit. S. 15.
49. Kriger L. Europaischer und amerikanischer Liberalismus. In: Gall L. (Hrsg.) Liberalismus. S. 155.
50. Cesaire J. Der Liberalismus und Liberalismen, Versuch einer Syntese. In: Ibid. S. 134-140; Bullock A., Shock M. Englands liberale Tradition. In: Ibid. S. 254-282.
51. Tauber J. Op. cit. S. 571-579.
52. Kocka J. Verwort. In: Langewiesche D. (Hrsg.) Liberalismus im 19. Jahrhundert. S. 10.
53. Kriger L. Op. cit. S. 154.
54. Liszkowski U. Op. cit. S. 20.
55. Tauber J. Op. cit. S. 131.
56. Malia M. Op. cit. S. 38-39, 49-50.
57. Пирумова Н. М. Указ. соч.
58. Gall L. Op. cit. S. 173-174.
59. Gerschenkron A. Economic Backwardness im Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, Mass., 1962.
60. Conze W. Das Spannungsfeld von Staat und Gesellschaft im Vormarz. In. Staat und Gesellschaft im deutschen Vormarz 1815 — 1848. Stuttgart, 1962.

61. Müller E. Zwischen Liberalismus und utopischem Sozialismus // JGO. 1965. Bd. 13 H. 14.
62. Schieder T. Die Krise des bürgerlichen Liberalismus. Ein Beitrag zum Verhältniss von politischer und gesellschaftlicher Verfassung // Gall L. (Hrsg.) Liberalismus. S. 200-201.
63. Raeff M. Op. cit. S. 308.
64. Malia M. Op. cit. S. 53.
65. Ibid. S. 20.
66. Schulze-Gavernitz G.v. Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig, 1899. S. 187.

В.Ю.Карнишин

к.и.н.,

(Пенза)

РЕГИОНАЛЬНАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В ПОВОЛЖЬЕ НА ФОНЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX в.*

Осмысление феномена региональной многопартийности начала XX в. представляет особую актуальность по ряду обстоятельств. Во-первых, формирование структур общероссийских партий в провинциальной глубинке проходило в условиях обострения социально-политических противоречий в контексте процесса модернизации. Следовательно, облик многопартийности может быть охарактеризован с учетом специфики той среды, которая порождала появление отдельных личностей и групп, заявивших о себе в общественно-политической жизни.

Во-вторых, не утратила своей значимости проблема взаимосвязи центральных партийных структур и их провинциальных организаций. Без сомнения, степень эффективности и устойчивости подобных контактов могла оказать существенное воздействие на динамику политического процесса.

В-третьих, следует внимательно отнестись к вопросу о формах и методах борьбы партийных функционеров за те социальные слои, представители которых, в конечном итоге, делали свой выбор и оказывались вовлеченными в события, исход которых определял будущее не только региона, но и всей страны в целом. Таковы лишь некоторые замечания, указывающие на необходимость более тщательного изучения региональной многопартийности.

Пространственные рамки статьи ограничены территорией четырех губерний Среднего и Нижнего Поволжья — Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской. Именно здесь особенно четко проявлялись специфические черты российской действительности конца XIX — начала

* Работа над статьей выполнена при финансовой поддержке гранта Государственного комитета РФ по высшему образованию.

XX вв.: многонациональный состав населения, незавершенность процесса классобразования, урбанизация, сопряженная с маргинализацией и низким качеством жизни «пришлых» — крестьян, покидавших свою «малую родину», нередко оставляя там свои семьи и оказываясь в новой городской среде, которая отнюдь не была гостеприимной. Отметим еще один фактор, роль которого нельзя недооценивать — аграрный вопрос. Если вспомнить, что Самарскую и Саратовскую губернии именовали «житницей России» наряду с Украиной, южнорусскими губерниями, то очевидна зависимость складывания партийных образований и от настроений крестьянства, составлявшего большинство населения и испытывавшего дискомфорт от земельного голода. Необходимость перемен осознавалась не только среди населения, но и частью администраторов. Напомним, что Саратовская губерния была последней ступенькой на лестнице карьерного продвижения П.А.Столыпина к должности главы министерства внутренних дел и главы правительства. Другой губернатор — князь Л.В.Яшвиль, навлекший на себя недовольство симбирских дворян, жаловавшихся на его недостаточную жесткость при подавлении крестьянских бунтов, в своем письме в Департамент полиции указывал на неотложность вмешательства правительства во взаимоотношения между землевладельцами и крестьянами. Симптоматично, что при этом Яшвиль просил не считать его «народолюбцем» или социалистом, если он высказывал такое неординарное суждение, с точки зрения практики управления в губернии¹.

Затягивание реформ только стимулировало энергию оппозиционно настроенных лиц, пытавшихся внести в провинциальную среду лозунги, легко усваиваемые частью населения, не искушенного в тонкостях партийных деклараций и идеологических постулатов. Именно провинциальная интеллигенция и ее единомышленники из крупных городов страны оказывались творцами многопартийности. В.В.Шелохаевым отмечалось, что «оперируя абстрактными понятиями, строя глобальные идеологические модели преобразования всей системы общественных отношений, интеллигенция создавала партии именно под эти модели»². В этой связи логичен вопрос, насколько были восприимчивы и активны в политическом отношении слои провинциального общества к намерениям, излагав-

шимся в речах земских деятелей, нелегальных и легальных изданиях. Ответ на этот вопрос не будет убедителен, если оставить без внимания характеристики атмосферы губернских городов Поволжья, оставленные современниками начала XX в. Д.Д.Протопопов, впоследствии активный деятель конституционно-демократической партии и депутат I Думы, высланный в Самару из Петербурга и проживавший здесь в 1901-1906 гг., писал: «В городе Самаре царил глубокий сон. Город этот искони был ареной быстрой и нехитрой наживы вышедших из крестьян купцов... Интеллигенция, попадая в Самару, чувствовала себя чужестранцами и быстро умственно начинала хиреть, если только вовремя не спасалась бегством... Собирались редко, а когда собирались, то вяло говорили о современных событиях, и политическая работа была почти равна нулю»³. Далеки от идиллических были и картины жизни провинциального Симбирска: «Общественной жизни никакой... О политических настроениях передовой интеллигенции в Петербурге и Москве никто не знает. Известно только, что студенты и жида бунтуют против царя, а в чем дело — никто не знает и благородно избегают разговоров об этом»⁴. Симбирянин А.В.Ястребов утверждал, что о своем известном земляке «мы слышали, что называется, краем уха: мы знали, что где-то есть такой революционер, но роль и значение его в революции мы не представляли себе тогда»⁵.

Тридцатидвухлетний москвич Н.Ф.Езерский (впоследствии депутат I Думы и один из лидеров пензенских кадетов), переехав в Пензу в 1902 г., делился своими впечатлениями в письме своему другу: «... Вот тебе мой вывод: у нас общественная деятельность в настоящем смысле, то есть работа обществом, миром, невозможна. Потому что людей, интересующихся и понимающих общественные дела, так мало и все мы так вялы, так неопытны, что разве только в самых крупных центрах можно подобрать целую группу людей, которые все были бы способны к деятельности. ... О равноправных товарищах, о совместной работе нечего и думать...»⁶ Отметим, что приведенные суждения принадлежат образованным людям, пытавшимся принять участие в событиях, изменивших бы рутинную жизнь провинциальной среды.

Патриархальная тишина поволжских городов все же постепенно нарушалась новыми веяниями и тенденциями:

увеличивалось число периодических изданий, распространявшихся в губерниях и имевших спрос среди образованной публики даже в обеих столицах, открывались новые учебные заведения и молодежь стремилась вырваться за границы запретов и частоколов циркуляров Министерства народного просвещения и духовного ведомства. В неофициальной жизни, которая не находила отражения на страницах губернских официозов, особым вниманием пользовались ссыльные, оседавшие в поволжских городах за участие в студенческих забастовках, рабочих выступлениях, нелегальной деятельности. В Саратове авторитетом среди учащихся пользовался народоволец В.А.Балмашев — отец боевика, убившего министра внутренних дел Д.С.Сипягина. Среди радикальных элементов Самары был известен также В.П.Арцыбушев, бывший участник организации «Молодая Россия».

А.М.Ремизов, высланный в Пензу на два года за участие в антиправительственном движении, в своих воспоминаниях отмечал, что среди его новых знакомых преобладала оппозиционно настроенная молодежь: один из будущих лидеров партии социалистов-революционеров Н.Д.Авксентьев, поражавший «негимназической речистостью»; юный В.А.Карпинский (впоследствии большевистский публицист), который, судя по мнению мемуариста, «больше годился на применение своего марксизма среди гимназисток, что он добросовестно и исполнял»⁷.

Попытки радикально настроенных лиц, собиравшихся в кружки и группы, распространить влияние на население и завоевать авторитет, до событий первой российской революции не приносили сколь-либо большого успеха. Политизация не стала характерной чертой в настроениях подавляющей части рабочих и крестьян. Выписывать периодические издания могли лишь немногие жители города и деревни. Достаточно противоречивы и сведения о степени распространения прессы. Современники, с одной стороны, делали выводы о непопулярности газет, а с другой, — отмечали, что издания, получаемые по подписке интеллигентами и «зажиточным классом», берутся для чтения крестьянами⁸. Еще предстоит изучить феномен ментальности поволжского крестьянства. Носители знаний (учителя, библиотекари и врачи) воспринимались в крестьянской среде порой в качестве разрушителей традиционного общинного уклада, медленно трансформирующегося под

давлением новых всяний. Модернизация, в буквальном смысле слова, вызывала шок у части крестьянства. Реакцией на происходившие перемены становилось все более возраставшее недовольство, перераставшее в озлобление, которым пытались манипулировать как власти, так и функционеры различных политических партий.

В начале XX в. наиболее прочные позиции в регионе занимали структуры ПСР. Аграрная пропаганда разъездных агитаторов находила благодатную почву именно там, где незначительные размеры крестьянских наделов сочетались с высокими ценами на землю и арендную плату за нее. Причем доля беднейших крестьян была высокой, а доля зажиточных низкой⁹. «Эсеровской Меккой» называли Саратов — город, связанный с именами В.М.Чернова, Н.И.и И.И.Ракитниковых. Уроженцем Пензы был Н.Д.Авксентьев. Наиболее активно реагировали на деятельность функционеров ПСР учащиеся гимназий, училищ. Молодежь не удовлетворяли ни качество знаний, получаемых в учебных заведениях, ни регламентация жизни вне их стен. Неискушенные в теоретических спорах представители ПРС и РСДРП, учащиеся создавали кружки самообразования с целью понять суть воззрений теоретиков социалистических учений, увеличить численность своих сторонников, адаптировать пропагандистские лозунги к реалиям крестьянской жизни поволжской деревни и фабрично-заводского труда. «Союз учащейся молодежи» в Пензе распространял листовки и брошюры, издаваемые под грифом как структур ПСР, так и организаций РСДРП. Впрочем, приверженцы социал-демократов не проявляли той энергии, которая была свойственна эсерам. Численность городских рабочих в губернских центрах была невелика, а достаточных интеллектуальных сил, способных направить агитационную деятельность в нужном направлении, социал-демократы не имели.

Недостаточная степень зрелости была свойственна и тем кружкам, которые рассматривались функционерами РСДРП и ПСР в качестве своей опоры. Современники указывали на то, что вовлеченные в собрания рядовые члены обеих социалистических партий не могли разобраться в сущности отличий программ ПСР и РСДРП. Поэтому вполне естественным было существование объединенной организации эсеров и социал-демократов в Саратове, где разногласия между ними возникали по вопро-

су о возможности печатания эсеровской литературы членами РСДРП¹⁰.

Попыткой консолидировать ряды структур РСДРП стало создание Восточного Бюро ЦК РСДРП и подпольной типографии ЦК в Самаре. Но оказалось, что эти меры более четко обнажили проблемы, уязвимые для социал-демократов. Воспоминания участников социал-демократического движения свидетельствуют о явном противоречии с выводами историков КПСС, дававших безусловную положительную оценку Восточного Бюро в своих многочисленных работах. Игравший заметную роль в деятельности организации РСДРП Г.И.Крамольников настаивал на том, что для Самары Восточное бюро ЦК не было ни в малейшей мере областным центром. По его утверждению, «самарская организация работала слабо и эту слабость отчасти объясняло отсутствие настоящих больших отношений между центром и местными организациями»¹¹.

О сложном положении дел в поволжских организациях РСДРП свидетельствовал направленный ЦК в Самару В.Н.Соколов. Его миссия заключалась в налаживании работы транспортно-технического бюро, которое должно было обеспечить литературой и листовками организации социал-демократов. Отсутствие лиц, на которых можно было бы положиться, стало причиной перемещения бюро из Пензы в Самару. Наведываясь в другие города региона, В.Н.Соколов констатировал, что в Симбирске, где существовала социал-демократическая группа, два ее организатора — В.В.Орлов и В.В.Рябиков — вообще «слонялись без дела. Ни литературы, ни определенного настроения у них, пожалуй, не было»¹².

Характерно, что подобные факты умалчивались историками, выполнявшими социальный заказ по изданию многочисленных очерков партийных организаций, поскольку они не вписывались в шаблонные схемы о «руководящей роли» большевистских организаций в событиях 1905-1907 гг.

Начало 1905 г. с отзвуками петербургских выстрелов 9 января, забастовочной активностью поставило перед поволжскими эсерами и социал-демократами вопрос об усилении своего влияния на общественное мнение. Для радикально настроенных функционеров был свойственен тот стиль действий, который подразумевал участие в легальных собраниях, носивших, как правило культурно-про-

светительный характер с целью заявить о своих намерениях, причем не гнушаясь эпатажем. Так, в Симбирске, выслушав выступление одного из либеральных интеллигентов, сын торговца В.В.Орлов вскочил на стул и с горячностью воскликнул: «Неужели мы собрались для того, чтобы нас кормили этой либеральной кашей? Только рабочий класс может стряхнуть с себя ненавистный всем царизм!»¹³ Самарские эсеры и социал-демократы также, не смущаясь, стучали ногами и выкрикивали лозунги, становившиеся своего рода заклинаниями и приобретшими хрестоматийную известность. Отсутствие опыта легальной работы, низкая политическая культура подавляющей части населения, нарастающая конфронтация с властями, бесспорно, не могли приглушить радикализм, нередко перераставший в экстремизм как левых, так и крайне правых организаций политических партий.

Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. оказало огромное влияние на общественно-политическую атмосферу в регионе. Прежде всего отметим зарождение структур конституционно-демократической партии, «Союза 17 октября», крайне правых (их принято называть «черносотенными») организаций. Поволжская провинция не могла не реагировать на объявленные выборы в Государственную думу, ставшие катализатором событий 1905-1906 гг. Актуален был и вопрос о формах взаимоотношений между партийными организациями и их руководящими центрами.

Оценивая степень популярности либералов, следует отметить, что они смогли наиболее эффективно действовать только в 1906 г. Это отразилось и на итогах выборов в I Думу, в которой были представлены кадеты от каждой из четырех поволжских губерний. Безусловно, на исход избирательной кампании не могли не оказать влияния тактические повороты социал-демократов и эсеров, заявивших о бойкоте. Либералы особо остро ощущали необходимость интеллектуальной и финансовой поддержки центральных структур своих партий.

Приезд лекторов, направленных кадетским руководством, становился событием в общественной жизни. Конечно же, чтение лекций получало материальную поддержку ЦК кадетской партии. А.М.Колюбакин в беседе с вице-губернатором Самарской губернии И.Ф.Кошко сообщил, что он получал в месяц 300 руб. и 7 руб. суточных¹⁴ — достаточно приличную сумму. Если представить коллек-

тивный портрет поволжских кадетов, то для него было бы характерно присутствие достаточно известных лиц из образованных кругов провинциального общества. В Симбирске признанным лидером кадетов являлся князь С.М.Бараташев, потомок старинного грузинского рода, глава которого оказался в городе на Волге в начале XIX в. Среди пензенских кадетов выделялись инспектора народных училищ Н.Ф.Езерский и В.Н.Лодыженский. Оба они снижали известность среди преподавателей и учеников как авторы учебных пособий, получивших лестные отзывы в педагогических кругах. В Самаре бесспорным авторитетом пользовался присяжный поверенный А.Н.Хардин, в свое время оказывавший покровительство В.И.Ульянову, начинавшему свою кратковременную карьеру помощником присяжного поверенного в этом городе. Среди саратовских либералов выделялись присяжные поверенные А.А.Токарский и В.Н.Поляк, часто приезжавший сюда приват-доцент Московского университета С.А.Котляревский, деятельно участвовавший в дебатах в земском собрании. Пик деятельности кадетов в регионе пришелся на 1905-1906 гг. При этом либералам приходилось постоянно отражать атаки радикалов, не упускавших любой возможности, чтобы обличить «трусость» кадетов, предпочитавших предостерегать против насильственных действий. События в Самаре в ноябре-декабре 1905 г., когда на фоне дестабилизации обстановки и угрозы погромов и роста преступности, был создан Комитет общественной безопасности, включивший представителей достаточно широкого спектра политических сил (от левых радикалов до кадетов), показывали возможность поиска общего языка и принятия решений не в узкопартийных интересах, а с учетом безопасности и благополучия горожан. Впрочем, как позднее признавалась большевичка Л.Н.Сталь, Самарский комитет РСДРП стремился воспользоваться Комитетом общественной безопасности с целью привлечения средств интеллигенции для вооружения босвых дружин, которые все же не подчинялись этой общественной структуре¹⁵.

Несколько ранее попытка координировать силы различных политических организаций Саратова увенчалась созданием центрального стачечного комитета, в рядах которого были представлены эсеры, социал-демократы, кадеты. Был даже избран «революционный полицмейстер»

— кадет А.А.Токарский, известный своими речами на судебных процессах. Однако, попытки объединить оппозиционные силы свидетельствовали об определенном потенциале компромисса на провинциальном уровне между соперничавшими и жестко критиковавшими друг друга оппонентами.

Иначе обстояло положение у тех политических сил, которые выступали принципиальными противниками установок радикальных партий. Близкими к «Союзу 17 октября» являлись симбирское «Общество людей порядка и законности», партия порядка на основании Манифеста 17 октября (Самара), «Пензенский Союз 17 октября». Исследователям порой трудно установить грань, разделявшую некоторые провинциальные отделы октябристов от праворадикальных структур Союза русского народа. Основания для этого, конечно же, были. Признав важность положений Манифеста 17 октября 1905 г., способных внести успокоение в провинциальную жизнь, консерваторы оказывались в шоке, воспринимая новые формы общественной активности как покушение на святая святых — основы российской государственности. Симбирский протоиерей М.Ф.Смирнов, симпатизировавший местным октябристам, в своей проповеди с горечью взывал: «Все дурные инстинкты выползли наружу в своей неприглядной силе... Под влиянием разыгранных политических страстей люди перестали узнавать друг друга, не признают родственной связи... Государство представляет из себя множество партий, подобно враждебным лагерям стоящих один против другого»¹⁶. Казалось бы, местные власти должны были в критической обстановке стимулировать действия с целью не только опереться на новообразованные партийные структуры, близкие им, но и привлекать на свою сторону общественные круги, недовольные разгулом анархии и безвластия, выплеснувшимся на улицы и площади губернских и уездных центров. На практике, однако, дело обстояло иначе.

Пример тому — инициатива самарских октябристов просить вхожего в столичные салоны предводителя дворянства А.Н.Наумова «взять на себя труд скорейшего оздоровления создавшегося в губернии ужасного положения»¹⁷. На встрече с С.Ю.Витте Наумов предложил создать на местах комитеты порядка, которые способствовали бы администрации в их действиях по наведению поряд-

ка. В ответ премьер разразился тирадой: «Ну, знаете! Довольно мне ваших общественных сил! У меня на местах имеются свои верные агенты — исправники, становые и прочие чины полиции. Поверьте, их совершенно достаточно, чтобы провести в жизнь все свои указы и распоряжения»¹⁸. Уязвленный предводитель дворянства не удержался от того, чтобы укорить С.Ю.Витте в том, что его сила будет действительна только тогда, когда он будет опираться на общественные элементы и их доверие. Подобная установка главы правительства не могла не усиливать самоизоляцию властных структур в критической ситуации. Ставка на силовые методы, нежелание идти на прямой диалог даже с сочувствующими элементами — все это отражало стиль власти, болезненно адаптировавшейся к тем самым принципам деятельности, о которых было всенародно объявлено в Манифесте 17 октября и Основных законах Российской империи.

Новые формы общественной активности весьма непросто усваивались и в среде левых партий. Ясности в складывавшейся ситуации после обнародования Манифеста не было среди эсеров и социал-демократов. С.Н.Каллистов, входивший в самарскую организацию ПСР, вспоминал, что члены революционных партий «сами не знали, следует ли верить Манифесту и как его понимать»¹⁹. Большевики призывали не верить посулам царя, продолжать революционную борьбу²⁰. Лозунг вооруженного восстания по-прежнему витал в словесном водопаде, обрушивавшемся на горожан, посещавших митинги, ставшие не только политическими акциями, но и своеобразной формой зрелищ, где можно было услышать слова, за которые «до свобод» можно было бы оказаться в полицейском участке.

В литературе достаточно много говорится о волне черносотенных погромов, накрывшей российские города после событий 17 октября. При этом зачастую акцентируется внимание на том, что они были инспирированы либо властью, либо черносотенцами. Для Симбирска, Самары, Пензы было свойственно отсутствие мощных организаций черносотенного направления. Пензенская еврейская община выразила благодарность губернатору С.А.Хвостову за энергичные действия администрации, предотвратившей погромы в губернском центре²¹. Выступление самарских «черносотенцев» удалось предотвратить, благодаря энергии местных боевиков и полицмейстера В.В.Критско-

го²². На наш взгляд, слова «черносотенцы», «жида» в обострявшейся ситуации становились своего рода жупелами и обильно употреблялись не только на митингах, но и в толпах на улицах городов. Навешивание ярлыков было характерной чертой политической стилистики оппонентов. Один из самарских социал-демократов даже открыл огонь по обывателям, которых сгоряча назвал черносотенцами, возбудив бесспорно негативные эмоции возмущенной толпы. А если учесть, что поволжские города наводнили люмпенские элементы, надеявшиеся поживиться «добычей» в условиях дестабилизации, то оказывается понятным, где могла черпаться потенциальная опора в борьбе против пропагандистов левых партий, плохо вооруженных боевиков и экзальтированной молодежи, страстно верившей в возможность быстрых перемен.

Если призывы к погрому были услышаны в Саратове, следствием чего стала волна насилий в отношении еврейского населения, то не следует игнорировать и то обстоятельство, что насильственные лозунги звучали не только со стороны «черносотенцев» (а именно так представляли ситуацию историки, «не замечавшие» фактов, выходивших за параметры канонов нормативной идеологии). Саратовские социал-демократы Другов и Рачинский предлагали на митингах «немедленно принять меры к уничтожению царской семьи»²³. Нетрудно представить, какие отклики могли вызвать подобные призывы у части горожан, которым казалось, что рушатся вековые устои, а нестабильность, разжигаемая на митингах, способна ввергнуть родной город в пучину кровавых столкновений.

Бравидуя своей решительностью, симбирские социал-демократы даже сорвали заседание родительского кружка, проходившего в здании городской думы и превратили аудиторию в место политического митинга. Председательствующий попросил публику передать ему револьверы для организации «отряда охранителей». А для того, чтобы рассеять толпы горожан, собиравшихся у здания думы, были сделаны выстрелы в воздух. Подобные случаи были отнюдь не единичны и отражали скрываемые факты экстремизма, свойственные отнюдь не только эсерам, но и членам РСДРП.

Использование выборов в I и II Думы с целью усиления своей популярности и разжигания антиправительственных настроений также давало свои плоды. В речах из-

бранных депутатов от РСДРП и ПСР, уезжавших в Петербург, звучали обещания «дать все» тем слоям населения, которые отчаивались и возлагали на народное представительство свои едва ли не последние надежды. Новая волна нестабильности в поволжской деревне весной 1907 г., подкрепленная усилением радикализма в речах, произнесенных в Таврическом дворце, усиливала конфронтацию в масштабе всей страны. Распуск II Думы, обнародование нового избирательного закона создавали качественно новую ситуацию для организаций политических партий, действовавших в Поволжье.

Третьеиюньская система определила новые правила, регулирующие деятельность политических партий в России. С одной стороны, открытая политическая деятельность допускалась в стенах Таврического дворца. С другой, — вне Думы партийные формирования должны были демонстрировать лояльность по отношению к государству, отказываясь от антиправительственной агитации и нарушения законов²⁴. Если учесть установки ПСР и РСДРП, становится очевидным сложность их положения: радикализм взглядов и действий не мог смениться теми «правилами игры», которые задавала власть. Периодические аресты и разгромы местных организаций эсеров и социал-демократов нанесли удары, от которых радикалы так и не смогли оправиться. Так, на протяжении 1907-1908 гг. полиция произвела аресты сотен партийных функционеров в регионе, считавшемся опорой ПСР. Что касается попыток центрального руководства возродить Поволжский областной Комитет (это было реализовано группой во главе с О.С.Минором), то эта структура оказалась недолговечной ввиду ареста функционеров эсеровской партии в январе 1909 г.²⁵

Разрыв между периферийными крестьянскими братствами и организационными центрами ПСР увеличивался. Симптоматичны ответы на опросные листки о крестьянском движении, разосланные по сельской местности различных регионов страны после роспуска II Думы. Корреспонденты, не называя своих имен, были достаточно искренни в оценках ситуации: «Вообще мое мнение: не к чему было делиться на партии: рано. Да и к одной цели идут, а враг один очень силен... Крестьянское братство есть... Члены убывают, потому народ запуганный, есть еще причина — черносотенцы распускают свои брошу-

ры... говорят ни будет церкви и духовенства и никакого управления в России, вот почему уходят из братства и через сто не идут в нашу партию»²⁶. (Орфография источника сохранена). Таким образом, условия, определенные новым избирательным законом, жесткие меры правительства в отношении радикальных структур обусловили ситуацию, при которой недовольство части населения загонялось за пределы легальности, в толщу подполья, где аккумуляровалась агрессия и недовольство в самых крайних формах.

Кризисные явления затронули и местные организации кадетов и октябристов. В провинции становилось известно о приговоре, вынесенном судом в отношении подписавших Выборгское воззвание — этот своеобразный манифест, призывавший к ненасильственному сопротивлению против нарушения законов империи. И хотя приговор был относительно мягок, было очевидно, что власть не намерена терпеть даже декларации, в которых не было места экстремистским лозунгам. В свою очередь, подписавшие Выборгское воззвание добровольно являлись для отбытия наказания, оставаясь законопослушными подданными. Российские газеты облетело сообщение, что бывший депутат I Думы Н.Ф.Езерский, по его свидетельству, даже не мог сразу оказаться в тюремной камере, поскольку для него так и не нашли место, вследствие чего пришлось вновь являться на следующий день в полицейское ведомство, чиновники которого проявили досадную нерасторопность²⁷.

Другая часть известных своей политической деятельностью в 1905-1907 гг. либералов, разочаровываясь в новых условиях, предпочитала сосредоточить усилия на работе в органах местного самоуправления, благотворительных организациях, отстаивая там свои принципы при решении проблем, жизненно важных для населения. Наблюдалась и случаи перехода из кадетских и организационных структур в другие партийные формирования. Оснований для этого было более чем предостаточно. Так, примечательна метаморфоза во взглядах саратовца Н.Н.Львова, известного своей земской деятельностью в качестве председателя уездной управы, приобретшего газету «Саратовский дневник», в которую он пригласил редактором известного историка А.А.Корнилова. Н.Н.Львов пострадал при «балашовском инциденте», приобретшем всероссийскую известность из-за насилия над интеллиген-

цией и служащими местного земства. Но оппозиционные речи и деятельность саратовского помещика, одного из крупных землевладельцев, не уберегли его от крестьянского выступления, принесшего значительные убытки. Львов вышел из кадетской партии, дрейфуя в правом направлении. Судьба таких людей была трагична: отстаивая необходимость преобразований, они становились пострадавшими от того самого народа, именем которого призывали к борьбе против чиновничьего средостения, произвола администрации и жестоких репрессий, приобретавших порой внесудебный характер. Знавший Н.Н.Львова кадет В.А.Оболенский высказал, на наш взгляд, аргументированное суждение о нем и многих личностях, искавших свое место в новых политических условиях: «Чуткие и честные, они не могли мириться с тяжелым и несправедливым гнетом самодержавия, хотя сами, принадлежа к привилегированным слоям общества, лично на себе его не испытывали. Жизнь, которую они наблюдали вокруг себя, сделала из них либералов, но когда революция показала им себя во всей своей непристойности грубых насилий и крови, когда народ, интересы которого они бескорыстно отстаивали в Думе, стал разрушать их дворянские гнезда, где протекали их детство и юность, они с такой же импульсивностью, под давлением жизненных впечатлений метнулись вправо»²⁸.

Кадетские организации в Пензе, Самаре, Саратове переживали непростые времена и существовали фактически только номинально, фигурируя в отчетах. Нельзя не отметить, что по мере нарастания конфронтации в российском обществе «кадетское руководство стало более регулярно проводить партийные конференции, а число приглашенных представителей местных комитетов росло»²⁹. Вместе с тем, эффективность контактов лидеров кадетов с периферией подвергалась сомнению самим П.Н.Милюковым, отмечавшим, что рассылаемые в провинцию отчеты о деятельности фракции в IV Думе не вызвали достаточно большого числа откликов.

Центростремительные тенденции нарастали в деятельности организационных структур «Союза 17 октября». Среди депутатов III и IV Дум было немало сторонников этой партии, ставшей опорой преобразований П.А.Столыпина: Н.Т.Евстифеев — один из крупнейших предпринимателей Пензы, возглавлявший городской общественный

банк, крупные землевладельцы А.Л.Цитович и князь С.С.Волконский, самарец Н.Н.Львов (впоследствии обер-прокурор Синода), председатель Саратовской губернской земской управы К.Н.Гримм. Анализ изучения специфики избирательной кампании в поволжских губерниях свидетельствует, однако, что для избрания будущих членов октябристской фракции в Думу немалые усилия были приложены не местными отделами «Союза 17 октября», собиравшимися не периодически или вообще не заявившими о себе, а выборщиками, которым были достаточно хорошо известны общественно-политические воззрения кандидатов, имевших популярность среди цензовых элементов.

В благоприятной обстановке, сложившейся для октябристов после 3 июня 1907 г., последние не делали ставку на организованные группы, способные укрепить механизм деятельности партийных структур. Предпочтение в организационной работе отдавалось влиятельным членам «Союза 17 октября», способным своим авторитетом привлекать потенциальных сторонников. Объясняя причины организационной рыхлости партии октябристов, как в масштабе всей страны, так и в границах региона, заслуживает внимания мнение В.В.Шелохаева о том, что разнородность социального состава «Союза 17 октября», объединявшего как сторонников консолидации сил, боровшихся против революции, так и лиц, близких к правому крылу кадетской партии³⁰, безусловно, влияла на облик правого фланга либерализма. Отметим и другой вывод о взглядах части октябристов на свой «Союз», скорее как на дискуссионный клуб, чем организацию, предполагавшую наличие строгой дисциплины и иерархичности³¹. Если учесть, что реноме партии, не имевшей эластичных органов, эффективно работающих в благоприятных для нее условиях, определялось успехами или просчетами правительственной политики, то выясняется, что «запас прочности» ее в реалиях третьеиюньской системы был явно недолговечен, что и подтвердилось впоследствии.

Облик региональной многопартийности тесно связан и с деятельностью праворадикальных, черносотенных организаций. Питательной средой для возникновения новых отделов Союза русского народа и Всероссийского дубровинского союза русского народа (ВДСРН) были условия жизни населения многонационального региона. Речь идет о том, что за несколько лет патриархальные слои испыта-

ли стресс от череды событий, не обошедших поволжскую глубинку стороной: потери родственников, мобилизованных на русско-японскую войну, экономические неурядицы, выплеснувшие на улицы городов массы безработных, неурожай, толкавшие крестьянство к поискам новых заработков в губернских и уездных центрах. Эрозии подвергались традиционные ценности: вера в Бога, верноподданнические чувства. Провинциальное общество находилось в состоянии крайнего неблагополучия, что использовали сторонники СРН и ВДСРН.

Когда потрясения революции оказались преодоленными, провинциальное общество находилось в ситуации, при которой усталость от политики была достаточно характерной чертой. С другой стороны, — было очевидным и то обстоятельство, что доверие к провинциальной бюрократии оказалось подорванным. Следствием этих факторов было усиление деятельности структур черносотенных организаций по созданию потребительских обществ, открытию школ, чайных трезвости. Таким путем правые радикалы стремились привлечь на свою сторону часть населения, весьма осторожно относившуюся к «политике». Отметим и то, что среди откликнувшихся на призывы черносотенцев находились лица, надеявшиеся сделать карьеру в аппарате властных структур, поскольку отделы СРН и ВДСРН демонстрировали свою лояльность к политическому режиму. Наиболее обездоленная часть населения также стремилась с помощью черносотенцев найти работу или даже прокормить себя и свои семьи, ожидая благотворительных жестов.

На практике, однако, поволжским структурам черносотенных организаций были свойственны амбициозная борьба лидеров, конфликты с чиновниками, злоупотребления финансами. Одиозные акции правых радикалов вызывали раздражение губернских властей. Так, симбирские черносотенцы не удержались от обвинений в адрес губернатора, запретившего расклеивать в городе афишки о выступлениях «патриотического» хора³². Скандальную известность приобрел пензенский дворянин В.Г.Архангельский, обвиненный властью в финансовых махинациях. Он неустанно просил лидеров СРН А.И.Дубровина и Е.А.Полубояринову содействовать ему в получении должности околоточного в столице, жаловался на изгнание его из губернского центра в одно из сел Пензенской губер-

нии³³. Симптоматично, что виновниками в его высылке Архангельский называл «жидов» и «поляков», хотя процент еврейского населения среди горожан губернского центра был ничтожно низок. Что касается поляков, то, действительно, некоторые из них занимали должности в аппарате управления, но оснований для столь громогласных обвинений все же не было.

Нуждается в более тщательном изучении феномен илиодоровщины. Иеромонах, завоевавший, бесспорно, высокий авторитет среди тысяч обывателей Царицына, заручившись поддержкой епископа Гермогена, смог канализировать озлобленность прозябавших от бедности маргинальных слоев в протест против местной власти. В Саратове был создан Православный Всероссийский братский союз русского народа, в котором ключевую роль занимал Гермоген, стремившийся поднять авторитет церкви, положение которой было весьма уязвимым. Особое беспокойство вызывали растущие симпатии к старообрядцам. Тревожил пастырей и атеизм, антипатии к церкви со стороны части населения. Отметим, что в церковных кругах все более отчетливо назревало недовольство деятельностью Синода, чьи методы управления не соответствовали новым реалиям. Таким образом, создавая Православный Всероссийский братский союз русского народа, манипулируя толпами прихожан, не желавших выдавать представителям местных властей иеромонаха Илиодора, разыгрывалась карта, не оставленная без внимания в столичных министерских кабинетах³⁴.

Начавшаяся первая мировая война не способствовала оживлению деятельности либеральных структур. Наиболее деятельные их представители предпочли реализовывать свою энергию в работе в органах местного самоуправления, Всероссийском союзе городов, Всероссийском земском союзе. Что касается нелегальных партийных организаций, то малейшие попытки активизации их деятельности пресекались жандармерией, и возможность оказания влияния на население была весьма ограниченной.

Как и в других регионах России, в Поволжье рост численности партийных образований и приток в них новых членов был достаточно стабильным исключительно в условиях резкого нарастания напряженности, являвшегося следствием изломов модернизационного процесса. Спрессованность в сжатые временные рамки перемсн, затронув-

ших все слои провинциального общества, новые формы активности, усугубленные конфронтационной политической культурой, определили специфику развития партийных образований, большинство из которых подчеркивало свою враждебность к властям (да и друг к другу), манипулируя лозунгами, механизм реализации которых оставался неясным значительной части их приверженцев. Тонкий интеллектуальный слой городского населения, более жесткий контроль администрации, чем в столице, ограничивал возможности для популяризации своих воззрений функционерам политических партий. Незрелость многопартийности отразилась и в безучастном отношении к политической жизни большей части нерусского населения. Некоторые из них (немцы) продолжали жить достаточно обособленно, спаянные общими традициями культурной и хозяйственной жизни, осторожно относясь к намерениям ввергнуть их в конфликты. Преувеличивать роль и влияние организаций общероссийских партий на провинциальный социум нет оснований. Для осознания своих социальных интересов и устремлений, без амбициозных претензий на руководство другими слоями общества предстояло адаптироваться к новым процессам в экономике, политике и культурной жизни, причем в стабильной обстановке. Однако шансов для этого, как оказалось, было мало.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102, ДП ОО. 1905, д. 2550, ч. 38, л. 37-40; Революция 1905-1907 гг. на территории Мордовии. Саранск, 1955. С. 68.

2. Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе» // Полис, 1993, № 6, с. 166.

3. Протопопов Д.Д. Из недавнего прошлого // Русская мысль, 1907, № 11, с. 17-18.

4. Красная летопись. Симбирск, 1923, с. 19.

5. Ястребов А.В. Мои воспоминания о детстве и юношеских годах жизни в Симбирске. Рукопись (хранится в отделе краеведения Ульяновской областной библиотеки). Ч. 1. Л. 8.

6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 436, карт. 7, д. 81, л. 4.

7. Ремизов А.М. Иверень. Загогулины моей памяти. Berkeley, 1986. С. 122-123.

8. Отзывы корреспондентов текущей статистики по некоторым вопросам сельской жизни Саратовской губернии. Вып. 1. Саратов, 1902. С. 32

9. Леонов М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992. С. 18.

10. Государственный архив Самарской области (ГАСО), д. 124, л. 37.
11. Там же, д. 125, л. 17.
12. Там же, л. 18.
13. Красная летопись. Симбирск, 1923, с. 20.
14. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Новгород—Самара—Пенза. Пг., 1916. С. 45.
15. ГАСО, ф. 3500, оп. 1, д. 134, л. 447
16. ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 89, л. 17.
17. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. II. Нью-Йорк, 1955. С. 32.
18. Там же. С. 34.
19. ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 203.
20. Очерки Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1977. С. 29.
21. Пензенские губернские ведомости. 1905. 9 декабря.
22. ГАСО, ф. 3500, оп. 1, д. 142, л. 6.
23. Охранное отделение о деятельности саратовской организации РСДРП // Коммунистический путь, 1925, № 9, с. 203.
24. Нарский И.В. Взаимоотношения политических партий на Урале в начале XX века. В кн.: Социально-политические институты провинциальной России (XVI — начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 21.
25. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. Дисс... канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 45.
26. ОР РГБ, ф. 358, карт. 7, д. 12, л. 32 об.-33, 34.
27. Там же, ф. 436, карт. 7, д. 827.
28. Оболенский А.В. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 372.
29. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991. С. 15.
30. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 44.
31. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В. Октябристы, «Партия пропавшей грамоты» // Полис, 1933, № 2, с. 144.
32. Волжское слово, 1912, 23 сентября.
33. ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 332, л. 99-99 об.
34. Стремоухов П.П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором. В кн.: Архив русской революции. Т. XVI. Берлин, 1925. С. 5-48.

*А.А.Федоренко
(Москва)*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С РОССИЙСКИМИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПАРТИЯМИ

Взаимоотношения партии социалистов-революционеров с национальными партиями является малоисследованным в отечественной историографии вопросом. Больше внимание обычно уделялось изучению аграрной и политической программ эсеров, их взаимоотношениям с общероссийскими партиями, в первую очередь, с большевиками. Таким образом, освещение данного вопроса представляет определенный интерес, тем более, что эта проблема является весьма актуальной для современной политической жизни России.

Прежде всего необходимо уточнить позицию ПСР по национальному вопросу, в первую очередь официальную, выраженную в документах, принятых ЦК, съездами и конференциями. Большой интерес представляют дискуссии по национальному вопросу, которые разворачивались в ходе партийных форумов и в печати.

Германский исследователь К.Хеллер отметил незначительный интерес делегатов первого съезда ПСР к национальной проблематике, заметив при этом, что эсеры считали эмансипацию национальностей таким же безусловным условием победы социализма, как и свободу человеческой индивидуальности¹. Все же на съезде развернулась дискуссия по вопросу о самоопределении наций и наметились различные точки зрения. Тезис о безусловном праве наций на самоопределение встретил жесткую критику со стороны значительной части делегатов: «Мы требуем установления демократической республики с широкой автономией областей и общин; заметьте, широкой, а не безусловной»². Кроме того, максималистски настроенные делегаты заявляли о праве революционной диктатуры ограничить и даже нарушить права наций, если это потребуется.

Их оппоненты выдвигали тезис о том, что «никаких ограничений в праве национальностей на самоопределение быть не должно»³. И та, и другая стороны приводили различные аргументы в подтверждение своей правоты. Сто-

ронники безусловного права апеллировали, как правило, к этическим и правовым идеалам социализма, их оппоненты указывали на экономическую и политическую пагубность этого принципа для русской революции и национальной безопасности России в целом. Компромиссная позиция заключалась в том, что «необходимо разлагать периоды революционный и послереволюционный. В первый из этих периодов национальности получают основные политические права в их полном объеме; во второй период, пользуясь уже безусловным правом самоопределения, они могут утратить эти основные права, но не мы будем виноваты в этом»⁴.

В конечном счете, в программу партии вошло требование возможно большего применения федеративных отношений между национальностями и их безусловного права на самоопределение⁵. Однако, следует оговориться, что это право вплоть до отделения реально предусматривалось лишь за Польшей и Финляндией. Вопрос об отделении от России других территорий, на которых компактно проживали те или иные национальности, всерьез не обсуждался.

В целом, эсеры и в самом деле не проявили сильного интереса к национальной проблематике в ходе I съезда партии. Куда более продолжительными и острыми были обсуждения аграрного и рабочего вопросов, об отношении к выборам в Думу и внутрипартийному устройству. Это несколько не вяжется с тем, какое большое значение придавалось ими освобождению наций в деле победы социализма. Среди книг и брошюр, выпущенных эсерами накануне и в ходе первой российской революции, можно пересчитать по пальцам те из них, которые посвящены национальному вопросу. Показательно также и то, что крупнейший теоретик партии В.М.Чернов не написал практически ни одной значительной работы по национальному вопросу. Несколько лучше обстояла ситуация в периодической печати, где появлялись статьи на злобу дня, с критикой политики царского правительства в Польше, Финляндии, Закавказье и других национальных регионах, а также статьи по еврейскому вопросу.

Куда более оживленной стала деятельность ПСР в области национальных отношений в 1917 г. После Февральской революции был опубликован ряд работ, посвященных этой проблематике. Эсеры выступили с идеей созда-

ния своего рода российского социалистического Интернационала, который объединил бы все социалистические партии России как марксистские, так и народнические.

В состав бюро национально-социалистических партий России от партии эсеров входила Н.В.Брюллова-Шаскольская. Ее перу принадлежат работы: «Народности России и их требования», «Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос» и другие. На III съезде ПСР она выступила с докладом от подсекции по национальному вопросу, в котором была высказана, по сути, официальная точка зрения партии. Она дает определение понятия нация и определяет цели национальной политики партии: «С точки зрения социализма понятие нации есть понятие ее трудовых народных масс... Одиночки могут оторваться от своей культуры, но народ должен быть в своей культуре, должен иметь свою школу, свою широко развитую национально-культурную жизнь»⁶. Шаскольская выступала за федеративное устройство Российского государства, за удовлетворение права каждого гражданина определять свою национальную принадлежность и участвовать в культурном развитии своей нации, за выработку единой платформы социалистических партий по национальному вопросу.

Н.Кабанов в брошюре «Мир и самоопределение народов» отстаивал принцип безусловного права наций на самоопределение. Он считал, что все народы, входящие в состав многонационального государства, такие, как Россия, Германия, Австро-Венгрия, должны определить свою дальнейшую судьбу путем проведения плебисцита. Они должны решить, останутся ли они в составе империи на правах самоуправляющейся автономии, войдут ли в состав другого государства или образуют свое собственное независимое государство. «В Австро-Венгрии существуют области, населенные по преимуществу итальянцами; если население этих областей пожелает присоединиться к Италии, то этому никто не должен мешать. У нас латыши (живущие между прочим и в Курляндии, которая занята теперь немцами и которую немцы не хотят нам возвратить) и литовцы также заявили о своем желании образовывать самоуправляющиеся автономные области, Латышский край и Литву; и на это они имеют, конечно, полное право»⁷.

Лидер партии В.М.Чернов выступил на III съезде с докладом о политике в национальном вопросе и отношении к национальным социалистическим партиям. Он поддерживал идею территориальной и экстерриториальной автономии, принцип «федерирования во вне и внутри страны... установления принципов равноправия наций, наделения полным суверенитетом отдельных единиц»⁸. Чернов выступал за установление прочных контактов с национальными партиями. Он настойчиво предупреждал их против проявлений национализма и шовинизма, забвения идеалов социалистического интернационализма, подмены лозунга национального освобождения во имя свободного развития человека лозунгом национального освобождения ради национального освобождения. Много позже в своих мемуарах «Перед бурей», вспоминая о своем разговоре с одним из лидеров ППС Иодко, он писал: «Националист способен делать самую азартную ставку на всеобщее пришествие «труса, глада, огня, меча и нашествия иноплемennых», лишь бы была достигнута его национальная цель; он не ставит вопроса, не слишком ли дорогой ценой обойдется она всему человечеству. Его лекарства всегда горше самой болезни. Но партия социалистическая может иметь такую стратегию и тактику, при которой с ней сможет все время идти в ногу и весь Интернационал»⁹. Чернов был также сторонником решения вопроса о национально-государственном устройстве России Учредительным собранием и созыва Учредительных собраний в национальных регионах, таких как Польша, Литва, Финляндия и другие.

На третьем съезде ПСР была принята резолюция по национальному вопросу. В ней отразились вышеприведенные идеи и положения и, в частности, говорилось, что «ПСР высказывается... за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России»¹⁰. Помимо территориальных предлагалось создание экстерриториальных персонально-автономных союзов в районах, где имеются национальные меньшинства, или для национальностей, не имеющих определенных территорий, например, для евреев. Все изменения

в национально-государственном устройстве России должны быть утверждены Учредительным собранием, кроме того, каждая национальность созывает свое Учредительное собрание. ЦК партии предлагалось создать комиссию по разработке «детального законопроекта конституции федеративной Российской республики»¹¹. Для успешного решения этой задачи резолюция призывала подготовить «приемлемую для революционных демократий всех народов платформу по национальному вопросу ко времени избирательной кампании в Учредительное собрание»¹².

Но события 1917 г. пошли по пути, который не способствовал реализации национальной программы эсеров. Им не удалось объединить все национальные партии, а также создать единую платформу. Отношения с национальными партиями, даже народническими, не были гладкими, так как многие из них стремились к возможно большей независимости своих народов. Так например, тифлисский и кутаисский комитеты эсеров приняли резолюции против партии грузинских социалистов-федералистов, обвиняя ее в национализме. В резолюции кутаисской губернской конференции эсеров, в частности, говорилось, что «партия соц[иалистов]-фед[ералистов] после 1905 г. ничем не проявила себя как революционная партия, что, наоборот, ко всем вопросам и явлениям жизни она подходит исключительно с точки зрения либерально-националистической»¹³. Комитет отказывался считать ее социалистической партией.

Однако было немало фактов, говорящих о стремлении к совместным действиям эсеров и национальных партий. Так, в Коканде в апреле 1917 г. был создан объединенный комитет социалистов народнических партий, в который вошли эсеры, энесы и дашнаки, с которыми ПСР имела старые связи. Вновь образующиеся партии тоже заявляли о своем желании сотрудничать с эсерами. В резолюции первого собрания латышских социалистов-революционеров говорилось, что «латышская партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] вступит в тесное сношение с союзом организаций народных социалистов малых народов России, русской партией с[оциалистов]-р[еволюционеров], петроградским Советом солдатских и рабочих депутатов...»¹⁴

В процессе дальнейшего развития революции национальный вопрос оказался в тени, на первый план вышли

социально-экономические и политические проблемы: решение аграрно-крестьянского вопроса, работа во Временном правительстве, окончание войны, межпартийная и внутривнутрипартийная борьба, борьба с контрреволюционными выступлениями. Сотрудничество с национальными партиями, возможность совместной работы с ними определялись в зависимости от их позиции по тем или иным общеполитическим вопросам.

В заключение можно сказать, что партия социалистов-революционеров выдвинула широкую демократическую программу в области решения национального вопроса. Она стремилась к утверждению федеративного принципа в построении нового Российского государства. Выступая за безусловное право наций на самоопределение, она требовала, чтобы народы сами решали свою судьбу, чтобы националистически настроенные политики не навязывали им своего видения будущих путей развития. Эсеры были убеждены, что ни один народ России не пожелает выйти из состава страны победившей народной революции, что все они сплотятся ради ее защиты. Именно поэтому они требовали, чтобы национальный вопрос был окончательно решен в ходе работы общероссийского и национальных Учредительных собраний. Только выборы в эти собрания выявят действительные настроения народа, только избранные ими депутаты правомочны принять конституцию и окончательно сказать, какой будет бывшая Российская империя. Партия эсеров была, пожалуй, наиболее последовательной из всех российских социалистических партий в своей политике по национальному вопросу, более других стремившейся к реализации принципа интернациональной солидарности. Но скорее всего, достоинство здесь превратилось в слабость — время требовало быстрых политических решений, зачастую расходящихся с партийными установками. Это, однако, ничуть не умаляет значения эсеровской национальной программы. Напротив, современная политическая ситуация в России говорит о том, что многие из ее положений актуальны и сейчас.

1. Heller K. Revolutionären Sozialismus und nationale Frage: Das Problem des Nationalismus bei russische und jüdischen Sozialdemokraten und Sozialrevolutionären im Russischen Reich bis zur Revolution 1905-1907. Frankfurt am Mein, 1977

2. Протоколы первого съезда Партии социалистов-революционеров. Б. м., 1906. С. 169.
3. Там же. С. 166.
4. Там же. С. 174.
5. Программы политических партий России. Конец XIX-XX вв. М., 1995. С. 144.
6. Протоколы третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая — 4 июня 1917 г. (Стенографический отчет). Пг., 1917. С. 298.
7. Кабанов Н. Мир и самоопределение народов. М., 1917. С. 6-7.
8. Протоколы третьего съезда... С. 406.
9. Чернов В.М. Перед бурей М., 1993. С. 295
10. Протоколы третьего съезда... С. 300.
11. Там же.
12. Там же.
13. Кутаис // Дело народа, 1917, 9 мая.
14. Латышская партия с.-р. // Дело народа, 1917, 25 апреля.

**ПАРТИЙНЫЕ ФРАКЦИИ В I И II
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИИ (1906 —
1907): ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Создание в системе центральных институтов государственной власти Российской империи Государственной думы, как высшего представительного учреждения с законодательными функциями, открыло новые перспективы перед политическими партиями. Однако, в обновленном в ходе революции 1905-1907 гг. российском законодательстве политические партии не получили правового признания. Партии не могли действовать как полноправные субъекты избирательного процесса. Процедура выборов была построена таким образом, что все участвующие в ней кандидаты должны были выступать в качестве частных лиц. В то же время закон хотя и не предусматривал прямое делегирование партиями своих депутатов, но и не запрещал членам партий баллотироваться под видом отдельных кандидатов. Поэтому партии официально не выдвигали своих кандидатов. Между тем, среди их представителей и сторонников развернулась конкурентная борьба за думские мандаты. С целью привлечения выборщиков на стадии избирательной кампании кандидаты самостоятельно декларировали перед ними свою партийность или политические взгляды.

Симпатии избирателей при выборах в Думу первого и второго созывов, как известно, были отданы оппозиционным кандидатам. Пальмой первенства в обоих случаях овладели приверженцы либерально-оппозиционной партии конституционных демократов, набравших около трети депутатских мест в I Думе и чуть меньше во второй. Успех сопровождал также и представителям российского крестьянства, в пользу которого работали избирательное законодательство и официальная пропаганда царской власти. Однако партии проправительственной ориентации оба раза потерпели на этих выборах сокрушительное фиаско, несмотря даже на то, что в II Думе их было в десять раз

больше, чем в первой, так как в ней они получили лишь считанные единицы сторонников. Это, естественно, лишало их возможности как-либо серьезно влиять на выработку и проведение думского курса. Партии революционно-социалистические в силу внутренних разногласий по отношению к участию в парламентском процессе оказались представленными в I Думе только меньшевиками, избранными депутатами в основном от Грузии. Большевики и эсеры, выдвинув своих кандидатов лишь во II Думу добились в ней заметного представительства.

Законодательная деятельность и организация работы думского представительного института основывалась на «Положении об учреждении Государственной думы», а внутренние основы ее функционирования нашли отражение в «Наказе думской деятельности». Но ни эти, ни другие законодательные акты не предусматривали организации в Думе партийных фракций. В статье 5 «Положения об учреждении Государственной думы» говорилось о том, что из числа депутатов Думы образуются отделы и комиссии «для предварительной разработки подлежащих ее рассмотрению дел». Вместе с тем в статьях 55 и 58 определялось минимально необходимое число депутатов, которые могли инициировать рассмотрение в Думе вопросов об отмене или изменении действующего закона или издании нового, а также для разбора «незаконмерных действий» министров и подчиненных им должностных лиц. Для этого требовалось подать на имя председателя Думы заявление, подписанное не менее 30 депутатами. Собственная законодательная инициатива Думы ограничивалась, так как отдельный депутат также был лишен права законодательной инициативы. Вследствие этого, данная норма закона о Думе, которая оказалась многопартийным собранием, косвенно побуждала депутатов к объединению по партийно-политическому признаку.

Представители политических партий и движений, получивших парламентское представительство посредством избрания в Думу их членов и сторонников, приступали к формированию своих фракций, как правило, еще до открытия думской сессии. Организационная работа начиналась тем, что прибывающие в Петербург депутаты сразу же попадали в орбиту партийного влияния с целью вовлечения их в близкую им по политической направленности фракцию. Задачам образования и организационного

оформления в Думе собственных фракций партии придавали большое значение.

Накануне открытия I Думы, в апреле 1906 г., прошли съезды партии кадетов, РСДРП, а также совместные совещания петербургского и московского отделов ЦК «Союза 17 октября». Именно на этих партийных форумах обсуждались вопросы создания в Думе парламентских фракций, определялись, хотя и в предварительном порядке, основы фракционного строительства, намечались первоочередные задачи предстоящей деятельности.

Для того, чтобы прибывающие в столицу члены партий, ставшие депутатами, имели возможность общения и предварительного ознакомления друг с другом, ЦК кадетов организовал работу «клуба народной свободы». В нем стали собираться как члены партии, ставшие депутатами, так и те из них, кто мог бы войти в эту фракцию¹. Кадеты в первую очередь особое внимание стремились уделить крестьянским и рабочим депутатам². Образование кадетской фракции во II Думе также начиналось с создания такого клуба, который помещался на квартире князя П.Д.Долгорукова.

На III съезде партии кадеты установили основы организации своей думской фракции. В одном из разделов постановления «О взаимоотношении между партией и ее парламентской фракцией» отмечалось, что «парламентская фракция партии» автономна и имеет свой комитет, управляющий ее делами, но ЦК партии «является единственным органом управления ее делами»³. Вслед за тем как определилась численность фракции, по инициативе ЦК партии было начато ее структурное оформление. Сначала избрали постоянно действующей комитет фракции⁴. Он наделялся руководящими функциями. В целях осуществления рабочих функций комитета в его структуре были образованы три секции: распорядительная, законодательная и организационная. Основными функциями распорядительной секции, которая состояла из председателя, двух его товарищей и трех членов фракции, избранных на ее собрании, кроме общего руководства текущими делами, была работа по координации прений и голосований депутатов на пленарном заседании Думы. В задачи законодательной секции, состоящей из семи человек, входила выработка законопроектов и других парламентских документов. Организационная секция состояла из восьми че-

ловек, занимавшихся делопроизводством и организацией секретариата фракции. На них же возлагались обязанности по взаимосвязям с другими парламентскими фракциями.

При фракции кадетской партии в I Думе были образованы и действовали 10 комиссий, из которых 4 носили организационный характер и 6 — законодательный⁵. При фракции были созданы: специальная агитационная комиссия⁶, а также по связям между партийной фракцией и населением⁷. По двум основным направлениям — организационному и законодательному, определенными кадетами-перводумцами в качестве приоритетных, структурировалась их втородумская фракция. В ней количество фракционных комиссий кадеты увеличили почти вдвое, причем в пользу законодательных, а организационных осталось столько же⁸. Однако характер деятельности комиссий организационного направления изменился в соответствии с новой думской тактикой партии, нацеленной на законотворческую деятельность. Поэтому для организационных комиссий доминирующей становится собственно внутридумская работа, включающая агитационные формы и организационное обеспечение партийной тактики в Думе⁹. Среди фракционных комиссий во II Думе у кадетов были: комиссия о запросах; финансовая; бюджетная; ревизионная; по введению земства в неземских губерниях и другие¹⁰. Все эти комиссии являлись неотъемлемыми звеньями в организационной структуре кадетской фракции. Именно в них велась основная работа.

Наряду с этим в составе шести человек был сформирован распорядительный комитет, в который вошли должностные руководители фракции — председатель, двое его товарища и три члена бюро¹¹.

Таким образом, сформировав в целом организационную структуру парламентской фракции своей партии, кадеты вместе с тем определяли основные направления деятельности в Думе как первого, так и второго созывов.

Среди фракций I и II Дум кадеты отличались наибольшей организованностью, способностью к планомерной и целенаправленной парламентской работе. Кадетские депутаты не только поставили целью «органическую» законодательную работу, выдвигая лозунги «бережения Думы», но они были наиболее подготовленными к творческой парламентской деятельности. В рядах этой фракции,

особенно в перводумской, находились известные политики, общественные деятели, крупные ученые, специалисты права, экономики, историки: перводумцы — М.М.Винавер, В.Д.Набоков, Ф.Ф.Кокошкин, А.А.Корнилов, И.И.Петрункевич, во II Думе — П.Д.Долгоруков, А.А.Кизеветтер, И.В.Гессен, В.А.Маклаков, Н.Н.Кутлер, Н.В.Тесленко и другие.

Наряду с кадетами, доминирующее положение в Думе обоих созывов, не только по численности, но и по значимости, занимала фракция трудовиков, основу которой составляли депутаты, избранные по крестьянской курии, что и было специфической особенностью Трудовой группы, выражавшей интересы и настроения крестьянских масс. Лидерами трудовиков в I Думе были И.В.Жилкин, Л.М.Брамсон, Т.В.Локоть, И.К.Заболотный. Во II Думе — А.Л.Караваяев, М.Е.Березин, С.И.Бондарев, В.А.Беляев. А.А.Булат, З.М.Таланцев. В отличие от кадетов, трудовики с самого начала большее значение придавали внедумской деятельности депутатов. Поэтому члены Трудовой группы не принимали того «неослабного участия в направлении парламентского производства», не предпринимая в должной мере «своевременного вмешательства для содействия правильному, с точки зрения группы или партии, решению дел», о котором говорили кадеты, как о необходимых атрибутах фракционной организации¹².

Образование Трудовой группы начиналось, также как и фракции кадетов, до начала думской сессии. Организационные формы и методы, использовавшиеся трудовиками, были во многом схожими. Средства на аренду помещения «крестьянского клуба» выделил Главный комитет Всероссийского крестьянского союза, ставший инициатором собирания крестьянских депутатов в самостоятельную фракцию¹³.

Решение об образовании отдельной фракции крестьянских депутатов в I Думе было принято на общем собрании. В принятом постановлении констатировалось: «...избранники трудовых классов объединяются в особую парламентскую группу»¹⁴, в которой «к трудовому крестьянству примкнули рабочие и трудовая интеллигенция»¹⁵. Тогда же была избрана комиссия для выработки программы и устава, правда, не приняв окончательного решения. Постановление официально подтверждало: «Парла-

ментская трудовая партия образована и существует, объединившись на той программе, которая принята единогласно, расширение программы дела не меняет»¹⁶. Для организации текущих дел и решения первоочередных вопросов трудовики избрали временный комитет фракции в составе 11 человек. В структуре Трудовой группы был образован еще один рабочий орган — секретариат. Его функциями было распространение по регионам собственных книг и брошюр, стенограмм заседаний Думы, других периодических изданий.

Трудовая группа к началу работы I Думы объединила депутатов, формально принадлежавших к разным партиям¹⁷: социалистов-революционеров — 2; социал-демократов и близких к ним — 10; крестьянского союза — 9; социалистов вне партий — 7; радикальной партии — 1; свободомыслящих — 2; левых кадетов — 18; автономистов — 8; беспартийных 21; прочих (без определенных указаний) — 27. Втородумская фракция трудовиков отличалась еще большей партийной пестротой. Отчасти это объяснялось «сознательным вхождением в нее членов той или иной партии для осуществления соответствующего партийного влияния на депутатов-трудовиков»¹⁸.

Организационное становление фракции II Думы характеризовалось, по сравнению с перводумским периодом, большей регламентацией. Формальное объединение трудовиков закрепляли два документа: «Правила, определяющие функции Президиума фракционного совета» и «Устав думской фракции Трудовой группы и Всероссийского крестьянского союза»¹⁹. В уставе нашли отражение положения организационного характера, определявшие порядок и структуру фракции. О работе комиссий в нем не говорилось. Вместе с тем они составляли неотъемлемые звенья организационной структуры фракции. Одной из ведущих комиссий была юридическая²⁰. Функции ее были значительно шире, чем подготовка законопроектов. Так, по ее инициативе созывались объединенные заседания народнических фракций, составивших во II Думе единый блок. Образованы были и другие комиссии трудовиков, большинство из которых также стали общefракционными: бюджетная, по вопросу о свободе совести, по реформе местного самоуправления, по народному образованию, финансово-экономическая и другие²¹. Самой многочисленной комиссией фракции была аграрная. В структуре

фракции создавались комиссии для разработки конкретных законопроектов, например, о земских комитетах²².

По своей численности, составу и партийной принадлежности Трудовая группа была самой влиятельной левой фракцией I Думы. А до того, как социал-демократы выделились в самостоятельную фракцию, и самой оппозиционной. Само название фракции «Трудовая группа» отражало стремление объединить все «трудящиеся классы народа», поскольку, по мнению большинства членов группы, она объединяет представителей «широких трудовых слоев населения». Вместе с тем, трудовики не организовались окончательно политически ни в I, ни во II Думах, а представляли собой фракцию с различными идейными течениями. В архивных делах Трудовой группы имеются бланки с грифом: «Думская группа социалистов-революционеров», «Думская группа народных социалистов»²³. Но ни эсеры, ни энесы, ни максималисты не создали в I Думе свои партийные фракции, а действовали внутри фракции трудовиков. Самостоятельные фракции ими были образованы во II Думе.

Эсеры также обсуждали вопрос образования думской фракции на съезде партии, на котором была принята соответствующая резолюция и даны общие указания о целях и причинах деятельности демократов²⁴. Руководствуясь решениями съезда, депутаты — члены партии эсеров и присоединившиеся к ним «сочувствующие» депутаты — образовали не фракцию, а группу²⁵. Этим они в какой-то мере выражали возобладавшую в депутатской среде тенденцию независимости от партийных органов. Однако же не взирая на то, что в числе депутатов не оказалось ни одного видного деятеля партии, ее лидеры В.М.Чернов, М.А.Натансон, Н.Н.Ракитников постоянно опекали думскую группу. Руководителями думских эсеров являлись депутаты Н.С.Долгополов, П.С.Ширский, В.Г.Архангельский.

В тесном единении с эсерами во II Думе выступали народные социалисты. Думская фракция народно-социалистической партии окончательно «сконструировалась» за день до открытия парламентской сессии²⁶. Вопрос о ее образовании также решался энесами на общепартийном форуме. В докладе лидера партии А.В.Пешехонова об организации думской группы отмечалось, что «нецелесообразно связывать фракцию чересчур определенными постановлениями»²⁷. Интересна и другая точка зрения, выска-

занная одним из делегатов, по словам которого Дума — учреждение «деловое, а не партийное» и что создание фракции свяжет руки депутатам²⁸. Среди задач, которые ставились перед думской фракцией энесов, выдвигалось требование придерживаться единства всей левой оппозиции. При этом в ходе обсуждения в Думе наиболее острых вопросов (аграрного, рабочего, национального, местного самоуправления) фракции следует руководствоваться партийной программой. Председателем группы энесов во II Думе являлся В.В.Волк-Карачевский.

Организационные структуры при фракциях эсеров и энесов ввиду их малочисленности специально не создавались. Депутаты этих партий, как уже отмечалось, участвовали в работе других думских фракций левой оппозиции. Во II Думе все три народнические фракции — трудовики, эсеры и энесы — объединились в так называемый «народнический блок». В его рамках были созданы общие комиссии народнических фракций по вопросам: аграрному, народного образования, местного самоуправления, финансово-экономическому и другим.

Образовавшаяся во II Думе фракция социал-демократической партии временно приняла устав, которым руководствовались их перводумские коллеги. На основании этого решающий голос получили депутаты, прошедшие в Думу по списку партийных кандидатов, а также те, кто состоял членом партии. Те депутаты, которые не подходили под эти категории, но обязались подчиняться решениям фракции, получали совещательный голос, имея возможность решающего голоса при условии вступления в РСДРП²⁹. Численно во фракции преобладали меньшевики³⁰. Они же определяли в основном всю думскую линию социал-демократов. Лидерами фракции были: в I Думе — С.Д.Джапаридзе, во II — И.Г.Церстели (от меньшевиков) и Г.А.Алексинский (от большевиков).

Одним из первых вопросов организационного характера, вставших перед социал-демократической фракцией II Думы, был вопрос об участии или неучастии в общefракционном «Информационном Бюро» всех оппозиционных партий. Тем самым встал вопрос об организационных контактах и взаимоотношениях с фракциями других партий. На совместном собрании новых фракций по вопросу о составе Думы предложение эсеров о создании «Информационного Бюро» было поддержано трудовиками и эне-

сами. К участию в работе этого бюро приглашались кадеты и социал-демократы³¹. Однако социал-демократы, главным образом, большевики, отвергали в принципе всякое взаимодействие с кадетами. В то же время большевики настаивали на более близких контактах с фракциями народнических партий, допуская даже принятие обязательных для них решений. В качестве организующего органа ими предлагался комитет объединенных левых, который должен был стать общенародным революционным центром. Большинство фракций отвергло эту идею «левого блока», резко противопоставленного кадетскому центру и самой Думе, как парламентскому учреждению³².

Организационная структура социал-демократической фракции состояла также из фракционных комиссий. Их состав регламентировался постановлениями комитета фракции: «членами фракционных комиссий, кроме членов фракции, считаются также приглашенные с согласия комитета товарищи-специалисты; кроме того, каждой комиссии предоставляется право приглашать на каждое отдельное заседание и других экспертов»³³. Всем, кто участвовал в работе комиссий предоставлялся решающий голос, что устраняло преимущества депутатов перед приглашенными и давало возможность принимать более взвешенные решения.

В структуре фракции были организованы секретариат и юридическая комиссия. Секретариат вел текущие дела: переписку, прием посетителей, подготовку различных материалов. Юридическая комиссия давала свои заключения о законопроектах, формулировала запросы и резолюции фракции и т.п.

Кроме комиссий организационного характера (хозяйственной и по связям с местными организациями) у социал-демократов был ряд подготовительных комиссий, на которые подразделялась вся фракция: по аграрному вопросу, по рабочему, по бюджету, по местному самоуправлению и т.п.³⁴ Общее руководство фракцией возлагалось на ее комитет, политическое оставалось за ЦК партии, члены которого имели право участвовать в заседаниях фракции с совещательным голосом³⁵.

Депутаты правых партий вследствие своей малочисленности в I Думе не смогли организовать работу собственной думской фракции. По этой причине депутатская группа «Союза 17 октября» оказалась самой правой пар-

тийной фракцией I Думы. В рядах октябристов не было единства по вопросу создания партийной фракции. Лидеры левой части октябристов (П.А.Гейден, М.А.Стахович и Н.С.Волконский) предприняли попытку создать новую фракцию. В результате их действий к концу работы I Думы фракция октябристов преобразовалась в парламентскую группу вновь созданной партии мирного обновления³⁶. На одном из собраний вошедших в нее депутатов было избрано бюро фракции мирного обновления, члены которого взяли на себя выполнение организационных функций³⁷. «Для технической стороны процесса собирания новой партии, — как отмечает ее исследователь В.М.Шевырин, — были характерны неустойчивость и текучесть ее состава, все более усиливающийся абсентеизм ее членов, все более усиливающийся, несмотря на все попытки Гейдена добиться посещаемости собраний»³⁸.

Во II Думе консервативно-либеральные и монархические партии в результате более гибкой избирательной тактики, а также в условиях спада революции и значительно возросшей поддержки органов власти, смогли увеличить число своих представителей во II Думе до 50 с лишним депутатов, среди которых было 42 октябриста³⁹. Причем, наряду с увеличением численности октябристов роль правого крыла втородумцев стала более заметной, в отличие от их единомышленников в I Думе.

Депутаты правых партий: октябристы, члены Союза русского народа, партии правового порядка и других непосредственно перед открытием Думы второго созыва провели совместное совещание. На нем они решили «поддерживать взаимную связь и образовать соединенный беспартийный клуб». Здесь же был избран организационный комитет, в состав которого «вошли представители всех правых партий и «Союза 17 октября»⁴⁰. Но помимо этого, «организующего, сплачивающего элемента в их деятельности не было»⁴¹. Депутаты умеренно-правых воззрений (преимущественно крестьяне) не образовали самостоятельной думской фракции, оставаясь в рядах беспартийных.

Члены «Союза 17 октября», напротив, сумели сформировать собственную партийную фракцию к началу работы II Думы. На первом же организационном заседании фракции октябристы избрали руководящий орган — бюро и уполномочили его членов «вступить в сношения с другими парламентскими фракциями», а также «войти в перегово-

ры с правыми партиями по вопросу о соглашении относительно кандидатуры в президиум Государственной думы»⁴². В ряде последующих заседаний фракции октябристы рассматривали и некоторые другие вопросы организационного порядка, например, о необходимости приобретения комнаты в здании Думы, поручения комиссиям и справочному бюро и т.п.⁴³

Бюро фракции октябристов занимало важное место в организационной структуре центральных органов партии. Председателем втородумской фракции являлся М.Я.Капустин. Действовавшими при фракции комиссиями были: по расширению местного самоуправления, земельная, по делам вероисповеданий, о наследовании в крестьянском надельном имуществе, бюджетно-финансовая⁴⁴. Для обеспечения депутатов литературой и периодикой при фракции была организована работа справочного бюро⁴⁵.

Партии национального толка были представлены в Думе депутатами, распределившимися по различным парламентским фракциям и группам. Значительным депутатским формированием, образовавшимся в ходе работы I Думы, стала «парламентская группа Союза автономистов», не являвшегося единой политической партией. В нем объединились группы депутатов, избранных от национальных меньшинств, состоявших членами различных политических партий и организаций. Организующим началом образования группы автономистов стал принцип областного представительства, а в тех случаях, «где признак областной совпадал с признаком национальным, группа объединялась на начале территориально-национальном»⁴⁶. К первой категории — областного представительства — относились группы со смешанным населением, как, например, белорусско-литовская, в которую входили белорусы, евреи, поляки, литовцы. Ко второй — территориально-национальной, принадлежали депутатские группы Царства Польского, латышская, украинская, эстонская, литовская.

В группе автономистов преобладали депутаты кадетской партии, к которой тяготела большая часть представителей национальных территорий, в частности, группа западных окраин империи, мусульманская, казачья⁴⁷.

Среди национальных депутатских образований, действовавших в течение обоих думских созывов, следует выделить Польское Коло, как наиболее влиятельную и орга-

низационно сплоченную группу членов Думы, избранных от Царства Польского. В составе Польского Коло преобладали члены национально-демократической партии Польши, которая являлась блоком магнатов польской промышленности и финансов, а также крупных земельных собственников. Отсюда вытекает обособленное положение депутатов Польского Коло, организационно не примыкавших ни к одной из партийных фракций Думы. Еще в I Думе Польское Коло избрало своим руководящим органом бюро, председателем которого стал Я.С.Гарусевич, а секретарем — Ф.И.Новодворский. Во II Думе лидером Польского Коло был депутат Р.В.Дмовский.

В Государственной думе обоих созывов было немало и беспартийных депутатов, входивших в большинстве своем в состав тех или иных фракций. В I Думе, как известно, беспартийных насчитывалось 105, а во II — 50 человек. В то же время во фракциях политических партий не все входившие в них депутаты являлись членами этих партий. Так, среди депутатов I Думы, входивших во фракцию кадетов, лишь немногим более 70% состояли в рядах этой партии. Присоединившиеся к тем или иным фракциям в ряде случаев представляли другие партии, не сумевшие провести в Думу достаточное число депутатов, чтобы сформировать самостоятельную фракцию; либо беспартийных, разделявших позицию данной фракции по главным проблемам думской повестки. В первом случае это касается, например, автономистов, то есть тех депутатов, которые, являясь членами местных партий национального толка, принадлежали одновременно к перводумским кадетам, а также к трудовикам⁴⁸. В другом случае — среди депутатов объединенной фракции Трудовой группы и Всероссийского крестьянского союза во II Думе⁴⁹.

Работа партий по формированию собственных фракций в I Думе представляет собой первый опыт образования думской фракционной системы, так как до этого не было ни фракций, ни самой Думы. Это также и первый опыт парламентской деятельности политических партий, определение организационных отношений их центральных органов с депутатским корпусом.

Приобретать навыки парламентской деятельности партиям приходилось в непростых условиях, процесс формирования партийных фракций проходил неоднозначно. Думские фракции доминировавших партий, главным об-

разом, кадетов, превосходя своих политических соперников и коллег по парламентской деятельности, смогли более быстро и планомерно образовать своих депутатов в единую фракцию, наладить ее работу. Трудовики, находясь в поиске организационных основ не только думской фракции, но и своей политической организации, преодолевали сложности первоначального накопления опыта парламентского становления менее эффективно. Это можно объяснить, в первую очередь, тем, что перводумские фракции партий едва только наработали некоторые навыки организационного характера, продолжить и реализовать которые в течение данного созыва им не удалось.

При формировании собственных фракций во II Думе политические партии учитывали перводумский опыт организационного становления. Благодаря этому, несмотря на произошедшие изменения как общеполитической ситуации в стране, так и в депутатском корпусе, процесс образования и организационного становления партийных фракций имел сравнительно более планомерный и целенаправленный характер. Втородумские фракции тех партий, которые уже получили в I Думе навыки образования и организации депутатов, провели оформление и выработали организационные основы своей деятельности в более короткие сроки и с большой эффективностью. Это прежде всего относится к партийным фракциям кадетов, социал-демократов, трудовиков, которые придавали особое значение организационной стороне, уделяя этому немало внимания, особенно вопросам внутрифракционной дисциплины.

Во II Думе более заметно четкое структурное построение фракций: избрание руководящих органов, комиссий, подкомиссий и секций по отдельным вопросам, других организационных подразделений (секретариат, институт «сведущих лиц» и т.п.). Более определенными становятся и взаимоотношения между руководящими органами партий и фракций, при том, однако, что внутренние разногласия между ними не устраняются. Между тем, процесс организационного становления думских фракций, которые рассматривались партиями как «боевые отряды», не был завершен, а лишь приобрел некоторые очертания, были только намечены общие правила, порядок их формирования, разработаны организационные основы парламентской деятельности.

Фракции образовывались путем простой записи в общий список депутатов на сугубо добровольных началах. Автоматического вхождения не было. Даже если депутат являлся членом данной партии, он все равно сам заявлял о своем вхождении во фракцию. При этом, партийная принадлежность депутата обуславливала, конечно, его вхождение в соответствующую фракцию. Надо заметить, что это естественная мировая парламентская практика, складывающаяся в результате участия в парламентских выборах политических партий. Российская же специфика позволяла участвовать в деятельности партийных фракций беспартийных депутатов.

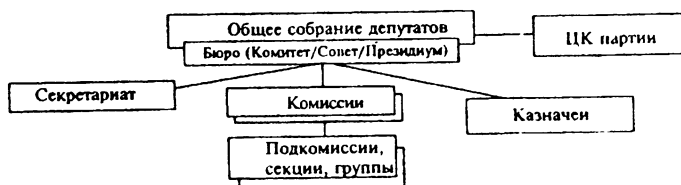
Уже при выборах председателя I Думы на пленарном заседании 28 апреля депутаты голосовали согласно принадлежности к одной из политических тенденций (либерально-оппозиционной, революционной и консервативной). Это явилось показателем, который можно считать отправным моментом институционализации фракций на основе партийно-политического принципа, который и стал доминирующим при оформлении думских фракций.

Вместе с тем, образование и организация думских фракций осуществлялись на основе ряда принципов: по партийно-политическому (кадеты, социал-демократы, октябристы, правые); — политико-региональному (Польское Коло, автономисты); — сословно-политическому (трудовики, казачья группа); — конфессионально-региональному (мусульманская группа). Социально-политическая идентификация фракций отчетливо прослеживается и по составу депутатского корпуса.

В соответствии с установившимся порядком, фракции после своего образования заявляли совещанию Думы, в котором они должны быть зарегистрированы. Сведения о фракциях Государственной думы появляются в ее официальных изданиях, начиная со второго созыва.

Образовавшиеся по партийному признаку фракции I и II Дум для проведения своей политики, стремясь к выполнению стоявших перед ними задач, наряду с мерами, направленными на решение общеполитических целей, первостепенное значение придавали внутрифракционному строительству. Организационные основы думских фракций имели, как правило, общие особенности и были по сути однотипными. Они складывались, как правило, из руководящих органов и рабочих звеньев. К первым относи-

лись президиум или совет, комитет или бюро фракции, которые осуществляли координирующие функции по руководству деятельностью фракции в целом, вырабатывали решения и предопределяли линию поведения в Думе депутатов — членов своей партии. Вторые — структурные подразделения фракции: секретариат, комиссии, подкомиссии и т.п. — имели вспомогательное значение и выполняли практическую работу по реализации поставленных задач. Комиссии фракций, например, играли роль предварительных инстанций для разработки и обсуждения какого-либо законопроекта. Высшими органами фракций, по общепринятой норме, были общие собрания депутатов, являвшихся их членами. Схематично структурные основы организационного строительства фракций можно представить следующим образом:

Аппарат думских фракций был небольшим и выполнял вспомогательно-технические функции. На его содержание Дума никаких финансовых ассигнований не выделяла. Поэтому фракциям самостоятельно приходилось изыскивать средства на содержание привлекаемых к ее работе специалистов и сотрудников, не являвшихся штатными должностными лицами Думы. Трудности технического характера заключались и в том, что в сравнительно небольшом здании Таврического дворца, где располагалась Дума, для фракций не находилось постоянных помещений.

Эффективность партийных фракций связана с их внутренней организацией. Чем многочисленнее фракция, тем большим влиянием она пользуется. Для реализации такого влияния требуется соблюдение определенной дисципли-

лины. Но здесь наблюдается особенность, характерная почти для всех политических партий и их парламентских фракций: аморфность рядов и несогласованность действий, как между руководящими органами партий и фракций, так и среди отдельных депутатов — членов партий.

Согласно сложившейся с самого начала практике членом фракции мог быть депутат, подчиняющийся партийной дисциплине, регулярно посещающий собрания фракции, принимающий участие в работе ее структурных подразделений и официально записавшийся в нее. Обязательным условием центральные органы партий, сформировавшие в Думе свои фракции, выдвигали требование признания депутатами программы и устава данной партии. В целях обеспечения финансовой самостоятельности в ряде фракций для депутатов вводилась обязательность уплаты членских взносов.

Принятие фракциями уставов, наряду с различными постановлениями, резолюциями и другими подобными документами, регламентировавшими парламентскую деятельность депутатов, следует признать важным моментом их организационного оформления. Уставы фракций явились также вехой в установлении большей определенности в их составе, служили фактором, дисциплинирующим их членов. Это было очень важно, так как партийная недисциплинированность депутатов нередко являлась бичом для фракций, сказываясь на голосованиях в Думе. Особенно характерно такое поведение для крестьянских депутатов — членов Трудовой группы. По документам, имевшимся в распоряжении автора, можно с достоверностью утверждать о принятии уставов лишь фракциями трудящихся и социал-демократов. Относительно думской фракции партии народной свободы, являвшейся в организационном отношении несравнимо более оформленной, не удалось встретить в каком-либо источнике, послужившем основой для проведенного исследования⁵⁰, упоминания о принятии кадетскими депутатами устава либо его разработке. Вероятно это объясняется тем, что кадеты, входившие в думскую фракцию, руководствовались уставом своей партии. Что касается уставов других думских фракций первого и второго созывов, то их отсутствие является установленным фактом.

Одной из общественно значимых сфер деятельности думских фракций были запросы правительству по поводу

незаконных действий представителей исполнительной власти. Запросы, также как и законопроекты, должны были подписываться не менее чем 30 депутатами. Это приводило к тому, что малочисленные фракции не могли самостоятельно делать запросы. Выступая в Думе, как и вне ее, депутаты широко пользовались предоставленной им свободой слова, в полной мере выражая всю разность мнений и политических позиций своих фракций и партий. Основной поток депутатских запросов в I и во II Думах поступал от фракций трудовиков и социал-демократов.

Все думские фракции делегировали своих представителей в совет старейшин, являвшийся совещательным органом. Все фракции старались занять как можно больше руководящих должностей, включая председателей комиссий. Все кандидатуры предварительно согласовывались между фракциями большинства, что дало возможность проводить выборы без лишних дискуссий, экономя время общих заседаний. Так же, по предварительному соглашению фракций на общем собрании Думы производились выборы членов думских комиссий. Комиссии, имеющие политический характер, «Дума стремится выбирать на основании принципа пропорционального представительства партий на межпартийном соглашении и потому отделам их не поручает. На долю отделов выпадает выбор комиссий вполне беспартийных, деловых в тесном смысле этого слова, и часто по роду своих фракций, связанных с группировкой по отделам (как, например, распределение билетов на вход в Думу)»⁵¹. Фракции стремились к тому, чтобы их представители находились во всех комиссиях.

При открытии I Думы депутаты занимали места в зале заседаний не по фракциям или партийной принадлежности, а в произвольном порядке. Однако, вскоре, по инициативе трудовиков возник вопрос о том, чтобы им отвели места в левой части зала. Этому препятствовали кадеты, занимавшие ключевые посты в руководстве Думы. Они считали, что если трудовики будут располагаться в зале заседаний вместе, то это приведет их к еще большей фракционной обособленности, и они все чаще станут голосовать независимо. Опасаясь этого и надеясь на увеличение рядов своей фракции, в том числе из депутатов-крестьян, кадетские лидеры всячески пытались как можно дольше не проводить распределение мест в зале заседаний Думы по партийным фракциям. Но требования трудови-

ков становились все настойчивее, они грозили занять места явочным порядком. Во избежание межфракционного конфликта, кадетское руководство созвало заседание распределительного комитета Думы, которое состоялось лишь спустя месяц после начала думской сессии. В нем приняли участие по два представителя от каждой партии, группы, союза⁵². Итогом этого явилось решение, которое установило принцип партийно-фракционного распределения мест для депутатов Думы в зале общих заседаний. Согласно этому решению, фракции должны были располагаться в следующем порядке: с крайней левой стороны — места для членов Трудовой группы; рядом с ними — автономисты, так как многие из них входили в состав этой фракции; между трудовиками и кадетами — социал-демократы; рядом с ними, правее центрального прохода, отводились места для национальных групп (латышской, литовской, эстляндской и мусульманской); затем — беспартийные, Польское Коло; в крайней правой части зала должны были рассаживаться «умеренные», в том числе октябристы⁵³. Но не все остались довольны таким планом. Члены распорядительной комиссии, которые были в основном кадетами, считали беспартийных депутатов от крестьянской курии слишком близкими к фракциям правых партий. Поэтому им отвели места в правой части зала. Сами же беспартийные крестьянские депутаты протестовали против такого порядка и потребовали отвести им места между фракциями кадетов и трудовиков⁵⁴. Партийные фракции и депутатские группы II Думы размещались в зале пленарных заседаний по тому же принципу: оппозиция — слева, проправительственные — справа⁵⁵.

Многие думские политики, независимо от того, членами какой фракции являлись, отстаивали свои групповые интересы, подчас пренебрегая мнениями своих коллег-оппонентов. Учитывая это, составители Наказа (в современном понимании — это регламент парламентских процедур, то есть специальный акт, определяющий в соответствии с действующими законами порядок работы этого представительного учреждения государственной власти) «ревниво оберегая свободу суждений, составляющих самую природу парламентской жизни и обеспечивая каждой партии, каждой группе, как бы малочисленна она ни была, даже отдельному члену, стоящему одиноко на парламентской арене, равные права и беспрепятственное их

осуществление», считали, что Наказ должен быть «хартий вольностей» палаты⁵⁶. Однако прямых записей, содержащих положения о статусе и полномочиях думских фракций, а также регулирующих порядок их формирования в Наказе Государственной думы не сделано. Партийные фракции осуществляли свою деятельность в Думе не формально-юридически, опираясь не на соответствующую законодательную базу и регламентный акт, а исходя из общемировой парламентской практики, сочетая ее с отечественной спецификой зарождения парламентаризма.

Заключая обзор структуры и функций партийных фракций I и II Дум, необходимо подчеркнуть ряд существенных обстоятельств. Первое — партийные органы лишены каких-либо юридически закрепленных механизмов воздействия на депутатов членов партий, кроме как с помощью партийной дисциплины. В своей деятельности депутат практически не связан решениями своей партии и парламентской фракции. Выход депутата из фракции или переход в другую не мог служить основанием для лишения его парламентских полномочий; не предусматривался законодательством и его отзыв. Второе — сами фракции далски от внутреннего единства. Они раскалываются как по политической ориентации, так и по региональному представительству. Третье — фракции тесно связаны с центральными органами своих партий, стремящихся оказывать на депутатов возможно большее влияние. Четвертое — с помощью взаимодействия парламентских фракций представительный институт государственной власти выполняет свою важнейшую политическую функцию — посредничество между различными политическими силами с целью нахождения общественного консенсуса. Думские фракции участвовали в выполнении и других парламентских функций: прежде всего как законотворческой деятельности, а также путем предварительной разработки парламентских решений и, кроме того, посредством направления своих членов в комиссии и руководящие органы Думы. Пятое — парламентские функции партийных фракций или групп носят в основном политический характер. Они заключались в подготовке мероприятий, необходимых для осуществления законодательного механизма, отвечающего политическим целям партий.

Партийные фракции тесно связаны с развитием и функционированием зачатков парламентской демократии

думского периода первой русской революции. Они составляли основу парламентской деятельности партий и являлись инструментом в политической борьбе за государственную власть.

При том, что степень официального признания существовавших в России политических партий, которые внутри Государственной думы имели свое представительство, далеко не соответствовала той важной роли, какую эти организации играли в общественной жизни и государственных делах, они являлись неотъемлемой частью парламентской практики, зарождавшейся в течение первых двух думских созывов.

1. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 336 (1), л. 1.
2. Там же.
3. Постановления III Общеимперского съезда конституционной демократической партии. Устав партии. СПб., 1906. С. 5.
4. Вестник партии народной свободы, 1906, № 11. С. 734-735.
5. См.: Патентов В.А. Кадетские фракции в I и II Государственных думах. Дисс. ... канд.ист.наук. М., 1993. С. 69.
6. Шелохаев В.В. Программа кадетов в первой русской революции. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 379.
7. Там же.
8. Патентов В.А. Кадетские фракции в I и II Государственных думах. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 17.
9. Там же.
10. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 24, л. 13-16, 40.
11. Там же, л. 12.
12. См.: Первая Государственная дума. СПб., 1907. Вып. I. С. 179.
13. Наша жизнь, 1906, 20 апреля.
14. Речь, 1906, 26 апреля.
15. Известия крестьянских депутатов, 1906, 26 мая.
16. Речь, 1906, 29 апреля.
17. Бородин Н.А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 42.
18. Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985. С.188.
19. Там же. С. 178.
20. См.: Протоколы заседаний юридических комиссий Трудовой группы II Государственной думы. ГАРФ, ф. 522, оп. 1, д. 16 Протокол № 1, 2, 4-14.
21. ГАРФ, ф. 522, оп. 1, д. 2, л. 22, д. 11, л. 54.
22. Там же, д. 3, л. 20.
23. Например, см.: ГАРФ, ф. 522, оп. 1, д. 25, л. 25; РГИА, ф. 1278, оп. 1, д. 667, л. 58 и др.
24. Протоколы II (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907. С. 93.

25. См.: Члены Государственной думы социалисты-революционеры. В кн.: Для народа. Статьи по современным вопросам. СПб.-М., 1907. Вып. III. С. 58-59.
26. Вестник партии народной свободы, 1907, № 8. С. 566.
27. См.: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 158.
28. Там же.
29. Золотарев А.К. Деятельность социал-демократической фракции во II Государственной думе. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1948. С. 108.
30. См.: Пятый (лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С. 660-662.
31. ГАРФ, ф. 522, оп. 1, д. 11, л. 53 об.
32. Мартов Л. Социал-демократы в 1906-1907 гг. В кн.: Общественное движение в России в нач. XX в. СПб., 1914. Ч. III. Кн. 5. С. 634.
33. См.: Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. М., 1957. С. 330-332.
34. Там же; Пятый (лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С. 662.
35. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 260-261.
36. См.: Шевырин В.М. История партии мирного обновления (1906-1907 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 87.
37. Там же. С. 41.
38. Там же. С. 87.
39. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 121; Синодик членов второй Государственной думы. Вып. I. СПб., 1907. С. III.
40. Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября. В кн.: Общественное движение в России.... С. 215.
41. Каминка А.И., Набоков В.Д. Вторая Дума. СПб., 1907. С. 92.
42. ГАРФ, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 10.
43. Там же, л. 16.
44. Там же, д. 27, л. 1-7; д. 24, л. 1; д. 22, л. 72.
45. Там же, д. 219, л. 16.
46. Фурман И.Г. Первая Государственная дума. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. С. 329.
47. Патентов К.А. Указ. соч. С. 39, 47; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. СПб., 1907. С. 30; Залевский К. Национальные партии России. В кн.: Общественное движение в России. С. 301.
48. Бородин Н.А. Указ. соч. С. 38, 39, 42.
49. См.: Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 188.
50. Козбаненко В.А. Образование и деятельность партийных фракций I и II Дум России: проблемы власти и собственности. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.
51. Маклаков В.А., Пергамент О.Я. Наказ Государственной думы (по работам II Государственной думы) с объяснениями. СПб., 1907. С. 19.
52. Фурман И.Г. Указ. соч. С. 338.

53. Там же, Боиович М.М. Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв первый. Окт. 1906. С. 511; Иллюстрированный еженедельник столичной почты, 1906, № 1.

54. Томсинский С.Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. Ростов-на-Дону-Краснодар, 1924. С. 48.

55. Боиович М.М. Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв второй. СПб., 1907. С. 512.

56. Деятельность М.Я.Острогорского в I Государственной думе. СПб., 1906. С. 15.

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел первый

Доклады

<i>В.В.Шелохаев.</i> Феномен многопартийности в России	11
<i>А.И.Зевелев.</i> Теоретико-методологические аспекты изучения истории национальных политических партий России (тезисы)	23
<i>А.Г.Здравомыслов.</i> Национальное самосознание и политическая динамика России	31
<i>Р.Кайзер.</i> Политическая география и национализм в императорской России	65
<i>В.В.Журавлев.</i> Национальный вопрос в программах общероссийских политических партий начала XX века	83
<i>П.Лунтинен.</i> Финские политические партии в начале XX века	97
<i>М.М.Червякова.</i> О противоречиях Бунда	108

Раздел второй

Сообщения

<i>В.В.Кривенький.</i> Новые данные сравнительно- количественного анализа политических партий России	123
<i>М.И.Смирнова.</i> Национальные политические партии России социал-демократического направления (конец XIX—начало XX в.)	131
<i>С.Г.Чмырь.</i> Украинская демократическо- радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е годы XIX в.—1909 г.)	146
<i>А.А.Танин-Львов.</i> УСДРП: организационно- идеологическая характеристика	154
<i>М.Смит.</i> Партия «Мусават» и формирование азербайджанского социал-демократического национализма	164
<i>Н.Б.Киракосян.</i> Создание и деятельность партии «Дашнакцутюн» (1890—1907 гг.)	169

<i>Н.Д.Постников. Политические партии Прибалтики</i>	181
<i>М.Б.Тулепбаев. Алаш</i>	190
<i>А.Р.Атаджанов. «Шуро-и-Исламия» — какой она была в действительности</i>	201
<i>Н.С.Валиханова. Джадидизм: возникновение и сущность</i>	206
<i>С.М.Исхаков. Общероссийская партия мусульман</i>	214
<i>Н.П.Иванов, С.И.Корниенко. Национальный аспект в организациях политических партий и общественных движений на Урале</i>	240
<i>Я.В.Леонтьев, М.Н.Магид. Левонародническая концепция решения национального вопроса и ее теоретики</i>	257
<i>Л.Бызов, В.Петухов. Роль национальной идеи в мобилизации современного российского электората</i>	265
<i>С.А.Еньков. Формирование гражданского общества в России: законодательные основы многопартийности</i>	275

Раздел третий

Дискуссия

<i>А.Д.Степанский. К постановке проблемы партийной ориентации</i>	283
<i>О.В.Волобуев. К вопросу о классификации национальных партий</i>	285
<i>С.В.Кулешов. Национальные партии и национальные интересы (к постановке проблемы)</i> ...	290
<i>А.И.Токарев. Некоторые аспекты борьбы партий за власть в феврале-октябре 1917 г.</i>	300
<i>А.А.Танин-Львов. Украинская центральная Рада и Февральская революция: блок национальных партий и Временного правительства</i>	314
<i>О.А.Исхакова. Политические партии и Дума</i>	330
<i>И.В.Нарский. Российский либерализм в европейском и национальном контексте (Историографический парадокс)</i>	335

<i>В.Ю.Карнишин. Региональная многопартийность в Поволжье на фоне социально-политической трансформации российского общества в начале XX в. ....</i>	<i>356</i>
<i>А.А.Федоренко. Взаимоотношения партии социалистов-революционеров с российскими национальными партиями .....</i>	<i>375</i>
<i>В.А.Козбаненко. Партийные фракции I и II Государственных дум России (1906-1907): организационно-правовой аспект .....</i>	<i>382</i>

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Художественное оформление А.Сорокин

Компьютерная верстка Н.Мерзляков

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 30.01.97.
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 21,42. Уч.-изд.л. 23,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 1140

**Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

**129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1.
Тел. 181-00-13. Факс 181-01-13**

**Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6**

